ИПОС СО РАН

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

1 (60)
2023
ISSN 2071-0437 (Online)

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (60)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:
Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:
Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, телефон: (345-2) 688-756, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: http://www.ipdn.ru

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (60)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Proffessor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk (Omsk, Russia)

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege
(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: http://www.ipdn.ru

Содержание

Археология

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В. Новые данные о формировании локальных различий в верхнем палеолите Кавказа 5

Карманов В.Н., Белицкая А.Л. Мучкас-1 — новый опорный комплекс чужъяельской культуры на р. Мезени 21

Савко И.А., Холошин П.Р., Демин М.А., Ситников С.М. Анализ форм глиняных сосудов могильника Чекановский Лог-2 андроновской (федоровской) культуры предгорий Алтая 32

Берсенев Е.В. Абзаковский клад эпохи бронзы в Башкирском Зауралье 45

Проконова М.М. Предметы культа из памятников саргатской культуры в контексте взаимодействия лесостепного населения с кочевниками урало-казахстанских степей 53

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С. Комплекс вооружения населения Северного Алтая сяньбийского времени (по материалам некрополя Карбан-I) 68

Зайцева О.В., Водясов Е.В. Эффект «старого дерева» и проблемы датировки памятников черной металлургии 81

Авдеев А.Г., Окладникова Е.А., Свойский Ю.М., Романенко Е.В. Новое прочтение надписей на рукоятях владельческих ножей, найденных на берегу залива Симса 91

Татауров Ф.С. Жилые постройки русского населения Омского Прииртышья в XVII — начале XX в. в археологическом и архитектурно-этнографическом измерении 104

Антропология

Григорьев А.П., Жанузак Р.Ж. Некоторые аспекты морфологии посткраниального скелета населения Уральско-Мугоджарского региона в эпоху поздней бронзы 114

Парфентьева О.И., Праведникова А.Э., Айыжы Е.В., Попова Е.В., Балинова Н.В., Задорожная Л.В., Хомякова И.А., Бондарева Э.А. Центральное ожирение у современного молодого городского населения Республики Алтай и Республики Тувы. Антропогенетические аспекты 130

Сюткина Т.А. Палеопатологический анализ краниологических серий Кубы доколумбовой эпохи ... 139

Этнология

Петрова С.И., Прокопьева А.Н. Якутская одежда *тангалай*: крой, отделка, технологии 151

Бравина Р.И. Сбор мамонтовой кости как традиционный промысел коренного населения восточносибирской Арктики (XVII — начало XX в.) 163

Тадина Н.А. Культурно-семиотические коды бурханистских обрядов свадьбы алтай-кижи 172

Малинов А.В. Письмо А.В. Анохина «О шаманстве у алтайских племен» 182

Пашкова Т.В., Родионова А.П. Полевой дневник как источник информации по народной медицине (по материалам экспедиции в Заонежье в 1931 г.) 191

Садиков Р.Р. «Полевые дневники» этнолога Р.Г. Кузеева: археографическая и источниковедческая характеристика 199

Информация для авторов 208

Список сокращений 211

На передней стороне обложки: обряд приобщения невестки к родовому очагу жениха, г. Горно-Алтайск, 29.08.2020 (фото Н.А. Тадиной); фрагмент одежды «тангалай» с металлическими подвесками и бисерным декором из погребения Ат-Дабан VI, Якутия (МАЭ СВФУ); медные серпы из Абзаковского клада, Башкортостан.

Contents

Archaeology

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Doronicheva E.V. New data on the formation of local variations in the Upper Paleolithic of the Caucasus 5

Karmanov V.N., Belitskaia A.L. Muchkas-1 — a new reference complex of the Chuzh'yael' Culture on the Mezen' River 21

Savko I.A., Kholoshin P.R., Demin M.A., Sitnikov S.M. Analysis of the shapes of clay vessels from the Chekanovsky Log-2 burial ground of the Andronovo (Fedorovo) Culture in the foothills of Altai 32

Bersenev E.V. Abzakovo hoard of the Bronze Age in the Bashkir Trans-Urals 45

Prokonova M.M. Sacred objects from the sites of the Sargatka Culture in the context of interaction of the forest-steppe population with the nomads of the Ural-Kazakh steppes 53

Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S. The weapon complex of the Northern Altai population in the Xianbei period (on materials from the necropolis of Karban-I) 68

Zaitceva O.V., Vodyasov E.V. The 'old wood' effect and problems of dating iron smelting sites 81

Avdeev A.G., Okladnikova Ye.A., Svoiskii U.M., Romanenko E.V. A new interpretation of the inscriptions on the handles of signature knives found on the shores of Sims Bay 91

Tataurov Ph.S. Residential buildings of the Russian population in the Omsk Irtysh region in the 17th — beginning of the 20th c. in the archaeological and architectural-ethnographic dimension 104

Anthropoogy

Grigorev A.P., Zhanuzak R.Zh. Some aspects of the postcranial morphology of the Ural-Mugodzhar population in the Late Bronze Age 114

Parfenteva O.I., Pravednikova A.E., Aiyzhy E.V., Popova E.V., Balinova N.V., Zadorozhnaya L.V., Khomyakova I.A., Bondareva E.A. Central obesity in the adult populations of the Altai Republic and the Republic of Tuva. Anthropological and genetic aspects 130

Syutkina T.A. Paleopathological analysis of the cranial samples from Pre-Columbian Cuba 139

Ethnology

Petrova S.I., Prokopeva A.N. Yakut *tangalai* clothing: cut, trimming, and technologies 151

Bravina R.I. Mammoth bone collecting as a traditional occupation of the indigenous population of the East Siberian Arctic (17th — early 20th c.) 163

Tadina N.A. Cultural and semiotic codes of Burkhanist wedding rites of the Altai-Kizhi 172

Malinov A.V. A.B. Anokhin's letter "On shamanism among the Altai tribes" 182

Pashkova T.V., Rodionova A.P. Field journal as a source of information on traditional medicine (based on the materials of the expedition to the Trans-Onega region in 1931) 191

Sadikov R.R. "Field Journals" of ethnologist R.G. Kuzeev: archaeographic and source-study characteristics 199

Memo to the authors 208

Abbreviations 211

АРХЕОЛОГИЯ

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-1

Голованова Л.В. *, Дороничев В.Б., Дороничева Е.В.

АНО «Лаборатория доистории», Лифляндская ул., 6М, 215, Санкт-Петербург, 190020
E-mail: mezmay57@mail.ru (Голованова Л.В.); labprehistory@yandex.ru (Дороничев В.Б.); edoronicheva87@yandex.ru (Дороничева Е.В.)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ФОРМИРОВАНИИ ЛОКАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ КАВКАЗА

Каменные индустрии раннего верхнего палеолита Кавказа демонстрируют наибольшую близость с ранним ахмариеном Ближнего Востока. Поступление обсидиана указывает на контакты населения Южного и Северного Кавказа. Появление геометрических микролитов на Южном Кавказе синхронно с Ближним Востоком. Единичные находки свидетельствуют о связях Северо-Западного Кавказа с территорией Русской равнины. Проведенные исследования позволяют говорить о формировании локальных различий в том числе под влиянием соседних регионов.

Ключевые слова: верхний палеолит, удаленные миграции, социальные сети, контакты разнокультурных ареалов, Кавказ.

Введение

Современные исследования, опирающиеся на методики тщательных раскопок и промывку отложений, а также серийное радиоуглеродное датирование, позволяют говорить о высокоразвитой пластинчатой технологии верхнепалеолитических индустрий Кавказа (табл. 1). В настоящее время специалисты (напр.: [Голованова, 2000; Bar-Yosef et al., 2011; Golovanova, Doronichev, 2020]) признают наибольшее сходство кавказских индустрий раннего верхнего палеолита (далее — также РВП) с ранним ахмариеном Леванта. Сравнения с одновременными индустриями Европы и Ближнего Востока (например, преориньяк, европейский ориньяк, загросский ориньяк (барадостиен), левантийский ориньяк) дополнительно подтвердили это заключение [Golovanova, Doronichev, 2020, p. 366–386]. Также направление заселения в этот период подтверждается палеогенетическими исследованиями [Jones et al., 2015].

В технологическом аспекте сходство индустрий Кавказа и Ближнего Востока проявляется в микропластинчатости, использовании схожих типов нуклеусов (призматических одноплощадочных и вторичных торцовых) для получения заготовок — пластинок и микропластинок. Отмеченные различия сводятся к тому, что в индустрии слоя 1С Мезмайской пещеры, которая изучена наиболее подробно среди других индустрий этого периода на Кавказе, представлены также двухплощадочные нуклеусы встречного скалывания с широким фронтом расщепления, не выделенные на ахмарских стоянках. Новые исследования на кавказских материалах показывают использование приемов редукции карниза и локальной пришлифовки края ударной площадки. При расщеплении применялась техника прямого удара мягким, предположительно, минеральным отбойником [Недомолкин, 2020]. В ахмарских индустриях для снятия пластинок и микропластинок использовалась техника прямого удара каменным отбойником и применялась абразивная обработка края ударной площадки [Davidson, Gorin-Moris, 2003].

В типологическом составе кавказские индустрии сближают с ранним ахмариеном прежде всего следующие особенности: преобладание орудий на пластинках и микропластинках, а также такая специфическая особенность, как изготовление преобладающей части скребков и резцов на технических сколах. Общей особенностью индустрий раннего верхнего палеолита Кавказа и ахмариена является также то, что в них редко встречаются долотовидные орудия и округлые скребки.

В то же время среди ахмарских острий наиболее показательной формой являются острия эль-вад, классические формы которых полностью отсутствуют в кавказских материалах (табл. 2). Напротив, верхнепалеолитические (далее — ВП) индустрии Кавказа характеризуются наличием острий граветт и микрограветт, игловидных и симметричных острий, которые не характерны для ахмарских индустрий.

* Corresponding author.

Таблица 1

Технологические характеристики верхнепалеолитических индустрий Кавказа

Table 1

Technological characteristics of the Upper Paleolithic industries in the Caucasus

Индустрии	Нуклеусы (% от количества всех нуклеусов)			Пластинчатые сколы (% от количества всех сколов)		Индекс пластин (%)	*Всего* (экз.)
	Призматические	Торцовые	Кареноидные	Пластины	Пластинки и микропластинки		
Ранний верхний палеолит							
Короткая, сл. 2	-	-	-	-	20/9 экз.	83	67
Бонди, сл. IV	6 экз.	Редки	-	16	28	44	1777
Дзудзуана, сл. D	57–52,0	-	7–4,0	14	22	36	11 083
Бонди, сл V	Преобл.	?	?	17	30	46	3213
Мезмайская, сл. 1С	43,0	31,0	-	7,6	57	65	>12 000 (4055) *
Поздний верхний палеолит							
Сацурблия, сл. B/II, B/III	?	?	?	9–11	27–33	36–44	2190
Дзудзуана, сл. C	+	Преобл.	283 экз.	11	24	35	134 281
Агиту-3, сл. АН III	77,0	?	+	14	35	49	4452
Губский 1, сл. 8	9,5	+	51.0	5	24	30	2433
Самерцхле клде, сл. 6	Преобл.	?	>16	+	+	?	2344
Мезмайская, сл. 1А1	50,0	-	+	17	55.5	73	2527
Мезмайская, сл. 1А1/1А2	55,6	22,2	+	12	62	73	4254
Мезмайская, сл. 1А2	53,9	34,6	+	10	61	71	5415
Мезмайская, сл. 1В1, 1В2	60,0	10,0	+	8–10,5	51–54	62–64	6781

Примечание: + — означает, что орудия данной категории представлены, но их количество не опубликовано.
* Процентное содержание в слое 1С Мезмайской пещеры указано по коллекции 2004, 2006 гг.

Таблица 2

Типологическая характеристика верхнепалеолитических индустрий Кавказа

Table 2

Typological characteristics of the Upper Paleolithic industries in the Caucasus

Индустрии	Острия, %	Пластинки с притупленным краем (ППК, %)	Пластины и пластинки с ретушью, %	Скребки, %	Резцы, %	*Всего* орудий (экз.)
Ранний верхний палеолит						
Бонди, сл. IV, V		+	Преобл.	+	+	120
Короткая, сл. 2	Граветт и фонт-ив	6 экз.	1 экз.	-	-	9
Мезмайская, сл. 1С	14,6; граветт, микрограветт, игловидные, симметричные	49,7 простые; 1,6 двойные	17,3	4,9	5,4	185
Поздний верхний палеолит						
Самерцхле клде, сл. 6	Граветт и микрограветт	Редки	~10	38,9	37,2	221
Сацурблия, сл. B/II	2 микрограветт	27 (20 ППК + 4 прямоугольника)	17	18	8	87
Сацурблия, сл. B/III	2,6 микрограветт	17 (26 ППК + 1 прямоугольник)	36	11	19,2	156
Дзудзуана, сл. C	1,3; 5 граветт, 45 микрограветт, 20 Сакажиа	8–5,6	48–37	23–16	8–6	5462
Губский 1, сл. 8	-	-	Редки	61	9	207
Агиту-3, сл. АН III	0,3 микрограветт	20	35	4	6	745
Мезмайская, сл. 1А1	19; граветт, микрограветт, с черешком	31	1	7	4	257
Мезмайская, сл. 1А1/1А2	18; граветт, микрограветт	31	6	5	3.5	230
Мезмайская, сл. 1А2	20; граветт, микрограветт, фонт-ив	38	5,5	3	4	440
Мезмайская, сл. 1В1, 1В2	11–19; граветт, микрограветт	46–39	1,4–2,5	11–19	1,3–5,4	368 (154)

Примечание: + — означает, что артефакты данной категории представлены, но их количество не опубликовано.

В раннем ахмариене Леванта изделия из кости полностью отсутствуют, они найдены только в пещере Усагизли (или Укагизли) в Анатолии. На Кавказе изделия из кости появляются уже на самом раннем этапе верхнего палеолита.

Новые данные, полученные в ходе раскопок последних лет, как на Кавказе, так и в соседних регионах, позволяют дополнить картину развития верхнего палеолита на Кавказе. Настоящая статья посвящена рассмотрению формирования особенностей верхнепалеолитических индустрий и появления специфических черт ВП культуры на Южном и на Северном Кавказе.

Источники и данные о хронологии

Стоянки РВП на Кавказе немногочисленны (рис. 1). На Юго-Западном Кавказе в навесе Ортвале клде сл. 4d и 4c имеют калиброванный (кал.) радиоуглеродный возраст 40/39–37/35 кал. тыс. л.н. [Adler et al., 2008] либо 46,7–43,6 кал. тыс. л.н. согласно новым оценкам, которые почти совпадают с радиоуглеродным возрастом слоев финала среднего палеолита на этом памятнике (47,5–44,2 кал. тыс. л.н.), а также значительно древнее датировок начала РВП на других памятниках Кавказа [Cullen et al., 2021]. Слои 4a, 4b и 3 в Ортвале клде датируются около 32–29 тыс. л.н. Возраст слоя (далее — сл.) D в пещере Дзудзуана определяется 34,5–31 кал. тыс. л.н. [Bar-Yosef et al., 2011]. Наиболее ранними ВП уровнями в пещере Бонди являются сл. Va–Vd и IV, возраст которых 40–31 кал. тыс. л.н. [Pleurdeau et al., 2016]. Все эти памятники расположены в Имеретии, на ЮЗ Кавказе. На побережье Черного моря, в пещере Апианча, наиболее ранний ВП сл. 7 имеет возраст 31 кал. тыс. л.н. [Любин, 1989].

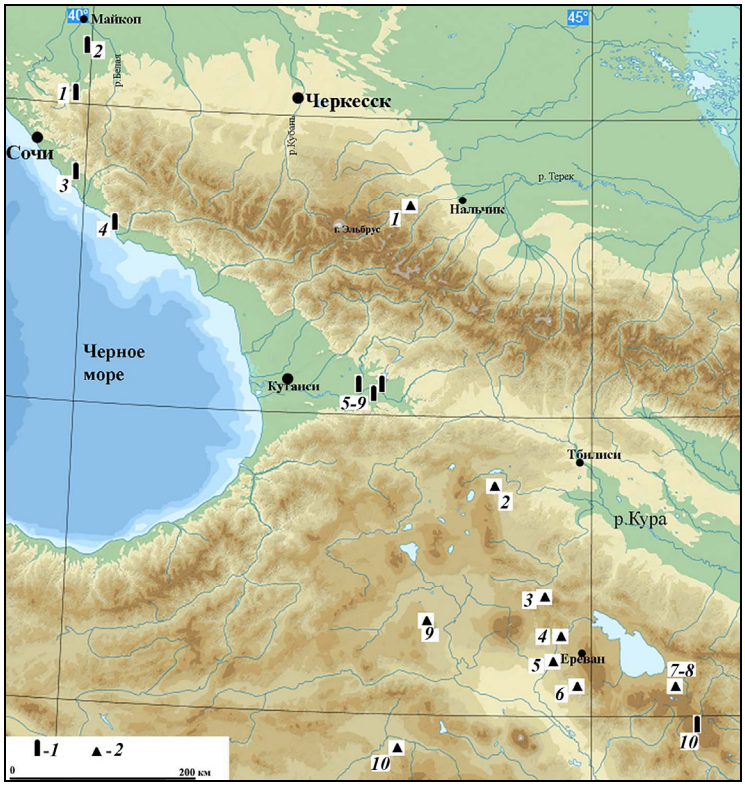


Рис. 1. Карта Западного Кавказа с обозначением стоянок верхнего палеолита и месторождений обсидиана:

Условные обозначения: *1* — стоянки, *2* — месторождения обсидиана. Стоянки: *1* — Мезмайская, *2* — Короткая, *3* — Ахштырская, *4* — Апианча, *5–9* — Ортвале клде, Дзудзуана, Бонди, Сатцурблиа, Самерцхле клде, *10* — Агиту-3. Месторождения обсидиана: *1* — Заюковское, *2* — Чикиани, *3* — Дамлик, *4* — Гутансар, *5* — Атис, *6* — Гедхасар, *7, 8* — Севкар, Сатанакар, *9* — Порк Артени, *10* — Мейдан Даг.

Fig. 1. Map of the Western Caucasus showing positions of the Upper Palaeolithic sites and obsidian sources:

Legend: *1* — sites, *2* — obsidian sources. Sites: *1* — Mezmaiskaya, *2* — Korotkaya, *3* — Akhshtyrskaya, *4* — Apiancha, *5–9* — Ortvale klde, Dzudzuana, Bondi, Satsurblia, Samertskhle klde, *10* — Aghitu-3. Obsidian sources: *1* — Zayukovo, *2* — Chikiani, *3* — Damlik, *4* — Gutansar, *5* — Atis, *6* — Gedhasar, *7, 8* — Sevkar, Satanakar, *9* — Pork Arteni, *10* — Meydan Dag.

На Малом Кавказе известна только одна стоянка РВП — пещера Агиту 3, сл. АН VII имеет возраст 39–36 кал. тыс. л.н., а сл. АН VI — 36–32 кал. тыс. л.н., сл. АН V и АН IV — 32–29 кал. тыс. л.н. [Kandel et al., 2017].

На Северном Кавказе наиболее ранним свидетельством появления РВП является сл. 1С в Мезмайской пещере, возраст которого оценивается в 39–36 кал. тыс. л.н. Возраст вышележащего сл. 1В — 36–32 кал. тыс. л.н. В пещере Короткая наиболее ранние ВП отложения имеют возраст 38–35 кал. тыс. л.н. [Golovanova, Doronichev, 2020].

В позднем верхнем палеолите (ПВП), в интервале от 30 до 20 кал. тыс. л.н., количество стоянок несколько увеличивается, особенно на Юго-Западном Кавказе. Верхние сл. 2 и 3 в Ортвале

клде ранее датировались 26–25 кал. тыс. л.н. [Adler et al., 2008], но согласно новым оценкам только сл. 2 имеет возраст 25,8–25,2 кал. тыс. л.н. [Cullen et al., 2021], сл. C в пещере Дзудзуана датируется 27–24 кал. тыс. л.н. [Bar-Yosef et al., 2011]. В пещере Сатцурблиа сл. B/II и B/III имеют возраст 25,5–24,5 кал. тыс. л.н. [Pinhasi et al., 2014]. В Западной Грузии также расположена пещера Сармхле клде, ПВП индустрия которой датируется 24,5 кал. тыс. л.н. [Nioradze and Otte, 2000]. Свидетельства обитания в ПВП известны также в Ахштырской пещере, в слое 2/3 около 30–29 кал. тыс. л.н. и в слое 2/2 около 23–22 кал. тыс. л.н. [Кулаков, Поспелова, 2012]. На Армянском нагорье сл. AH IIIa–IIId в пещере Агиту-3 датируются 29–24 кал. тыс. л.н. [Kandel et al., 2017].

На Северо-Западном Кавказе наиболее представительная колонка напластований ПВП известна только в Мезмайской пещере. Слой 1A2 имеет возраст 33–27,5 кал. тыс. л.н., а вышележащие сл. 1A1/1A2 и 1A1 формировались в интервале 26,5–19 кал. тыс. л.н. Также в Губском навесе 1 нижний ВП слой (литологический сл. 8) на основании корреляции ранее был датирован интерстадиалом паудорф [Амирханов, 1986], что соответствует временному интервалу около 28,9–27,5 кал. тыс. л.н. [Golovanova, Doronichev, 2020, tab. 2, 3]. Абсолютные даты для этого слоя отсутствуют.

Подробно полный список радиоуглеродных дат для ВП памятников Кавказа опубликован (см. подробнее: [Golovanova, Doronichev, 2020, p. 13–15]).

Формирование локальных различий в ВП Кавказа

Технология расщепления. Памятники РВП более многочисленны на Южном Кавказе, но для большинства из них материалы опубликованы недостаточно полно. В индустрии сл. D пещеры Дзудзуана характерно преобладание отщепов над пластинчатыми сколами (табл. 1), что исследователи интерпретируют как результат хозяйственной специализации: это была стоянка-мастерская с полным циклом расщепления и, соответственно, с высоким содержанием отходов расщепления. Среди сколов-заготовок преобладают пластинки и микропластинки. Представлены преимущественно одноплощадочные нуклеусы (рис. 2А, *22, 23*). Поверхность расщепления подготавливалась путем снятия двусторонне оформленного реберчатого скола. Характерны вторичные нуклеусы на массивных отщепах и технических сколах. Технология расщепления во многом близка технологии расщепления на памятниках раннего ахмариена [Bar-Yosef et al., 2011].

В РВП индустрии сл. IV и V пещеры Бонди среди пластинчатого компонента преобладают пластинки. Характерны призматические и пирамидальные нуклеусы. Только в сл. IV упоминается наличие кареноидных нуклеусов. Технические сколы представлены небольшим количеством реберчатых сколов [Pleurdeau et al., 2016].

Индустрии стоянки Агиту-3 характеризуются преобладанием пластинок и пластин. Представлены преимущественно призматические одно- и двухплощадочные нуклеусы. Они активно переоформлялись и утилизировались на стоянке [Kandel et al., 2017], поэтому индустрия содержит разнообразные технические сколы, в том числе реберчатые и таблетки.

В позднем верхнем палеолите (далее — ПВП) на Южном Кавказе происходят незначительные изменения в технике расщепления. В индустрии сл. C Дзудзуаны, сохраняющей общие характеристики более ранней индустрии сл. D, отмечается большое количество (20,1–22,8 %) кареноидных нуклеусов (рис. 3А, *23, 24*) [Bar-Yosef et al., 2011].

В сл. B/II и B/III пещеры Сацурблия отщепы преобладают [Pinhasi et al., 2014]. Пластинок в три раза больше, чем пластин. Среди нуклеусов были определены сработанные одно- и двухплощадочные призматические. Выделены сколы подготовки нуклеуса, одна таблетка. Реберчатые сколы отсутствуют. Данная предварительная характеристика технологии расщепления сл. B/II, B/III может свидетельствовать или о том, что в этом случае речь идет о стоянках-мастерских, или же что возможны особенности техники утилизации нуклеусов (мало реберчатых сколов, много отщепов).

Только самые общие данные о наличии призматических, торцовых нуклеусов и пластинок сообщаются для сл. 2/2, 2/3 Ахштырской пещеры и сл. 7 пещеры Апианча [Любин, 1989], так же как для материалов Сармхле клде [Nioradze, Otte, 2000], Ортвале клде [Adler et al., 2008] и сл. AH IV пещеры Агиту-3.

На Северо-Западном Кавказе детальное изучение технологии расщепления в сл. 1A2, 1A1/1A2 и 1A1 Мезмайской пещеры позволило выявить изменения, которые происходят в ПВП. В сл. 1A2 расщепление было ориентировано на получение пластинок и микропластинок, которых значительно больше, чем пластин. Отщепы скалывались при подготовке нуклеусов и использовались для создания скребков и резцов. Анализ нуклеусов показывает две модели утилизации [Недомолкин, 2020]: скалывание пластин и пластинок с призматических нуклеусов с широким фронтом расщепления и получение пластинок и микропластинок с торцовых нукле-

усов на отщепах или плоских плитках кремня. В индустрии сл. 1А1/1А2 скалывание велось с одно- и двухплощадочных призматических (рис. 4А, *18, 19*) и торцовых нуклеусов (рис. 4А, 17). В сл. 1А1 технология расщепления была ориентирована на скалывание пластинок, микропластинок и узких пластин с призматических одно- и двухплощадочных нуклеусов (рис. 4В, *15, 16*). Расщепление велось в технике прямого удара мягким, вероятно, органическим отбойником. На это указывают характерные черты морфологии пластинчатых сколов: изогнутый профиль, наличие у части сколов вентрального карниза и отсутствие изъянца на ударном бугорке. Следует подчеркнуть, что анализ показывает постепенный переход от бимодальной технологии расщепления (призматическое и торцовое скалывание) к преимущественно призматическому скалыванию.

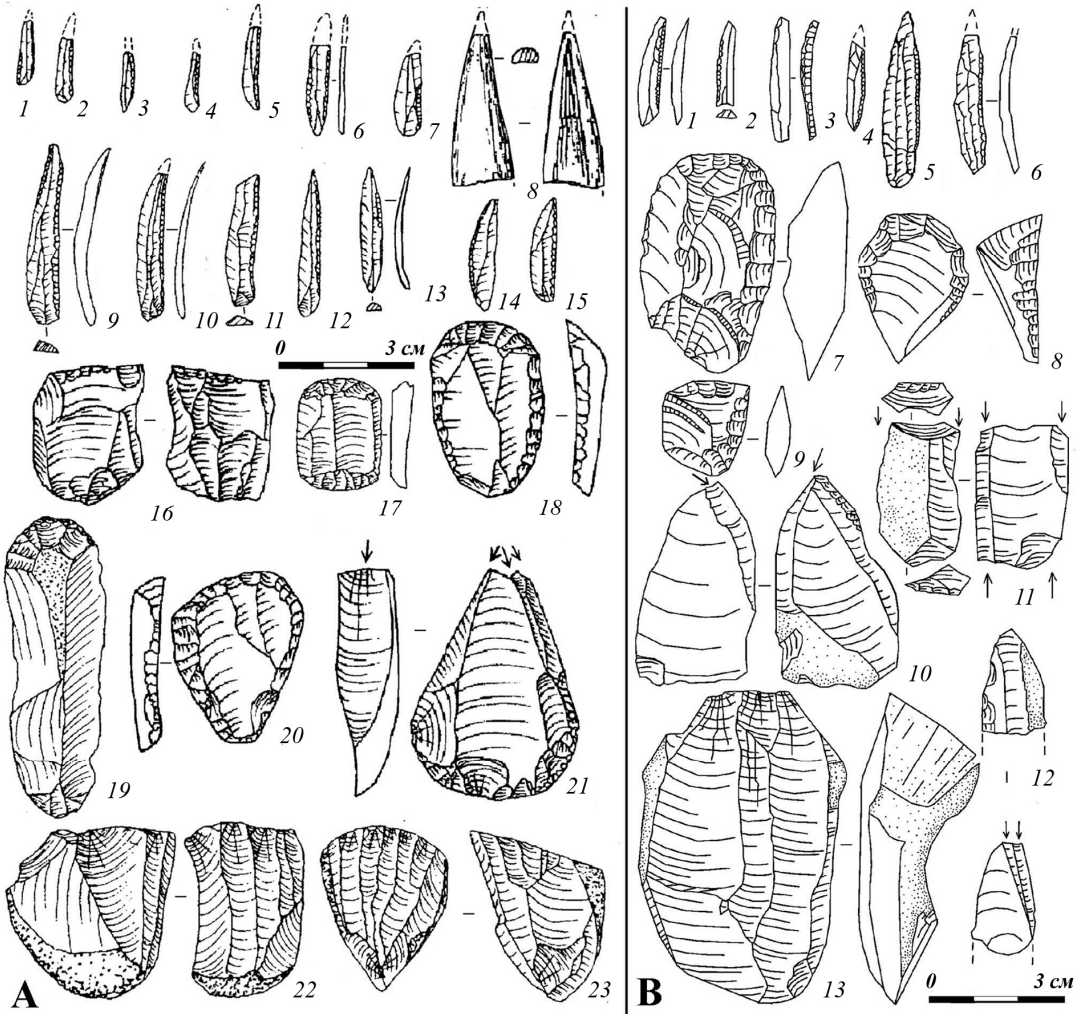


Рис. 2. А — Дзудзуана, слой D, *1–4* — микропластинки с ретушью, *5* — острие микрограветт, *12, 15* — острия граветт, *9–11* — ППК, *6, 7, 13* — пластинки с ретушью, *8* — фрагмент костяного острия, *16* — долотовидное орудие, *17–20* — скребки, *21* — комбинированное орудие, *22, 23* — нуклеусы (по: [Bar-Yosef et al., 2011]); В — Ортвале клде, слой 4D–4C, *1, 4* — острие микрограветт, *5* — острие граветт, *3* — ППК, *2, 6* — пластинки с ретушью, *7, 8* — скребки, *9* — скребло, *10–12* — резцы, *13* — нуклеус (по: [Adler et al., 2008]).
Fig. 2. A — Dzudzuana, layer D, *1–4* — retouched microbladeletes, *5* — micro Gravette point, *12, 15* — Gravette points, *9–11* — backed bladeletes; *6, 7, 13* — retouched bladeletes, *8* — bone point fragment, *16* — chisel tool, *17–20* — endscrapers, *21* — combined tool, *22, 23* — cores (after: [Bar-Yosef et al., 2011]); B — Ortvale klde, layer 4D–4C, *1, 4* — micro Gravette point, *5* — Gravette point, *3* — backed bladeletes, *2, 6* — retouched bladeletes, *7, 8* — endscrapers, *9* — scraper, *10–12* — burins, *13* — core (after: [Adler et al., 2008]).

В сл. 8 Губского навеса 1 кареноидные формы нуклеусов многочисленны и сочетаются с вторичными торцовыми и призматическими нуклеусами. В раскопках по старой методике (без промывки отложений) большая часть мелкого материала была утрачена.

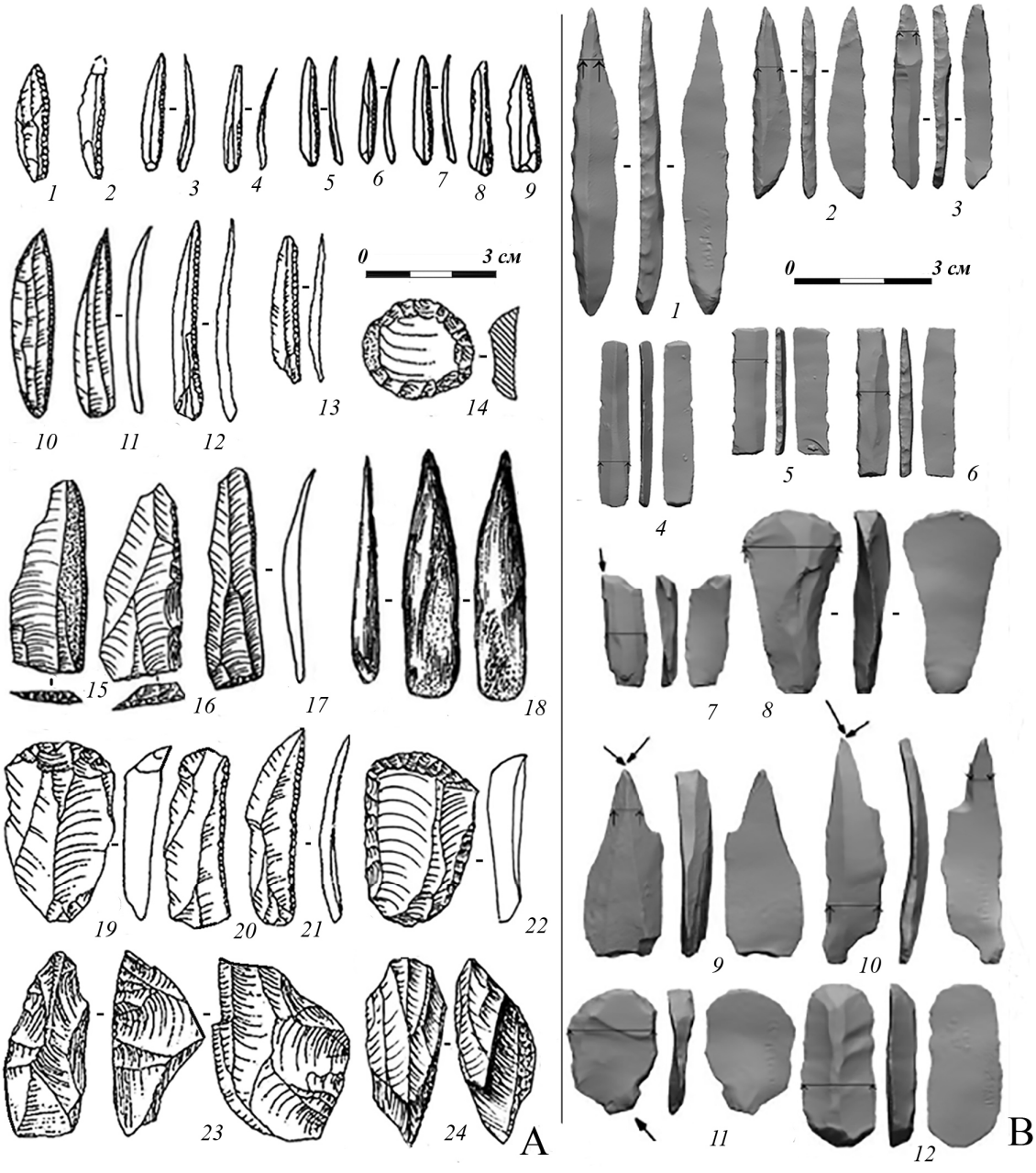


Рис. 3. А — Дзудзуана, слой С, *1, 8, 9* — пластинки с ретушью, *2–6* — микропластинки с ретушью, *7* — острие микрограветт, *10, 11* — острия, *12, 13* — острия граветт, *14* — круглый скребок, *15–17* — острия Сакажиа, *18* — костяное острие, *19, 22* — скребки, *20, 21* — пластины с ретушью, *23, 24* — нуклеусы (по: [Bar-Yosef et al., 2011]); В — Сацурблиа, слои BII, BIII, *1–3* — острия граветт, *4–6* — прямоугольники, *8, 11, 12* — скребки, *7, 9, 10* — резцы (по: [Pinhasi et al., 2014]).

Fig. 3. A — Dzudzuana, layer C, *1, 8, 9* — retouched bladeletes, *2–6* — retouched microbladeletes, *7* — micro Gravette point, *10, 11* — points, *12, 13* — Gravette points, *14* — rounded endscraper, *15–17* — Sakazhia points, *18* — bone point, *19, 22* — endscrapers, *20, 21* — retouched blades, *23, 24* — cores (after: [Bar-Yosef et al., 2011]; B — Satsurblia, layers BII, BIII, 1–3 — Gravette points, *4–6* — rectangles, *8, 11, 12* — endscrapers, *7, 9, 10* — burins (after: [Pinhasi et al., 2014]).

В целом, следует отметить, что более подробный анализ индустрий ВП Южного Кавказа в будущем позволит аргументированно сформулировать особенности техники расщепления на Южном и на Северном Кавказе.

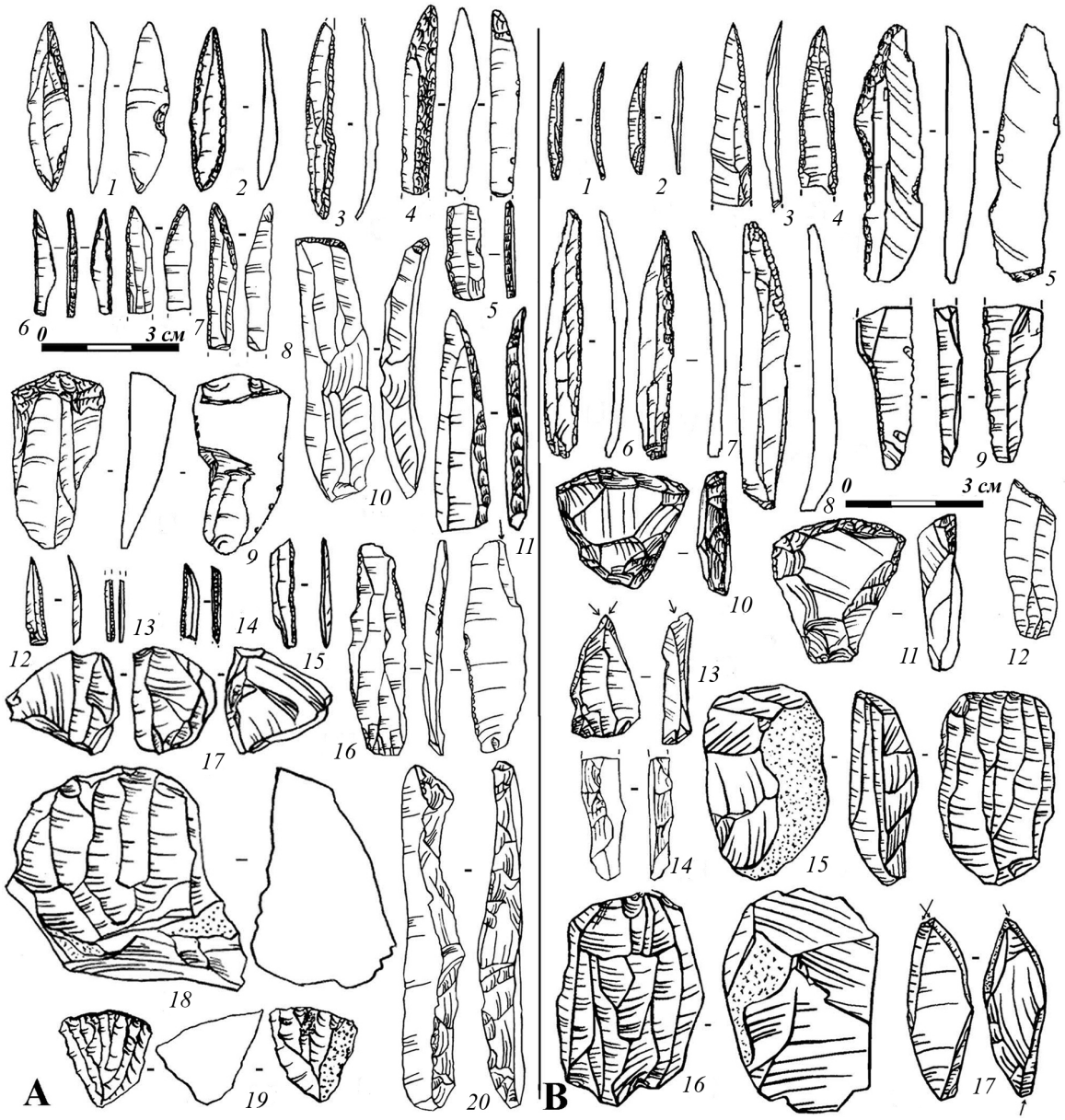


Рис. 4. А — Мезмайская, слой 1А1/1А2, *1, 2* — острия фонт-ив, *4, 6, 14* — острия граветт и микрограветт; *3, 15* — пластинки с ретушью, *9* — скребок, *10* — тронкированная пластина, *12, 13, 15* — микропластинки с ретушью, *16* — резец, *17–19* — нуклеусы, *20* — реберчатый скол; В — Мезмайская, слой 1А1, *1, 2* — острия микрограветт, *3, 6, 7* — острия граветт, *4* — фрагмент симметричного острия, *5, 9* — острие с черешком, *10, 11* — скребки, *12* — пластина с косоретушным краем, *13, 17* — резцы, *14* — реберчатый скол, *15, 16* — нуклеусы.
Fig. 4. A — Mezmaiskaya, layer 1A1/1A2, *1, 2* — Font-Yves points, *4, 6, 14* — Gravette and micro Gravette points; *3, 15* — retouched bladeletes, *9* — endscraper, *10* — truncated blade, *12, 13, 15* — retouched micro-bladeletes, *16* — burin, *17–19* — cores, *20* — CTE; B — Mezmaiskaya, layer 1A1, *1, 2* — micro Gravette points, *3, 6, 7* — Gravette points, *4* — Symmetrical retouched point fragment, *5, 9* — shouldered point, *10, 11* — endscrapers, *12* — truncation on blade, *13, 17* — burins, *14* — CTE, *15, 16* — cores.

Типологический состав верхнепалеолитических индустрий

Для ряда памятников Грузии опубликованы только самые общие сведения. Например, в материалах пещеры Самерцхле клде, которые происходят из старых раскопок [Любин, 1989; Nioradze, Otte, 2000], упоминается наличие редких пластинок с притупленным краем (далее — ППК), острий граветт и микрограветт. Большую часть коллекции составляют скребки (38,9 %) и резцы (37,2 %). Долотовидные орудия редки, отмечены ретушированные и тронкированные пластины.

Таблица 3

Изделия из кости и украшения в верхнепалеолитических индустриях Кавказа

Table 3

Bone artifacts and personal ornaments from Upper Paleolithic industries in the Caucasus

Индустрия	Костяные/роговые орудия				Украшения и артефакты с орнаментом				*Всего* (экз.)
	Острия	Проколки	Иглы	Другие	Подвески из зубов	Подвески из кости и камня	Морские раковины	Орнаментированные	
Южный Кавказ									
Ортвале клде, сл. 4d	+			+					?
Бонди, сл. V		3		1			3		7
Апианча, сл. 7	+	+		+		1 каменная			?
Самертцхле клде, сл. 6	+	+		1 лощило					10
Дзудзуана, сл. D	7	3		1				1	12
Дзудзуана, сл. C	27	1	1	23+16 лощил	3	1 каменная		5	178 *
Агиту-3, сл. III	1	1	1				16		19
Северный Кавказ									
Короткая, сл. 2	2	2							4
Мезмайская, сл. 1C	13	6	2	8	2		1		32
Мезмайская, сл. 1B1–1B2	5	2	4	4+1 лощило			2		18
Мезмайская, сл. 1A2	12	8	6	1	4	3 бивень	8	2+1 игольница	45
Mezmaiskaya, сл. 1A1/1A2	5	2	3			1 каменная, 2 бивень		1	14
Мезмайская, сл. 1A1	1	2	2		1	1 костяная	1		8

Примечание: + — означает, что артефакты данной категории представлены, но их количество не опубликовано.
* Общее количество артефактов из пещеры Дзудзуаны включает новые и старые раскопки.

На Южном Кавказе одним из наиболее полно опубликованных является комплекс пещеры Дзудзуана. Эту индустрию отличает высокий процент орудий на пластинках: 37–37,5 % (индексы варьируют для верхнего и нижнего раскопов) в сл. D и 37,1–48,3 % в сл. C. Большинство орудий — пластинки и микропластинки с тонкой ретушью (рис. 2А, *1, 3, 13*). ППК (рис. 2А, *11, 15*) менее многочисленны (табл. 2). В сл. D острия редки: 3 острия граветт (рис. 2А, 9, 12) и одно острие типа «Сакажиа». В сл. C найдены острия микрограветт (рис. 3А, *3, 5–7*) и граветт (рис. 3А, *12*), определены 20 острий «Сакажиа» (рис. 3А, *15–17*). В индустрии Дзудзуаны достаточно много скребков: 23,3–21,4 % в слое D (рис. 2А, *17–20*) и 5,9–8,4 % в слое C (рис. 3А, *14, 19, 22*). Резцы малочисленны (табл. 2; рис. 2А, *21*). Долотовидные орудия единичны.

В сл. 4d и 4c Ортвале клде отмечены многочисленные ретушированные пластинки (рис. 2В, *2*), редкие ППК (рис. 2В, *3, 6*). Скребки изготовлены на отщепах и фрагментах пластин (рис. 2В, *7, 8*), присутствуют резцы (рис. 2В, *10–12*).

Только в общих чертах охарактеризованы орудия из пещеры Бонди, сл. V и IV, преобладают ретушированные пластины и пластинки, отмечены ППК, острия микрограветт (в слое IV). Скребки сделаны на пластинах и отщепах, есть резцы [Pleurdeau et al., 2016].

В пещере Сацурблия сл. B/II и B/III характеризуются высоким содержанием ППК: 20,6 и 16 % соответственно. Выделены 2 острия граветт (рис. 3В, *1, 2*) и несколько острий микрограветт. В этой индустрии зафиксированы самые ранние геометрические микролиты на Кавказе. Прямоугольники (рис. 3В, *4–6*) были найдены в сл. B/II (4 экз.) и в сл. B/III (1 экз.). Также выделены ППК с прямым тронкированием: пять в сл. B/II и три в сл. B/III. Авторы предполагают, что это могут быть фрагментированные прямоугольники [Pinhasi et al., 2014]. Скребки составляют 11–18 % (рис. 3В, *8, 11, 12*). В сл. B/III резцы преобладают — 19 % (рис. 3В, *9, 10*). Долотовиные орудия редки.

В самом древнем ВП сл. AH VII Агиту-3 находки единичны. Орудия включают ретушированные пластины и резцы. В сл. AH VI и AH III состав ретушированных орудий (табл. 2) характеризуется высоким содержанием ретушированных пластинок (рис. 4В, *4*) и ППК. Острия граветт и микрограветт редки. Присутствуют скребки, резцы, долотовидные орудия.

На Черноморском побережье известен ряд пещерных стоянок, которые раскапывались давно, большинство из них содержат немногочисленные коллекции. Качество раскопок и отсутствие промывки отложений наложили существенный отпечаток на облик этих материалов. Слой 2 Ахштырской пещеры содержит долотовидные орудия, скребки и резцы. Орудия на пластинках немногочисленны (острия граветт, острия с билатеральной ретушью, ППК, ретушированные и тронкированные

пластинки и пластины). Индустрия сл. 7 пещеры Апианча охарактеризована очень кратко. Отмечены многочисленные резцы, разнообразные скребки, небольшое количество острий граветт.

На Северо-Западном Кавказе уже в РВП сл. 1С Мезмайской пещеры ППК составляют 33,5 %, многочисленны также пластинки с легкой ретушью (15,3 %). Среди острий (14,6 % всех орудий; табл. 2) преобладают граветт и микрограветт, а также симметричные и игловидные острия. В сл. 1В преобладают острия граветт и микрограветт, но появляются новые типы острий, близкие остриям фонт-ив (см.: [Golovanova, Doronichev, 2020, fig. 2–7, p. 50]).

Острия на пластинках в сл. 1А2, 1А1/1А2 и 1А1 составляют соответственно 20, 18 и 19 %. Во всех индустриях преобладают острия граветт и микрограветт (рис. 4А, *4, 6, 14*; 4В, *1, 2, 6, 7*). В сл. 1А1/1А2 выделены острия фонт-ив (рис. 4А, *1, 2*). Особенностью индустрии сл. 1А1 является находка острия с черешком (рис. 4В, *5*). Оно изготовлено на пластине, имеет короткое перо, подправленное дорсальной ретушью, и длинный черешок, выделенный крутой лицевой ретушью. Подобные формы характерны для восточного граветта Русской равнины.

Самую большую группу орудий в сл. 1А2, 1А1/1А2 и 1А1 составляют ППК, соответственно 38, 31 и 31 %. Скребки немногочисленны (табл. 2). Основная тенденция заключается в том, что в РВП (сл. 1С) большинство скребков сделано на технических сколах и отщепах с коркой, а скребки на пластинах единичны. В сл. 1В большинство скребков сделано на пластинах, как и в сл.1А2 и 1А1/1А2 (рис. 4А, *9*). Но в сл. 1А1 большая часть скребков изготовлена из отщепов и имеет подправленные боковые края (рис. 4В, *10, 11*). Долотовидные и резцы немногочисленны (рис. 4А, *16*; 4В, *13, 17*).

Небольшая коллекция из сл. 2 пещеры Короткая близка к ВП материалам Мезмайской пещеры. Среди орудий преобладают ППК, острия граветт, симметричные острия, тронкированные пластинки.

Изделия из кости

Наиболее богатые коллекции изделий из кости на Кавказе происходят из памятников, где проведены тщательные раскопки, включавшие полную промывку отложений. Костяные изделия часто представлены остриями или наконечниками (табл. 3), которые имеют круглое или овальное сечение. Целые острия бывают двуконечные (рис. 5, *21*; 6, *18*) или с массивным закругленным основанием (рис. 6, *20*). В Мезмайской пещере кроме того найдены фрагменты плоских острий (рис. 5, *23, 24*).

Такие орудия, как иглы, проколки и лощила, свидетельствуют об активном изготовлении одежды. Однако из-за отсутствия промывки отложений иглы являются редкими находками. В настоящее время самая древняя на Кавказе игла с ушком происходит из слоя 1С Мезмайской пещеры [Golovanova, Doronichev, 2012]. Количество игл (рис. 5, *13, 14*) увеличивается в поздних слоях (табл. 3). Единичные иглы с ушком также найдены в слоях ПВП Дзудзуаны (сл. С) (рис. 6, *13*) и в сл. III Агиту-3.

Проколки (табл. 3) очень вариативны по форме: от крупных и массивных (рис. 5, *19*; 6, *8*) до маленьких и тонких (рис. 5, *20*; 6, *5*). Лощила наиболее многочисленны в коллекции Дзудзуаны, особенно в сл. С (16 экз.), найдены также в Семерцхле клде и сл. 1В Мезмайской (табл. 3). В пещере Короткая найдены четыре фрагмента костяных острий или проколок с округлым сечением.

Крупной категорией костяных изделий являются персональные украшения. В сл. 1С Мезмайской найдены самые ранние подвески [Golovanova, Doronichev, 2012], изготовленные из зубов кавказского горного козла (*Capra caucasica)*. Для более позднего этапа как на Южном (рис. 6, *10, 12*), так и на Северном (рис. 5, *2–5*) Кавказе показательны подвески из молочных зубов благородного оленя, так называемые жемчужницы. Часть из этих изделий является имитацией, оформленной из кости (рис. 5, *1*). В сл. 1А1 Мезмайской также найдена подвеска из резца *Capra caucasica* (рис. 5, 6). Известны три каменные подвески: из сл. С Дзудзуаны, сл. 1А1/1А2 Мезмайской и сл. 7 Апианчи (рис. 5, *15*; 6, *11*).

Появление в сл. 1В, 1А2 и 1А1/1А2 Мезмайской небольшого количества изделий из бивня мамонта является важным фактом для понимания удаленных связей ПВП населения СЗ Кавказа. На стоянках ВП Кавказа отсутствуют свидетельства охоты на мамонта. В слоях 1В и 1А2 найдены три маленькие плоские нашивки-бусины из бивня мамонта (рис. 5, *8, 10, 11*). У них одна сторона плоская, а три закруглены, просверленное с одной или двух сторон отверстие имеет небольшие размеры. Нашивки из Мезмайской ближе всего по форме, размерам и деталям оформления подобным украшениям из стоянки Юдиново в Брянской области [Григорьева, 2003].

Особенно интересны изделия, имеющие прямые аналогии на стоянке Сунгирь во Владимирской области [Бадер, 1978]. В сл. 1А1/1А2 найдена нашивка из бивня мамонта, имеющая подпрямоугольную форму с закругленными концами и плоско-выпуклый профиль. Ближе к одному концу прорезано углубление, где просверлено отверстие (рис. 5, *17*). Второе изделие, трубочка из обрезанной кости птицы, найдена также в сл. 1А-1/1А-2 (рис. 5, *18*).

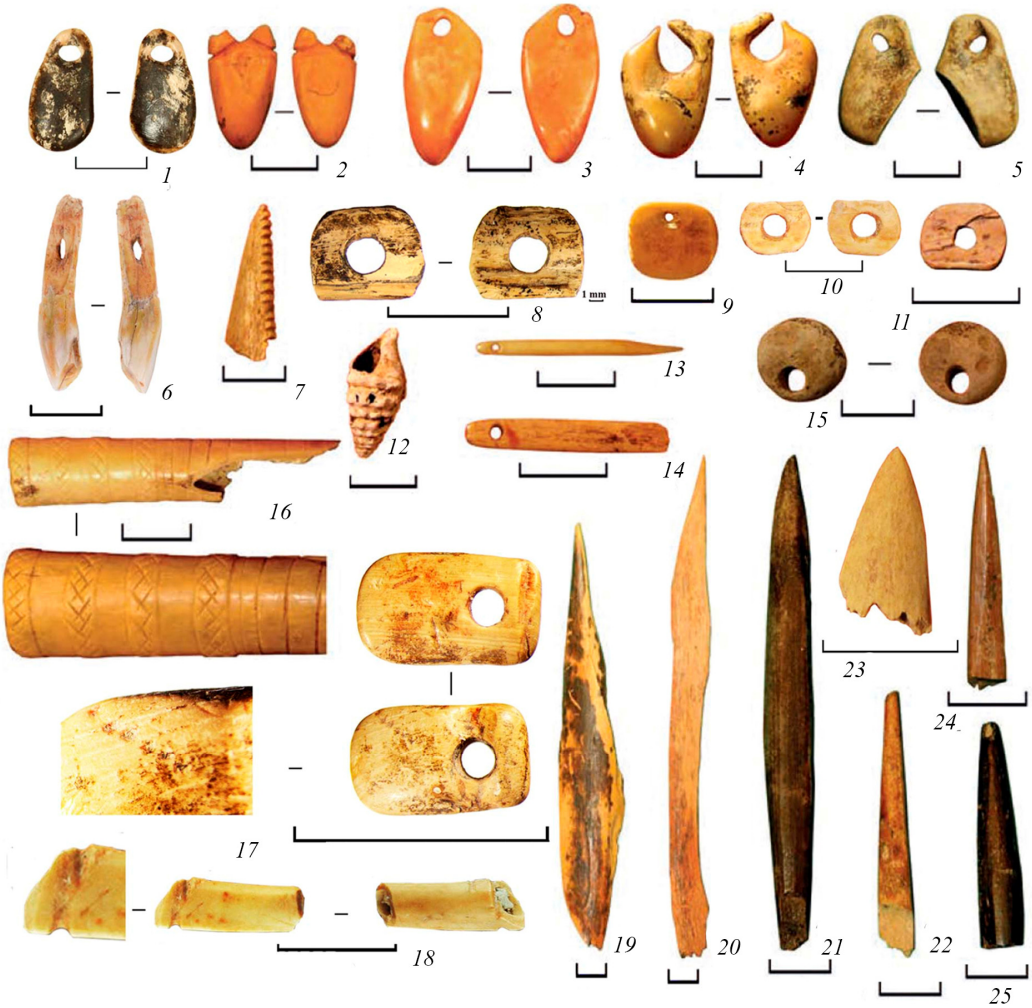


Рис. 5. Костяные орудия, украшения, орнаменты:
Мезмайская: слой 1С — *19, 20* — проколки, *21, 22, 25* — круглые острия, *24* — плоское острие; слой 1А2 — *1, 2, 4, 5* — подвески, *8, 10, 11* — нашивки, *12* — подвеска из морской раковины, *16* — игольница; 1А1/1А2 — *7* — фрагмент с орнаментом, *13* — игла, *15* — каменная подвеска, *17* — нашивка с орнаментом, *18* — трубочка из кости птицы, *23* — фрагмент плоского острия; 1А1 — *3* — подвеска, *6* — подвеска, *9* — нашивка, *14* — игла.

Fig. 5. Bone tools, decorations and ornaments:
Mezmaiskaya: layer 1C — *19, 20* — awl, *21, 22, 25* — rounded points, *24* — flat points; layer 1A2 — *1, 2, 4, 5* — pendants, *8, 10, 11* — stripe beads, *12* — marine shell pendant, *16* — needle case; 1A1/1A2 — *7* — ornamented fragment, *13* — needle, *15* — stone pendant, *17* — stripe bead with ornament, 18 — tubular bird bone, 23 — flat point fragment; 1A1 — *3* — pendant, *6* — pendant, *9* — stripe bead, *14* — needle.

Только в слоях ПВП в пещерах Дзудзуана (рис. 6, *15, 16*) и Мезмайская найдены изделия с геометрическим орнаментом (рис. 5, *7, 16, 17*). Из Мезмайской происходит уникальная для ВП Кавказа игольница с геометрическим орнаментом. Также на нашивке-бусине из бивня мамонта прослеживается орнамент из шести точек-углублений.

Важные данные о мобильности ВП населения СЗ Кавказа обнаружены в сл. 1С–1А1 Мезмайской пещеры. На протяжении длительного периода 39–20 тыс. л.н. на памятник поступали морские раковины с побережья Черного моря (*Trophon muricatus* (Mtd.) или *Nassarius reticulatus* (Linne), а также *Cyclope neritea* (Linne). Часть из них имеет проколотое отверстие, вероятно для использования в качестве подвески (рис. 5, *12*). Эти находки являются подтверждением регулярных походов древнего человека на побережье Черного моря. Бусины из раковин моллюсков также упоминаются в слое 5b пещеры Бонди.

В пещере Агиту-3 на Малом Кавказе были найдены морские раковины *Theodoxus pallasi* (рис. 6, *1–4*), которые широко распространены в регионе Каспийского моря, что дает возможность предполагать контакты населения пещеры с побережьем Каспия, расположенного в 100 км на восток.

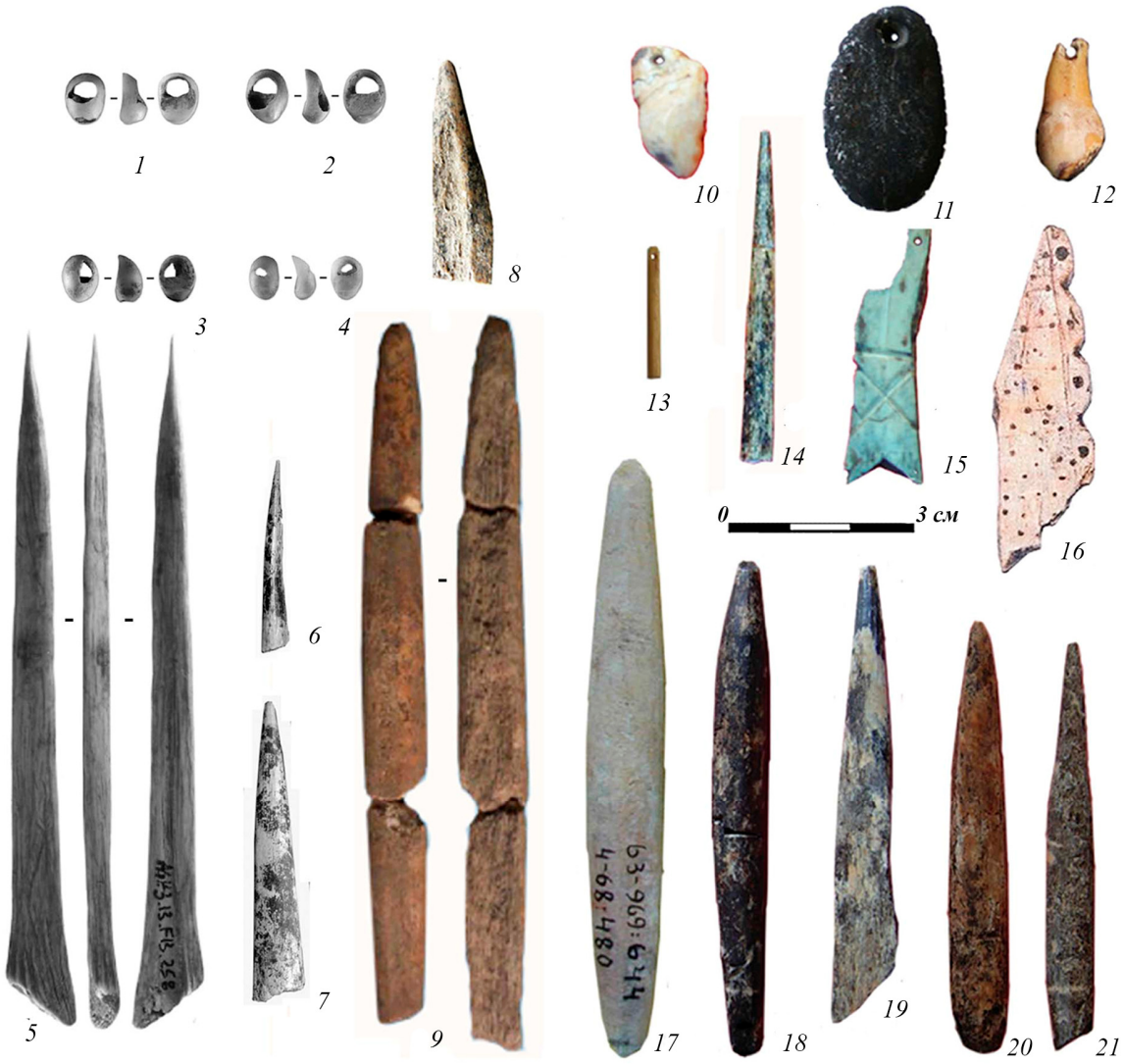


Рис. 6. Костяные орудия, украшения, орнаменты:
Агиту-3, слой AHIII: *1–4* — морские раковины, *5* — проколка (по: [Kandel et al., 2017]); Бонди, слой III-V: *6, 7* — фрагменты острий (по: [Tushabramishvili et al., 2012]); Ортвале клде [по: Moncel et al., 2013]: *8* — фрагмент проколки;
Ортвале клде, слой 4c: *9* — костяное лощило (по: [Adler et al., 2008]); Дзудзуана, слой C: *10–12* — подвески, *13* — игла, *14* — фрагмент острия, *15, 16* — фрагменты с орнаментом, *17–21* — острия (по: [Bar-Yosef et al., 2011]).

Fig. 6. Bone tools, decorations and ornaments:
Aghitu-3, layer AHIII: *1–4* — marine shells, *5* — awl (after: [Kandel et al., 2017]); Bondi, layer III-V: *6, 7* — points fragments (after: [Tushabramishvili et al., 2012]); Ortvale klde [after: Moncel et al., 2013]: *8* — awl fragment;
Ortvale klde, layer 4c: *9* — bone polisher (after: [Adler et al., 2008]); Dzudzuana, layer C: *10–12* — pendants, *13* — needle, *14* — point fragment, *15, 16* — fragments with ornament, *17–21* — points (after: [Bar-Yosef et al., 2011]).

Сырьевые стратегии и мобильность

Ареалы обитания, мобильность и удаленные контакты в ВП особенно хорошо определяют сырьевые стратегии. Если для месторождений высококачественного кремня удаленность от стоянок в среднем составляет от 20–40 до 70–80 км [Дороничева и др., 2013], то обсидиан особенно ценился и мог перемещаться на расстояния до 450 км.

Мезмайская пещера удалена от месторождений обсидиана на 250 км (Заюково, Центральный Кавказ) и 450 км (Чикиани, Южная Грузия). На протяжении всей эпохи ВП обсидиан регулярно поступал в пещеру. Он встречается начиная со сл. 1С (0,5 %), постепенно в ПВП слоях процентный состав увеличивается: 1В — 1,8 %, 1А2 — 2,4 %, 1А1/1А2 — 3,0 %, 1А1 — 2,0 % [Doronicheva et al., 2019]. В слое 1С Мезмайской пещеры также найдена уникальная галька го-

лубого камня — азурита [Golovanova et al., 2021, fig. 3]. Геохимические анализы показали, что наиболее вероятными источниками происхождения азурита являются месторождения в Кабардино-Балкарии, регионе, откуда люди приносили и обсидиан.

В пещеры Бонди и Ортвале клде на Южном Кавказе обсидиан поступал из месторождения Чикиани, около 110 км на юго-восток от стоянок [Le Bourdonnec et al., 2012; Pleurdeau et al., 2016], а также из месторождений Карс и Сарикамис в Восточной Турции (около 200 км на юг) и месторождений Ашотск или Агворик на севере Армении (около 150 км на юго-восток). В пещере Бонди изделия из обсидиана составляют в общей сложности около 1 % всей коллекции. Нуклеусы отсутствуют. Немногочисленные нуклеусы из обсидиана найдены в ВП слоях Отвале клде [Adler et al., 2008].

Изучение 1121 обсидиановых артефактов из Агиту-3, которые составляют 84 % коллекции [Kandel et al., 2017], показывает, что в РВП слоях использовался обсидиан преимущественно из двух региональных вулканов: Сатанакар и Севкар, которые расположены в 30–40 км севернее (рис. 1). Только единичные артефакты происходят из источников, удаленных к северо-западу на 150–180 км (Гетхазар 1, Гутансар, Атис). В ПВП сл. АН III 92 % артефактов сделаны из обсидиана месторождения Суиник. Одновременно обсидиан поступал из источников, расположенных в 110–180 км к северо-западу (вулканы Гекхазар 1 и 2, Гутансар, Атис и Дамлик), а также в 220 км (Порк Артени) и более 250 км (Мейдан даг в Восточной Турции) к юго-западу.

Результаты изучения транспортировки обсидиана показывают, что на протяжении ВП транспортировка обсидиана на удаленные расстояния возрастает. Это может свидетельствовать об интенсификации контактов обитателей Кавказа и о вероятном формировании обширных социальных сетей в рамках Кавказского верхнепалеолитического культурного ареала.

Дискуссия

Как уже отмечалось выше, верхнепалеолитическая технология расщепления как на Южном, так и на Северном Кавказе отличается чрезвычайной микролитоидностью. Однако сравнивать эти два региона достаточно сложно. Для большинства индустрий Южного Кавказа опубликованы только общие технологические характеристики. Лишь для материалов Мезмайской пещеры на Северо-Западном Кавказе в настоящее время проведен подробный технологический анализ. Он показал, что на протяжении верхнего палеолита совершался переход от бимодальной технологии (скалывание пластин и пластинок с призматических нуклеусов и пластин и микропластинок с торцовых нуклеусов) к одномодальной (скалывание с призматических нуклеусов с широким фронтом расщепления) [Недомолкин, 2020].

Важным обстоятельством, существенно влияющим на общие характеристики индустрий, является методика раскопок, а точнее, использование или отсутствие промывки культурного слоя. Как видно из табл. 1, материалы всех верхнепалеолитических слоев Мезмайской пещеры имеют более высокие индексы пластин, особенно пластинок и микропластинок, поскольку на этом памятнике производится полная промывка отложений.

Сравнение типологического состава коллекций позволяет отметить некоторые отличия индустрий на южном и на северном склонах Кавказа. Прежде всего, обращает на себя внимание наличие специфической формы: «острия Сакажиа» в материалах стоянки Дзудзуаны. Основными формами во всех индустриях являются острия граветт и микрограветт. В сл. 1С Мезмайской выделены также игловидные и симметричные острия. В период ПВП в материалах верхних горизонтов сл. 2 пещеры Короткая и в сл. 1А2 Мезмайской на Северном Кавказе выделены острия фонт-ив.

Основные специфические формы, которые отмечены и на Южном, и на Северном Кавказе, безусловно связаны с влиянием соседних регионов. В слоях ПВП пещеры Сацурблия обнаружены самые ранние геометрические микролиты (прямоугольники) на Кавказе. По времени они совпадают с ранней стадией эпипалеолита Леванта [Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2014]. На Северо-Западном Кавказе геометрические микролиты появляются только на средней стадии эпипалеолита (17–14 тыс. л.н.).

В слоях ПВП Мезмайской пещеры найдены изделия, которые имеют аналогии на стоянках Русской равнины. Это единичная находка наконечника с черешком в сл. 1А1 и персональные украшения из бивня мамонта в сл. 1В, 1А2, 1А1/1А2. Аналогии на стоянках Юдиново (15 кал. тыс. л.н.) и Сунгирь (около 25 кал. тыс. л.н.), датирующихся более поздним временем, являются единственными, которые можно найти в публикациях. Следует заметить, что индустрия Сунгиря относится к стрелецкой культуре, которая также включает стоянку Бирючья балка 2 (32–30 кал. тыс. л.н.) на Дону, возраст которой близок к слоям 1В–1А1/1А2 Мезмайской пещеры. Эти наход-

ки, вероятно, свидетельствуют о редких контактах между ВП популяциями СЗ Кавказа и Русской равнины, которые относятся к разным культурным ареалам. Будущие исследования позволят более детально обсуждать характер этих контактов. В настоящее время палеогенетические исследования свидетельствуют, что не было никакого влияния европейских верхнепалеолитических популяций на одновременную популяцию Кавказа [Jones et al., 2015].

Большая близость технико-типологических характеристик верхнепалеолитических каменных индустрий Северо-Западного и Юго-Западного Кавказа, а также регулярная на протяжении всего верхнего палеолита транспортировка обсидиана из месторождения Чикиани на юге Грузии на Северо-Западный Кавказ позволяют предполагать регулярные социальные контакты населения этих территорий. Поступление черноморских морских раковин в Мезмайскую пещеру могло быть связано с этой транспортировкой/обменом обсидиана, так как этот путь мог проходить вдоль восточного побережья Черного моря.

Население Южного Кавказа в этот период также имело связь с Ближневосточным регионом. Это подтверждается в том числе поступлением обсидиана с северо-востока Турции, а также обнаружением в пещере Агиту-3 морских раковин из Каспийского бассейна.

Заключение

Таким образом, современные данные о верхнепалеолитическом населении Кавказа свидетельствуют об обширных социальных связях близких в культурном плане популяций Северо-Западного и Юго-Западного Кавказа, которые, однако, на протяжении всей эпохи испытывали влияние соседних регионов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского Научного Фонда, проект № 20-18-00060 «Тенденции культурного процесса в позднем плейстоцене на Северо-Западном Кавказе».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука, 1986. 113 с.

Бадер О.Н. Стоянка верхнего палеолита Сунгирь. М.: Наука, 1978. 271 с.

Голованова Л.В. Рубеж среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе // Stratum plus. 2000. № 1. С. 158–177.

Григорьева Г.В. Планиграфия бус-нашивок верхнепалеолитического поселения Юдиново (раскопки 1988–1990, 1995–1997, 2000–2001 гг.) // Stratum plus. 2003. № 1. С. 467–481.

Дороничева Е.В., Кулькова М.А., Шекли М.С. Использование каменного сырья в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. Вып. 2 (54). С. 40–53.

Кулаков С.А., Поспелова Г.А. Новые данные о палеомагнитной хронологии Ахштырской пещерной стоянки // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 37–46.

Любин В.П. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989. С. 8–142. (Палеолит мира. Исследования по археологии древнего каменного века).

Недомолкин А.Г. Технология расщепления каменного сырья в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа: Автореф. … канд. ист. наук. М., 2020. 35 с.

Adler D.S., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Tushabramishvili N., Boaretto E., Mercier N., Valladas H., Rink W.J. Dating the demise: Neandertal extinction and the establishment of modern humans in the southern Caucasus // Journal of Human Evolution. 2008. Vol. 55 (5). P. 817–833. https//doi.org/10.1016/j.jhevol.2008.08.010

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Mesheviliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Boaretto E., Goldberg P., Kvavadze E., Matskevich Z. Dzudzuana: An Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // Antiquity. 2011. Vol. 85. P. 331–349.

Belfer-Cohen A., Goring-Morris N. The Upper Palaeolithic and earlier Epi-Palaeolithic of Western Asia // The Cambridge world prehistory. 2014. Vol. 3. P. 1381–1407.

Cullen V.L., Smith V.C., Tushabramishvili N., Mallol C., Dee M., Wilkinson K.N., Adler D.S. A revised AMS and tephra chronology for the Late Middle to Early Upper Paleolithic occupations of Ortvale Klde, Republic of Georgia // Journal of Human Evolution. 2021. Vol. 151. 102908. https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2020.102908

Davidzon A., Goring-Morris A.N. Sealed in Stone: The Upper Palaeolithic Early Ahmarian Knapping Method in the Light of Refitting Studies at Nahal Nizzana XIII, Western Negev, Israel // Journal of the Israel Prehistoric Society. 2003. Vol. 33. P. 75–205.

Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shackley S.M., Nedomolkin A.G. New data about exploitation of the Zayukovo (Baksan) obsidian source in Northern Caucasus during the Paleolithic // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019. Vol. 23. P. 157–165. https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2018.10.015

Golovanova L.V., Doronichev V.B. The Early Upper Paleolithic of the Caucasus in the West Eurasian Context // L'Aurignacien de la grotte Yafteh et son contexte (fouilles 2005–2008). Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liegè (ERAUL). 2012. Vol. 132. P. 137–160.

Golovanova L.V., Doronichev V.B. Environment, Culture and Subsistence of Humans in the Caucasus between 40,000 and 10,000 Years Ago. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2020. 587 p.

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Doronicheva E.V., Sapega V.F., Shackley M.S. Long-distance contacts and social networks of the Upper Paleolithic humans in the North-Western Caucasus (on data from Mezmaiskaya cave, Russia) // Journal of Archaeological Science: Reports. 2021. Iss. 39. 103118. https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2021.103118

Jones E.R., Gonzalez-Fortes G., Connell S., Siska V., Eriksson A., Martiniano R., McLaughlin R.L., Gallego Llorente M., Cassidy L.M., Gamba C., Meshveliani T., Bar-Yosef O., Mueller W., Belfer-Cohen A., Matskevich Z., Jakeli N., Higham T., Currat M., Lordkipanidze D., Hofreiter M., Manica A., Pinhasi R., Bradley D. Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians // Nature Communications. 2015. P. 1–8. https://doi.org/10.1038/ncomms9912

Kandel A.W., Gasparyan B., Allue E., Bigga G., Bruch A.A., Cullen V.L., Frahm E., Ghukasyan R., Gruwier B., Jabbour F., Miller C.E., Taller A., Vardazaryan V., Vasilyan D., Weissbrod L. The earliest evidence for Upper Paleolithic occupation in the Armenian Highlands at Aghitu-3 Cave // Journal of Human Evolution. 2017. Vol. 110. P. 37–68. https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2017.05.010

Le Bourdonnec F.-X., Nomade S., Poupeau G., Guillou H., Tushabramishvili N., Moncel M.-H., Pleurdeau D., Agapishvili T., Voinshet P., Mgeladze A., Lordkipanoidze D. Multiple origins of Bondi Cave and Ortvale Klde (NW Georgia) obsidians and human mobility in Transcaucasia during the Middle and Upper Palaeolithic // Journal of Archaeological Science. 2012. Vol. 39 (5). P. 1317–1330. https://doi.org/10.1016/j.jas.2011.12.008

Moncel M.-H., Pleurdeau D., Tushubramishvili N., Yeshurun R., Agapishvili T., Pinhasi R., Higham T.F.G. Preliminary results from the new excavations of the Middle and Upper Palaeolithic levels at Ortvale Klde-north chamber (South Caucasus Georgia) // Quaternary International. 2013. Vol. 316. P. 3–13. http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2012.09.012

Nioradze M.G., Otte M. Paléolithique supérieur de Géorgie // L'Anthropologie. 2000. Vol. 104. P. 265–300.

Pinhasi R., Meshveliani T., Matskevich Z., Bar-Oz G., Weissbrod L., Miller C.E., Wilkinson K., Lordkipanidze D., Jakeli N., Kvavadze E., Higham T.F.G., Belfer-Cohen A. Satsurblia: New Insights of Human Response and Survival across the Last Glacial Maximum in the Southern Caucasus // PLOS One. 2014. Vol. 9 (10). P. 1–16. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0111271

Pleurdeau D., Moncel M.-H., Pinhasi R., Yeshurun R., Higham T., Agapishvili T., Bokeria M., Muskhelishvili A., Le Bourdonnec F.-X., Nomade S., Poupeau G., Bocherens H., Frouin M., Genty D., Pierre M., Pons-Branchu E., Lordkipanidze D., Tushabramishvili N. Bondi Cave and the Middle-Upper Palaeolithic transition in western Georgia (south Caucasus) // Quaternary Science Reviews. 2016. Vol. 146. P. 77–98. https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2016.06.003

Tushabramishvili N., Pleurdeau D., Moncel M.-H., Agapishvili T., Vekua A., Bukhsianidze M., Maureille B., Muskhelishvili A., Mshvildadze M., Kapanadze N. Human remains from a new upper Pleistocene sequence in Bondi cave (western Georgia) // Journal of Human Evolution. 2012. Vol. 62. P. 179–185. https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2011.11.001

Golovanova L.V. *, Doronichev V.B., Doronicheva E.V.

Laboratory of Prehistory, Liflandskaya st., 6M, 215, St.-Petersburg, 190020, Russian Federation
E-mail: mezmay57@mail.ru (Golovanova L.V.); labprehistory@yandex.ru (Doronichev V.B.); edoronicheva87@yandex.ru (Doronicheva E.V.)

New data on the formation of local variations in the Upper Paleolithic of the Caucasus

As of today, very few Upper Paleolithic sites are known on both the southern and the northern slopes of the Caucasus. Their materials allow tracing settlement dynamics in the region from 40/39 to 20 cal ka BP. The change of the research methodology, which today is focused on thorough excavations involving a range of natural science disciplines for complex investigation of the materials, including complete water sieving of the cultural deposits, enables obtaining many new, often unique data on human occupation, life-support strategies, and adaptations of humans in different periods of the Upper Paleolithic in the Caucasus. In our paper, a wide range of issues is discussed, concerned with the cultural affinity, diversity, and interaction of the Upper Paleolithic population of the Caucasus. The earliest Upper Paleolithic industries (40–35 cal ka BP) of the southern as well as the northern slopes of the Caucasus show the closest affinity. Studies of the raw-material strategies indicate the presence of contacts between populations of the northwestern and South Caucasus throughout the entire Upper Paleolithic and the development of extensive social networks. During the Late Upper Paleolithic period, the materials of the North and South Caucasus acquire certain features of distinctiveness, as in the stone industry and in bone tools and decorations. The appearance of geometric microliths in the South Caucasus contemporaneously with the Near East attests to the contacts between these regions. The delivery of seashells from the Caspian Sea coast to the Lesser Caucasus also indicates the southeastern direction of the contacts. The import of seashells from the Black Sea coast to the northwestern Caucasus indicates the southwestern direction of contacts. The unique finds that have analogies in the Upper Paleolithic of the Russian Plain indicate contacts between populations of the

* Corresponding author.

northwestern Caucasus and the Russian Plain that belong to different cultural areas. The current data demonstrate formation of local differences in the culture of the Upper Paleolithic populations in both the South and the North Caucasus, including under the influence of the neighboring regions.

Keywords: Upper Paleolithic, remote migrations, social networks, contacts between different cultural areas, Caucasus.

Funding. This research was supported by grant from the Russian Science Foundation № 20-18-00060 “Tendencies of cultural process in the Late Pleistocene in the North-Western Caucasus”.

REFERENCES

Adler, D.S., Bar-Yosef, O., Belfer-Cohen, A., Tushabramishvili, N., Boaretto, E., Mercier, N., Valladas, H., Rink, W.J. (2008). Dating the demise: Neandertal extinction and the establishment of modern humans in the southern Caucasus. *Journal of Human Evolution*, 55(5), 817–833. https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2008.08.010

Amirkhanov, H.A. (1986). *Upper Paleolithic of the Kuban River basin.* Moscow: Nauka. (Rus.).

Bader, O.N. (1978). *Upper Paleolithic site of Sungir.* Moscow: Nauka (Rus.).

Bar-Yosef, O., Belfer-Cohen, A., Mesheviliani, T., Jakeli, N., Bar-Oz, G., Boaretto, E., Goldberg, P., Kvavadze, E., Matskevich, Z. (2011). Dzudzuana: An Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia). *Antiquity*, 85, 331–349.

Belfer-Cohen, A., Goring-Morris, N. (2014). The Upper Palaeolithic and earlier Epi-Palaeolithic of Western Asia. *The Cambridge world prehistory*, 3, 1381–1407.

Cullen, V.L., Smith, V.C., Tushabramishvili, N., Mallol, C., Dee, M., Wilkinson, K.N., Adler, D.S. (2021). A revised AMS and tephra chronology for the Late Middle to Early Upper Paleolithic occupations of Ortvale Klde, Republic of Georgia. *Journal of Human Evolution*, 151, 102908. https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2020.102908

Davidzon, A., Goring-Morris, A.N. (2003). Sealed in Stone: The Upper Palaeolithic Early Ahmarian Knapping Method in the Light of Refitting Studies at Nahal Nizzana XIII, Western Negev, Israel. *Journal of the Israel Prehistoric Society*, 33, 75–205.

Doronicheva, E.V., Golovanova, L.V., Doronichev, V.B., Shackley, S.M., Nedomolkin, A.G. (2019). New data about exploitation of the Zayukovo (Baksan) obsidian source in Northern Caucasus during the Paleolithic. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 23, 157–165. https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2018.10.015

Doronicheva, E.V., Kulkova, M.A., Shackley, M.S. (2013). Exploitation of lithic raw materials in the Upper Paleolithic in the North-Western Caucasus. *Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia*, 54(2), 40–53. (Rus.). https://doi.org/10.1016/j.aeae.2013.11.004

Golovanova, L.V. (2000). The border of Middle and Late Paleolithic in the Northern Caucasus. *Stratum plus*, (1), 158–177. (Rus.).

Golovanova, L.V., Doronichev, V.B. (2012). The Early Upper Paleolithic of the Caucasus in the West Eurasian Context. L’Aurignacien de la grotte Yafteh et son contexte (fouilles 2005–2008). *Études et Recherches Archéologiques de l’Université de Liegè (ERAUL)*, 132, 137–160.

Golovanova, L.V., Doronichev, V.B. (2020). *Environment, Culture and Subsistence of Humans in the Caucasus between 40,000 and 10,000 Years Ago.* Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

Golovanova, L.V., Doronichev, V.B., Doronicheva, E.V., Sapega, V.F., Shackley, M.S. (2021). Long-distance contacts and social networks of the Upper Paleolithic humans in the North-Western Caucasus (on data from Mezmaiskaya cave, Russia). *Journal of Archaeological Science: Reports*, (39), 103118. https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2021.103118

Grigor’eva, G.V. (2003). Planigraphy of Sew-on-Beads on the Upper Paleolithic settlement of Yudinovo (excavations 1988–1990, 1995–1997, 2000–2001). *Stratum plus*, (1), 467–481. (Rus.). URL: https://www.e-anthropology.com/Katalog/Arheologia/STM_DWL_YVJs_zQqLYfK7T80Z.aspx

Jones, E.R., Gonzalez-Fortes, G., Connell, S., Siska, V., Eriksson, A., Martiniano, R., McLaughlin, R.L., Gallego Llorente, M., Cassidy, L.M., Gamba, C., Meshveliani, T., Bar-Yosef O., Mueller, W., Belfer-Cohen, A., Matskevich, Z., Jakeli, N., Higham, T., Currat, M., Lordkipanidze, D., Hofreiter, M., Manica, A., Pinhasi, R., Bradley, D. (2015). Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians. *Nature Communications*, 1–8. https://doi.org/10.1038/ncomms9912

Kandel, A.W., Gasparyan, B., Allue, E., Bigga, G., Bruch, A.A., Cullen, V.L., Frahm, E., Ghukasyan, R., Gruwier, B., Jabbour, F., Miller, C.E., Taller, A., Vardazaryan, V., Vasilyan, D., Weissbrod, L. (2017). The earliest evidence for Upper Paleolithic occupation in the Armenian Highlands at Aghitu-3 Cave. *Journal of Human Evolution*, 110, 37–68. https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2017.05.010

Kulakov, S.A., Pospelova, G.A. (2012). New data on the paleomagnetic chronology in Akhshtirskaya cave site. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii*, 227, 37–46. (Rus.).

Le Bourdonnec, F.-X., Nomade, S., Poupeau, G., Guillou, H., Tushabramishvili, N., Moncel, M.-H., Pleurdeau, D., Agapishvili, T., Voinshet, P., Mgeladze, A., Lordkipanoidze, D. (2012). Multiple origins of Bondi Cave and Ortvale Klde (NW Georgia) obsidians and human mobility in Transcaucasia during the Middle and Upper Palaeolithic. *Journal of Archaeological Science*, 39(5), 1317–1330. https://doi.org/10.1016/j.jas.2011.12.008

Liubin, V.P. (1989). Paleolithic of the Caucasus. In: P.I. Boriskovsky (Ed.).) *The Paleolithic of Caucasus and Northern Asia*. Leningrad: Nauka, 8–142. (Rus.).

Moncel, M.-H., Pleurdeau, D., Tushubramishvili, N., Yeshurun, R., Agapishvili, T., Pinhasi, R., Higham, T.F.G. (2013). Preliminary results from the new excavations of the Middle and Upper Palaeolithic levels at Ortvale Klde-north chamber (South Caucasus Georgia). *Quaternary International*, 316, 3–13. http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2012.09.012

Nedomolkin, A.G. (2020). *Knapping technology of lithic raw materials in the Upper Paleolithic in the North-Western Caucasus: Thesis abstract*. Moscow. (Rus.).

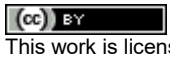
Nioradze, M.G., Otte, M. (2000). Paléolithique supérieur de Géorgie. *L'Anthropologie*, 104, 265–300.

Pinhasi, R., Meshveliani, T., Matskevich, Z., Bar-Oz, G., Weissbrod, L., Miller, C.E., Wilkinson, K., Lordkipanidze, D., Jakeli, N., Kvavadze, E., Higham, T.F.G., Belfer-Cohen, A. (2014). Satsurblia: New Insights of Human Response and Survival across the Last Glacial Maximum in the Southern Caucasus. *PLOS One*, 9(10), 1–16. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0111271

Pleurdeau, D., Moncel, M.-H., Pinhasi, R., Yeshurun, R., Higham, T., Agapishvili, T., Bokeria, M., Muskhelishvili, A., Le Bourdonnec, F.-X., Nomade, S., Poupeau, G., Bocherens, H., Frouin, M., Genty, D., Pierre, M., Pons-Branchu, E., Lordkipanidze, D., Tushabramishvili, N. (2016). Bondi Cave and the Middle-Upper Palaeolithic transition in western Georgia (south Caucasus). *Quaternary Science Reviews*, 146, 77–98. https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2016.06.003

Tushabramishvili, N., Pleurdeau, D., Moncel, M.-H., Agapishvili, T., Vekua, A., Bukhsianidze, M., Maureille, B., Muskhelishvili, A., Mshvildadze, M., Kapanadze, N. (2012). Human remains from a new upper Pleistocene sequence in Bondi cave (western Georgia). *Journal of Human Evolution*, 62, 179–185. https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2011.11.001

Голованова Л.В., https://orcid.org/0000-0002-6099-4081
Дороничев В.Б., https://orcid.org/0000-0003-0198-0250
Дороничева Е.В., https://orcid.org/0000-0002-5165-9222



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 02.06.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-2

Карманов В.Н. *, Белицкая А.Л.

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН
ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982
E-mail: vkarman@bk.ru (Карманов В.Н.); belitskaia522@yandex.ru (Белицкая А.Л.)

МУЧКАС-1 — НОВЫЙ ОПОРНЫЙ КОМПЛЕКС ЧУЖЪЯЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА р. МЕЗЕНИ

Публикуются основные результаты изучения жилища № 1 поселения Мучкас (Удорский район Республики Коми). Раскопом 82,5 м^2 исследованы следы и остатки постройки прямоугольной в плане формы размерами 3,8×5,5 м с вентиляционно-отопительной системой из двух очагов и двух горизонтальных каналов. Комплекс атрибутирован как памятник чужъяельской культуры, а серия радиоуглеродных дат определяет его наиболее вероятный возраст концом IV — первой половиной III тыс. до н.э.

Ключевые слова: археология, неолит, энеолит, поселение, углубленное жилище, керамика, каменный инвентарь, домостроительство, трасология, археозоология, радиоуглеродная хронология.

Введение

Представления о чужъяельской археологической культуре (далее — ЧК) получены преимущественно по источникам, выявленным и описанным В.С. Стоколосом в долине р. Мезени [1986, с. 7–112]. Материалы р. Вычегды не в полной мере им соответствовали [Логинова, 1986; 1987; Косинская, 1986; Карманов, 2018]. Например, В.С. Стоколос сомневался в атрибуции комплекса Эньты II и относил его то к чужъяельской [1988, с. 60], то к чойновтинской культуре [1997, с. 235]. В.Н. Карманов даже обозначил проблему соотношения вычегодских и мезенских комплексов и предложил вариант объяснения различий [2018]. Однако аварийно-спасательные раскопки 2020 г. жилища № 1 поселения Мучкас на р. Мезени показали, что дело в степени изученности регионов, методике раскопок и банальном везении. В итоге получены новые данные для изучения своеобразной ЧК: ее хронологии и периодизации; традиций домостроительства и материальной культуры носителей.

Характеристика памятника и история его изучения

Памятник открыт В.С. Стоколосом в 1975 г. и исследовался им же в 1990, 1996 и 1998 гг. [Стоколос, 1986, с. 90; 1995]. На участке 70×200 м он выявил 8 впадин — остатков оплывших котлованов углубленных построек (рис. 1). Раскопами общей площадью 380 м^2 изучены четыре из них — № 2, 3, 6 и 8. Опубликованы результаты раскопок впадины № 8 [Стоколос, 1995], данные об остальных объектах и изученном траншеей объекте № 7 не документированы. Полученные материалы постройки № 8 В.С. Стоколос отнес к раннему периоду чужъяельской культуры, а необычную ситуацию — залегание предметов за ее пределами — он объяснил тем, что сооружение было нежилым [Стоколос, 1995, с. 61]. Есть сведения о трех радиоуглеродных датах поселения Мучкас [Karmanov, Zaretskaya, 2021, tab. 3], но контексты отбора образцов не документированы и с какими из изученных объектов они соотносятся, не определено.

Впадина № 1 (далее по тексту — Мучкас-1) исследовалась А.Л. Белицкой и В.Н. Кармановым в 2020 г. Она представлена на поверхности углублением размерами 4,6×5,5 и глубиной до 0,35 м со склонением 11,3°. Крайняя северо-восточная часть впадины частично разрушена при грейдировании автодороги и погребена отвалом, а в ее южной части выявлены следы современного вкопа размерами 0,40×0,44 м. Археологическая разведка, проведенная одновременно с раскопками, позволила выявить еще 13 впадин, предположительно являющихся остатками углубленных построек.

Поселение Мучкас расположено на правом берегу р. Мезени и занимает надпойменную песчаную террасу, участок которой заключен между руслом реки и ее коренным берегом, сложенным флювиогляциальными отложениями (рис. 1, *II*). Рельеф поверхности террасы осложнен эоловыми процессами, поэтому ее высоты от уреза воды колеблются в пределах 6,0–10,5 м. На месте впади-

* Corresponding author.

ны № 1 высота поверхности — 8,1–8,6 м. Судя по положению абразионного уступа террасы и геоморфологии поверхности противоположного берега, этот участок ранее активно разрушался в результате боковой эрозии реки (рис. 1, *II, III*). Поэтому расстояние между современным руслом и исследованным жилищем — 102 м могло быть в первобытности больше, но не превышало 300 м.

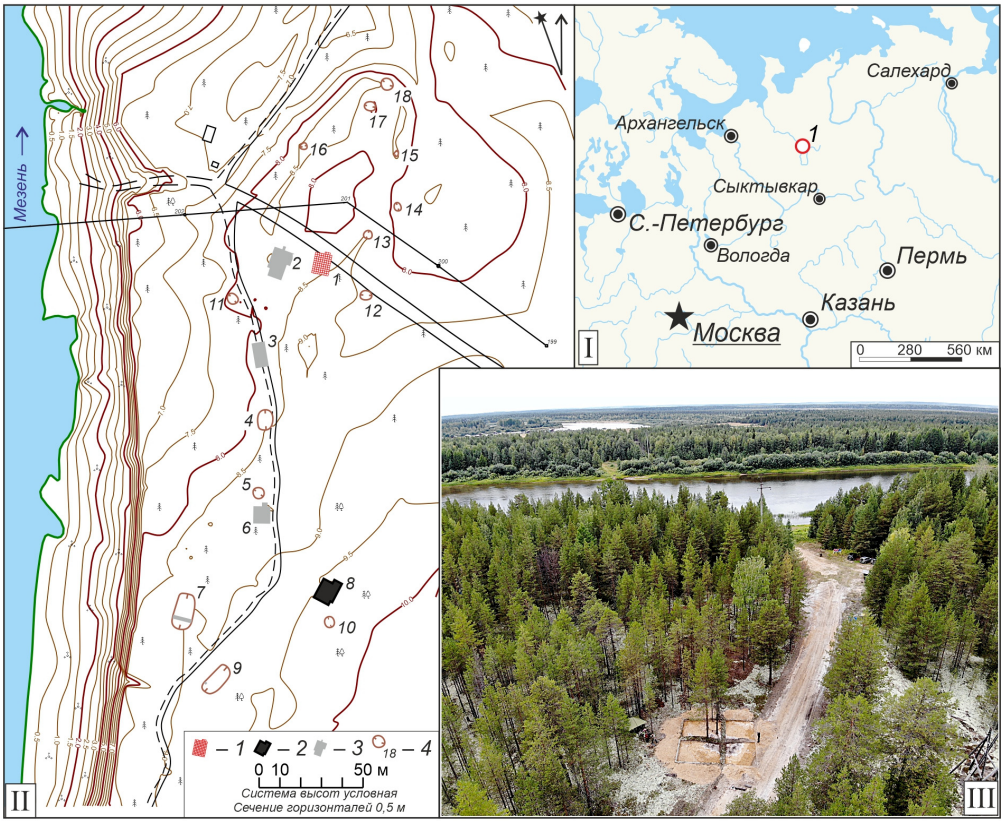


Рис. 1. Поселение Мучкас:
I — местоположение; II — ситуационный план: 1 — раскоп 2020 г.; 2 — раскоп 1990 г.; 3 — недокументированные раскопы и шурфы; 4 — впадины — остатки углубленных построек и их порядковые номера; III — участок памятника с раскопом 2020 г. и р. Мезень, вид с востока.

Fig. 1. Muchkas settlement:
I — location; II — situation plan: 1 — excavation of 2020; 2 — excavation of 1990; 3 — undocumented excavations and test pits; 4 — depressions — remains of subterranean structures and their serial numbers; III — the site with the excavation of 2020 and the Mezen River, view from the east.

Описание и анализ комплекса следов и остатков

Стратиграфия

Строение отложений в пределах раскопа 2020 г. характерно для углубленных жилищ, следы и остатки которых приурочены к подзолам иллювиально-железистым, слагающим верхи надпойменных террас, покрытых эоловыми песками и занятых сосной (детали см.: [Карманов, 2021]). Формирование комплекса Мучкас-1 осложнено пожаром, в результате которого грунт насыщен обломками древесных углей.

Максимальный разброс находок по вертикали в пределах котлована постройки составляет 0,42 м по следам корневодов. В основном предметы залегали на уровне -20…-30 см (здесь и далее глубины приведены от условного нуля — юго-восточного угла раскопа). При этом глубина их залегания от современной дневной поверхности была преимущественно 0,05–0,25 м.

Планиграфия

Компоненты древней структуры четко и достоверно определились на фоне погребенного белесого песка и желтого иллювиального горизонта на уровне -2…-9 см. Выяснилось, что ориентация выявляемого объекта не соответствует таковой впадины, видимой на поверхности: разница составила 20°. Границы структуры обозначились на поверхности раскопа сочетанием полос белесого песка; округлых или аморфных пятен розового, охристого и бурого песков, насыщенных древесны-

ми углями; сгоревшими кусками дерева; обугленной коры. Особенно четко такие следы и остатки обозначали три угла объекта (без северо-западного) и его восточную границу. Юго-западная часть сильно деформирована современными деревьями и выворотом упавшего в древности дерева, а северо-западная в значительной мере видоизменена почвообразованием.

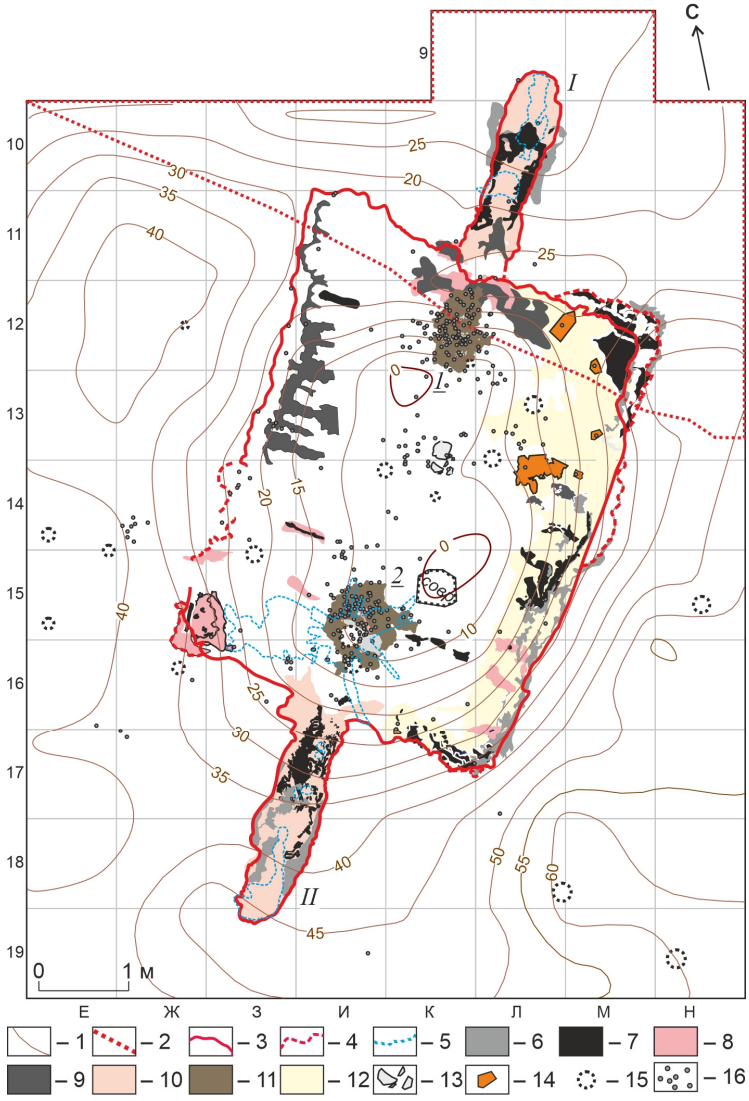


Рис. 2. Мучкас-1. Планиграфия комплекса следов и остатков:
1 — современный рельеф впадины (высоты условные); 2 — зона негативного воздействия автодороги; 3 — внешние границы структуры и ее компонентов; 4 — разнородные деформации, в том числе: 5 — выворотни, корневоды современных и несохранившихся деревьев; 6 — белесый песок — заполнение пространства между элементами конструкции сооружения и грунтом; 7 — древесные угли и песок, содержащий их; 8 — розовый, багровый песок — прокал; 9 — неоднородные отложения, преимущественно прокал, угли, обугленная кора; 10 — охристый песок; 11 — бурый песок — следы очагов; 12 — неоднородный, преимущественно охристо-бурый песок — следы геохимического и термического воздействия; 13 — обломки валуна-абразива; 14 — обломки керамических сосудов; 15 — современные деревья; 16 — находки.

Fig. 2. Muchkas-1. Planigraphy of the complex of traces and remains:
1 — modern relief of the depression (heights are relative); 2 — area of negative impact of the road; 3 — external boundaries of the structure and its components; 4 — various deformations, including: 5 — outcroppings, roots of modern and not preserved trees; 6 — whitish sand — filling the space between the elements of the structure and the ground; 7 — charcoal and sand containing them; 8 — pink, purple sand; 9 — nonhomogeneous deposits, mainly charcoal, charred bark; 10 — ochre sand; 11 — brown sand — fireplaces; 12 — heterogeneous, mainly ochre-brown sand — traces of geochemical and thermal impact; 13 — fragments of abrasive; 14 — potsherds; 15 — modern trees; 16 — finds.

Подземная часть конструкции сохранилась в виде углистых полос и обугленных жердей, представлявших основание каркаса постройки. На отдельных участках их окаймлял с внешней

стороны белесый песок. В кв. Ж–З/15–16, К–Л/16–17, М/12–13 выделялись округлые углистые пятна, подстилаемые прокаленным песком. Их пространственное соотношение с прочими следами и остатками позволяет утверждать, что это остатки опор. Однако соответствующие углубления ниже предполагаемого уровня пола отсутствовали, а фрагменты углей, расчищенных здесь, залегали вертикально и ритмично. Предположим, что это были связки тонких стволов деревьев, возможно заостренных и воткнутых в грунт.

Описанные выше следы и остатки документировали преимущественно разрушение постройки: пожар в ней и деформацию конструкции из-за горения; деятельность корневой системы деревьев и почвообразования в последующее время. Более значим для определения размеров и формы сооружения контакт светло-желтого иллювиального песка и неоднородных отложений бурого и темно-серого цвета. Его контуры, выявленные особенно четко на уровне -14…-20 см, позволили определить параметры объекта: прямоугольную в плане форму и размеры 3,8×5,5 м.

Отметки кровли погребенного белесого песка — остатки почвы, синхронной сооружению этой постройки, колеблются от 0 до 22 см с падением уровня поверхности с юго-востока на северо-запад, что в целом согласовано со склоном эоловой дюны. Дно котлована сооружения соответствовало уровню -24…-25 см. Разница этих показателей позволяет предположить, что он был углублен по крайней мере на 25–47 см, а возможно, и немного глубже, поскольку верхи погребенной почвы не сохранились.

В ходе раскопок выявлены следы и остатки настила, покрывавшего пол сооружения,— субпараллельные полосы прокала; песка, содержавшего обрывки обугленной коры и фрагментов углей; грунт зольного цвета. Наиболее выразительные свидетельства расчищены в северо-западной и юго-восточной части структуры на глубине -17…-32 см. Их ориентация совпадает с направлением коротких стенок котлована. Немногочисленные артефакты на этом участке залегают также согласованно с ними, что указывает на проваливание предметов между лагами настила.

Следы двух очагов без явных признаков конструктивного оформления выявлены по центральной длинной оси постройки, вблизи ее коротких стен. Они представляли собой аморфные в плане пятна песка бурого цвета (рис. 2). Зольно-углистые верхние прослойки не сохранились. Как было показано в предыдущих исследованиях (напр.: [Карманов, 2020, 2021]), эти пятна не характеризуют ни размеры, ни форму очагов, а только документируют местоположение и пространственное соотношение мест разведения огня с другими компонентами структуры (детали см.: [Карманов, 2021]).

Проявление северного углубления № I впервые достоверно зафиксировано на уровне 0…-2 см в виде субпараллельных полос белесого песка и желтого песка, насыщенного углями, между ними. Но сопоставление разных уровней фиксации позволяет утверждать, что первые неявные признаки проявились еще на уровне +20 см в виде размытой полосы белесого песка. Глубже ее песчаное заполнение, особенно в южной части, стало замещаться обломками древесных углей, а еще глубже грунт приобрел охристый цвет. Максимальные размеры этого объекта составили 0,58×2,2, а глубина 0,4 м. Между ним и очагом № 1 было незначительное расстояние — не более 0,4 м, но окончание углубления здесь было подрезано и от места разведения огня его отделял неоднородный желтый песок, который, вероятно, документировал засыпку устья этого канала.

Углубление № II согласовано с южной стенкой постройки. Его отличала лучшая сохранность углей, а устье располагалось в жилище не более чем в 0,5 м от очага № 2. Его первые, неявные, признаки проявились еще на уровне +20 см в виде широкой полосы белесого песка, замещенного по мере углубления неоднородным песком, оконтуренным полосами подзола и ниже — обрывками обугленной коры. Максимальные размеры — 0,6–0,7×1,92 м оно приобрело на уровне -19…-20 см. По мере удаления от стенки постройки дно углубления плавно повышалось от уровня -40,5 до -6 см. В центральной части расчищено большое количество горелых кусков жердей или крупных веток, обрывки обугленной коры, которые выстилали его дно и стенки. Они находились субпараллельно друг к другу, а наибольший порядок их расположения прослежен на участке восточного борта, где сохранились ритмично и вертикально расположенные обугленные фрагменты древесины. С наибольшей степенью вероятности это остатки каркаса, укреплявшего полость, вырытую в песке.

По фрагментам углей А.А. Гольева (ИГ РАН) определила породы деревьев, использовавшихся для конструкции. Во всех частях постройки присутствует сосна (40 образцов), в меньшей степени ель (8), можжевельник (3), береза (1). Закономерности в распределении пород по компонентам структуры не выявлены. Отметим только исключительное присутствие можжевельника среди остатков каркаса южного и северного углублений.

Подавляющее число предметов — 3803 найдено в пределах котлована сооружения, за его пределами — 16. На плане они залегали неравномерно (рис. 2): каменные артефакты и обломки кальцинированных костей были приурочены к очагам; скопления фрагментов керамических сосудов № 1 и 2 залегали в северо-восточном углу постройки, а сосуда № 3 — вблизи очага № 2. Самый крупный предмет в коллекции — терочник на валуне лежал в центре постройки. В углублениях № I и II найдены немногочисленные обломки костей, а артефакты отсутствовали.

Коллекция (табл.).

Мучкас-1. Состав коллекции

Muchkas-1. Structure of the assemblage

Предмет	Общее количество	Жилище	Вне жилища
Изделия из кремня без явных признаков вторичной обработки			
Отщепы	224	222	2
Пластины	3	3	0
Чешуйки	1786	1786	0
Осколки и термические отщепы	317	314	3
Бифасы незавершенные, включая обломки	5	5	0
Плитка	1	1	0
Ядрище	3	2	1
Итого	*2339*	*2333*	*6*
Орудия из кремня			
Скребки	12	12	0
Ножи	6	6	0
Перфораторы	5	5	0
Орудия комбинированные	3	2	1
Наконечники стрел – бифасы	2	2	0
Скобели	2	2	0
Неопределимые обломки	16	16	0
Итого	*46*	*45*	*1*
Неутилитарные изделия из кремня			
Подвеска	1	1	0
Некремнистые породы			
Осколок	73	73	0
Отщеп	4	4	0
Гальки и их обломки	31	24	7
Заготовка рубящего орудия	1	1	0
Итого	*109*	*102*	*7*
Орудия из некремнистых пород			
Абразивы	12	11	1
Основы абразивных пил,	6	6	0
в том числе мелкие обломки	4	4	0
Тесло	1	1	0
Отбойники	2	1	1
Итого	*21*	*19*	*2*
Керамические сосуды, фрагменты			
Сосуд № 1	440	440	0
Сосуд № 2	107	107	0
Сосуд № 1 или № 2, неопределимые мелкие части, включая керамическую крошку	186	186	0
Сосуд № 3	4	4	0
Итого	737	737	0
Кости кальцинированные, обломки			
Млекопитающие (бобр, северный олень, куница, белка, росомаха), птица (тетерев, гусь); рыба (щука)	566	566	0
Всего	3819	3803	16

Выделяются два технологических контекста изготовления орудий из камня: конкретно-ситуационное расщепление кремня с целью получения нестандартных сколов, преимущественно отщепов мелких и средних размеров, и производство шлифованных изделий из некремнистых неизотропных пород.

Для изготовления орудий из кремня использовалось неоднородное по структуре и окраске сырье — гальки разной степени окатанности. Протяженные серии артефактов из одного вида сырья не определяются (рис. 3, *1–17*). Источниками сырья могли служить галечные россыпи по берегам р. Мезени в обнажениях флювиогляциальных отложений, вскрывающихся рекой.

Ядрища представлены остаточными нуклеусами для снятия отщепов (рис. 3, *17*). Среди сколов без обработки преобладают чешуйки, которые в основном представлены очень мелкими (до 5 мм) экземплярами, вероятно сколами ретуши. Подавляющее число отщепов имеют мелкие размеры (1–3 см), а средние и крупные снятия представлены всего пятью целыми экземплярами без учета возможных обломков.

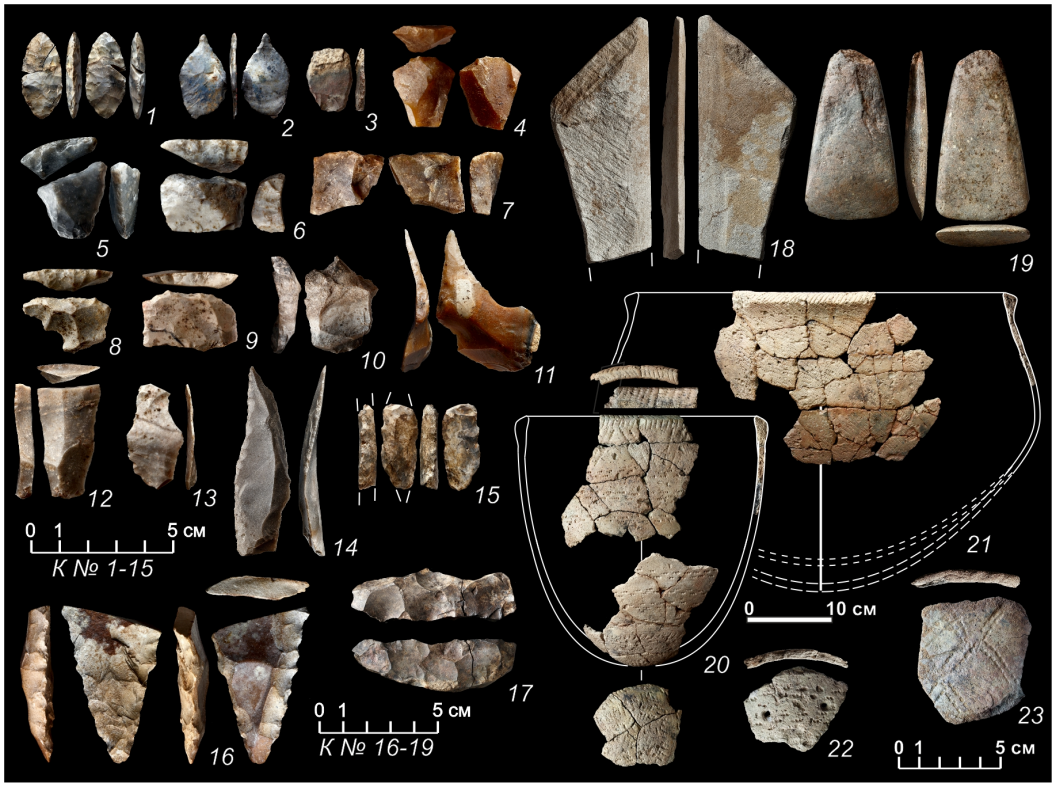


Рис. 3. Мучкас-1:
1 — наконечник стрелы; *2* — подвеска; *3–9* — скребки; *10* — скобель; *11, 15* — перфораторы; *12–14* — ножи; *16* — бифас, обломок; *17* — нуклеус; *18* — основа абразивной пилы; *19* — тесло; *20, 22* — сосуд № 1; *21* — сосуд № 2; *23* — сосуд № 3: *1–17* — кремень; *18, 19* — некремнистые породы; *20–23* — керамика.

Fig. 3. Muchkas-1:
1 — arrowhead; *2* — pendant; *3–10* — scrapers; *11, 15* — perforators; *12–14* — knives; *16* — biface, fragment; *17* — core; *18* — base of abrasive saw; *19* — adze; *20, 22* — pot no. 1; *21* — pot no. 2; *23* — pot no. 3: *1–17* — flint; *18, 19* — non-siliceous rocks; *20–23* — ceramic.

Орудия изготовлены преимущественно на средних и мелких отщепах разнообразной формы (рис. 3, *2–11*). На пластинах с неправильной огранкой оформлено всего два орудия (рис. 3, *12, 14*), на пластинчатом отщепе — одно (рис. 3, *13*).

В малочисленном орудийном наборе преобладают скребки концевые одинарные (рис. 3, *3–9*). Наиболее информативны наконечники стрел. Один представлен мелким обломком (острие или насад), а другое — термически разрушенное орудие листовидной формы коротких пропорций размерами 1,5×3,6×0,6 см (рис. 3, *1*). Трасологический анализ этого орудия, проведенный Е.Ю. Гирей (ИИМК РАН), выявил на нем следы общего недифференцированного неутилитарного износа (подробнее об этом виде следов см.: [Гиря, 2015, с. 255]) — признаки длительного ношения артефакта в емкости, на одежде и/или на теле. Наличие следов такого же происхождения на тонком мелком отщепе с выделенной ретушью частью (рис. 3, *2*) позволяет интерпретировать этот предмет как подвеску, а выступ-шип — как место крепления этого своеобразного украшения и/или амулета.

Второй технологический контекст представлен преимущественно орудиями для производства инструментов: абразивами, абразивными пилами (рис. 3, *18*), отбойником. Выделяется терочник на валуне без обработки размерами 21×43×13 см. С этой категорией находок также связана заготовка шлифованного орудия со следами оббивки, пиления и намеренной фрагментации. Единственное шлифованное рубящее орудие — вкладыш тесла трапециевидной в плане формы и с асимметричным продольным сечением (рис. 3, *19*). Его размеры 4×7,2 см при толщине 1,1 см.

Среди остатков разнообразной фауны (табл. 1), определенной П.А. Косинцевым (ИЭРиЖ УрО РАН, г. Екатеринбург), предварительно выявлено четыре неопределенных изделия, но для проверки необходимо трасологическое изучение этих предметов.

Керамическую посуду представляют фрагменты трех сосудов (рис. 3, *20–23*). В составе формовочной массы визуально определяется примесь органики. Большая часть обломков при-

надлежала двум горшкам (№ 1 (рис. 3, *20, 22*) и 2 (рис. 3, *21*)) с округлым основанием и примерной емкостью 11–12 и 43–46 л. Общая пропорциональность (отношение высоты к диаметру) их форм различна: 0,99 и 0,62–0,68 соответственно. Емкость № 1 — открытая, со следами ремонта (рис. 3, *22*); № 2 — слегка закрыта и имеет слабую профилировку верхней части.

Горшки имеют одинаковое скульптурное оформление верхних частей — венчики с внешним наплывом и слегка загнутой внутрь губой. Орнамент покрывал всю внешнюю поверхность, а внутренняя украшена только в самой верхней части. Для декора в технике штампования использовались исключительно оттиски длинной «гребенки». Судя по ее отпечаткам, для орнаментации обоих горшков использовался один инструмент, но мотивы и композиция декора на них разные. Сосуд № 1 украшен в верхней части зигзагом, состоящим из парных оттисков, в средней — горизонтальными рядами угловых вдавлений, а в нижней, включая дно,— наклонными рядами таких же оттисков. Емкость № 2 в верхней части декорирована горизонтальными рядами треугольников, составленных гребенчатыми оттисками. При этом треугольники верхнего ряда ориентированы вершинами вниз, а нижнего — вершинами вверх. Образовавшееся зигзагообразное поле между ними не украшено. Информация о декоре нижней части этого горшка не сохранилась.

Сосуд № 3 (рис. 3, *23*) представлен обломками стенки, украшенными «сеткой» с ромбовидными ячейками, составленными двойными оттисками гребенчатого штампа. Пропорции зубцов этого штампа отличаются от таковых, использованных для орнаментации сосудов № 1 и 2, поэтому правомерно утверждать, что применялся другой инструмент. Кроме того, обломки этой емкости залегали в противоположной части постройки.

Культурная атрибуция

Результаты поиска аналогий материалам комплекса Мучкас-1 позволяют утверждать, что это памятник чужъяельской культуры. Это обосновано следующей совокупностью аналогий:

— тип построек с двумя противолежащими углублениями и очагами по центральной длинной оси комплексов Чужъяель I/3, -I/5, Чойновты I [Стоколос, 1986, рис. 20, 33, 43]; Гыркасъель [Стоколос, 1988, рис. 3];

— сложная система отопления и вентиляции жилого пространства, включающая очаги и сопряженные с ними горизонтальные каналы, выходящие наружу за пределы котлована, что выявлено в полной мере и доказано впервые при изучении поселения Ваднюр I [Карманов, 2018, 2020]; предположительно использованная в жилищах Чойновты I [Стоколос, 1986, рис. 43], Эньты II, -VII [Логинова, 1986, рис. 1; 1987];

— малочисленность каменного инвентаря, характерная для всех памятников ЧК [Стоколос, 1986, с. 7–91; 1988, с. 25–28; 1995; Логинова, 1986; Карманов, 2018, 2020];

— конкретно-ситуационное расщепление для изготовления орудий из кремня на всех местах обитания людей ЧК;

— большая доля орудий из некремнистых пород, преимущественно разнообразных абразивов комплексов Эньты VII [Логинова, 1987]; Ваднюр I/5, -I/7A [Карманов, 2018, рис. 18, *2*; 19, *3–5*; 2020, с. 68]; Чужъяель I/1, -I/2, -I/3, -I/5; Чойновты I; Ошчой I/5 [Стоколос, 1986, с. 22, 28, 42, 49, 60; рис. 6, *13*; 7, *8–10*;]; Гыркасъель [Стоколос, 1988, рис. 4, *2, 3*];

— листовидные обоюдоострые бифасиальные наконечники стрел из кремня в комплексах Эньты II [Логинова, 1986, рис. 2, *1, 2*]; Чужъяель I/1, -I/5, Ошчой I/5, -I/6, -V/5 [Стоколос, 1986, рис. 6, *1, 2*; 35, *1*; 53, *24*; 55, *1*; 67, *7*]; Гыркасъель [Стоколос, 1988, табл. 2, *1*];

— скребки концевые с отвесным рабочим краем, как правило, сильно изношенные: Ваднюр I/5, -I/7A [Карманов, 2018, рис. 13–15; 2020, рис. 3, *6–8*];

— шлифованные тесла трапециевидной формы разных пропорций с двумя плоскими фасами поселения Эньты VII [Логинова, 1987]; комплексов Чужъяель I/1, -I/5, [Стоколос, 1986, рис. 5, *36*; 35, *19*; Ваднюр I/5 [Карманов, 2018, рис. 19, *1*];

— абразивная пила жилища Чойновты I [Стоколос, 1986, рис. 44, *15*];

— особенное скульптурное оформление венчиков (тип I по В.С. Стоколосу [1986, рис. 12]) керамических сосудов комплексов поселений Чужъяель I, Чойновты I, Ошчой I, -V; Эньты II [Логинова, 1986, рис. 3, *1*]; Ваднюр I/5 [Карманов, 2018, рис. 21, *7, 8*], Усть-Комыс [Семенов, Несанелене, 1997, рис. 78, *1*; 79];

— органические примеси в составе формовочной массы керамики Эньты II, -VII [Логинова, 1986, 1987], Ваднюр I/5 [Карманов, 2018, рис. 21–23].

— специфические для региона мотивы орнаментации: треугольники, составленные оттисками гребенчатого штампа, на сосудах комплексов Ваднюр I/7A [Карманов, 2020, рис. 3, *5*]; Чужъяель I/1,

Чойновты I, Ошчой V/3 [Стоколос, 1986, рис. 6, *22*; 10; 17; 49; 72]; горизонтальные ряды угловых оттисков гребенчатого штампа в комплексах Ваднюр I/5 [Карманов, 2018, рис. 21, *7, 9*; 23, *3*]; Ниремка I [Косинская, 1986, рис. 2, *9*]; Чужъяель I/3, Чойновты I [Стоколос, 1986, рис. 25, *1*; 46];

— отсутствие ямок как элемента орнамента на посуде, сближающее с комплексом Ваднюр I/5 [Карманов, 2018, рис. 21–23], в меньшей мере — с Эньты II, -VII [Логинова, 1986, рис. 2, *7, 9, 11*; 1987].

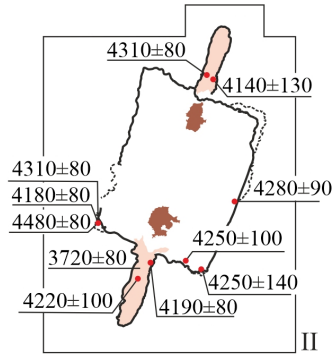
Вместе с тем комплекс Мучкас-1 имеет особенности. Это большое количество микродебитажа, что отчасти объясняется методикой исследования: промывкой грунта через сито с ячеей 2 мм, в то время как ранее просеивание/промывание не применялось совсем или грунт просеивался через сетку с ячеей в 5 мм. Но даже без такого тщательного изучения слоя из раскопа Мучкас-1 было извлечено 114 чешуек, что превышает показатели по коллекциям, полученным ранее.

В компактной постройке были выявлены остатки разнообразного видового состава фауны (табл. 1). Этим Мучкас-1 также отличается от исследованных ранее памятников ЧК, на которых, даже с учетом просеивания грунта, экофакты этого вида крайне скудны.

Уникальна подвеска из кремня, которая может являться своеобразной репликой известных в комплексах ЧК подвескам, изготовленным из каплевидных плоских галек некремнистых пород с отверстием в верхней части: Эньты VII/2 [Логинова, 1987]; Ошчой I/6 [Стоколос, 1986, рис. 55, *18*]; Гыркасъель-1 [Стоколос, 1988, рис. 4, *1*].

Лабораторный номер ИГАН	^{14}C дата	Калиброванный возраст, кал. л. до н.э.,	
		1 σ (68,2%)	2 σ (95,4%)
8713	4480 ± 80	3120 – 2920	3340 – 2900
8717	4310 ± 80	3090 – 2870	3350 – 2650
8719	4310 ± 80	3090 – 2870	3350 – 2650
8718	4280 ± 90	3090 – 2690	3350 – 2550
8716	4250 ± 140	3080 – 2620	3350 – 2450
8714	4250 ± 100	3010 – 2660	3150 – 2450
8721	4220 ± 100	2920 – 2630	3100 – 2450
8722	4190 ± 80	2900 – 2660	2930 – 2560
8712	4180 ± 80	2890 – 2660	2920 – 2560
8715	4140 ± 130	2890 – 2570	3100 – 2300
8720	3720 ± 80	2280 – 1970	2450 – 1850

I



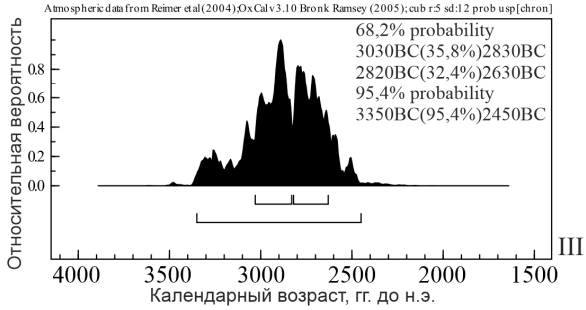


Рис. 4. Мучкас-1. Результаты ^{14}C-датирования: I — исходные данные; II — планиграфия образцов и их ^{14}C-определения; III — сумма вероятностей ^{14}C-дат.

Fig. 4. Muchkas-1. Results of ^{14}C dating: I — original data; II — sample planigraphy and their ^{14}C dating; III — sum of probabilities of ^{14}C dates.

Хронометрия

В радиоуглеродной лаборатории ИГ РАН методом LSC определен возраст 11 образцов комплекса Мучкас-1 (рис. 4). Даты получены по углю из разных частей раскопа и разных компонентов структуры, что повышает достоверность выводов. Значительно отличается от остальных значений самое молодое — 3720 ± 80 ^{14}C л.н. (ИГАН-8720) — результат анализа совокупности образцов из углубления № II с глубины 0,19–0,31 м со всей площади их залегания и тех, которые не удалось извлечь в виде отдельных кусков. На глубине 0,26–0,30 м рядом с ними лежала часть ствола, датированная 4220±100 ^{14}C л. н. (ИГАН-8721). Кроме того, были проанализированы остатки стоек каркаса восточного борта этого же канала: 4190 ± 80 ^{14}C л.н. (ИГАН-8722). Поэтому правомерно не использовать дату 3720 ± 80 ^{14}C л.н. для определения возраста комплекса Мучкас-1. Сумма вероятностей остальных 10 ^{14}C-дат позволяет с наибольшей степенью вероятности определить время создания источника концом IV — первой половиной III тыс. до н.э.

Результаты и обсуждение

На поселении Мучкас в 2020 г. изучены остатки жилища прямоугольной в плане формы размерами 3,8×5,5 м, площадью 20 м^2. В сооружении последовательно или одновременно функционировали два очага. Котлован постройки был углублен в грунт на 0,25–0,47 м. Пожар, случившийся в неопределенное время, позволил получить информацию об особенностях конструкции подземной части жилища, которая, вероятно, представляла собой каркас из жердей, укрепленный по углам связками тонких стволов деревьев, воткнутых острыми концами в песчаные отложения. Пол сооружения частично покрывал деревянный настил.

Впервые на памятниках долины р. Мезени выявлены следы и остатки углублений — вентиляционных и/или отопительных каналов. Ранее такие объекты понимались исключительно как входы-выходы [Стоколос, 1986, с. 108]. Однако использование для этих целей двух настолько протяженных углублений при небольшой площади постройки нецелесообразно. Кроме того, в углублении № II сохранились остатки каркаса из сравнительно тонких стволов деревьев, хождение по которым вызвало бы их разрушение и деформацию грунта под ними. Однородный охристый песок, залегающий равномерно в низах углублений,— результат воздействия сравнительно высоких температур, и здесь он не согласован с частями сгоревшей конструкции. Пространственное соотношение очагов с углублениями указывают на сопряженность всех компонентов структуры. Расстояние между соответствующими очагами и углублениями составляло всего 0,4–0,5 м. Это говорит о том, что каналы созданы не только для входов-выходов из жилища, поскольку входящий в помещение человек вынужденно бы наступал на место разведения огня.

Возникает вопрос о местоположении входа-выхода. Наиболее вероятное объяснение: описанные компоненты структуры действовали не одновременно, а последовательно. Об этом свидетельствует худшее состояние каркаса в углублении № I и наличие участка неоднородного грунта между ним и котлованом постройки. Вероятно, первоначально он действовал как вентиляционно-отопительный канал, позднее был перекрыт и использовался как вход-выход. В противном случае предположим, что последний был сделан в кровле постройки, но информация о нем не сохранилась. Новые данные вынуждают пересмотреть сведения об аналогичных по планировке жилищах.

Комплекс Мучкас-1 атрибутирован как памятник ЧК и датирован с наибольшей степенью вероятности концом IV — первой половиной III тыс. до н.э. Это время распространения меди на северо-востоке Европы [Karmanov, Zaretskaya, 2021], но, как и на остальных памятниках этой культуры, признаки использования металла и его обработки не обнаружены. Однако на возможные связи с носителями пористой керамики, знакомыми с медью, указывают органические примеси в составе формовочных масс керамики, исключительно гребенчатая орнаментация при полном отсутствии ямок. Это характерно, например, для посуды синхронных памятников типа Оровнаволок XVI [Жульников, 2005, с. 28, 29]; комплексов Юмиж I и Черная речка I [Верещагина, 2008, с. 128]. Таким образом, определились достоверные источники для доказательного выделения позднего периода развития ЧК и прогнозирования ее судьбы. Возраст более ранних памятников обоснован пока только для комплекса Ваднюр I/7A и предположительно для Чойновты I, при условии что подтвердятся древние датировки последнего [Карманов, Зарецкая, 2021].

Видовой состав фауны (табл. 1) указывает на доминирующую роль охоты в жизни обитателей поселения Мучкас. Однако сохранившиеся орудия не подтверждают этого, поэтому правомерно предположить большое значение пассивной охоты с использованием ловушек из органических материалов. Единственное явное орудие охоты — наконечник стрелы, судя по неутилитарному износу, было изготовлено не на этом месте и, возможно, является свидетельством каких-то связей с населением сопредельных регионов. В перспективе исследований необходимы поиск и анализ предметов, аналогичных представленным в коллекциях ЧК единично и без явных контекстов их производства.

Заключение

Несмотря на небольшие размеры, комплекс Мучкас-1 — это «собирательный образ» информативных признаков комплексов ЧК на р. Мезени и р. Вычегде и связующее звено между двумя регионами. Его материалы показывают общность традиций людей этой культуры в конце IV — первой половине III тыс. до н.э. А отмеченные ранее особенности комплексов с пористой керамикой, но сопряженных с ЧК по другим признакам, правомерно обосновать временем существования, в которое на северо-востоке Европы стали возможны соответствующие связи.

Новые данные, дополняющие наши представления о традициях домостроительства, камнеобработки и гончарства, позволяют определить комплекс Мучкас-1 как опорный источник для изучения ЧК, ее развития, материальной культуры, образа жизни и культурных связей ее носителей.

Благодарности. Авторы благодарны всем участникам раскопок поселения Мучкас, в особенности Е.В. Попову, Н.А. Волокитиной и А.С. Макарову; специалистам — участникам аналитических исследований: Н.Е. Зарецкой, А.А. Гольевой, Е.Ю. Гире, П.А. Косинцеву.

Финансирование. Раскопки финансировались Управлением Республики Коми по охране объектов культурного наследия; анализ и описание коллекции и полевых данных выполнены по государственному заданию № 122040800169-1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Верещагина И.В. Структура поселений мезолита — раннего металла на северо-западе России (бассейн Северной Двины) // Записки ИИМК. 2008. № 3. С. 118–136.

Гиря Е.Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории: К 75-летию В.Е. Щелинского. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232–268.

Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.

Карманов В.Н. Поселение эпохи раннего металла Ваднюр I на средней Вычегде (по материалам раскопок 2014 года) // Проблемы археологического изучения северо-востока Европы. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. С. 55–85 (МАЕСВ; Вып. 20).

Карманов В.Н. Ваднюр I/7 — памятник финального неолита и энеолита на р. Вычегде // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4. С. 63–72. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-6

Карманов В.Н. Виды следов в отложениях памятников V–II тыс. до н.э., крайний северо-восток Европы // Самарский научный вестник. Т. 10. № 1. 2021. С. 192–204. https://doi.org/10.17816/snv2021101203

Карманов В.Н., Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродная хронология чужъяельской культуры // Поволжская археология. 2021. № 3. С. 55–69. https://doi.org/10.24852/pa2021.3.37.55.69

Косинская Л.Л. Керамика поселения Ниремка I // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке / Отв. ред. Э.А.Савельева. Сыктывкар, 1986. С. 35–44. (МАЕСВ; Вып. 10).

Логинова Э.С. Поселение Эньты II // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1986. С. 45–53. (МАЕСВ; Вып. 10).

Логинова Э.С. Работы на средней Вычегде // АО 1985 г. М.: Наука, 1987. С. 18.

Семенов В.А., Несанелене В.Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета): Учеб. пособие. Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, 1997. 169 с.

Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986. 192 с.

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.

Стоколос В.С. Поселение Мучкас на Мезени // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1995. С. 59–64 (МАЕСВ; Вып. 13).

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 213–246.

Karmanov V.N., Zaretskaya N.E. Radiocarbon dating of Holocene archaeological sites in the Far Northeast of Europe: Scopes and limits of a supraregional database // Documenta Praehistorica. XLVIII. 2021. P. 142–165. https://doi.org/10.4312/dp.48.23

Karmanov V.N. *, Belitskaia A.L.

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Urals Branch of the RAS
Kommunisticheskaia st., 26, Syktyvkar, 167982, Russian Federation
E-mail: vkarman@bk.ru (Karmanov V.N.); belitskaia522@yandex.ru (Belitskaia A.L.)

Muchkas-1 — a new reference complex of the Chuzh'yael' Culture on the Mezen' River

The results of the studies of the Muchkas settlement in 2020 are reported. The site is located on the right bank of the Mezen' River in Udorsky District of the Komi Republic (northeast of the East European Plain). The exploitation of an unpaved motor road endangered the preservation of dwelling No. 1, which necessitated extensive excavation of an area of 82.5 m^2. On the basis of the analysis of the complex of traces and remains, it has been determined that the studied structure is of a rectangular shape in plane, measuring 3.8m×5.5m with the area of 20 m^2. Within the building, two hearths were used sequentially or concurrently. Related to them are two external horizontal heating-and-ventilating chimneys. Some information is preserved about the underground part of the structure. This was a frame strengthened at corners by bundles of thinner trunks of trees, possibly, pointed and stuck into the ground. Pine and to a lesser extent spruce, juniper, and birch were used to build the dwelling. The collection of Muchkas-1 contains 3819 objects, including 30 identifiable flint implements, a flint pendant, 21 implements made from non-siliceous rocks, fragments of three ceramic vessels, and debris of calcinated bones. Scrapers predominate in the flint toolset, while knives, awls, and arrowheads are represented to a lesser extent. As the result of the traceological analysis, it has been determined that the arrowhead and the pendant bear traces of long-term carrying in a container, or wearing on the clothing or on the body. Tools made of non-isotropic rock include mostly grinding stones. A hammer stone and an adze are represented by single specimens. Among the faunal remains, bones of reindeer, beaver,

* Corresponding author.

marten, wolverine, squirrel, black grouse, goose, and pike have been identified. This attests to the dominant role of hunting in the appropriating economy of the inhabitants of Muchkas-1 settlement. The specifics of the building structure and technical-and-typological parameters of the pottery and stone tools allow attributing Muchkas-1 complex to the Chuzh'yael' Culture of the final Neolithic period — the Chalcolithic. By virtue of 10 radiocarbon dates, the time of its construction is determined by the end of the 4th — first half of the 3rd mil. BC. The published data advance our understanding of the traditions of housebuilding, stone-working, and pottery-making of the prehistoric population of North-Eastern Europe and permit considering Muchkas-1 complex as a source of reference for the study of the Chuzh'yael' Culture of the 4th — first half of the 3rd mil. BC.

Keywords: archaeology, Neolithic, Chalcolithic, settlement, semi-subterranean dwelling, ceramics, stone assemblage, house-building, traceology, archaeozoology, radiocarbon chronology.

Acknowlegments. The authors are grateful to all the participants of the excavations of the Muchkas site, especially E.V. Popov, N.A. Volokitina and A.S. Makarov; specialists participating in the analytical studies: N.E. Zaretskaya, A.A. Gol'eva, E.Yu. Gira, P.A. Kosintsev.

Funding. The excavations of Muchkas-1 site were supported by the Department of the Republic of Komi for Cultural Heritage Sites Protection; the analysis and description of the assemblage and field data were carried out according to State Assignment No. 122040800169-1.

REFERENCES

Giria, E.Iu. (2015). Traces as type of archaeological sources (abstract of unpublished lectures). In: O.V. Lozovskaia, V.M. Lozovskii, E.Iu. Giria (Eds.). *Sledy v istorii: K 75-letiiu V.E. Shchelinskogo*. St. Petersburg: IIMK RAN, 232–268. (Rus.). http://www.archeo.ru/izdaniya-1/vagnejshije-izdanija/izdaniya-po-godam/pdf/Traces2015.pdf

Karmanov, V.N. (2018). The settlement Vadniur 1 of the Early Metal epoch on the Middle Vychegda (on Materials of Excavations in 2014). In: *Problemy arkheologicheskogo izucheniia severo-vostoka Evropy*. *Materialy po arkheologii evropeiskogo Severo-Vostoka*, (20), 55–85. Syktyvkar: IIALI Komi NTS UrO RAN. (Rus.).

Karmanov, V.N. (2020). Vadniur I/7 — the final Neolithic and Eneolithic site of the Vychegda river. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 63–72. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-6

Karmanov, V.N. (2021). Traces types in the deposits: case study of V–II millennium BC sites in the Far Northeast of Europe. *Samarskii nauchnyi vestnik*, (1), 192–204. (Rus.). https://doi.org/10.17816/snv2021101203

Karmanov, V.N., Zaretskaia, N.E. (2021). Radiocarbon chronology of Chuzhjajol culture. *Povolzhskaia arheologia*, (3), 55–69. (Rus.). https://doi.org/10.24852/pa2021.3.37.55.69

Karmanov, V.N., Zaretskaya, N.E. (2021). Radiocarbon dating of Holocene archaeological sites in the Far Northeast of Europe: Scopes and limits of a supraregional database. *Documenta Praehistorica*, (XLVIII), 142–165. https://doi.org/10.4312/dp.48.23

Kosinskaia, L.L. (1986). The ceramics of Niremka I settlement. In: *Pamiatniki material'noi kul'tury na Evropeiskom Severo-Vostoke*. *Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka*, (10), 35–44. Syktyvkar: Izdatel'stvo Komi filiala AN SSSR. (Rus.).

Loginova, E.S. (1986). En'ty II settlement. In: *Pamiatniki material'noi kul'tury na Evropeiskom Severo-Vostoke*. *Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka*, (10), 45–53. Syktyvkar: izdatel'stvo Komi filiala AN SSSR. (Rus.).

Loginova, E.S. (1987). Research on the Middle Vychegda. In: *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 goda*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Semenov, V.A., Nesanelene, V.N. (1997). *European North-East during the Bronze Age (based on the materials of the Syktyvkar University excavations): Textbook*. Syktyvkar: Syktyvkarskii universitet. (Rus.).

Stokolos, V.S. (1986). *The ancient settlements at the Mezen' river valley*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Stokolos, V.S. (1988). *The cultures of the Early Metal epoch in the Northern Cis-Ural*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Stokolos, V.S. (1995). The Muchkas settlement at the Mezen' river. In: E.A. Savel'eva (Ed.). *Etnokul'turnye kontakty v epokhu kamnia, bronzy, rannego zheleza i srednevekov'ia v Severnom Priural'e*. *Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka*, (13), 59–64. Syktyvkar: Izdatel'stvo Komi NTs UrO RAN. (Rus.).

Stokolos, V.S. (1997). The Chalcolithic and the Bronze Age. In: E.A. Savel'eva (Ed.). *Arkheologiia Respubliki Komi*. Moscow: DiK, 213–246. (Rus.).

Vereshchagina, I.V. (2008). Structure of the Mesolithic — Early Metal settlements in the North-Western Russia (the basin of Severnaia Dvina river). *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury*, (3), 118–136. (Rus.). https://www.elibrary.ru/download/elibrary_14316903_46236703.pdf

Zhul'nikov, A.M. (2005). *The settlements of the Early Metal epoch in the South-Western part of the White Sea coast*. Petrozavodsk: Paritet. (Rus.).

Карманов В.Н., https://orcid.org/0000-0002-5091-501X
Белицкая А.Л., https://orcid.org/0000-0003-4773-0310

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 02.06.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-3

Савко И.А. [a, b, c, *], Холошин П.Р. [d, e], Демин М.А. [c], Ситников С.М. [f]

[a] Институт археологии и этнографии СО РАН, просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090
[b] Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049
[c] Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031
[d] Центр палеоэтнологических исследований, Новая площадь, 12, корп. 5, Москва, 109012
[e] Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва,117292
[f] Автономная некоммерческая организация «Алтайское археологическое общество» ул. Ковыльная, 76, Барнаул, 656902
E-mail: savko.ilia2016@yandex.ru (Савко И.А.); paul.r.kho@yandex.ru (Холошин П.Р.); mademin52@mail.ru (Демин М.А.); ssm3052007@yandex.ru (Ситников С.М.)

АНАЛИЗ ФОРМ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ МОГИЛЬНИКА ЧЕКАНОВСКИЙ ЛОГ-2 АНДРОНОВСКОЙ (ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ

Формы 32 сосудов могильника Чекановский Лог-2 были исследованы по методике историко-культурного подхода. Выявлены две массовые гончарные традиции. Сопоставление материалов двух раскопов и привлечение дополнительных данных о керамике позволило обнаружить динамику развития культурных традиций, которая, видимо, объясняется хронологически. Сосуды 5-частных форм с полностью сформированным туловом и более выраженной шеей тяготеют к классическому андроновскому (федоровскому) времени. Сосуды 5-частных форм с частично-сформированным туловом и более низкой шеей, вероятно, получают более широкое распространение в позднефедоровский период. Это связано с усложнением культурного состава населения на позднем этапе функционирования некрополя.

Ключевые слова: формы глиняных сосудов, историко-культурный подход, андроновская (федоровская) культура, могильник Чекановский Лог-2, предгорья Алтая.

Введение

Формы сосудов — один из источников исторической информации, важный как для хронологизации археологических комплексов, так и для выявления культурных особенностей населения, оставившего памятники археологии [Цетлин, 2018b, с. 7]. Особенно актуально изучение форм сосудов для андроновской (федоровской) культуры, материальный комплекс которой, за редким исключением, характеризуется малочисленным и однотипным инвентарем, а также невыразительными погребальными сооружениями, что создает трудности при построении относительной хронологии как самих могильников, так и культуры в целом.

Традиционно исследователи андроновской (федоровской) культуры Алтая и сопредельных территорий разделяют формы сосудов на две категории: горшки и банки [Грязнов, 1956, с. 17–20; Кузьмина, 2008, с. 212–217]. При этом в группе банок выделяются открытые (когда диаметр венчика является максимальным диаметром сосуда) и закрытые (когда максимальный диаметр тулова больше диаметра венчика), а среди горшков встречаются слабо- и сильнопрофилированные формы [Кирюшин и др., 2015, с. 50]. На основании анализа форм некоторыми исследователями выделяются различные культурные типы сосудов [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 245–250]. Более подробная классификация сосудов представлена Е.Е. Кузьминой, которая выделила 5 типов сосудов, различных как по форме, так и по времени своего бытования [2008, с. 212–217]. Несколько реже исследователи применяли формально-статистический метод В.Ф. Генинга для анализа форм [Кирюшин и др., 2010; Молодин и др., 2014; Мыльникова, Селин, 2015].

В последнее время в отечественной археологии при изучении форм керамики используется историко-культурный подход, разработанный А.А. Бобринским [Бобринский, 1999, 2018a, b; Цетлин, 2018a]. Данная методика базируется на выявлении конкретных навыков труда гончара при создании формы сосуда. Так, для характеристики естественной структуры формы сосуда на его контуре определяются места приложения гончаром акцентированных точечных усилий [Бобринский, 2018a, с. 18, 25]. Эта методика активно применяется исследователями при анализе форм сосудов различных археологических культур Восточно-Европейской равнины [Лопатина, 2018;

* Corresponding author.

Волкова, 2018a; Суханов, 2019; Холошин, 2020; Цетлин, 2020]. Формы сосудов одного из могильников алакульской культуры Южного Зауралья недавно были изучены с этих же позиций [Климова, 2022]. Для андроновской (федоровской) культуры Алтая подобных исследований с применением историко-культурного подхода еще не проводилось.

Источниковую базу исследования составили материалы могильника Чекановский Лог-2, керамика которого уже изучалась в отношении гончарной технологии и орнаментации [Савко, Федорук, 2020; Савко, 2021]. В настоящей статье несколько расширена выборка сосудов и затрагивается более широкий круг вопросов, связанных с изучением хронологии форм.

Могильник Чекановский Лог-2 расположен в Третьяковском районе Алтайского края, в 3–3,2 км юго-восточнее с. Корболиха, и приурочен к первой надпойменной террасе правого берега р. Алей, ныне относящейся к северо-восточному берегу Гилевского водохранилища. Некрополь исследован экспедицией БГПУ (ныне АлтГПУ) под руководством М.А. Демина и С.М. Ситникова [Демин, Ситников, 2007]. Всего изучено 46 погребений андроновской (федоровской) культуры. Раскопки проводились на двух участках. Один раскоп (южный) находился на берегу, размываемом водохранилищем,— там были открыты 27 погребений, исследованные с 1997 по 2003 г. [Демин, Ситников, 2007]. Другой раскоп (северный) находился в 190 м к северо-западу от прибрежного раскопа и изучался в 2003–2011 и 2013 гг. На этом участке открыто 19 погребений андроновской культуры. Из 46 погребений сосуды обнаружены в 27 могилах. В 24 могилах имелось по одному сосуду, в двух могилах было по 2 сосуда, а в одной могиле — 3 сосуда. Более 50 фрагментов керамики найдено в надмогильном пространстве или в ходе сборов на берегу водохранилища.

Методика анализа форм

В исследовании была применена методика анализа форм глиняных сосудов с позиций историко-культурного подхода, разработанная А.А. Бобринским и развитая Ю.Б. Цетлиным [Цетлин, 2018a]. Анализ проводился на трех уровнях: общей пропорциональности форм, состава их естественной структуры и степени сформированности функциональных частей.

1. Общая пропорциональность (ОПП) форм сосудов определяется как отношение высоты сосуда к максимальному диаметру емкости [Цетлин, 2018a]. Полученные значения ОПП могут соответствовать 8 качественно различным состояниям, подразделяющимся на 57 более дробных ступеней [Цетлин, 2018a, с. 129]. Данная шкала, разработанная Ю.Б. Цетлиным, базируется на результатах анализа конкретных этнографических и экспериментальных данных о величине случайных колебаний пропорций сосудов, относящихся к серии изделий, изготовленных одним мастером [Цетлин, 2018a, с. 128]. Анализ общей пропорциональности формы позволяет охарактеризовать самые базовые представления потребителей и производителей посуды о соотношении высоты и ширины сосудов разного назначения, закрепленные в культурных традициях.

2. Изучение естественной структуры формы сосудов, или ее конструкции (рис. 1, *1*), подразумевает определение состава функциональных частей, каждая из которых выполняет определенную функцию. Губа (далее при описании конструкции сосудов — Г) является верхним окончанием емкости, щека (Щ) — устройством для слива, шея (Ш) — устройством для дозирования слива, плечо (П) — ограничителем емкости, предплечье (ПП) — добавочным наполнителем емкости, тулово (Т) — основным наполнителем емкости, основание тулова (ОТ) — нижним окончанием емкости и ее опорой. Для каждой функциональной части разработаны строгие численные критерии выделения [Цетлин, 2018a, с. 130–169].

Чтобы определить границы функциональных частей в форме сосуда, на его контуре определяют зоны приложения гончаром акцентированных точечных физических усилий, направленных на придание сосуду определенной формы [Цетлин, 2017, с. 78–79]. Этот уровень анализа позволяет охарактеризовать степень развитости ассортимента посуды и, соответственно, потребности членов коллектива, которые удовлетворяются разными видами форм. Сходство разных человеческих коллективов по ассортименту форм отражает большую или меньшую их культурную близость в этом отношении. Более обоснованно делать такой вывод позволяет учет естественной структуры форм в сочетании с их общей пропорциональностью [Цетлин, 2018a, с. 177].

3. Степень сформированности функциональных частей определяется через оценку общей пропорциональности части и угла наклона ее боковой линии (рис. 1, *2*). А.А. Бобринским было выделено несколько состояний сформированности, которые обозначали соответствие формы каждой части ее функциональному назначению в конструкции сосуда: несформированное, частично-сформированное, полностью сформированное и супер-сформированное, что обозначается соответствующим сокращением (Н/СФ, Ч/СФ, П/СФ, С/СФ) [Бобринский, 2018b; Цетлин, 2018a, с. 137–

139]. На уровне сформированности функциональных частей наиболее ярко проявляется специфика культурных традиций создания форм у разных групп древнего населения [Цетлин, 2018a, с. 178].

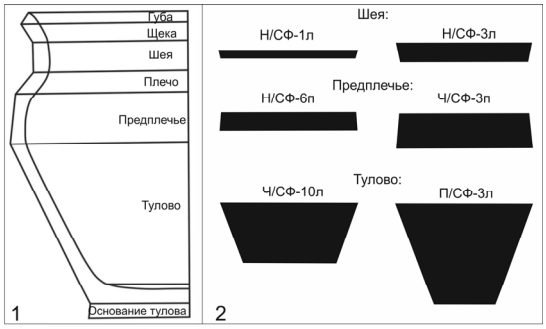


Рис. 1. Параметры, характеризующие форму сосуда:
1 — полная (семичастная) естественная структура формы сосуда (по: [Бобринский, 2018b, с. 27, рис. 1]); 2 — примеры функциональных частей самых распространенных степеней сформированности в изученном материале.
Fig. 1. Parameters characterizing shape of vessel:
1 — full (seven-part) natural structure of vessel shape (after: [Bobrinsky, 2018b, p. 27, fig. 1]); 2 — examples of functional parts of the most common levels of formation in the studied material.

Таким образом, совместив данные об общей пропорциональности формы сосудов, составе ее естественной структуры и степени сформированности функциональных частей, можно выявить разные гончарные традиции в области создания форм сосудов, которые отражают особенности культурного состава населения, оставившего могильник.

Для подготовки форм к инструментальному анализу в соответствии с методикой была проведена фронтальная фотосъемка сосудов. Полученные левый и правый контуры сосуда обрабатывались с целью устранения его естественной асимметрии. В результате этой процедуры был получен средний контур для каждого сосуда, на котором и производился поиск точек, позволяющих выявить естественную структуру формы [Цетлин, 2018a, с. 125–128].

Для анализа форм в той или иной степени оказалось возможным использовать 32 сосуда: 17 сосудов происходят из погребений и сборов на берегу с южного участка некрополя, 15 сосудов — из погребений и надмогильного пространства с северного участка некрополя; 31 сосуд изучался по фотографиям, еще 1 сосуд с полным профилем был недоступен для непосредственного осмотра и фотофиксации контура, поэтому исследовался по рисунку из монографии [Демин, Ситников, 2007]. Исследование общей пропорциональности форм было проведено для 19 сосудов, из них 17 сосудов с полным профилем и 2 с условно полным профилем, реконструированным графически с помощью профильного стержневого шаблона. Диаметры этих сосудов измерялись с помощью шаблона с концентрическими кругами с шагом 0,5 см. При этом для реконструкции профиля использовались только те фрагменты, целостность которых составляла более 2/3 высоты сосуда, с сохраненными частями венчиков, стенок и днищ.

Результаты исследования

По *общей пропорциональности* (рис. 2, *1*) сосуды могильника[1] представлены в диапазоне 32–36 ступеней. Абсолютное большинство из них (95 %) принадлежит к группе средних, или горшковидных, форм. Единственный сосуд имеет среднюю/низкую ОПП 32 ступени и относится к «горшкам-мискам». Пик распределения приходится на 36 ступень (45 %), для которой высота сосуда примерно равна его ширине — именно это служит основанием для обозначения подобных форм как «средних» [Цетлин, 2018a, с. 126–130]. На две соседние ступени ОПП — 35 и 36 — приходится подавляющее большинство изученных сосудов (65 %). В меньшем количестве представлены более низкие по пропорциям сосуды 34 и 33 ступени (10 и 20 % соответственно).

Если соотнести данные по ОПП сосудов с участками могильника, то можно сделать следующие выводы (рис. 2*, 1*):

1. Среди материалов южного раскопа (11 сосудов — 100 %) обнаружены сосуды каждой ступени ОПП из диапазона, характеризующего памятник. Максимальное число сосудов приходится на 35 и 36 ступень (в сумме 58 %), чуть реже встречались сосуды 34 и 33 ступени (по 17 %).

[1] Анализ ОПП проводился по 19 сосудам с надежным полным профилем.

2. Для северного участка некрополя (8 сосудов — 100 %) наблюдается другая картина: разнообразие форм по ОПП укладывается в три ступени, причем массово представлена ступень 36 (63 %).

Таким образом, материалы погребений северного участка демонстрируют большую однородность гончарных традиций в отношении общей пропорциональности и тяготеют к наиболее массовым, «привычным» для местного населения формам (ОПП 35–36 ступеней). Посуда из погребений южного участка в этом отношении более разнообразна.

Данные о *естественной структуре* форм[2] (рис. 2*, 2*) позволяют выделить 4 вида конструкций сосудов, отличающихся как по числу, так и по составу функциональных частей. Наиболее массово представлены сосуды 5-частных форм вида Г+Ш+ПП+Т+ОТ (60 %). Следующее место занимают сосуды 4-частных форм вида Г+ПП+Т+ОТ (30 %). Единично встречены сосуды 3-частной формы вида Г+Т+ОТ (7 %) и 6-частной формы вида Г+Щ/Ш+Ш+ПП+Т+ОТ (3 %).

Рассмотрим, как связаны данные о естественной структуре и общей пропорциональности форм (рис. 2*, 3*)[3]. Среди сосудов наиболее распространенной конструкции Г+Ш+ПП+Т+ОТ к массовой традиции по общей пропорциональности формы (35–36 ступени) относятся 75 %, остальные сосуды относятся к 33 и 34 ступеням ОПП (25 %). Формы сосудов 4-частной конструкции чуть более разнообразны по пропорциональности (32–36 ступень), к массовым ступеням по ОПП (35–36) относятся 67 %, другие ступени представлены единично (в сумме 33 %). Два сосуда 3-частной конструкции имеют ОПП 33 и 34 ступеней и не связаны с пиком для предыдущих конструкций. Таким образом, с массовыми представлениями об общей пропорциональности горшковидных сосудов теснее всего связана также самая распространенная конструкция вида Г+Ш+ПП+Т+ОТ, чуть слабее — Г+ПП+Т+ОТ.

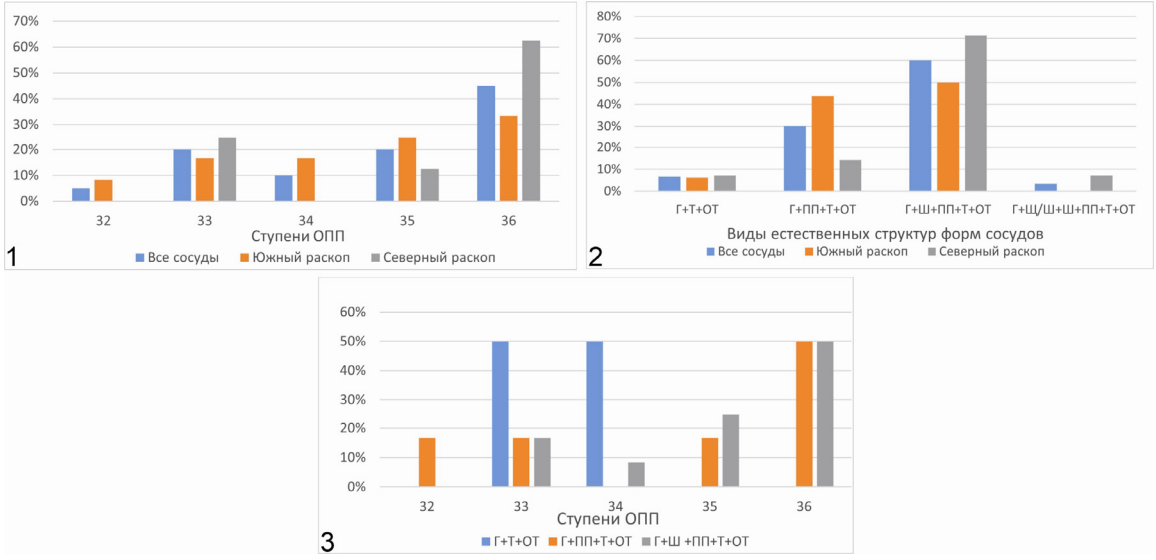


Рис. 2. Распределение сосудов могильника Чекановский Лог-2 по ступеням общей пропорциональности (ОПП) и по видам естественной структуры:

1 — ОПП сосудов могильника; 2 — виды конструкций сосудов; 3 — соотношение ОПП и конструкций сосудов.

Fig. 2. Distribution of the vessels of the burial ground Chekanovskiy Log-2 according to the general proportionality (GPP) and types of natural structure of vessels:

1 — GPP of all the vessels; 2 — types of structure; 3 — correlation between GPP and structures.

Рассмотрим, как представлены формы различных конструкций на разных участках могильника (рис. 2*, 2*).

1. Среди материалов южного раскопа (16 сосудов — 100 %) обнаружены сосуды трех видов конструкций. Наиболее массово представлены сосуды 5-частных форм вида Г+Ш+ПП+Т+ОТ (50 %) и 4-частных форм вида Г+ПП+Т+ОТ (44 %). Сосуд 3-частной конструкции зафиксирован в одном случае (6 %).

[2] Анализ проведен по 30 сосудам: учтены 9 сосудов, по которым нельзя реконструировать полный профиль, но можно изучить состав функциональных частей.

[3] Процент встречаемости рассматриваемых признаков подсчитывался отдельно для сосудов каждой конструкции, у которых известна ОПП.

2. Для северного участка некрополя (14 сосудов — 100 %) наблюдается другая картина. Наиболее распространены конструкции 5-частных форм вида Г+Ш+ПП+Т+ОТ (71 %). Значительно реже встречались 4-частные конструкции Г+ПП+Т+ОТ (14 %). Сосуды 6-частной и 3-частной конструкций выявлены единично (по 7 %).

Таким образом, в погребениях южной части некрополя практически в равной степени представлены две массовые конструкции, в то время как в погребениях в северной части доминирует одна конструкция 5-частных форм.

Следующий уровень анализа — изучение *степени сформированности* функциональных частей — проводился в отношении шеи, предплечья и тулова сосудов. Именно в отношении этих функциональных частей имеются экспериментальные и этнографические данные, позволяющие использовать их как надежный источник реконструкции культурных традиций [Холошин, 2019; Суханов, 2021].

Шея во всех случаях представлена в несформированном состоянии, ее общая пропорциональность не превышает 15 ступени («очень низкая»). Стоит отметить, что для северного участка могильника характерны сосуды с шеей более высоких ступеней сформированности (Н/СФ-3л, Н/СФ-4л) (рис. 1, *2*; 5*, 1, 6*; 6*, 1–4, 6, 10, 11, 13, 14*), в то время как на южном участке обнаружены сосуды с шеей преимущественно более низких ступеней (Н/СФ-1л, Н/СФ-2л) (рис. 5*, 2–5, 13, 15;* 6*, 7*).

Предплечье представлено преимущественно в частично-сформированном состоянии (92 %) и единично — в несформированном (8 %), которые отличаются друг от друга общей пропорциональностью части («низкая» в первом случае и «очень низкая» во втором). Оба сосуда с несформированным, «очень низким» предплечьем обнаружены на южном раскопе (рис. 5*, 4, 8*). Наиболее массовый вариант предплечья Ч/СФ-3п (71 %) в равной степени характерен для сосудов из обоих раскопов (рис. 5*, 1–3, 5–7, 10, 11, 13, 15–17*; 6, *1, 3, 4, 6–8, 10–12, 14*).

Тулово представлено в полностью сформированном (55 %) (рис. 5*, 1, 2, 7, 8;* 6, *1–5, 8, 9*) и в частично-сформированном состоянии (45 %) (рис. 5*, 3–6, 9–11*; 6, *6, 7*), которые отличаются друг от друга общей пропорциональностью («средняя» в первом случае или «средняя/низкая» во втором). При этом на южном участке могильника полностью сформированное, «среднее» тулово зафиксировано только в 42 % случаев, а на северном — в подавляющем большинстве (78 %) (рис. 3, 1). Обратная ситуация с частично-сформированным, «средним/низким» туловом, которое распространено преимущественно в материалах южного раскопа.

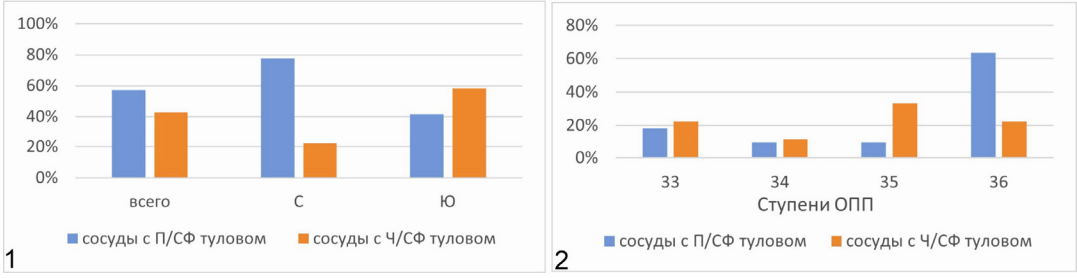


Рис. 3. Распределение сосудов по степени сформированности тулова:
1 — степень сформированности тулова сосудов; 2 — соотношение ОПП всего сосуда и степени сформированности тулова.
Fig. 3. Distribution of vessels according to the level of formation of the body:
1 — the level of formation of the body of the vessels; 2 — correlation between GPP of a vessel and the level of formation of the body.

Соотнесем данные о сформированности функциональных частей с результатами общего анализа форм на предыдущем этапе. Сформированность шеи и тулова обнаруживает явную взаимосвязь с общей пропорциональностью всей формы (рис. 3*, 2*). Для более низких сосудов (33–35 ступени) характерна «очень очень низкая» шея (Н/СФ-1л, Н/СФ-2л) и «среднее/низкое» тулово (Ч/СФ). Для более высоких сосудов характерна «очень низкая» шея (Н/СФ-3л, Н/СФ-4л) и «среднее тулово» (П/СФ). Что касается естественной структуры, то среди сосудов двух массовых конструкций тулово разной сформированности встречается в равном соотношении.

Таким образом, анализ степени сформированности функциональных частей показал различия в массовых гончарных традициях между двумя участками могильника в отношении сформированности тулова и шеи. Для сосудов из погребений северного участка характерна несформированная шея «очень низких» пропорций и полностью сформированное тулово «средних» пропорций. Горшки с южного участка чаще имели несформированную шею «очень очень низких» пропорций, а тулово частично-сформированное со «средними/низкими» пропорциями.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ форм сосудов позволил определить, что наиболее распространенными в местном гончарстве были горшки 35–36 ступеней ОПП с двумя видами естественной структуры, которые, по всей видимости, соответствуют двум основным культурным традициям (рис. 4).

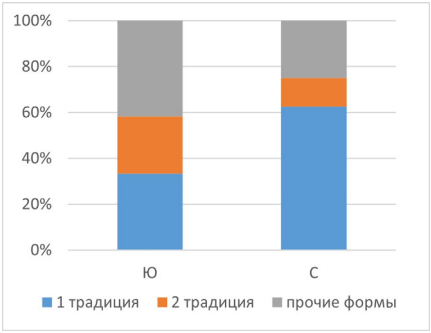


Рис. 4. Доля сосудов массовых традиций на разных участках могильника.
Fig. 4. Percentage of vessels of mass traditions in different parts of the burial ground.

К *первой традиции*, наиболее массовой, относятся сосуды 35–36 ступеней ОПП с 5-частной конструкцией вида Г+Ш+ПП+Т+ОТ (45 % от полностью реконструированных форм) (рис. 5*, 1, 2, 5, 6*; 6*, 1–4, 6*). Данная традиция является доминирующей среди андроновского (федоровского) населения, оставившего исследуемый памятник.

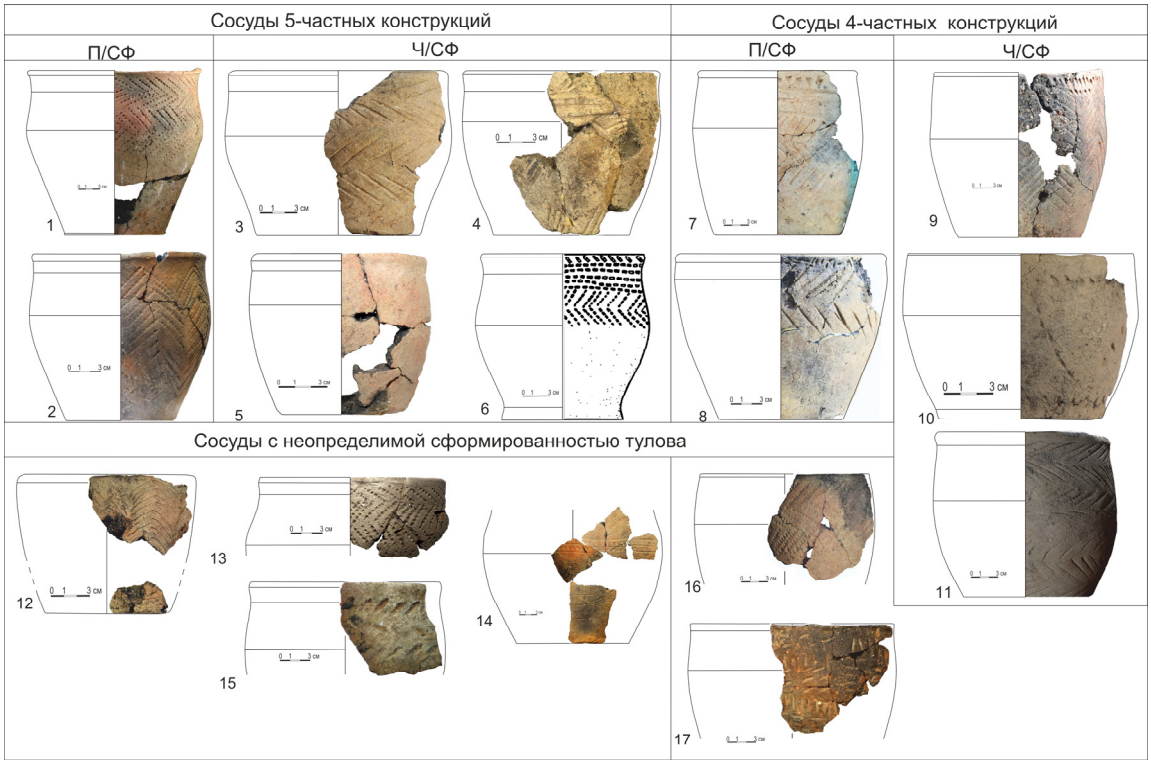


Рис. 5. Чекановский Лог-2. Южный раскоп. Конструкции сосудов с разной степенью сформированности тулова:
1 — м. № 39, с. 1; 2 — м. № 6; 3 — м. № 17; 4 — м. № 26; 5 — м. № 9 (по: [Демин, Ситников, 2007, с. 185, рис. 13, *14*]); 6 — сб., 1997 (по: [Демин, Ситников, 2007, с. 185, рис. 12, *3*]); 7 — м. № 14; 8 — м. № 38; 9 — м. № 28; 10 — м. № 4; 11 — м. № 40; 12 — м. № 35; 13 — м. № 1 (по: [Демин, Ситников, 2007, с. 184, рис. 12, *6*]); 14 — кв. к-7, 1997; 15 — кв. э-17, 1997; 16 — м. № 39, с. 2; 17 — кв. м-5.
Fig. 5. Chekanovsky Log-2. Southern excavation. Vessels with different levels of body formation:
1 — b. 39, v. 1; 2 — b. 6; 3 — b. 17; 4 — b. 26; 5 — b. 9 (after: (Demin, Sitnikov, 2007, p. 185, fig. 13, 14)); 6 — col. 1997 (after: [Demin, Sitnikov, 2007, p. 185, fig. 12, 3]); 7 — b. 14; 8 — b. 38; 9 — b. 28; 10 — b. 4; 11 — b. 40; 12 — b. 35; 13 — b. 1 (after: (Demin, Sitnikov, 2007, p. 184, fig. 12, 6]); 14 — sq. к-7, 1997; 15 – sq. э-17, 1997; 16 — b. 39, c. 2; 17 — sq. м-5.

Вторая традиция связана с формами 4-частной конструкции вида Г+ПП+Т+ОТ тех же ступеней ОПП (20 %). По отношению к первой она является рецессивной (рис. 5*, 7, 9, 11*; 6*, 8*).

На южном участке могильника к двум массовым традициям могут быть отнесены 58 % сосудов с полностью реконструированными формами, причем обе традиции представлены в равной степени. На северном участке к ним относятся уже 75 % сосудов, при этом сосуды первой традиции преобладают (рис. 4). В совокупности с фактами, полученными на каждом уровне анализа форм, это позволяет делать надежный вывод о большей культурной однородности населения, использовавшего северный участок могильника, по сравнению с южным участком.

Анализ степени сформированности функциональных частей показал различия в массовых гончарных традициях между двумя участками могильника в отношении сформированности тулова и шеи. При этом различия в сформированности тулова наблюдаются на более существенном уровне качественных состояний, а в сформированности шеи — на уровне более дробных ступеней. Как показывают недавние экспериментально-этнографические исследования, именно форма тулова наименее всего подвержена индивидуальным случайным колебаниям, и, таким образом, отличия в сформированности данной части несут более значимую информацию о специфике культурных традиций разных групп населения [Холошин, 2019; Суханов, 2021, с. 116].

Для того чтобы выяснить, с чем могут быть связаны эти различия, необходимо обратиться к дополнительной информации о данных сосудах и тех погребениях, в которых они были найдены. Для удобства систематизируем исследуемые сосуды с учетом их конструкций и степени сформированности тулова:

Группа 1[4] — сосуды 5-частных конструкций вида Г+Ш+ПП+Т+ОТ с полностью сформированным туловом (рис. 5*, 1, 2;* 6*, 1–5*). Данные изделия в основном имеют лощеную поверхность (66 %), декор нанесен мелкозубчатым штампом в виде различных геометрических орнаментов (линейный и ковровый меандр, различные виды треугольников) с двух- или трехзональной разбивкой композиции, за исключением сосудов, происходящих с южного участка (рис. 5*, 1, 2*). Е.Е. Кузьмина относит подобные горшковидные профилированные сосуды (тип I) к «раннему» этапу федоровской культуры [2008, с. 214, 244]. Другие исследователи придерживаются аналогичного мнения, соотнося данные богато украшенные сосуды с классическими андроновскими (федоровскими) комплексами [Демин, Ситников, 2007, с. 64–65; Молодин, 2011, с. 60; Епимахов, 2019, с. 141]. В погребениях все гончарные изделия были выявлены в западной или юго-западной части ямы, в области головы погребенного, который зачастую был положен скорченно на левом боку. К сожалению, большинство сосудов найдены в потревоженных (разграбленных) погребениях, где практически отсутствовали какие-либо датирующие предметы инвентаря, кроме керамики. Наиболее интересна могила № 41, одна из самых богатых по количеству золотых и бронзовых изделий: именно они являются характерными маркерами классической федоровской погребальной традиции: бронзовые браслеты со спиралевидным навершием; обоймочка с пуансонным орнаментом, трапециевидные подвески с бородавчатыми выпуклостями [Демин и др., 2011]. Однако сосуд из данной могилы (рис. 6*, 10*), из-за фрагментарности (сохранились только губа-шея-предплечье), может быть отнесен к этой гончарной традиции только на основании сформированности шеи (Н/СФ-3л), общих характеристик обработки поверхности и орнаментации. Но если предполагать, что сосуд из данной могилы имел полностью сформированное тулово, то в этом отношении сосуды сходных характеристик можно по аналогии датировать классическим андроновским временем.

Группа 2 — сосуды 5-частных конструкций вида Г+Ш+ПП+Т+ОТ с частично-сформированным туловом (рис. 5*, 3–6;* 6*, 6, 7*). Керамика этой группы была менее тщательно залощена, а чаще заглажена пальцами или инструментом с твердой гладкой рабочей поверхностью; орнамент наносился крупнозубчатым или гладким штампом; мотивы более простые, с различными видами зигзагов, крупными треугольниками вершинами вниз, а также каннелюрами. Обработка поверхности и орнаментация осуществлялись небрежно, нередко отпечатки орнамента заходят друг на друга, прерываются и идут не в одну линию. На ряде сосудов отсутствует зональность. Подобные особенности орнаментации могут свидетельствовать о неустойчивости орнаментальных навыков гончаров, создавших эти сосуды, что, возможно, говорит о смешанном характере традиций [Волкова, 2018b, с. 96, 108]. Интересно, что сосуды группы 1 с южного участка по обработке поверхности и орнаментации приближаются к этой же группе керамики (рис. 5*, 2*). По

[4] Выделенные группы отражают различные конструкции сосудов с разной степенью сформированности тулова.

Е.Е. Кузьминой, данные сосуды соответствуют типу II и относятся к позднефедоровским [Кузьмина, 2008, с. 214, 244; Демин, Ситников, 2007, с. 64–65]. В нашем случае к этой категории посуды относятся изделия с частично-сформированным туловом как с южного, так и с северного участка некрополя[5].

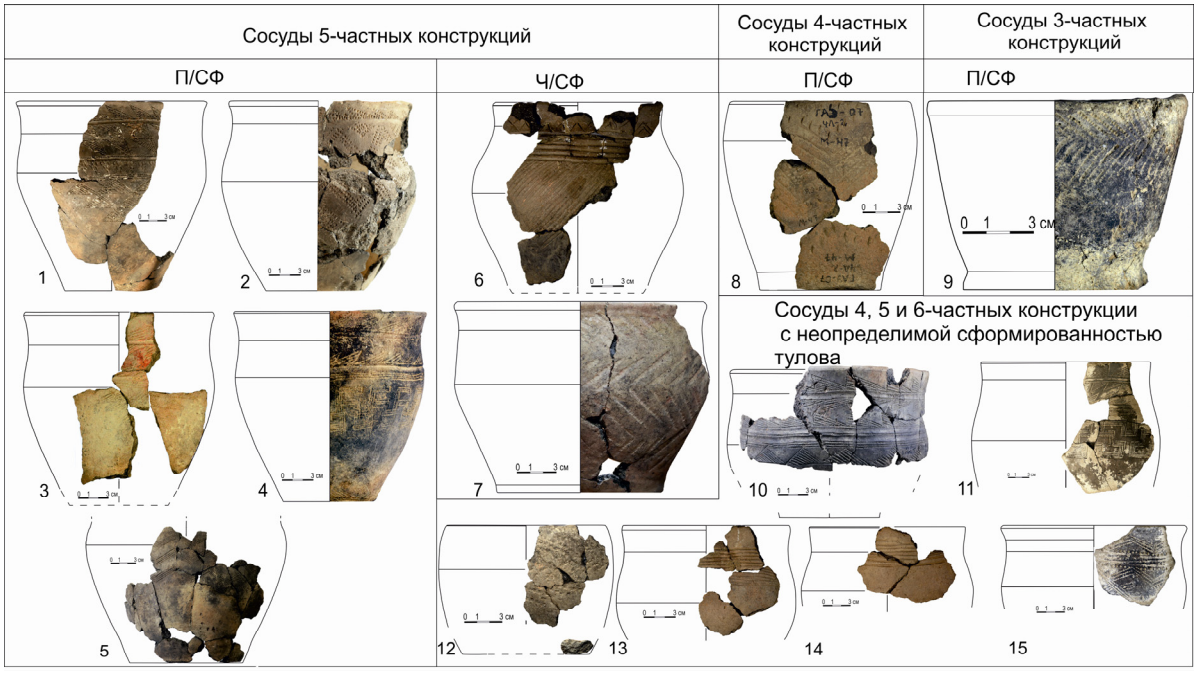


Рис. 6. Чекановский Лог-2. Северный раскоп. Конструкции сосудов с разной степенью сформированности тулова:
1 — м. № 42; 2 — м. № 47, 2008; 3 — м. № 51, 2010; 4 — м. № 50, 2010; 5 — м. № 43, с. 1; 6 — м. № 52, с. 2; 7 — м. № 53, 2013; 8 — м. № 47, 2007; 9 — м. № 44; 10 — м. № 41; 11 — м. № 43, с. 2 (кв. б-15, 2005); 12 — м. № 50, 2009; 13 — м. № 52, с. 1; 14 — м. № 52, с. 3; 15 — кв. б-15, 2006.

Fig. 6. Chekanovsky Log-2. Northern excavation. Vessels with different levels of body formation:
1 — b. 42; 2 — b. 47, 2008; 3 — b. 51, 2010; 4 — b. 50, 2010; 5 — b. 43, c. 1; 6 — b. 52, c. 1; 7 — b. 53, 2013; 8 — b. 47, 2007; 9 — b. 44; 10 — b. 41; 11 — b. 43, c. 2 (sq. б-15, 2005); 12 — b. 50, 2009; 13 — b. 52, c. 1; 14 — b. 52, c. 3; 15 — sq. б-15, 2006.

Особо интересны сосуды данной группы из могилы № 52 (рис. 6*, 6, 13, 14*). Орнамент на одном из сосудов был нанесен техникой протаскивания (резная) в виде треугольников вершинами вниз. Данный мотив орнамента присутствует на другом сосуде этой же группы (рис. 5*, 4*), который также больше характерен для андроноидных культур эпохи поздней бронзы [Ковалевский, 2010, с. 133]. Погребальный обряд и инвентарь могилы подтверждают ее более поздний характер: ориентация головы на северо-восток и бронзовый инвентарь в виде ножа карасукского типа с изогнутым обухом [Папин, Федорук, 2006]. В целом сосуды с частично-сформированным туловом с более низкими значениями ОПП больше характерны для культур позднебронзового века, и в частности являются массовой традицией для восточного варианта пахомовской культуры в Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2017, с 126–132].

Группы 3–5, объединяющие сосуды с 4- и 3-частной конструкциями (рис. 5*, 7–12;* 6*, 8, 9*), более однородны по рассматриваемым характеристикам. Поверхность керамики заглажена пальцами или инструментом с твердой рабочей поверхностью, нередко оставляющим борозды, орнамент наносился крупнозубчатым и гладким штампом. Стилистика декора небогата: ряды зигзага, каннелюры, ряды вдавлений, прочерченные линии. Орнаментировалась либо вся поверхность сосуда, либо одна или две зоны. В целом более бедная орнаментация сосудов, широкое использование каннелюр, желобков, елочных узоров характерно для «баночной» посуды (4- и 3-частные конструкции) всего ареала андроновской (федоровской) культуры [Кузьмина,

[5] Горшок со сборов 1997 г. (рис. 5, *6*), принадлежащий к этой же группе, изучался только по иллюстрации, поэтому подробную характеристику керамики дать затруднительно.

2008, с. 217]. Практически все изделия были выявлены в западной или юго-западной части погребальной ямы, нередко в области головы погребенного. К сожалению, больше 90 % сосудов найдены в потревоженных погребениях или в ходе сборов на берегу водохранилища. В целом фрагментарный археологический контекст и малая выборка сосудов не позволяют однозначно хронологически маркировать ту или иную группу сосудов 3- и 4-частной структуры.

Заключение

Таким образом, выявленные различия в формах сосудов могильника Чекановский Лог-2 находят соответствие в выделенных Е.Е. Кузьминой хронологических группах андроновской (федоровской) культуры. Массовая и доминирующая категория посуды 5-частных форм 35–36 ступеней ОПП с полностью сформированным туловом и «очень низкой» шеей тяготеет к классическому андроновскому (федоровскому) периоду, в то время как более низкие 5-частные сосуды с частично-сформированным туловом и «очень очень низкой» шеей, по-видимому, относятся уже к позднефедоровскому времени. В целом, можно предположить, что степень сформированности тулова и шеи в рамках развития местных гончарных традиций снижается. Подобную тенденцию уменьшения сформированности функциональной части, по предложению Ю.Б. Цетлина, принято называть регрессивной [2018a, с. 177–178]. Традиция изготовления 4-частных форм является менее распространенной и, видимо, имеет те же тенденции к снижению степени сформированности тулова и общей пропорциональности формы, что и наиболее массовая традиция.

Сопоставление выявленных традиций формообразования с другими морфологическими особенностями данной посуды (обработкой поверхности и орнаментами), а также с погребальным обрядом и сопутствующим инвентарем позволяет предполагать, что данные различия объясняются хронологически.

Погребения северного раскопа, по всей видимости, в целом отражают немного более ранний этап функционирования кладбища, так как именно на нем чаще встречались классические андроновские (федоровские) «горшковидные» сосуды. Традиции создания форм сосудов у местного населения были в это время наиболее однородными. Материалы южного раскопа в целом можно отнести к несколько более позднему этапу. Под влиянием культурных контактов сосуды массовых традиций становились все более приземистыми, уменьшилась степень сформированности тулова и шеи. Культурный состав населения становится в это время менее однородным, андроновские гончарные традиции постепенно размываются.

Безусловно, представленный анализ форм не позволяет пока однозначно ответить на вопрос об относительной хронологии и синхронности конкретных погребений. Изучение новых коллекций сосудов из погребальных памятников предгорий Алтая позволит уточнить выводы о хронологических изменениях гончарных традиций местного андроновского населения и расширит возможности использования глиняной посуды для датирования комплексов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность за консультации при написании работы д-ру ист. наук Ю.Б. Цетлину, ведущему научному сотруднику отдела теории и методики Института археологии РАН, а также канд. ист. наук Н.Ф. Степановой и О.А. Федорук, сотрудникам Барнаульской лаборатории ИАЭТ СО РАН и Алтайского государственного университета.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Науч. ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Формы глиняных сосудов как объект изучения: Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018a. С. 11–25. http://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-254-4.11-25

Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Формы глиняных сосудов как объект изучения: Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018b. С. 26–37. http://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-254-4.26-37

Волкова Е.В. Анализ форм и орнамента сосудов Балановского могильника // Формы глиняных сосудов как объект изучения: Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018a. С. 180–191. http://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-254-4.180-191

Волкова Е.В. Об относительной устойчивости орнаментальных традиций в гончарстве (по материалам эпохи бронзы) // КСИА. 2018b. Вып. 251. С. 96–109. http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.251.96-110

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 162 с.

Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2011. 128 с.

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. Ч. 1. 274 с.

Епимахов А.В. Культуры бронзового века Южного Урала (археологические источники) // А.В. Епимахов и др. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век. История Южного Урала: В 8 т. Т. 2. Челябинск: Издательский дом ЮУрГУ, 2019. С. 50–181.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Попова О.А. Андроновский керамический комплекс могильника Рублево-VIII: Опыт классификации // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. С. 95–111.

Кирюшин Ю.Ф. Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. 108 с.

Климова А.Д. Формы глиняных сосудов из могильника позднего бронзового века у села Песчанка в Южном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 3 (58). С. 33–41.

Ковалевский С.А. Традиции орнаментации керамики из погребальных комплексов ирменской культурно-исторической общности Юга Западной Сибири: (Опыт сравнительного анализа) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. С. 128–142.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

Лопатина О.А. К изучению форм и объемов сосудов дьяковской культуры // Формы глиняных сосудов как объект изучения: Историко-культурный подход. М.: ИА РАН, 2018. С. 192–213. http://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-254-4.192-213

Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д.Г. Савинова. Кемерово: Автор. изд-во Кузбассвузиздат, 2011. С. 58–70.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Иванова Д.П. Морфологический анализ сосудов эпохи развитой бронзы (первая половина II тыс. до н.э.) лесостепного Прииртышья (по материалам погребальных комплексов Венгеровского микрорайона) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2 (58). С. 44–66.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 180 с.

Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Комплекс керамики андроновской культуры Еловского II могильника: Морфологический анализ (возможности методики В.Ф. Генинга) // Вестник КемГУ. 2015. № 2 (62). С. 114–122.

Папин Д.В., Федорук А.С. Ножи эпохи поздней бронзы — переходного от бронзы к железу времени с территории степного Обь-Иртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века / Отв. ред. С.П. Грушин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. С. 97–106.

Савко И.А. Особенности отпечатков зубчатых орнаментиров на керамике могильника андроновской (федоровской) культуры предгорий Алтая Чекановский Лог-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 624–632. http://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0624-0632

Савко И.А., Федорук О.А. Керамика могильника андроновской (федоровской) культуры Чекановский Лог-2 (комплексный анализ) // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 4 (32). С. 83–94. http://doi.org/10.14258/tpai(2020)4(32).-06

Суханов Е.В. Культурные традиции создания форм кувшинов у донских алан // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 3. С. 639–660. http://doi.org/10.32653/CH163639-660

Суханов Е.В. Об устойчивости функциональных частей глиняных сосудов: (Экспериментальное исследование) // Вестник «История керамики». Вып. 3. / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН. 2021. С. 116–143. https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-343-5.116-143

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.

Холошин П.Р. Опыт изучения величины случайных колебаний функциональных частей сосудов // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных: Материалы V Междунар. конф. молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2019. С. 204–206.

Цетлин Ю.Б. О родовых группах в составе неолитических культур центра Русской равнины // Археологическая наука: Практика, теория, история / Отв. ред. А.Н. Гей, И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2016. С. 231–247.

Цетлин Ю.Б. Керамика: Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

Цетлин Ю.Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения: Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018a. С. 124–179. http://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-254-4.124-179

Цетлин Ю.Б. Предисловие // Формы глиняных сосудов как объект изучения: Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018b. С. 7–10.

Цетлин Ю.Б. Относительная периодизация погребений и керамики могильника Отвержичи зарубинецкой культуры // КСИА. 2020. Вып. 261. С. 343–365.

ИСТОЧНИКИ

Холошин П.Р. Гончарные традиции муромы по материалам могильников Нижнего Поочья VI–XI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. 250 с.

Savko I.A. [a, b, c, *], Kholoshin P.R. [d, e], Demin M.A. [c], Sitnikov S.M. [f]

[a] Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS
Akademika Lavrentieva prosp., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
[b] Altai State University, Lenina st., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation
[c] Altai State Pedagogical University, Molodezhnaya st., 55, Barnaul, 656031, Russian Federation
[d] Paleoethnology Research Center
Novaya ploshchad', 12/5, Moscow, 109012, Russian Federation
[e] Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences
Dm. Ulyanova st., 19, Moscow, 117292, Russian Federation
[f] Autonomous non-profit organization “Altai Archaeological Society”
Kovylnaya st., 76, Barnaul, 656902, Russian Federation
E-mail: savko.ilia2016@yandex.ru (Savko I.A.); paul.r.kho@yandex.ru (Kholoshin P.R.);
mademin52@mail.ru (Demin M.A.); ssm3052007@yandex.ru (Sitnikov S.M)

Analysis of the shapes of clay vessels from the Chekanovsky Log-2 burial ground of the Andronovo (Fedorovo) Culture in the foothills of Altai

The shapes of 32 vessels from the burials of Chekanovsky Log-2 cemetery were examined by a technique applied within the historical-and-cultural approach to study pottery shapes. The analysis was carried out at the levels of general proportionality of the shape, its natural structure, and the formedness of the functional parts. The aim of the study was to characterize the pottery traditions of the Andronovo population in terms of pottery shaping and to clarify their cultural dynamics. As the result, two mass traditions were identified, manifested by vessels of similar overall proportionality (35–36 degrees) but of two different structural types: ‘Lip+Neck+Pre-Shoulder+Body+Body Base’ (5 parts) and ‘Lip+Pre-Shoulder+Body+Body Base’ (4 parts). Comparative analysis of the vessels from two excavated sections of the burial ground (northern and southern), making use of the information about other morphological features of the vessels (decoration and surface treatment), as well as about the specifics of the burial ritual, enabled revealing the dynamics in the development of the considered pottery traditions and the cultural composition of the population that used the burial ground. It appears that the vessels of 5-part shapes with a fully formed body and a more pronounced neck tend to the classical Andronovo (Fedorovo) period. They are characterized by burnished surface and ornamentation with fine-toothed stamps in a variety of geometric motifs. The vessels of these shapes prevail in the burials of the northern dig, which demonstrated considerable cultural homogeneity. The vessels of 5-part shapes with a partly-formed body and a lower neck, along with 4-part shapes, probably became more widespread in the Late Fedorovo period. These items were less thoroughly burnished, but, more often, smoothed, with simplified ornamentation applied with a coarse-toothed or smooth stamp. These traditions are represented to a greater extent in the southern dig, which, in addition, appeared to be not so homogeneous due to the distribution of squater pots of various structures. This peculiarity may attest to the increasing complexity of the cultural composition of the population and intensification of cultural contacts at the late stage of the burial ground.

Keywords: forms of clay vessels, historical and cultural approach, Andronovo (Fedorovo) Culture, burial ground Chekanovsky Log-2, Altai foothills.

Acknowledgements. The authors would like to thank Dr Yu.B. Tsetlin, leading researcher of the Theory and Methods Department of IA RAS, Dr N.F. Stepanova and Dr O.A. Fedoruk, employees of the Barnaul Laboratory of the IAET SB RAS and Altai State University.

Funding. The work was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00179 “Migrations and processes of ethno-cultural interaction as factors in the formation of multi-ethnic societies on the territory of the Great Altai in antiquity and the Middle Ages: an interdisciplinary analysis of archaeological and anthropological materials”.

* Corresponding author.

REFERENCES

Bobrinskii, A.A. (1999). Pottery technology as an object of historical and cultural studies. In: A.A. Bobrinskii (Ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, 5–109. (Rus.).

Bobrinskii, A.A. (2018a). On the method of studying the shape of pottery from archaeological excavations. In: Y.B. Tsetlin (Ed.). *Formy glinianykh sosudov kak ob"ekt izucheniia: Istoriko-kul'turnyi podkhod*. Moscow: IA RAN, 11–25. (Rus.). http://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-254-4.11-25

Bobrinskii, A.A. (2018b). Functional parts in the composition of pottery containers. In: Y.B. Tsetlin (Ed.). *Formy glinianykh sosudov kak ob"ekt izucheniia: Istoriko-kul'turnyi podkhod*. Moscow: IA RAN, 26–37. (Rus.). http://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-254-4.26-37

Demin, M.A., Sitnikov, S.M. (2007). *Materials of the Gilevo archaeological expedition.* Barnaul: Izd-vo BGPU. (Rus.)

Demin, M.A., Zaprudskii, S.S., Sitnikov, S.M. (2011). *Andronovo ornaments of the Gilevo archaeological microregion*. Barnaul: Izd-vo AltGPA. (Rus.)

Epimakhov, A.V. (2019). Bronze Age Culture of the South Urals: (Archaeological sources). In: A.V. Epimakhov et al. *Iuzhnyi Ural v nachale epokhi metallov. Bronzovyi vek. Istoriya Iuzhnogo Urala: V 8 t. T. 2*. Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU, 50–181. (Rus.).

Griaznov, M.P. (1956). *The history of the ancient tribes of the Upper Ob by excavations near the village Bolshaya Rechka*. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (48). (Rus.).

Kholoshin, P.R. (2019). Experience in studying magnitude of random variations of functional parts of vessels. In: V.E. Rodinkova (Ed.). *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: Ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh: Materialy V Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh*. Moscow: IA RAN, 204–206. (Rus.).

Kiryushin, Yu.F., Papin, D.V., Fedoruk, O.A. (2015). *Andronovo culture in Altai (based on materials from burial complexes)*. Barnaul: Izd-vo AltGU. (Rus.).

Kiryushin, Yu.F., Papin, D.V., Popova, O.A. (2010). Andronovo ceramic complex of the Rublevo-VIII burial ground: Classification experience. In: Yu.F. Kiryushin (Ed.). *Khoziaistvenno-kul'turnye traditsii Altaia v epokhu bronzy*. Barnaul: Izd-vo AltGU, 95–111. (Rus.).

Klimova, A.D. (2022). Shapes of clay vessels from the burial ground of the Late Bronze Age near the village of Peschanka in the Southern Transurals. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 58(3), 33–41. (Rus.).

Kovalevskii, S.A. (2010). Traditions of ceramic ornamentation from the burial complexes of the Irmen cultural and historical community of the South of Western Siberia: (An experience of comparative analysis). In: Yu.F. Kiryushin (Ed.). *Khozyaistvenno-kul'turnye traditsii Altaya v epokhu bronzy*. Barnaul: Izd-vo AltGU, 128–142. (Rus.).

Kuz'mina, E.E. (2008). *Classification and periodization of sites of Andronovo cultural community*. Aktobe: PrintA. (Rus.).

Lopatina, O.A. (2018). To the study of the forms and volumes of vessels of the Dyakovo culture. In: Y.B. Tsetlin (Ed.). *Formy glinianykh sosudov kak ob"ekt izucheniia: Istoriko-kul'turnyi podkhod*. Moscow: IA RAN, 192–213. (Rus.). http://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-254-4.192-213

Molodin, V.I. (2011). Migration of the bearers of the Andronovo cultural and historical community to the Baraba forest-steppe. In: *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii: K 70-letiyu D.G. Savinova*. Kemerovo: Avtorskoe izdatel'stvo Kuzbassvuzizdat, 58–70. (Rus.).

Molodin, V.I., Myl'nikova, L.N., Ivanova, D.P. (2014). Morphological Analysis of Vessels of the Developed Bronze Age (first half of the II millennium BC) of the Forest-Steppe Irtysh Basin (based on the materials of the burial complexes of the Vengerovo microdistrict). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 58(2), 44–66. (Rus.).

Molodin, V.I., Mylnikova, L.N., Selin, D.V., Neskorov, A.V. (2017). *Eastern variant of the Pakhomovo culture in Central Baraba*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).

Myl'nikova, L.N., Selin, D.V. (2015). A Collection of Ceramics of the Andronovo culture of the Elovskiy II Burial Ground: Morphological Analysis (possibilities of V.F. Gening's method). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 62(2), 114–122. (Rus.).

Papin, D.V., Fedoruk, A.S. (2006). Knives of the late Bronze Age — transitional time from bronze to iron from the territory of the steppe Ob-Irtysh region. In: S.P. Grushin (Ed.). *Altai v sisteme metallurgicheskikh provintsii bronzovogo veka*. Barnaul: Izd-vo AltGU, 97–106. (Rus.).

Savko, I.A. (2021). Features of Impressions of Serrated Ornaments on Ceramics of the Andronovo (Fedorovo) Culture Burial Ground in the Altai Foothills Chekanovsky Log-2. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, (27), 624–632. (Rus.). http://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0624-0632

Savko, I.A., Fedoruk, O.A. (2020). Ceramics of the burial ground of the Andronovo (Fedorovo) culture Chekanovsky log-2 (comprehensive analysis). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, 32(4), 83–94. (Rus.). http://doi.org/10.14258/tpai(2020)4(32).-06

Sukhanov, E.V. (2020). Cultural traditions of jug shapes among Don Alans. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza*, 16(3), 639–660. (Rus.). http://doi.org/10.32653/CH163639-660

Sukhanov, E.V. (2021). On the stability of the functional parts of clay vessels: (Experimental research). In: Y.B. Tsetlin (Ed.). *Vestnik «Istoriia keramiki». Vypusk 3*. Moscow: IA RAN, 116–143. (Rus.). https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-343-5.116-143

Tkacheva, N.A., Tkachev, A.A. (2008). *The Bronze Age of the Upper Irtysh*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Tsetlin, Y.B. (2016). Gentes groups in the composition of the Neolithic cultures of the center of the Russian Plain. In A.N. Gei, I.A. Sorokina (Eds.). *Arkheologicheskaya nauka: Praktika, teoriya, istoriya.* Moscow: IA RAN, 231–247. (Rus.).

Tsetlin, Y.B. (2017). *Ceramics*: *Concepts and definitions of the Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: IA RAN. (Rus.).

Tsetlin, Y.B. (2018a). On general approach and method of system research of clay vessels shapes. In: Y.B. Tsetlin (Ed.). *Formy glinianykh sosudov kak ob"ekt izucheniia: Istoriko-kul'turnyi podkhod*. Moscow: IA RAN, 124–179. (Rus.). http://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-254-4.124-179

Tsetlin, Y.B. (2018b). Foreword. In: Y.B. Tsetlin (Ed.). *Formy glinianykh sosudov kak ob"ekt izucheniia: Istoriko-kul'turnyi podkhod*. Moscow: IA RAN, 7–10. (Rus.).

Tsetlin, Y.B. (2020). Relative periodization of the burials and ceramics at the Otverzhichi cemetery of the Zarubintsy culture. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (261), 343–365. (Rus.). http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.343-365

Volkova, E.V. (2018a). Analysis of Forms and Ornaments of the Vessels of the Balanovsky Burial Ground. In: Y.B. Tsetlin (Ed.). *Formy glinianykh sosudov kak ob"ekt izucheniia: Istoriko-kul'turnyi podkhod*. Moscow: IA RAN, 180–191. (Rus.). http://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-254-4.180-191

Volkova, E.V. (2018b). Relative stability of ornamental pottery traditions (based on Bronze Age materials). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (251), 96–109. (Rus.). http://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-254-4.180-191

Савко И.А., https://orcid.org/0000-0002-7463-7333
Холошин П.Р., https://orcid.org/0000-0002-5660-7827
Демин М.А., https://orcid.org/0000-0003-0954-9297
Ситников С.М., https://orcid.org/0000-0002-7277-3227

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 25.09.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-4

Берсенев Е.В.

Уфимский университет науки и технологий, ул. Заки Валиди, 32, Уфа, 450076
E-mail: egor215@bk.ru

АБЗАКОВСКИЙ КЛАД ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАШКИРСКОМ ЗАУРАЛЬЕ

Статья посвящена кладу бронзовых серпов, обнаруженному в 1970 г. в Баймакском районе Башкортостана. За прошедшие 50 лет материалы комплекса не получили достаточного освещения в научной литературе, несмотря на редкость данной категории памятников для Южно-Уральского региона. Данная работа является обобщающей и уточняющей имеющиеся сведения публикацией. Сравнение изделий Абзаковского клада с известными аналогиями с памятников Зауралья позволяет достаточно четко связывать данный комплекс с алакульской археологической культурой.

Ключевые слова: эпоха бронзы, клад, серп, Зауралье, Башкирия, алакульская культура.

Введение

Находки кладов эпохи бронзы применительно к Южному Уралу — явление достаточно редкое, а потому каждая находка событие в целом знаковое. Так, на территории Республики Башкортостан, включающей сотни поселенческих и погребальных памятников эпохи бронзы, известны лишь единичные комплексы этого времени, которые могут достаточно уверенно интерпретироваться в качестве кладов.

К числу наиболее часто встречаемых предметов, входящих в состав кладов с территории Башкортостана, относятся серпы или серповидные орудия. Таковые известны по материалам находок у с. Красный Яр, Миловского, Ибракаевского, Бахчинского и Абзаковского кладов.

Эти материалы по большей части давно описаны как в отдельных статьях, так и в обобщающих работах. Абзаковский клад, который, к слову, единственный из известных происходит с территории Башкирского Зауралья, хоть и не стал предметом отдельной публикации, но получил некоторое освещение в ряде работ. В то же время обращение к материалам самого клада, хранящимся в Национальном музее Республики Башкортостан, показало необходимость отдельной публикации, обобщающей и уточняющей имеющиеся сведения, подкрепленной новыми детализированными изображениями находок.

Важной остается проблема определения культурной принадлежности кладов. Так, например, Ибракаевский и Бахчинский клады с территории Башкирского Приуралья достаточно надежно связываются со срубной культурно-исторической общностью, в силу их обнаружения в контексте именно срубных памятников, к которым также можно отнести Миловский клад ввиду типологического сходства [Ахмеров, 1955; Обыденнов, 1989; Дергачев, Бочкарев, 2002]. В случае же с Абзаковским кладом культурная атрибуция осложняется неустановленным контекстом его обнаружения, а также местом расположения находки — Южное Зауралье, являвшееся зоной активных контактов срубной и андроновской общностей. Тем не менее в научной литературе культурная принадлежность абзаковских находок уже обсуждалась и получала достаточно убедительные доводы. Кратко остановимся на истории изучения комплекса.

История изучения клада

В 1970 г. при земляных работах (рытье подполья) на территории личного участка жительницы д. Абзаково Баймакского района Башкирской АССР были обнаружены 13 бронзовых серпов, сложенных в одном месте кучкой, иных предметов при этом не найдено [АКБ, № 1861, с. 197]. На какой глубине залегали находки, неизвестно. Местным жителем И.А. Газиным серпы были переданы в отдел дореволюционного периода Башкирского государственного краеведческого музея (ныне — Национальный музей Республики Башкортостан). В настоящее время в Национальном музее Республики Башкортостан хранится только 10 абзаковских серпов [НМ РБ. ФА. ОФ 6445]. Судя по имеющимся документам, 2 из 13 были утеряны, а местонахождение еще одного неизвестно.

О культурной принадлежности клада в литературе впервые высказался Н.А. Мажитов. В своей научно-популярной книге «Тайны Древнего Урала» он, никак не описывая находки, предположил, что серпы могут быть связаны с носителями срубной культуры. Кроме того, автор от-

метил, что на орудиях отсутствуют следы использования, а закопаны они были сразу же после изготовления [Мажитов, 1973, с. 35].

Равную возможность принадлежности абзаковских серпов как к срубной, так и к андроновской общности отмечал М.Ф. Обыденнов [1989, с. 90], впервые представивший прорисовки контуров 12 серпов, которые, правда, не отличались детализированностью и имели довольно условный характер. Более подробные сведения, включая описание изделий, отсутствовали [Обыденнов, 1996, с. 109, 118, 120].

Наиболее подробные данные о предметах клада были представлены в работе В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева, посвященной серпам эпохи поздней бронзы на территории Восточной Европы. В соответствии с предложенной типологией один из серпов Абзаковского клада авторами был выделен в петровский тип Уральской группы, датируемый в пределах 2000–1600 гг. до н.э. и в культурном отношении связанный с петровской культурой [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 36, 41]. Основная же часть абзаковских серпов (в количестве 11 шт.) была отнесена авторами к так называемому кундравинскому типу, датируемому в пределах 1600–1400 гг. до н.э. Его происхождение, как отмечают исследователи, по всей видимости, связано с алакульской культурой [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 43, 47]. В целом, работа В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева содержит краткое описание каждого серпа с указанием метрических характеристик и прорисовки, ранее представленные в работе М.Ф. Обыденнова.

Наконец, восемь орудий Абзаковского клада были подвергнуты рентгено-флуоресцентному анализу в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (табл. 1) [Луньков и др., 2009]. Результаты анализов показали, что серпы изготовлены из чистой меди, легирующие компоненты Sn, As либо отсутствуют, либо содержатся в сотых долях процента. В нескольких орудиях зафиксированы примеси цинка в десятых долях процента (0,1–0,36 %).

Таблица 1

Результаты рентгено-флуоресцентного анализа серпов Абзаковского клада (по: [Луньков и др., 2009])

Table 1

Results of X-ray fluorescence analysis of crescents from the Abzakov hoard (on: [Lunkov et al., 2009])

Рис.	№ анализа	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Химико-металлич. группа
2, *1*	49139	Осн.	—	<0,05	0,1	?	0,03	0,01	0,01	0,09	0,01	—	—	Cu
2, *2*	49137	Осн.	—	0,06	—	0,03	0,02	0,02	0,01	<0,02	—	—	—	Cu
2, *3*	49142	Осн.	—	0,07	—	0,03	0,02	—	0,01	<0,04	0,01	—	—	Cu
2, *5*	49140	Осн.	—	0,07	0,07	0,03	0,02	0,02	—	<0,02	—	—	—	Cu
2, *6*	49141	Осн.	—	0,1	0,36	?	0,01	—	—	<0,02	0,07	—	—	Cu
2, *7*	49138	Осн.	—	0,07	0,3	?	0,01	—	0,01	<0,02	0,03	—	—	Cu
2, *8*	49135	Осн.	—	0,07	0,14	?	0,01	0,01	0,01	<0,01	0,03	—	—	Cu
2, *10*	49136	Осн.	—	0,07	0,09	?	0,02	0,01	0,01	<0,02	0,02	—	—	Cu

Методы

В литературе, посвященной серпам и серповидным орудиям, исследователями дан ряд классификаций данной категории находок. Е.Н. Черных предложена схема, включающая две большие группы серпов эпохи бронзы (с крюком и без крюка), которые, в свою очередь, состоят из нескольких подгрупп, отличающихся по степени изгиба лезвия (от прямого к сильно изогнутому) и наличию/отсутствию черешка [Черных, 1970, с. 63]. Довольно сложная классификация жатвенных орудий эпохи бронзы Н.А. Аванесовой представлена типами, выделенными по характеру функциональной нагрузки. В основе классификации лежат такие признаки, как: размеры, определяемые длиной основания, характер крепления рукояти, величина и характер изгиба (принимается во внимание симметричность/асимметричность орудия) [Аванесова, 1991, с. 18–19]. Классификация серпов В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева основана на метрических показателях и их соотношении (максимальная длина, ширина и высота дуги изгиба лезвия) [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 27].

Повторное обращение к материалам Абзаковского клада позволило скорректировать и уточнить ранее представленные данные по параметрам серпов, а также предложить вместо условных прорисовок контуров находок полноценные изображения. При описании орудий учитывались общая длина, максимальная ширина, высота изгиба лезвия, длина лезвийной кромки, толщина обуха (спинки), а также коэффициент изгиба лезвия (отношение дуги изгиба к общей длине).

Материалы

Серп 1 (рис. 1, *1*; рис. 2, *1*). Длина — 25,5 см, длина лезвийной части — 22,3 см, ширина — 3,3 см, высота изгиба лезвия — 4,4 см, толщина обуха — 0,3 см, коэффициент изгиба лезвия — 1/7. Симметричен, клиновидный в сечении, с сужающимся острием. Кромка лезвия выражена с двух сторон. Черешок сужающийся с сильно выраженным уступом со стороны лезвия и прямой пяткой. Видны следы проковки.

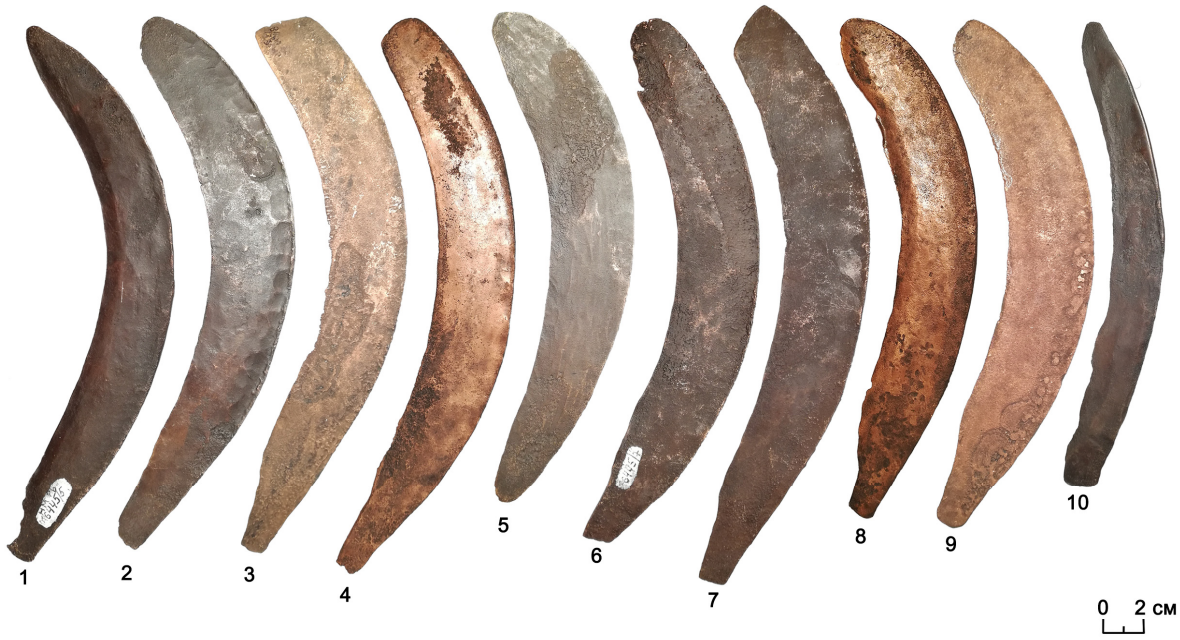


Рис. 1. Медные серпы из состава Абзаковского клада.
Fig. 1. Copper sickles from the Abzakovsky hoard.

Серп 2 (рис. 1, *2*; рис. 2, *2*). Длина — 26 см, длина лезвийной части — 15,8 см, ширина — 4,1 см, высота изгиба лезвия — 4 см, толщина обуха — 0,3 см, коэффициент изгиба лезвия — 1/7. Асимметричен, клиновидный в сечении, без выраженной кромки лезвия. Острие лезвия закруглено. Черешок сужающийся с небольшим уступом со стороны лезвия и прямой пяткой. Хорошо видны следы проковки.

Таблица 2

Метрические характеристики серпов Абзаковского клада

Table 2

Metric characteristics of sickles of the Abzakovsky hoard

№	Максимальная длина	Длина лезвийной части	Максимальная ширина	Высота изгиба	Коэффициент изгиба лезвия	Толщина
1	25,5 см	22,3 см	3,3 см	4,4 см	1/6	0,3 см
2	26 см	15,8 см	4,1 см	4 см	1/6	0,3 см
3	26 см	19 см	3,8 см	4,1 см	1/6	0,3 см
4	27,1 см	21,9 см	3,8 см	3,7 см	1/7	0,4 см
5	24 см	18,5 см	4 см	2,8 см	1/8	0,4 см
6	26,2 см	19,2 см	4 см	3,4 см	1/8	0,3 см
7	28 см	23,5 см	4,2 см	3,2 см	1/9	0,3 см
8	24,6 см	19,4 см	3,7 см	2,8 см	1/9	0,4 см
9	24,3 см	19 см	4 см	2,8 см	1/9	0,4 см
10	23,3 см	20,3 см	2,6 см	1,9 см	1/12	0,3 см

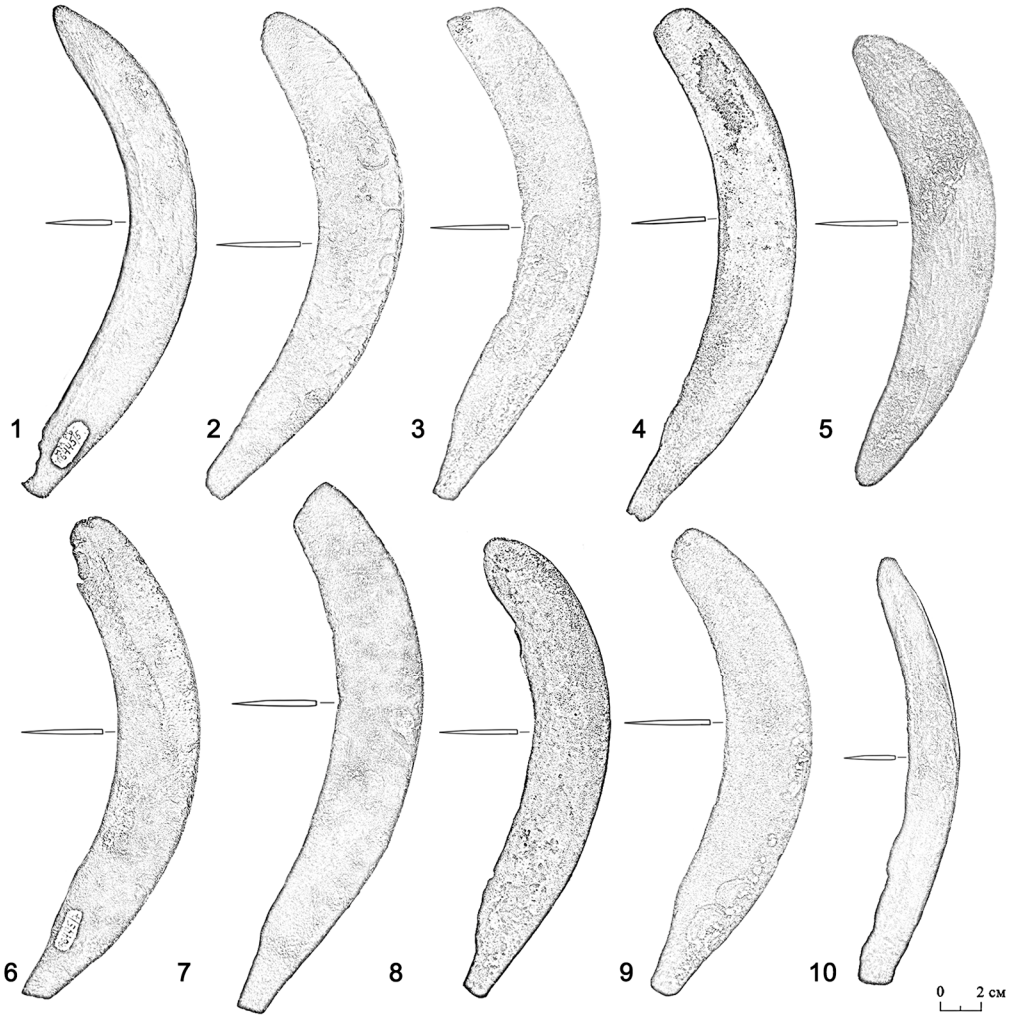


Рис. 2. Серпы из состава Абзаковского клада.
Fig. 2. Copper sickles from the Abzakovsky hoard.

Серп 3 (рис. 1, *3*; рис. 2, *3*). Длина — 26 см, длина лезвийной части — 19 см, ширина — 3,8 см, высота изгиба лезвия — 4,1 см, толщина обуха — 0,3 см, коэффициент изгиба лезвия — 1/7. Симметричен, клиновидный в сечении, с обломанным прямым острием. Лезвие без выраженной кромки. Черешок сужающийся с уступом и прямой пяткой.

Серп 4 (рис. 1, *4*; рис. 2, *4*). Длина — 27,1 см, длина лезвийной части — 21,9 см, ширина — 3,8 см, высота изгиба лезвия — 3,7 см, толщина обуха — 0,4 см, коэффициент изгиба лезвия — 1/7. Симметричен, клиновидный в сечении, без выраженной кромки лезвия. Острие лезвия практически прямое. Черешок сужающийся с небольшим уступом со стороны лезвия и прямой пяткой.

Серп 5 (рис. 1, *5*; рис. 2, *5*). Длина — 24 см, длина лезвийной части — 18,5 см, ширина — 4 см, высота изгиба лезвия — 2,8 см, толщина обуха — 0,4 см, коэффициент изгиба лезвия — 1/8. Симметричен, клиновидный в сечении, с округлым острием. Не имеет выраженной лезвийной кромки. Лезвие плавно переходит к рукояти, в отличие от других серпов клада не имеет уступа при переходе от лезвия к черешку, имеет округлую пятку.

Серп 6 (рис. 1, *6*; рис. 2, *6*). Длина — 26,2 см, длина лезвийной части — 19,2 см, ширина — 4 см, высота изгиба лезвия — 3,4 см, толщина обуха — 0,3 см, коэффициент изгиба лезвия — 1/8. Симметричен, клиновидный в сечении. Острие клинка плавно закруглено, лезвие ближе к острию повреждено (возможно — брак). Кромка лезвия выражена с одной стороны. Видны следы проковки. Черешок сужающийся с уступом и прямой пяткой.

Серп 7 (рис. 1, *7*; рис. 2, *7*). Длина — 28 см, длина лезвийной части — 23,5 см, ширина — 4,2 см, высота изгиба лезвия — 3,2 см, толщина обуха — 0,3 см, коэффициент изгиба лезвия — 1/9. Симметричен, клиновидный в сечении, без выраженной кромки лезвия и с прямым острием. Черешок сужающийся с небольшим уступом со стороны лезвия и прямой пяткой.

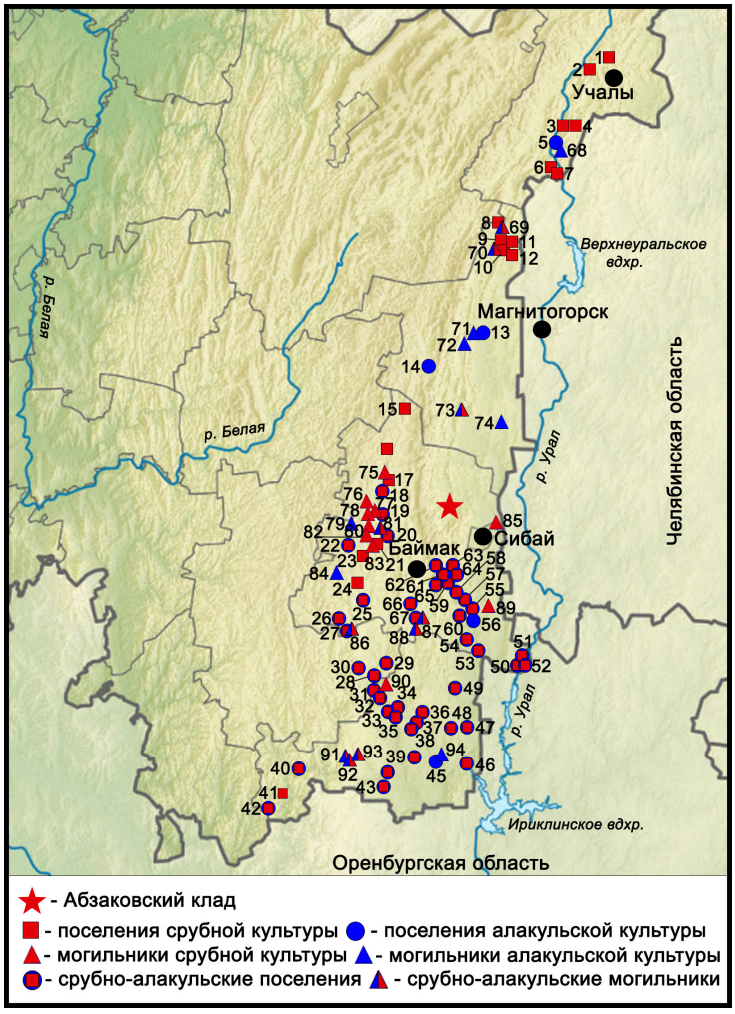


Рис. 3. Карта памятников срубной и алакульской культур Башкирского Зауралья (по: [Бадер, 1976; Морозов, 1996; Обыденнов, Банников, 1982; Бахшиев, 2010; Рафикова, Федоров, 2017]).
Fig. 3. Map of the monuments of the Srubnaya and Alakul cultures within the Bashkir Trans-Urals (to: [Bader, 1976; Morozov, 1996; Obydennov, Bannikov, 1982; Bakhshiev, 2010; Rafikova, Fedorov, 2017]).

Серп 8 (рис. 1, *8*; рис. 2, *8*). Длина — 24,6 см, длина лезвийной части — 19,4 см, ширина — 3,7 см, высота изгиба лезвия — 2,8 см, обух — 0,4 см, коэффициент изгиба лезвия — 1/9. Симметричен, клиновидный в сечении. Острие клинка плавно закруглено. Кромка лезвия выражена с одной стороны. Черешок сужающийся с выраженным уступом и прямой пяткой.

Серп 9 (рис. 1, *9*; рис. 2, *9*). Длина — 24,3 см, длина лезвийной части — 19 см, ширина — 4 см, высота изгиба лезвия — 2,8 см, толщина обуха — 0,4 см, коэффициент изгиба лезвия — 1/9. Симметричен, клиновидный в сечении, без выраженной кромки лезвия, с закругленным острием. Черешок сужающийся с небольшим уступом со стороны лезвия и прямой пяткой.

Серп 10 (рис. 1, *10*; рис. 2, *10*). Длина — 23,3 см, длина лезвийной части — 20,3 см, ширина — 2,6 см, высота изгиба лезвия — 1,9 см, толщина обуха — 0,3 см, коэффициент изгиба лезвия — 1/12. Симметричен, клиновидный в сечении, с выраженной кромкой лезвия с двух сторон и по всей длине. Острие округлое, несколько оттянуто к верху, черешок прямой. Самый узкий и короткий серп из всей коллекции.

Обсуждение

В целом, результаты изучения показывают, что практически все орудия клада можно отнести к одному типу — кундравинскому (рис. 1, *1–9*; 2, *1–9*), еще один — к петровскому типу (рис. 1, *10*; 2, *10*). Различия между ними выражены в показателях как длины-ширины, так и степени изогнутости (серп № 10 — самый узкий, короткий и наименее изогнутый из всей коллекции). Кроме того, орудия кундравинского типа отличает оформление рукояточной части — сужающийся черешок у них отделен от лезвия уступчиком, в отличие от прямого черешка серпа № 10.

Описанные орудия № 1–9 находят аналогии на ряде памятников Зауралья. Так, два серпа происходят с поселения Камбулат II [Чебакова, 1975, с. 99] и один — с поселения Черняки III алакульской культуры [Стоколос, 1972, с. 37]. Еще три орудия входили в состав Гладунинского клада, обнаруженного в 2011 г. в Курганской области, также соотносимого исследователями с алакульскими древностями, наряду с серпами с поселений Ук III, Высокая Грива, Варакасово, Ушкаты I, Камбулат I, Черняки III, Синеглазово [Аванесова, 1991, с. 19; Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 45–46; Корочкова и др., 2013, с. 129–130, 132]. Аналогичные орудия Е.Н. Черных связывает с андроновской общностью [Черных, 1970, с. 63–64]. Клад из пяти бронзовых серпов известен по материалам поселения Лебяжье VI, связываемого с кругом срубно-алакульских древностей. Три из них соотносятся с кундравинским типом, характерным для алакульской культуры, а два — с Ибракаевским, связанным со срубным кругом памятников, что указывает на синхронность орудий данных типов [Петрова, 2004, с. 203–204; Бочкарев, 2012, с. 195].

Два серпа, аналогичные абзаковскому № 10, происходят из культурного слоя укрепленного поселения Устье и связываются с группой типа Петровка согласно типологии В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева [Виноградов, 2013, с. 7–8].

Принимая во внимание месторасположение клада — Башкирское Зауралье (часть Южного Зауралья) (рис. 3), а также четкие аналогии в материалах алакульских памятников, на наш взгляд, рассматривать происхождение данного комплекса следует именно в связи с алакульскими традициями.

Благодарность. Автор выражает благодарность сотрудникам Национального музея Республики Башкортостан за предоставленную возможность работы с материалами фонда «Археология».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесова А.Н. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан, 1991. 202 с.

Ахмеров Р.Б. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии // КСИИМК. 1955. № 59. С. 81–85.

Бадер О.Н. (отв. ред.). Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 267 с.

Бочкарев В.С. К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Рос. археол. ежегодник. 2012. № 2. С. 194–214.

Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3. С. 4–30.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высш. антропол. школа, 2002. 348 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Усачев Е.В., Ханов С.А. Гладунинский клад эпохи бронзы // УИВ. 2013. № 2. С. 129–136.

Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В. Рентгено-флуоресцентный анализ: начало исследований химического состава древнего металла // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1 / РАН, Ин-т археологии; Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2009. С. 84–110.

Мажитов Н.А. Тайны Древнего Урала: Археология, ученые, открытия, гипотезы. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1973. 183 с.

Морозов Ю.А. (отв. ред.). История культуры Башкортостана: (Комплект научных и учебных материалов). Уфа: Гилем, 1996. 280 с. (Археологические памятники Башкортостана; Вып. 6).

Обыденнов М.Ф. Бахчинский клад срубной культуры в Южном Приуралье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 85–92.

Обыденнов М.Ф. Сведения о находках металлических изделий бронзового века на Южном Урале // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа: Вост. ун-т, 1996. С. 105–123.

Обыденнов М.Ф., Банников В.А. Каталог памятников археологии Башкирии, открытых в 1971–1980 гг. Уфа: Баш. респ. отд-ние ВООПИК, 1982. 80 с.

Петрова Л.Ю. Поселение эпохи бронзы Лебяжье VI // Вестник ЧелГПУ. Сер. 1, Историч. науки. 2004. № 2. С. 181–206.

Рафикова Я.В., Федоров В.К. Курганы Южного Зауралья. Кн. I: Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2017. 244 с.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 169 с.

Чебакова Т.Н. Андроновские поселения в верховьях р. Увельки // ВАУ. 1975. № 13. С. 92–108.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 181 с.

ИСТОЧНИКИ

Бахшиев И.И. Культурное взаимодействие населения Башкирского Зауралья в эпоху бронзы: по материалам поселенческих памятников: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010.

Bersenev E.V.

Ufa University of Science and Technology, Zaki Validi st., 32, Ufa, 450076, Russian Federation

E-mail: egor215@bk.ru

Abzakovo hoard of the Bronze Age in the Bashkir Trans-Urals

The paper is concerned with the results of the study of a hoard of bronze sickles discovered in 1970 in Baimaksky District of Bashkortostan. Originally, it comprised 13 items, but as of today three of them have got lost, and the collection numbers to only 10 sickles reposited in the National Museum of the Republic of Bashkortostan. It stands out that the items are lacking clear traces of use. Over the past 50 years, materials of the complex have not received sufficient coverage in the scientific literature, despite the rarity of this category of finds for the South Urals region in general, and for the territory of Bashkortostan in particular. This paper constitutes the first publication which combines and refines information about the hoard available in the scientific literature; it also provides a description of each item with updated and further detailed data on their parameters (length, width, thickness, bending height, etc.). In addition, the paper introduces in the scientific discourse photographic images of the bronze objects of the complex, which have been absent until now, instead of rather schematic drawings. Revisiting the materials of the hoard allowed it to observe that the data which was available in the literature had some inaccuracies, associated primarily with the parameters of the objects, the study of which helped clarify and extend the information on the description of the sickles remaining to date. The analysis of the material shows that the considered set of reaping tools has some analogies originating from the Bronze Age sites of the Trans-Urals, both from similar hoards and from settlements, cultural identity of which is determined quite clearly and is attributed by researchers to the Alakul antiquities. For this reason, the origins of the Abzakovo hoard are also associated with the representatives of traditions of the Alakul archaeological culture.

Keywords: Bronze Age, hoard, sickle, Trans-Ural, Bashkiria, Alakul Culture.

Acknowlegments. The author expresses his gratitude to the staff of the National Museum of the Republic of Bashkortostan for the opportunity to work with the materials of the “Archaeology” fund.

REFERENCES

Akhmerov, R.B. (1955). Monuments of the Srubno-Khvalyn culture in Bashkiria. *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*, (59), 81–85. (Rus.).

Avanesova, A.N. (1991). *The Culture of Shepherd Tribes of the Bronze Age of the Asian Part of the USSR (for metal products)*. Tashkent: Fan. (Rus.).

Bader, O.N. (Ed.) (1976). *Archaeological map of Bashkiria*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Bochkarev, V.S. (2012). On the Question of the Use of Metal Hooks and Hool Type Tools in the Steppe (pastoral) Cultures of the Late Bronze Age of Eastern Europe. *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik*, (2), 194–214. (Rus.).

Chebakova, T.N. (1975). Andronovo settlements in upper Uvelka river. *Voprosy arkheologii Urala*, (13), 92–108. (Rus.).

Chernykh, E.N. (1970). *The earliest metallurgy of the Urals and Volga*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Dergachev, V.A., Bochkaryov, V.S. (2002). *Metal sickles of late bronze from Eastern Europe*. Kishinev: Vysshaia antropologicheskaia shkola. (Rus.).

Korochkova, O.N., Stefanov, V.I., Usachev, E.V., Khanov, S.A. (2013). Gladunino hoard of the Bronze Age. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 39(2), 129–136. (Rus.).

Lun'kov, V.Yu., Orlovskaya, L.B., Kuz'minykh, S.V. (2009). X-ray fluorescent analysis: beginning of researches of the chemical composition of ancient metal. In: E.N. Chernykh (Ed.). *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov*, (1). Moscow: Institut arkheologii RAN, 84–110 (Rus.).

Mazhitov, N.A. (1973). *Mysteries of the Ancient Urals: Archaeology, scientists, discoveries, hypotheses*. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvovo. (Rus.).

Morozov, Yu.A. (Ed.) (1996). *History of culture of Bashkortostan: (Set of scientific and educational materials).* Ufa: Gilem. (Rus.).

Obydennov, M.F. (1989). Bakhchinskiy hoard of srubnaya culture in Southern Urals. In: *Materialy po epokhe bronzy i rannego zheleza luzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ia*. Ufa: BNTs UrO AN SSSR, 85–92. (Rus.).

Obydennov, M.F. (1996). Information about findings of metal products of a bronze age in Southern Ural Mountains. In: *Aktual'nye problemy drevnei istorii i arkheologii luzhnogo Urala*. Ufa: Vostochnyi universitet, 105–123. (Rus.).

Obydennov, M.F., Bannikov, V.A. (Eds.) (1982). Catalog of archeological sites of Bashkiria discovered in 1971–1980s. Ufa: Bashk. resp. otd-nie WOOPIC. (Rus.).

Petrova, L.Yu. (2004). Settlement of the Bronze Age Lebyazhye VI (publication of materials from security excavations). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. *Seriya 1, Istoricheskie nauki*, (2), 181–206. (Rus.).

Rafikova, Ya.V., Fedorov, V.K. (2017). *The Southern Trans-Ural Kurgans. Book 1: Uchalinskiy and Abzelilovskiy Districtsof the Bashkortotastan Republic*. Ufa: Kitap. (Rus.).

Stokolos, V.S. (1972). *Culture of the Bronze Age population of the Southern Urals*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Vinogradov, N.B., Degtyareva, A.D., Kuzminykh, S.V. (2013). Metallurgy and metalworking in the life of the inhabitants of the fortified settlement Ustye 1. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 4–30. (Rus.).

Берсенев Е.В., https://orcid.org/0000-0001-8276-7392

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 17.10.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-5

Проконова М.М.

Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: m.m.prokonova@utmn.ru

ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТА ИЗ ПАМЯТНИКОВ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО НАСЕЛЕНИЯ С КОЧЕВНИКАМИ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

Представлен анализ динамики форм каменных жертвенников, глиняных блюд и курильниц из памятников саргатской культуры — предметов, которые рассматриваются в качестве маркеров культурных и торгово-обменных связей местного населения с кочевниками урало-казахстанских степей и сопредельными регионами. Определены хронологические и территориальные рамки бытования изделий разных типов, особенности их использования населением саргатской культуры, а также причины их появления и дальнейшего распространения на территории лесостепной зоны Тоболо-Иртышья и Барабинской лесостепи.

Ключевые слова: Западная Сибирь, ранний железный век, саргатская культура, предметы культа, курильницы, керамические блюда, каменные жертвенники.

Введение

На обширных территориях евразийских степей в раннем железном веке проживали группы населения, в погребальном обряде которых особое место занимали изделия, предназначенные для отправления культов. Считается, что курильницы, глиняные блюда и каменные алтарики являются привнесенными в саргатскую среду элементами. Появление прямоугольных жертвенников на ножках связывалось с контактами населения саргатской культуры с савроматами [Корякова, 1988, с. 83; Могильников, 1992, с. 305; Матвеева, 2000, с. 71], а овальных без опоры и на ножках — с саками [Корякова, 1988, с. 83; Полосьмак, 1987, с. 87; Могильников, 1992, с. 309; Матвеева, 2000, с. 71]. Распространение глиняных блюд объяснялось сарматским [Полосьмак, 1987, с. 87] и сакским [Матвеева, 2000, с. 71] влиянием. Курильницы появились в Тоболо-Иртышье в результате контактов саргатского населения с сарматами [Смирнов, 1973, с. 173; Матвеева, 2000, с. 71]. При этом исследователи отмечали разные варианты появления данных изделий у носителей саргатской культуры: в результате торговли с сопредельными территориями [Матвеева, 2000, с. 68] и инфильтрации кочевых групп в местную среду [Корякова, 1988, с. 158–159; Могильников, 1981, с. 101]. Выводы делались на основании небольших серий предметов. Несмотря на наличие обобщающих работ по отдельным категориям предметов культа из комплексов саргатской культуры [Полосьмак, 1984; Трофимов, 2017; Маргарян, 2018; Зах, 2021], информацию, представленную в них, нельзя назвать исчерпывающей. Круг источников, как правило, ограничивался опубликованными вещами, в результате чего не был учтен целый ряд изделий, а отдельные ареалы саргатской культуры не получили достаточной репрезентации. Изучение полного массива источников в территориально-хронологическом контексте позволит проследить процесс появления данных изделий в саргатской среде и динамику развития отдельных традиций, что в дальнейшем поможет в реконструкции торгово-обменных и этнокультурных связей местного населения, а также путей миграций кочевых племен в лесостепь Западной Сибири.

Источники

Основным источником исследования выступили курильницы, каменные жертвенники и глиняные блюда из погребальных и поселенческих комплексов саргатской культуры, занимающих территорию от восточного склона Уральских гор на западе до Барабинской лесостепи на востоке и от южной периферии тайги на севере до северной границы со степью на юге (рис. 1).

В работе учтено 39 курильниц, представляющих собой миниатюрные, разнообразные по форме глиняные сосуды, зачастую со сквозными отверстиями в стенках. Единственная классификационная схема курильниц саргатской культуры предложена Н.П. Матвеевой, разделившей семь сосудов из памятников Притоболья на чашевидные, стакановидные, цилиндрические с сосцевидным выступом и в виде вазы на поддоне с перегородкой в чаше [1993, с. 114]. За по-

следние десятилетия источниковая база значительно пополнилась новыми материалами, в связи с чем появилась возможность детализировать предложенную типологию.

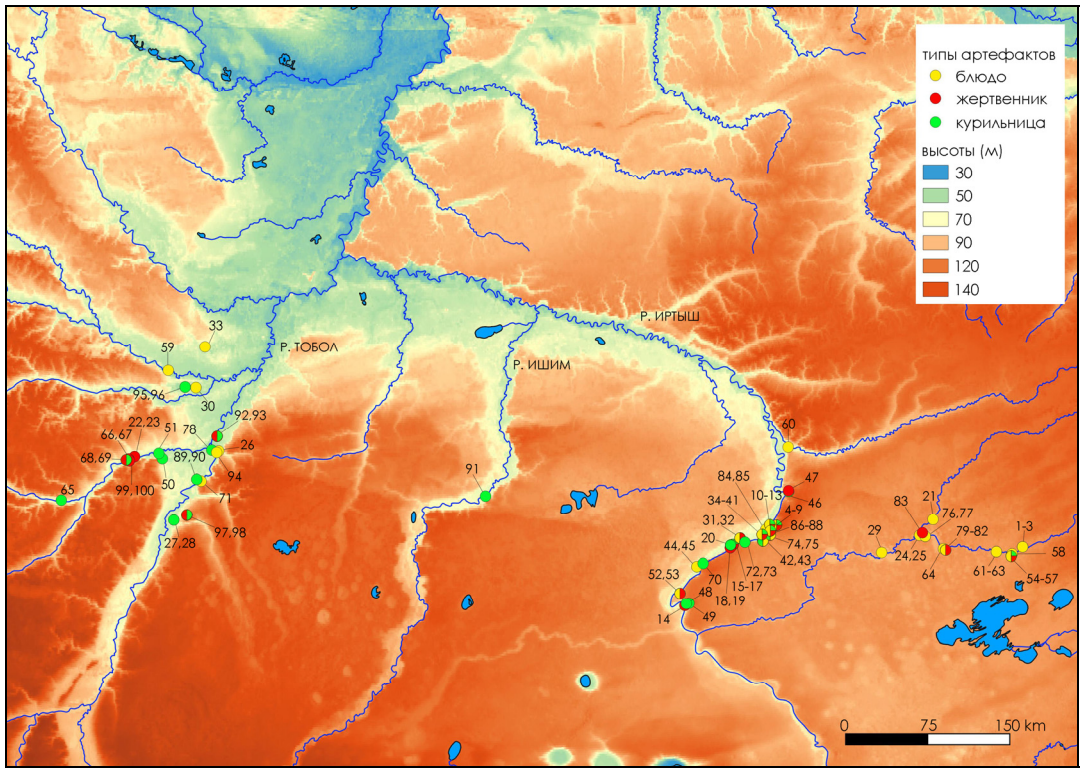


Рис. 1. Карта распространения предметов культа из комплексов саргатской культуры на территории Западной Сибири (номера памятников соответствуют номерам в таблицах).
Fig. 1. Map of the distribution of sacred objects from the Sargatka culture complexes in Western Siberia (the numbers of monuments correspond to the numbers in the tables).

Курильницы из памятников саргатской культуры представляется возможным разделить по форме дна, тулова, наклону и высоте стенок на пять типов (табл. 1; рис. 4). Такой принцип систематизации впервые был применен к сарматским материалам М.Г. Мошковой [1963, с. 29–30] и К.Ф. Смирновым [1973, с. 166–179]. На дне части саргатских курильниц присутствуют выступы (рис. 4, *6, 11–13, 14, 17, 24, 28, 29, 37*). Большинство изделий имеют орнамент, однако строгая зависимость между декором и типом сосуда отсутствует. Исключение составляют курильницы II типа, стенки которых украшались бордюрным орнаментом с резными зигзагами или фестонами (рис. 4, *14–18, 20–22, 24*), а дно могло декорироваться солярным узором (рис. 4, *15, 24*). Для изделий остальных типов характерно украшение венчика ямками (рис. 4, *1*), наклонными насечками (рис. 4, *11, 33, 35*) или резным зигзагом (рис. 4, *28*), а также декорирование тулова ямками, резными зигзагами, фестонами, горизонтальной елочкой и подтреугольными вдавлениями, которые встречаются в декоре как по отдельности (рис. 4, *1, 4, 13, 26, 27, 29, 31, 36, 38*), так и в составе сложного узора (рис. 4, *3, 6, 9, 33–35*).

Помимо курильниц, учтено 24 каменных жертвенника, которые были разделены на шесть типов (табл. 2; рис. 2) в соответствии с предложенным К.Ф. Смирновым принципом [1964, с. 162–166]. Учитывалось наличие или отсутствие ножек, их количество, форма и высота, форма блюда, а также наличие бортиков. Пять экземпляров неправильной формы были выделены в отдельную группу. Особое внимание следует уделить жертвенным плитам с изображением головы барана. Большинство аналогичных изделий являются случайными находками с территории лесостепного Зауралья. Часть исследователей склонна относить данные плиты к бронзовому веку (XIII–VIII вв. до н.э.) [Tallgren, 1938; Мошинская, 1976], другие связывают их со скифо-сарматским временем (VI–III вв. до н.э.) [Дмитриев, 1948; Сальников, 1964; Матвеева, 1986]. Верхняя хронологическая граница бытования этих изделий маркируется IV–III вв. до н.э. по экземплярам из Рафайловского кургана [Матвеева, 1986].

Таблица 1

Распределение курильниц разных типов по памятникам саргатской культуры

Table 1

Spacing of various types of censers among monuments of the Sargatka Culture

№ на карте	Место находки	Аналогии	Литература
I. Плоскодонные цилиндрические курильницы с высокими вертикальными стенками (13 экз.)			
4, 5	Бещаул II (к.2, п.4; п.7) (рис. 4, *1, 2*)	Поволжье, Южное Приуралье прохоровская АК IV–II вв. до н.э.	Мошкова, 1963, с. 29; табл. 11, *27, 29* Смирнов, 1973, с. 167; рис. 1–3
15, 16	Богдановo II (к.В, п.7) (рис. 4, *7, 8*)		
20	Богдановское городище (рис. 4, *11*)		
27	Гладунино-1 (к.2, п.2) (рис. 4, *3*)		
34	Исаковка I (к.5, п.7) (рис. 4, *12*)		
42	Исаковка III (к.3, насыпь) (рис. 4, *9*)		
49	Кокoновское поселение (рис. 4, *10*)	сусловская АК I в. до н.э. — II в. н.э.	Там же, с. 167; рис. 1, 3
91	Узловское поселение (рис. 4, *6*)		
92	Улановка (к.3, п.1) (рис. 4, *13*)		
95, 96	Чепкуль 9 (к.7, п.11) (рис. 4, *4, 5*)		
II. Плоскодонные цилиндрические курильницы с низкими вертикальными стенками (11 экз.)			
6	Бещаул II (к.4, п.2) (рис. 4, *17*)	Поволжье, Южное Приуралье прохоровская АК IV–II вв. до н.э.	Мошкова, 1963, с. 29; табл. 11, *23, 25, 26, 28, 31* Смирнов, 1973, с. 170; рис. 1, 2
28	Гладунино-1 (к.2, п.2) (рис. 4, *14*)		
35	Исаковка I (к.4, п.1) (рис. 4, *20*)		
50	Коловское-4 селище (рис. 4, *18*)		
51	Красногорский Борок (к.2, п.1) (рис. 4, *22*)		
68	Рафайловское городище (рис. 4, *19*)		
70	Розановское городище (рис. 4, *24*)	Притоболье гороховская АК VI–IV вв. до н.э.	Генинг, 1962, рис. 37
72, 73	Саратово (к.1, п.2) (рис. 4, *15, 16*)		
78	Старо-Лыбаевский 4 (к.31, п.4) (рис. 4, *21*)		
97	Шикаевка (к.4, п.1) (рис. 4, *23*)		
III. Плоскодонные бочковидные курильницы (6 экз.)			
7	Бещаул II (к.2, п.7) (рис. 4, *26*)	Поволжье, Южное Приуралье прохоровская АК IV–II вв. до н.э.	Мошкова, 1963, с. 29; табл. 11, *32, 35, 36* Смирнов, 1973, с. 167; рис. 1–3
36	Исаковка I (к.4, п.1) (рис. 4, *30*)		
65	Прыговский 2 (к.2, п.2) (рис. 4, *25*)	сусловская АК I в. до н.э. — II в. н.э.	Там же, с. 167; рис. 1
74	Сидоровка (к.4, п.5) (рис. 4, *27*)		
86	Стрижево 2 (к.7, п.2) (рис. 4, *28*)	Северный Казахстан улубаевско-тасмолинская АК IV–II вв. до н.э.	Хабдулина, 1994, табл. 31, *2;* 39, *12*; с. 63
89	Тютринский (к.10, п.3) (рис. 4, *29*)		
IV. Плоскодонные курильницы с расширяющимися кверху стенками (8 экз.)			
10	Бещаул-III (к.1, п.5) (рис. 4, *38*)	Поволжье, Южное Приуралье прохоровская АК IV–II вв. до н.э.	Мошкова, 1963, с. 29; табл. 11, *24* Смирнов, 1973, с. 167; рис. 1–3
37–39	Исаковка I (к.5, насыпь; п.5) (рис. 4, *33, 34, 35*)		
46	Карташово (к.1, п.1) (рис. 4, *31*)		
48	Кокoновка (рис. 4, *32*)	сусловская АК I в. до н.э. — II в. н.э.	Там же, с. 167; рис. 1–3
54, 55	Марково-1 (к.7, п.1; к.5, п.1) (рис. 4, *36, 37*)		
V. Чашевидные курильницы на коническом поддоне с перегородкой (1 экз.)			
90	Тютринский (к.7, п.2) (рис. 4, *39*)	Поволжье, Южное Приуралье прохоровская АК IV–II вв. до н.э. сусловская АК I в. до н.э. — II в. н.э.	Мошкова, 1963, с. 29; табл. 11, *2–7* Смирнов, 1973, с. 170; рис. 1, 2 Там же, с. 170; рис. 1–3

Также было рассмотрено 37 глиняных блюд. Н.В. Полосьмак разделила изделия из Барабы по форме на три типа: круглые, овальные и подпрямоугольные [1984, с. 127], а К.Г. Маргарян на основании формы, наличия или отсутствия опоры и бортика детализировала предложенную типологию [Там же, 2018 с. 283–285]. Мы посчитали нужным ввести дополнительные критерии, такие как форма дна и высота стенок, а также отказаться от вынесения двух блюд, форма которых определяется в рассмотренных классификациях как «подпрямоугольная» (рис. 3, *30, 33*), в отдельный тип, поскольку по морфологическим характеристикам они тяготеют к овальным блюдам. В результате глиняные блюда были разделены на шесть типов (табл. 3; рис. 3), для которых характерны единые принципы орнаментации: резные зигзаги и ямки по бортикам (рис. 3, *1–9, 11, 13–15, 17, 19–21, 24–27, 30, 32, 33, 35*). На внутренней поверхности блюд I–III и V типов присутствуют вкрапления белых галек или крупного шамота (рис. 3, *8, 14, 16, 17, 22, 25–27, 29, 34*). Изделия IV типа декорировались по внутренней поверхности желобками, горизонтальными резными линиями или решеткой (рис. 3, *30–33*). Встречаются экземпляры без орнамента.

Обсуждение

Появление предметов культа рассмотренных форм у населения саргатской культуры было напрямую связано с событиями, охватившими Центральную Азию в VI–V вв. до н.э. Во второй половине VI в. до н.э. произошло усиление влияния ахеменидской Персии, которая начала вести активную завоевательную политику в Средней Азии. Поражение саков в длительной борьбе послужило толчком для миграции последних на северо-запад — в степи Южного Урала [Таиров,

2000, с. 146–151], на северо-восток и восток — вплоть до территории лесостепного Приобья [Могильников, 1997, с. 7], а также на север — в лесостепь Тоболо-Иртышья [Могильников, 1981, с. 100]. Вследствие этих масштабных изменений в погребальном обряде саргатской культуры появляются южные черты: канавки по периметру могильных ям, настилы из бревен и жердей, каркасно-столбовые конструкции, подстилки из растительных материалов, гробовища и наличие следов огня [Могильников, 1981, с. 101; Матвеева, 1993, с. 159 и др.]. Смешение саргатского населения с мигрантами из сакской среды также выразилось в антропологическом типе местного населения [Багашев, 2000, с. 172–181].

Таблица 2

Распределение каменных жертвенников разных типов по памятникам саргатской культуры

Table 2

Spacing of various types of stone altars among monuments of the Sargatka Culture

№ на карте	Место находки	Аналогии	Литература
I. Жертвенники без опоры, овальной формы, с бортиком (9 экз.)			
14	Битые горки (п.1) (рис. 2, *1*)	Северный Казахстан улубаевско-тасмолинская АК VIII–IV вв. до н.э.	Хабдулина, 1994, табл. 16, *3*; 17, *2*; 19, *5*; *23*, *2, 10*; 33, *5*; 58
18	Богданово III (к.2, п.3) (не представлен на рисунке)	Центральный Казахстан тасмолинская АК VIII–IV вв. до н.э.	Маргулан и др., 1966, рис. 10, *1–3*; 14, *1*; 30, *1–3*; 47, *2* Вишневская, 1992, табл. 54, *12, 13, 17, 18, 20*
31	Инберень IV (рис. 2, *5*)	Восточное Приаралье сакская АК VII–VI вв. до н.э.	Вишневская, 1973, табл. XI, *3*; XIV, *19*; XXIV, *2, 3* Итина, Яблонский, 1997, рис. 6, *5*; 9, *8*; 27, *9*; 29, *11*; 36, *14*
40	Исаковка I (к.6, п.11) (рис. 2, *6*)	Южный Урал, Междуречье Дона и Волги савроматская АК VII–IV вв. до н.э.	Смирнов, 1964, рис. 5, *2а*; 21, *3б*; 75, *6* Таиров, 2004, рис. 2, *34, 62*; 10, *52*
56	Марково 1 (к.5, п.1) (рис. 2, *7*)	Приобье большереченская АК VI–II вв. до н.э. кулайская АК I в. до н.э. — I в. н.э.	Троицкая, Бородовский, 1994, табл. III, *8*; XIII, *11–13*; XV, *191*; XVIII, *5*; XX, *3*; XXVI, *15*; XXIX, *2*; XXXV, *11, 12*; XLI, *51* Могильников, 1997, рис. 60, *4, 5* Троицкая, 1979, табл. XXV, *25*; XXXVIII, *12*
79, 80	Старые Карачи-3 (к.7, п.1; к.4, п.1) (рис. 2, *3, 4*)	Алтай, пазырыкская АК VI–V вв. до н.э.	Кирюшин и др., 2003, рис. 34, *1*; 50, *5*
87	Стрижево II (к.2, п.7) (рис. 2, *8*)	Бараба, новочекинская АК V–IV вв. до н.э. большереченская АК VI–II вв. до н.э.	Полосьмак, 1987, рис. 62, *1* Там же, рис. 47, *1*
93	Улановка (к.3, п.3) (рис. 2, *2*)	Притоболье, гороховская АК V–IV вв. до н.э.	Могильников, 1992, табл. 119, *57*
II. Жертвенники на четырех высоких конусовидных ножках, овальной формы, с бортиком (1 экз.)			
52	Красноярка (к.10, п.1) (рис. 2, *9*)	Центральный Казахстан тасмолинская АК VII–VI вв. до н.э. Восточное Приаралье, сакская АК VII–VI вв. до н.э. Южный Урал, Поволжье савроматская АК VI–IV вв. до н.э. Обь-Иртышье V–IV вв. до н.э.	Вишневская, 1992, табл. 54, *19* Маргулан и др., 1966, рис. 14, *2* Маргарян, 2019, рис. 1, *13, 14, 16* Вишневская, 1973, табл. XV, *15* Смирнов, 1964, рис. 15, *1б, 3б*; 74, *5, 6, 22* Васильев, 1998, табл. 5, *5* Маргарян, 2019, рис. 1, *3, 5, 8* Плахута, Автушкова, 2018, с. 183, рис. 2, 3
III. Жертвенники на двух и четырех высоких округлых ножках, прямоугольной формы, с бортиком (3 экз.)			
19	Богданово III (к.1, п.2) (рис. 2, *10*)	Южный Урал, савроматская АК VI–V вв. до н.э.	Смирнов, 1964, рис. 8, *4б, 6а*; 18, *4*; 74, *1, 2, 4* Васильев, 1998, рис. 3, *6, 9, 10*; 5, *1–4* Федоров, 2001, рис. 2, *3*; 3, *13*; 8, *4*
47	Карташово II (к.11, п.3) (рис. 2, *11*)	Притоболье, гороховская АК V–IV вв. до н.э.	Могильников, 1992, табл. 119, *50, 53*
69	Рафайловское городище (рис. 2, *12*)	Верхнее Приобье, большереченская АК V–III вв. до н.э.	Могильников, 1997, рис. 61, *6*
IV. Жертвенники на четырех низких округлых ножках, округлой формы, с бортиком (1 экз.)			
83	Старый Сад 1 (к.3) (рис. 2, *13*)	Северный Казахстан улубаевско-тасмолинская АК VIII–VI вв. до н. э	Хабдулина, 1994, табл. 13, *10*
V. Жертвенники без опоры, без бортика, со схематичным изображением головы барана (5 экз.)			
66, 67	Рафайловский (к.1) (рис. 2, *14, 15*)	Зауралье, случайные находки	Tallgren, 1938 Дмитриев, 1948
98	Шикаевка (к. 6) (не представлен на рис.)		Сальников, 1964 Мошинская, 1976 Матвеева, 1986
99, 100	У д. Духовка (2 шт., не представлены на рис.)	Притоболье, гороховская АК	Ченченкова, 2001, табл. 1 Могильников, 1992, табл. 119, *66* Матвеева, 2019, рис. 3, *1–3*
VI. Плиты неправильной формы (5 экз.)			
8	Бещаул II (к.2, п.7) (рис. 2, *17*)		
11	Бещаул III (к.1, п.5) (рис. 2, *18*)		
17	Богданово II (к.В, п.7) (рис. 2, *19*)		
22, 23	Гаевский 1 (к.4, п.1; к.3, п.5) (рис. 2, *16, 20*)		

Параллельно с этим в Прииртышье и Барабе получают распространение каменные жертвенники I и II типов (рис. 2, *1, 3–5, 9*), аналогичные изделиям, широко распространенным у саков Приаралья, а также среди культур Центрального и Северного Казахстана (табл. 2). Существует две гипотезы функционального назначения каменных алтариков у кочевников евразийских степей: утилитарная и культовая. Первая подразумевает использование этих изделий в качестве

точильных камней [Бобринский, 1887, с. 88–89] или косметических столиков [Зуев, 1996, с. 64]. Приверженцы второй предполагают применение жертвенников в очистительных ритуалах с использованием символической «жертвы» в виде растертого реальгара [Граков, 1947, с. 645–649], для воскурения ароматических или одурманивающих веществ, возжигания священного огня [Смирнов, 1964, с. 166–167], растирания краски для ритуальной татуировки [Васильев, 1998, с. 32; Мошкова, 2000, с. 210], а также в качестве подставок для сакральных предметов [Смирнов, 1964, с. 254; Мошкова, 2000, с. 211] и давильных камней для приготовления священной сомы [Федоров, 2001].

Таблица 3

Распределение глиняных блюд разных типов по памятникам саргатской культуры

Table 3

Spacing of various types of ceramic plates among monuments of the Sargatka Culture

№ на карте	Место находки	Аналогии	Литература
I. Круглые блюда с плоским дном и низким вертикальным бортиком (22 экз.)			
9	Бещаул-II (к.4, п.2) (рис. 3, *13*)	Притоболье гороховская АК с III в. до н.э.	Могильников, 1992, табл. 119, *52*
12, 13	Бещаул-III (к.1, п.7; к.2, п.4) (рис. 3, *14, 15*)		
21	Венгерово 7 (к.2, п.7) (рис. 3, *21*)		
29	Гришкина Заимка (рис. 3, *16*)		
32	Инберень IV (рис. 3, *7*)		
44, 45	Калачевка I (к.1, п.4, п.6) (рис. 3, *17, 18*)	Прииртышье богочановская АК с III в. до н.э.	Данченко, 1996, с. 67, 68; рис. 57
53	Красноярка (к.10, п.1) (рис. 3, *8*)		
59	Мысовский (не представлено на рисунке)		
61–63	Омь-1 (рис. 3, *1–3*)		
64	Преображенка 3 (к.58) (рис. 3, *9*)		
71	Савиновский (к.1, п.1) (рис. 3, *20*)	Южный Урал савроматская АК V–IV вв. до н.э.	Смирнов, Петренко, 1963, табл. 30, *34*; 30, *35*; рис. 75, *15*
76, 77	Сопка 2 (к.25, п.23, 32) (рис. 3, *10, 11*)		Смирнов, 1964, рис. 75, *13, 14*
81	Старые Карачи-3 (к.14, п.1) (рис. 3, *19*)		Смирнов, 1977, рис. 11, *7*; 12, *27*; 14а, *2*
88	Стрижево II (к.6, п.4) (рис. 3, *4*)		
94	Устюг-1 (к.49, п.2) (рис. 3, *12*)		
24, 25	Галечное-1 (рис. 3, *5, 6*)		
II. Круглые блюда с округлым дном и без бортика (7 экз.)			
26	Гилево-2 (к.3, насыпь) (рис. 3, *24*)	Неизвестно	—
33	Ипкульский-1 (к.20, п.1) (рис. 3, *28*)		
41	Исаковка-I (к.5, п.7) (рис. 3, *23*)		
43	Исаковка-III (к.2, п.2) (рис. 3, *22*)		
75	Сидоровка (к.4, п.5) (рис. 3, *25*)		
84, 85	Стрижево-I (к.2, п.3; п.4) (рис. 3, *26, 27*)		
III. Овальные блюда с округлым дном и высоким вертикальным бортиком (1 экз.)			
1	Абрамово 4 (к.7, п.1) (рис. 3, *29*)	Неизвестно	-
IV. Овальные блюда с плоским дном и низким вертикальным бортиком (4 экз.)			
2, 3	Абрамово 4 (к.29, п.2, к.18, п.1) (рис. 3, *30, 31*)	Неизвестно	—
57	Марково 1 (к.7, п.1) (рис. 3, *33*)		
60	Окунево 1 (к.2, п.1) (рис. 3, *32*)		
V. Круглые блюда на четырех низких округлых ножках с плоским дном и низким вертикальным бортиком (1 экз.)			
58	Марково 5 (рис. 3, *34*)	Северный Казахстан улубаевско-тасмолинская АК VIII–VI вв. до н.э.	Хабдулина, 1994, табл. 13, *10*
VI. Круглые блюда на трех и четырех высоких округлых ножках с округлым дном и высоким бортиком (2 экз.)			
30	Дуванское 2 селище (рис. 3, *36*)	Южный Урал савроматская АК V–IV в. до н.э.	Смирнов, 1964, рис. 15, *1е, ж, 4б*; 36, *3а*; *16* Васильев, 1998, рис. 5, *6–9*; 6, *2–5, 7, 8*; 7, *1–4, 6–8*; 8, *1–3, 5*
82	Старые Карачи-3 (к.14, п.1) (рис. 3, *35*)	Южное Приуралье и Западный Казахстан савроматская АК V–IV вв. до н.э.	Краева, 2015, с. 92; рис. 1, 9, 10

Выполнение саргатскими жертвенниками I–II типов роли «курильниц» [Могильников, 1992, с. 305] необоснованно ввиду отсутствия на их поверхностях следов горения и жирных пятен, а также случаев совместного залегания с баночными курильницами (Богдановo III, к.2, п.3; Марково 1, к.5, п.1). Чаще всего алтарики в саргатских погребениях сопровождаются пряслицем (Исаковка I, к.6, п.11; Красноярка, к.10, п.1; Старые Карачи-3, к.7, п.1). На некоторых экземплярах присутствует краска (рис. 2, *6*), неглубокие углубления или следы трения (рис. 2, *1, 2, 6, 9*), образовавшиеся в результате взаимодействия с пестом, который мог находиться рядом с жертвенником (Битые горки, п.1), что указывает на использование этих изделий для растирания сухих пигментов. При этом обнаружение рядом с жертвенником проколки (Исаковка I, к.6, п.11), а иногда и целых комплектов, включающих зеркало, проколку (бронзовая игла, железный стержень, ножичек) и жертвенник (Красноярка, к.10, п.1; Стрижево II, к.2, п.7), можно трактовать как набор для татуировки. В пользу сакрального характера использования алтариков могут свидетельствовать следующие наблюде-

ния. Во-первых, рядом с жертвенниками иногда находятся зеркала (Красноярка, к.10, п.1; Стрижево II, к.2, п.7) — предметы, которые наделялись у иранских народов магическими функциями вместилища души умершего или охранителя и являлись символом солнечного диска [Смирнов, 1964, с. 249; Мошкова, 2000, с. 209 и др.]. Эти изделия занимали особое место в «жреческом» комплексе, сопровождавшем каменные алтарики в памятниках Южного Урала [Васильев, 1998, с. 32; Мошкова, 2000, с. 209], Северного и Южного Казахстана [Хабдулина, 1994, с. 59–60; Итина, Яблонский, 1997, с. 43], Восточного Приаралья [Вишневская, 1973, с. 85] и Верхнего Приобья [Могильников, 1997, с. 89]. Во-вторых, в могилу иногда помещался разломанный на две части жертвенник (рис. 2, *4*; Богданово III, к.2, п.3), его фрагмент (рис. 2, *1, 5, 7, 8*), изделие с пробитым дном (рис. 2, *6*) или обломанной ножкой (рис. 2, *9*), что можно связать с широко распространенной у ранних кочевников практикой преднамеренной порчи вещей [Мошкова, 2000, с. 211; Бейсенов, Джумабекова, 2017; и др.], возможно связанной с представлениями о зеркальности потустороннего мира, в котором все принимает «правильный» вид, а также с идеей перехода умершего в загробный мир с необходимостью продолжать исполнять там свои прижизненные функции.

К IV в. до н.э. происходит угасание культуры ранних саков [Бейсенов и др., 2015, с. 22], вследствие чего затухает производство алтариков I типа. С этого времени вплоть до первых веков н.э. в комплексах саргатской культуры фиксируются находки каменных плит неправильной формы (рис. 2, *16–20*), которые сопровождались в погребениях теми же вещами, что и жертвенники,— пряслицем и ножом (Бещаул II, к.2, п.7; Бещаул III, к.1, п.5; Гаевский 1, к.3, п.5), зеркалом (Богданово II, к.В, п.7), пестом (Бещаул II, к.2, п.7), железным шилом (Бещаул III, к.1, п.5), а также баночными курильницами (Бещаул II, к.2, п.7; Бещаул III, к.1, п.5; Богданово II, к.В, п.7). На поверхности некоторых плит присутствуют охра (рис. 2, *17, 20*) и сконцентрированные в одном месте следы трения (рис. 2, *20*). В это же время в погребениях Барабы и Прииртышья встречаются глиняные блюда III и IV типов (рис. 3, *29–33*), напоминающие по форме каменные алтарики I типа. Н.В. Полосьмак на основании сработанности внутренней поверхности, наличия следов охры и мела, вкраплений гальки или шамота, а также орнамента в виде желобков и сетки, усиливающих «трущую» способность изделий, сделала вывод об их использовании для растирания красок [1984, с. 127]. При этом в некоторых погребениях сверху на глиняное блюдо был помещен круглодонный сосуд (Окунево-I, к.2, п.1) или пряслице (Абрамово 4, к.7, п.1; к.18, п.1), что наводит на мысль и об альтернативных способах применения этих изделий. Традиция использования алтариков в качестве подставок для ритуальных сосудов находит параллели у населения Южного Урала [Мошкова, 2000, с. 211] и Верхнего Приобья [Могильников, 1997, с. 91]. В «жреческих» наборах на этих территориях также встречаются жертвенники, на которые сверху были положены бронзовые колесики [Смирнов, 1977, с. 23; Зуев, 1996, с. 60; Мошкова, 2000, с. 210; Федоров, 2001, с. 33–34]. Поскольку в саргатских комплексах бронзовые колесики встречаются крайне редко, не исключено, что вместо них в похожих ритуалах могли использоваться семантически близкие этим изделиям пряслица.

Наши наблюдения позволяют предположить, что каменные плиты VI типа и глиняные блюда III–IV типов являлись местной альтернативой импортным жертвенникам I типа, потребность в которых возросла вследствие длительного взаимодействия коллективов Тоболо-Иртышья с кочевниками урало-казахстанских степей. Оно привело к трансформации религиозно-мифологических представлений саргатского населения и, как следствие, к появлению новых ритуалов и обрядов, для совершения которых были необходимы каменные алтарики. Появление местных «копий» может отражать недостаток импортных изделий, вызванный прекращением их производства в казахстанском очаге. Изготовление алтариков в саргатском ареале ввиду отсутствия выходов песчаника было затруднительным, что поспособствовало использованию более доступного материала — глины. Распространение рассмотренных предметов преимущественно в восточном ареале, вероятно, было обусловлено более активным воздействием сакского компонента на население этого региона на раннем этапе развития культуры.

Важно отметить, что каменные жертвенники I типа присутствуют и в более поздних комплексах саргатской культуры III–I вв. до н.э. (рис. 2, *2, 6–8*). Наиболее длительное бытование изделий этого типа зафиксировано в Верхнем Приобье, где они появились в VI в. до н.э. в результате миграции саков и использовались вплоть до III–II вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 35, 88]. В VI–V вв. до н.э. отмечены первые контакты саргатского и большереченского населения на территории Барабы, что выразилось в домостроительстве и погребальном обряде большереченской культуры, а также в совместном залегании разнокультурной керамики [Полосьмак, 1987, с. 101–103]. В III–II вв. до н.э., по мнению В.А. Могильникова, саргатские коллективы проникают в Верхнее Приобье,

на что указывает трансформация керамических традиций в гончарстве местного населения [1997, с. 35, 88, 108]. О наличии брачно-родственных связей представителей двух культур также говорят параллели в краниологической и одонтологической специфике населения [Багашев, 2000, с. 124, 204; Слепцова, 2020, с. 149]. Более того, в I в. до н.э. — I в. н.э. алтарики с плоским дном появляются в комплексах кулайской культуры (Ордынское-1; Новый Шарап-1), материалы которых иллюстрируют сходство с большереченскими [Троицкая, 1979, с. 24]. Учитывая эти данные и принимая во внимание включение саргатского населения в III в. до н.э. в систему международной торговли по северному ответвлению от Великого шелкового пути, послужившее толчком к расширению связей местных коллективов с сопредельными и удаленными регионами [Матвеева, 2000, с. 76], можно предположить, что с этого времени распространение жертвенников I типа в саргатской среде происходило в результате тесных контактов с населением Верхнего Приобья.

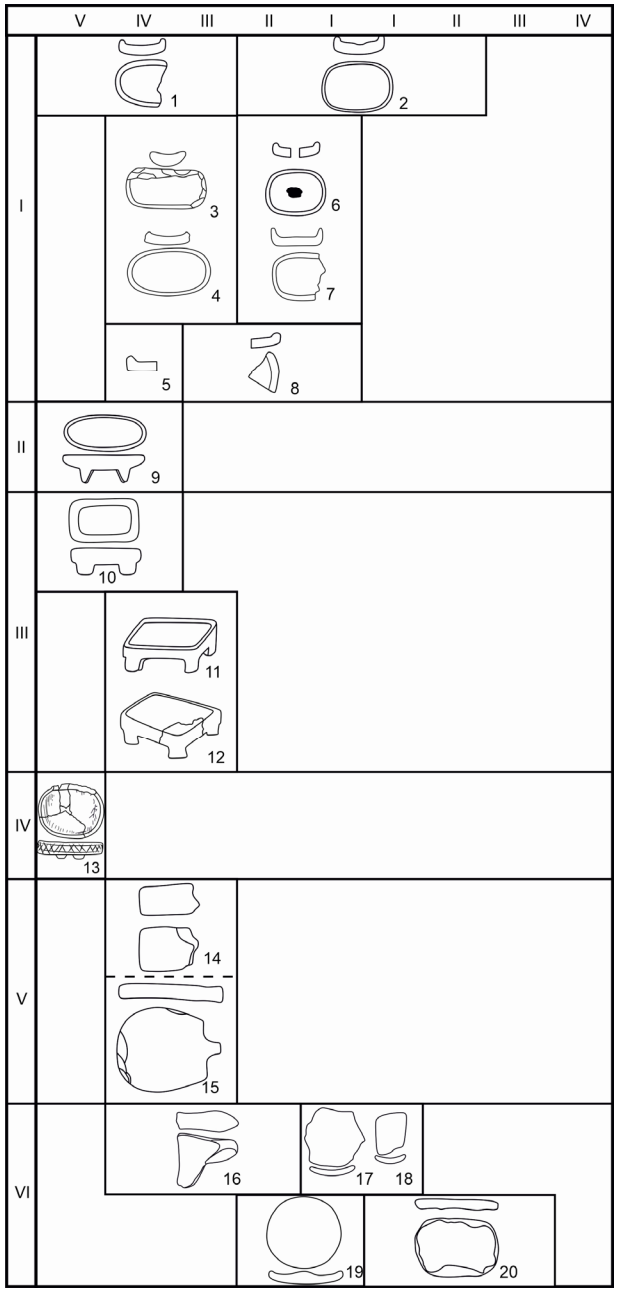


Рис. 2. Каменные жертвенники саргатской культуры.
Fig. 2. Stone altars of the Sargatka Culture

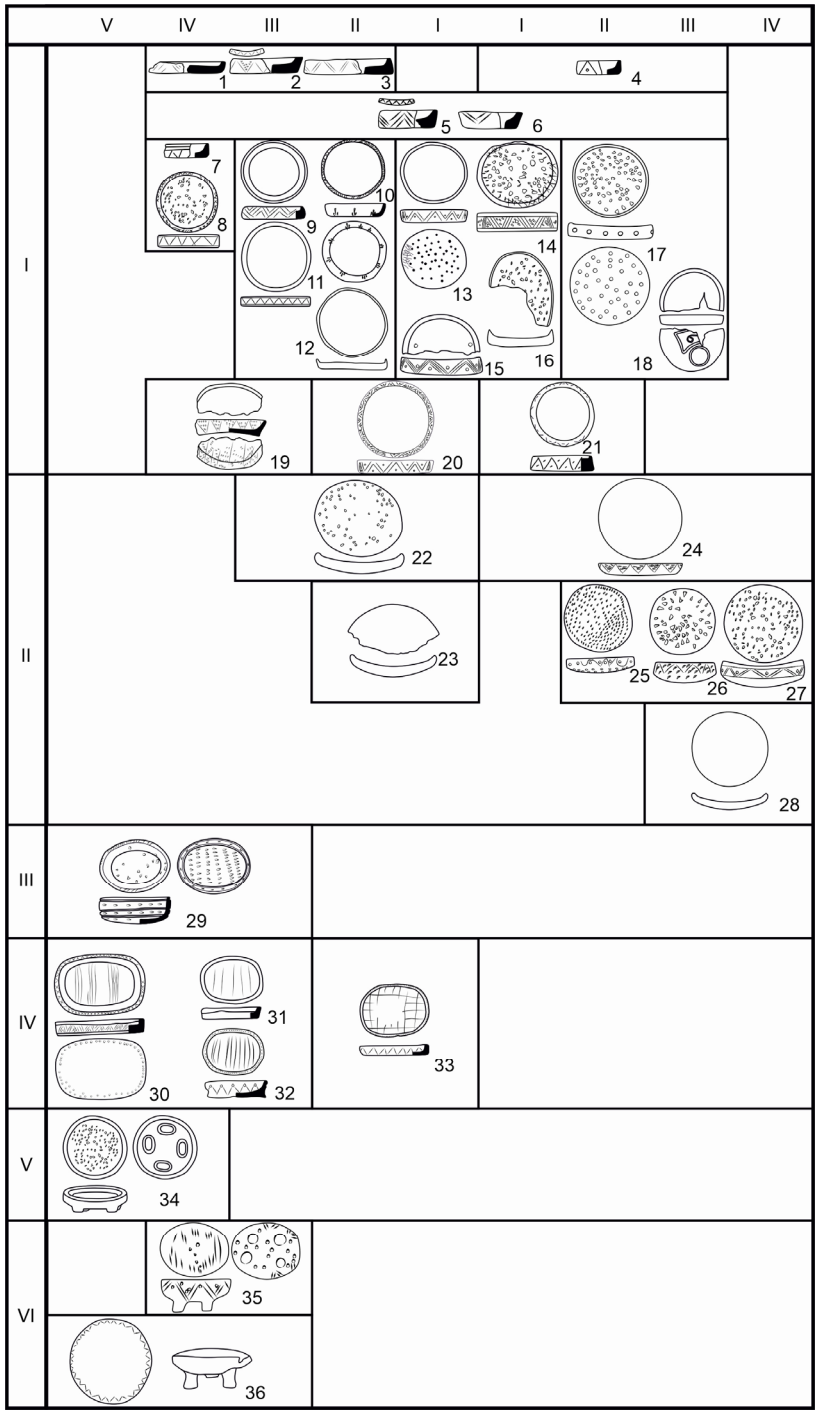


Рис. 3. Керамические блюда саргатской культуры.
Fig. 3. Ceramic plates of the Sargatka Culture.

Интерес представляют находки на территории Барабы каменного жертвенника IV типа (рис. 2, *13*) и аналогичного ему изделия из глины V типа (рис. 3, *34*), которые датируются V и V–IV вв. до н.э. соответственно. Точные аналогии вещам неизвестны, однако наиболее близким предметом является каменное блюдо из кургана у с. Кенес улубаевско-тасмолинской культуры [Хабдулина, 1994, табл. 13, 10]. Главная особенность каменного жертвенника IV типа — наличие типичного для глиняных блюд декора. Высокий уровень мастерства, с которым было выполнено изделие, наталкивает на мысль о его импортном происхождении. При этом типично

саргатский орнамент мог быть нанесен местным населением. Глиняное блюдо V типа, судя по морфологическому сходству с рассмотренным жертвенником, а по технологическому и стилистическому — с более поздними саргатскими блюдами, вероятно, представляло собой местную копию каменных алтариков IV типа. Контекст обнаружения этих находок не позволяет в полной мере реконструировать особенности их использования.

В комплексах саргатской культуры Притоболья и Прииртышья V–IV и IV–III вв. до н.э. встречаются редкие для этих территорий каменные жертвенники III типа (рис. 2, *11–13*), идентичные савроматским столикам (табл. 2). По мнению В.А. Могильникова, эти изделия маркируют миграцию в IV–III вв. до н.э. в саргатский ареал небольшой группы кочевников Южного Приуралья [1998, с. 7]. На это также может указывать появление в саргатских памятниках этого времени глиняных блюд VI типа (рис. 2, *35*, *36*), близких по форме к южно-уральским каменным столикам, а также керамическим сосудам с ножками из раннесарматских погребений (табл. 3). Следует отметить, что каменные жертвенники III типа также встречается в материалах гороховской культуры V–IV вв. до н.э. [Могильников, 1992, табл. 119, *50, 53*], памятники которой расположены на северо-восточной периферии мира уральских кочевников. Учитывая наличие тесных связей саргатского и гороховского населения в западном ареале, предполагаем, что представители гороховской культуры могли выступать посредниками в распространении данных изделий. Параллельно с этим в Притоболье были распространены каменные плиты с изображением головы барана, пять из которых исследователи условно относят к саргатской культуре (рис. 2, *14, 15*; табл. 2). Принимая во внимание наличие подобных изделий в материалах гороховской культуры, считаем, что появление этих вещей в ранних саргатских памятниках может отражать процесс трансформации культуры в данном ареале под влиянием аборигенных групп гороховского населения. Для реконструкции вариантов использования саргатскими коллективами каменных жертвенников III и V типов на сегодняшний день недостаточно информации. Глиняные блюда VI типа характеризуются наличием глубокой чаши, что подразумевает возможность их использования в качестве емкостей. Однако круг веществ, которые могли в них помещаться, ограничен, так как на дне блюда из могильника Старые Карачи-3 (рис. 2, *35*) присутствует сквозное отверстие. Неизвестно, было ли такое отверстие на блюде с Дуванского селища (рис. 2, *36*), ввиду фрагментированности находки. Учитывая эту конструктивную особенность, можно предложить два возможных варианта использования подобных изделий: наполнение сосуда небольшим количеством ритуальной жидкости с ее последующим постепенным сливом, что могло символизировать жертвенное возлияние, или же помещение внутрь вещества, которое было необходимо отделить от жидкости с ее дальнейшим сбором в другую емкость. Второй вариант может предполагать, что эти сосуды применялись для изготовления священных напитков, однако эта гипотеза требует дальнейшей проверки.

В IV в. до н.э. в Прииртышье появляются глиняные блюда I типа (рис. 3, *7, 8, 19*), аналогичные каменным изделиям из раннесарматских памятников Южного Урала (табл. 3). В III–II вв. до н.э. Центральную Азию вновь захлестнула волна перемен. Победа хунну над юэчжами привела в движение население степной Евразии, вследствие чего возросла подвижность кочевников Северного Казахстана и Южного Урала [Корякова, 1988, с. 163–164]. С этого времени А.С. Скрипкин отмечает начало миграций носителей прохоровской культуры в западном и южном направлениях [1984, с. 92–93]. Как следствие, на территории Тоболо-Иртышья активизируется взаимодействие местных коллективов с кочевниками сарматского круга, о чем свидетельствуют изменения в погребальном обряде и гончарном деле, а также массовые заимствования в инвентарном комплексе из прохоровской среды [Корякова, 1988, с. 163–164; Матвеева, 1993, с. 124–125]. В это время прекращают бытование глиняные блюда III–IV типов, а предметы I–II типов получают широкое распространение во всех ареалах саргатской культуры, где они продолжают использоваться вплоть до ее угасания (рис. 3, *1–6, 9–18, 20, 21–28*). Первоначально эти изделия могли изготавливаться в саргатском ареале южноуральскими мигрантами, а по мере растворения пришлых элементов в местной среде эта традиция получила более широкое распространение. С III в. до н.э. блюда I–II типов вместе с саргатской керамикой появляются в памятниках гороховской и богочановской культур [Могильников, 1992, табл. 119, *52*; Данченко, 1996, с. 102–103], вероятно, в результате брачно-родственных контактов с саргатским населением.

Чаще всего блюда сопровождаются в погребениях пряслицем (Бещаул-II, к.4, п.2; Бещаул-III, к.2, п.4; Ипкульский-1, к.20, п.1; Исаковка-III, к.2, п.2; Красноярка, к.10, п.1; Савиновский, к.1, п.1; Сидоровка, к.4, п.5; Старые Карачи-3, к.14, п.1; Стрижево-I, к.2, п.4), наконечниками или деталями лука

(Бещаул-II, к.4, п.2; Бещаул-III, к.2, п.4; Венгерово 7, к.2, п.7; Калачевка, к.1, п.4; Красноярка, к.10, п.1; Стрижево II, к.6, п.4), железным ножом (Бещаул-III, к.2, п.4; Ипкульский-1, к.20, п.1; Исаковка-III, к.2, п.2; Красноярка, к.10, п.1; Сидоровка, к.4, п.5), бронзовой иглой (Старые Карачи-3, к.14, п.1) и курильницей (Бещаул-II, к.4, п.2; Сидоровка, к.4, п.5), которая иногда находилась прямо на блюде (Исаковка-I, к.5, п.7). На некоторых изделиях присутствует краска. Иногда в могилу клалась половина глиняного блюда (рис. 3, *15, 18, 23*). Перечисленные наблюдения свидетельствуют, что эти изделия могли использоваться таким же образом, что и глиняные блюда IV типа.

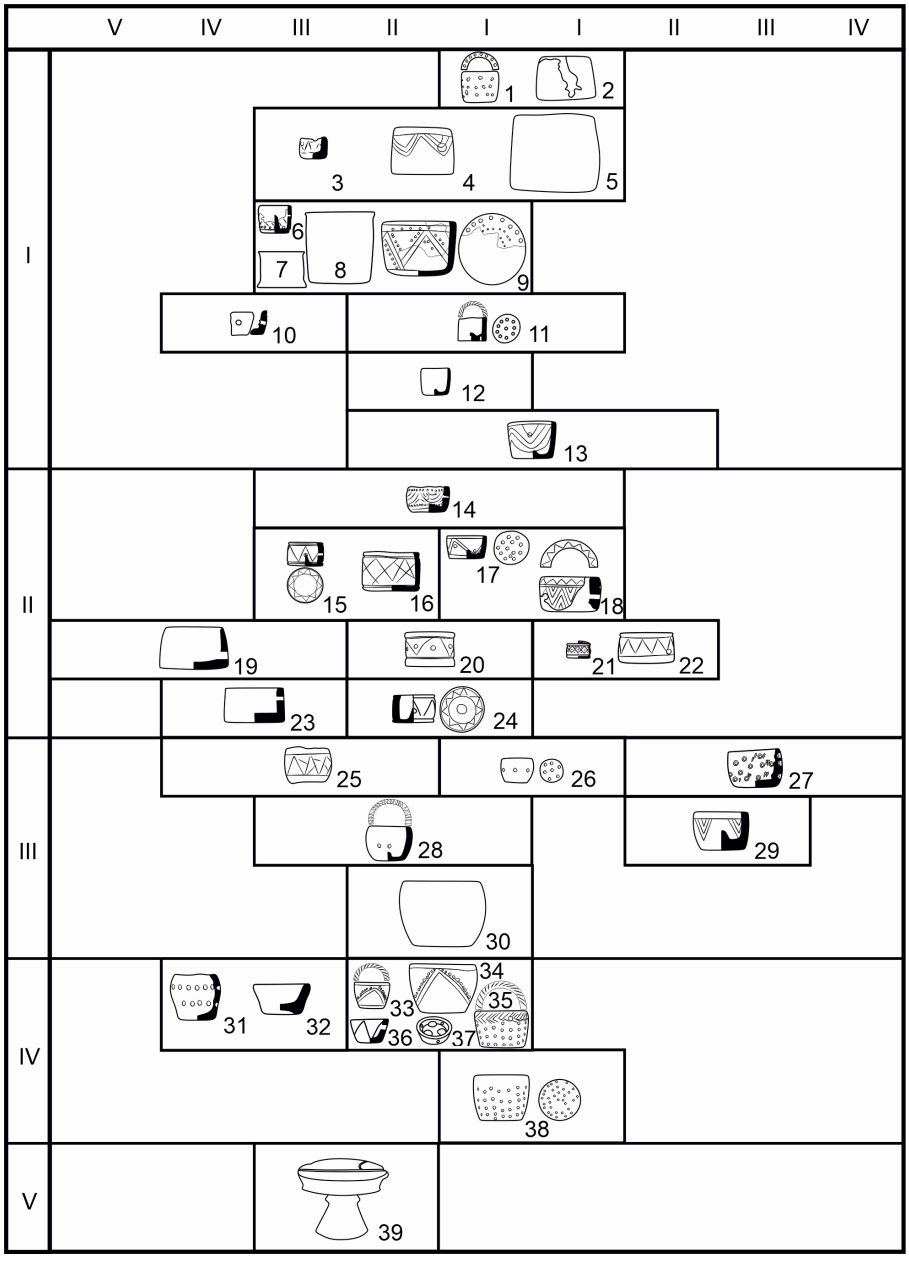


Рис. 4. Курильницы саргатской культуры.
Fig. 4. Censers of the Sargatka Culture.

На этом же этапе в саргатских памятниках Тоболо-Иртышья появляются керамические сосуды-курильницы, которые выступают в качестве своеобразного маркера сарматских памятников [Смирнов, 1973, с. 166]. Активное использование этих предметов в погребальных практиках сармат начинается с IV в. до н.э. [Там же, с. 168], соответственно в саргатской среде они не могли получить распространение раньше этого времени. При этом ни один из ранних саргат-

ских комплексов с курильницами не относится строго к IV в. до н.э. — время существования таких объектов устанавливается авторами раскопок в диапазоне IV–III(II) вв. до н.э. (рис. 4, *10*, *18*, *22*, *24*, *30*, *31*). Более того, ко II в. до н.э. в одонтологической специфике местных коллективов начинают преобладать параллели с сарматским населением [Слепцова, 2020, с. 149–150]. Скорее всего, в саргатской культуре курильницы появляются вместе с южноуральскими мигрантами ближе к III в. до н.э. При этом значительная часть саргатских изделий отличается от сарматских наличием декора по всей поверхности сосуда и выступов на дне, что может указывать на их производство в местной среде. Ко II в. н.э. бытование ритуальных сосудов в саргатском ареале прекращается. Исследователи саргатской культуры, следуя за К.Ф. Смирновым [1973], сходятся во мнении об использовании курильниц для воскурения во время ритуалов галлюциногенных или ароматических веществ [Матвеева, 1996, с. 82; Зах, 2021, с. 76 и др.]. В качестве галлюциногенов, по мнению В.А. Заха, могли применяться багульник, можжевельник, полынь, чабрец, дурман, белена, красавка, красный мухомор и др. [2021, с. 76], а в качестве благовоний — вещества на основе ладана из Босвеллии [Киселева и др., 2020, с. 662].

Подводя итоги, следует отметить, что предметы культа одной категории зачастую встречаются на одном поселении, а также в разных погребениях, относящихся к одному эпизоду существования могильника. Это может указывать на одновременное присутствие в общине сразу нескольких индивидов, занимавшихся ритуальными практиками. Рассмотренные изделия встречаются в основном в погребениях взрослых женщин и отсутствуют в детских могилах, что указывает на возможность участия в сакральной деятельности только по достижении половозрелого возраста. При этом ритуальные предметы обнаруживаются в погребениях женщин с разной интенсивностью прижизненной физической активности [Шарапова и др., 2014, табл. 3]. Это может означать, что женщины, занимавшиеся ритуальными практиками, могли принимать активное участие в повседневной физически затратной деятельности, что соотносится с предположением об отсутствии у населения саргатской культуры отдельной жреческой категории лиц [Матвеева, 1996, с. 82–83; Берсенева, 2005, с. 183–184]. Эти наблюдения, в свою очередь, можно сопоставить с концепцией К.Ф. Смирнова о наличии у савроматов «семейных жриц», которые выполняли жреческие обязанности в отдельной семье. При этом такую деятельность практиковали не только в богатых родах и семейных общинах, но и среди рядового населения [Смирнов, 1964, с. 202].

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели различные категории предметов культа из погребений саргатской культуры. Анализ их морфологических особенностей, динамики изменения форм, контекста залегания в погребениях и особенностей использования местным населением позволил выяснить причины появления этих изделий на территории лесостепной зоны Тоболо-Иртышья и Барабы, а также проследить их последующее распространение в данном регионе. Дальнейшее изучение каменных жертвенников, глиняных блюд и сосудов-курильниц из комплексов саргатской культуры имеет огромный потенциал для реконструкции процессов взаимодействия древнего населения. Широкие возможности для детализации межкультурных связей предоставляет уточнение функционального назначения рассмотренных вещей с привлечением инструментария точных наук для изучения следов использования этих предметов и составов веществ с их поверхностей, а также реконструкция особенностей мировоззрения местных коллективов, которые проявились в специфике ритуальных действий с предметами культа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С. О древнем ритуале порчи предметов, используемых в обряде погребения кочевников // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 28–46. https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.28.46

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.

Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы: Дневники пятилетних раскопок. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. Т. 1. 172 с.

Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфим. археол. вестник. 1998. Вып. 1. С. 25–43.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: По материалам Уйгарака // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука, 1973. 160 с.

Вишневская О.А. Центральный Казахстан // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 130–140.

Генинг В.Ф. Курганы у гор. Шадринска // ВАУ. 1962. Вып. 4. С. 99–103.

Граков Б.Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: (Пережитки матриархата у сарматов) // Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье: Избранные статьи из журнала «Вестник древней истории». 1937–1997. М.: Ладомир, 1997. С. 638–659.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.

Дмитриев П.А. Жертвенные камни Зауралья // КСИИМК. М.: Наука, 1948. Вып. XIX. С. 12–22.

Зах В.А. Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 2 (53). С. 66–82. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-53-2-6

Зуев В.Ю. Научный миф о «савроматских» жрицах // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Материалы междунар. конф. СПб.: Скифо-Сибирика, 1996. С. 54–68.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Рос. полит. энциклопедия, 1997. 187 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Киселева Д.В., Данилов Д.А., Домрачева Д.В., Труфанов А.Я., Хорькова А.Н., Шарапова С.В. Хроматографическое изучение растительной смеси из элитного погребения саргатской культуры в среднем Прииртышье // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15. № 5. С. 657–663. https://doi.org/10.1134/S1992722320050052

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: (Саргатская культура). Свердловск: Изд.-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.

Краева Л.А. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самар. науч. вестник. 2015. № 3 (2). С. 90–100. https://doi.org/10.17816/snv20153207

Маргарян К.Г. Керамические блюда саргатской культуры // Наука ЮУрГУ: Материалы 70-й науч. конф. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2018. С. 279–286.

Маргарян К.Г. Каменные жертвенники раннего железного века овальной формы на четырех низких ножках // Наука ЮУрГУ: Материалы 71-й науч. конф. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2019. С. 218–225.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 433 с.

Матвеева Н.П. О жертвенных камнях скифского времени из Зауралья // Скифская эпоха Алтая: (Тезисы докладов к конференции). Барнаул: АлтГУ, 1986. С. 88–90.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 172 с.

Матвеева Н.П. Следы отправления культов в погребальных памятниках саргатской культуры // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: (Материалы междунар. конф.). СПб.: ГЭ, 1996. С. 81–83.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 295 с.

Матвеева Н.П. Гороховская культура в системе древностей раннего железного века Зауралья // РА. 2019. № 1. С. 4–19. https://doi.org/10.31857/S086960630004109-8

Могильников В.А. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // ВАУ. 1981. Вып. 15. С. 100–103.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 274–311.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пущин. науч. центр РАН, 1997. 195 с.

Могильников В.А. К динамике внешних контактов саргатского этноса // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск: Изд-во ОмГУ, 1998. С. 4–10.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. 132 с.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. М.: Наука, 1963. Вып. Д1-10. 56 с.

Мошкова М.Г. Еще раз о каменных «жертвенниках» и «савроматской» археологической культуре // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН, 2000. С. 201–215.

Плахута Д.О., Автушкова А.Л. О семантике некоторых жертвенников раннего железного века Западной Сибири: Вариант интерпретации // Stratum plus: Археология и культурная антропология. Социология потустороннего. 2018. № 3. С. 181–186.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Полосьмак Н.В. Глиняные блюда саргатской культуры // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология: Тезисы докладов второй археол. конф. Кемерово: Издательство КемГУ, 1984. С. 127–128.

Сальников К.В. Находки на Южном Урале // СА. 1964. № 1. С. 313–315.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во СГУ, 1984. 149 с.

Слепцова А.В. Происхождение и хронологическая динамика состава населения саргатской культуры эпохи раннего железного века Западной Сибири по одонтологическим данным // Camera Praehistorica. 2020. № 1(4). С. 139–155. https://doi.org/10.31250/2658-3828-2020-1-139-155

Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. 380 с.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 166–179.

Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 3–51.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. М.: Наука, 1963. Вып. Д1-9. 401 с.

Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья: Ранний железный век и средневековье. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 4–205.

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии: Доклады к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 3–21.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 128 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Трофимов Ю.В. Каменный жертвенник и керамическая курильница // Вестник ОмГУ. 2017. № 3 (15). С. 134–137. https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.134-137

Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (II) // Уфим. археол. вестник. 2001. Вып. 3. С. 21–49.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Ченченкова О.П. Плитки с изображением головы барана из лесостепного Зауралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 118–140.

Шарапова С.В., Ражев Д.И., Курто П. Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболья) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 84–93.

Tallgren A.M. Some Nort Evrasion Sculptures // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1938. XII. P. 109–135.

Prokonova M.M.
University of Tyumen, Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: m.m.prokonova@utmn.ru

Sacred objects from the sites of the Sargatka Culture in the context of interaction of the forest-steppe population with the nomads of the Ural-Kazakh steppes

The paper concerns the stone altars, clay dishes, and censers from the sites of the Sargatka Culture of the Early Iron Age. Analysis of their morphological features is carried out, as well as of the dynamics of changes in the forms, the context of their deposition in burials, and specifics of their use. As the result, the reasons for the appearance of these products in the forest-steppe zone of the Tobol-Irtysh and Baraba areas (Western Siberia) are clarified and their subsequent distribution in the given region is traced. Stone altars of types I, II, and IV started appearing in the 5th–4th cc. BC in the Irtysh Basin and Baraba regions as a consequence of the Saka migration. Transformation of the religious and mythological views of the Sargatka population, as a result of the interactions of the Tobol-Irtysh communities with the nomads of the Ural-Kazakhstan steppes, led to the appearance of new rituals requiring small stone altars for their performance, due to which there was a growing demand for these products among local communities. However, by the 4th c. BC the production of altars in the Kazakhstan center ceased due to the decline of the Early Saka Culture. From this time, the population of the Sargatka Culture began making local copies of small type I altars from stone, although their production in the Sargatka area was difficult due to the lack of sandstone outcrops, which facilitated the use of more accessible material — clay, as reflected in the appearance of clay dishes of types III–V in the territory of the Baraba and Irtysh Basin. Connection between the local and imported products is indicated by the traces of their similar use. From the 3rd c. BC, scarce altars of type I could make their way into the Sargatka context as a result of close contacts with the population of the Upper Ob Basin, among whom these objects were widespread up until the 3rd–2nd cc. BC. The appearance of type III stone altars and type VI clay dishes in the complexes of the Sargatka Culture of the Tobol and Irtysh Basins in the 5th–4th and 4th–3rd cc. BC might have been caused by the migration of a small group of nomads of the Southern Urals, or by close contacts with the population of the Gorokhovo Culture. Type V altars also were borrowed from the bearers of the Gorokhovo Culture. Their appearance may indicate the process of assimilation of the newly arrived Sargatka population in the Tobol Basin. In the 4th c. BC, clay dishes of type I appeared in the Irtysh Basin. From the 3rd c. BC, as a result of the intensification of contacts between the local population and

nomads of the Sarmatian origin, these products became more widespread, while ceramic censers and clay dishes of type II also appeared.

Keywords: Western Siberia, Early Iron Age, Sargatka Culture, Sacred Objects, Censers, Ceramic Plates, Stone Altars.

REFERENCES

Bagashev, A.N. (2000). *Paleoanthropology of Western Siberia: Forest-Steppe in the Early Iron Ag*e. Novosibirsk: Nauka.

Beisenov, A.Z., Dzhumabekova G.S. (2017). Ancient Item Spoilage Ritual Used in Nomadic Burial Rite. *Povolzhskaia arkheologiia*, 2(20), 28–46. (Rus.). https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.28.46

Beisenov, A.Z., Ismagulova, A.O., Kitov, E.P., Kitova, A.O. (2015). *Population of Central Kazakhstan in the I Millennium BC*. Almaty: Institute arkheologii im. A.Kh. Margulana. (Rus.).

Bobrinskii, A.A. (1887). *Mounds and Random Archaeological Finds near the Place of Smela: Diaries of five-year excavations*. St. Petersburg: Tipografiia M.M. Stasiulevicha. (Rus.).

Chenchenkova, O.P. (2001). Plates with the Image of a Ram's Head from the Forest-Steppe Trans-Urals. In: *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na Srednem Urale*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 118–140. (Rus.).

Danchenko, E.M. (1996). *The Southern Taiga Irtysh region in the middle-second half of the I millennium BC*. Omsk: OmGPU.

Dmitriev, P.A. (1948). Sacrificial Stones of the Trans-Urals. In: A.D. Udal'tsov (Ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*. Moscow: Nauka, 12–22. (Rus.).

Fedorov, V.K. (2001). On the Functional Purpose of the So-called “Savromat Altars” of the Southern Urals (II). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (3), 21–49. (Rus.).

Gening, V.F. (1962). Burial Grounds near Shadrinsk. *Voprosy arkheologii Urala*, (4), 99–103. (Rus.).

Grakov, B.N. (1997). ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: (Remnants of the Sarmatian Matriarchy). In: A.I. Pavlovskaia (Ed.). *Drevnie tsivilizatsii. Gretsiia. Ellinizm. Prichernomor'e: Izbrannye stat'i iz zhurnala “Vestnik drevnei istorii”. 1937–1997*. Moscow: Ladomir, 638–659. (Rus.).

Itina, M.A., Iablonskii, L.T. (1997). *The Sakas of the Lower Syr-Darya (Based on the Materials of the South Tagisken Burial Ground)*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia. (Rus.).

Khabdulina, M.K. (1994). *Steppe Priishimye in the Early Iron Age*. Almaty: Rakurs. (Rus.).

Kiriushin, Iu.F., Stepanova, N.F., Tishkin, A.A. (2003). *Scythian Era of Altai. Part II: Funerary-memorial complexes of the Pazyryk Culture*. Barnaul: Izdatel’stvo Altaiskogo universiteta. (Rus.).

Kiseleva, D.V., Danilov, D.A., Domracheva, D.V., Trufanov, A.Ia., Khor'kova, A.N., Sharapova, S.V. (2020). Chromatographic Study of the Plant Mixture from the Elite Burial of the Sargatka Culture in the Middle Irtysh Region. *Rossiiskie nanotekhnologii*, 15(5), 657–663. (Rus.). https://doi.org/10.1134/S1992722320050052

Koriakova, L.N. (1988). *Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia: (Sargatka culture).* Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (Rus.).

Kraeva, L.A. (2015). Household and Sacred Use of the Pottery by the Sarmatian Tribes of the Southern Urals and Western Kazakhstan. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 3(2), 90–100. (Rus). https://doi.org/10.17816/snv20153207

Margarian, K.G. (2018). Ceramic Plates of the Sargatka Culture. In: A.A. D'iakonov (Ed.). *Nauka IuUrGU: Materialy 70-i nauchnoi konferentsii. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk*. Cheliabinsk: Izdatel'skii tsentr IuUrGU, 279–286. (Rus.).

Margarian, K.G. (2019). Oval Stone Altars on Four Low Legs of the Early Iron Age. In: A.A. D'iakonov (Ed.). *Nauka IuUrGU: Materialy 71 nauchnoi konferentsii. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk*. Cheliabinsk: Izdatel'skii tsentr IuUrGU, 218–225. (Rus.).

Margulan, A.Kh., Akishev, K.A., Kadyrbaev, M.K., Orazbaev, A.M. (1966). *Ancient culture of Central Kazakhstan*. Alma-Ata: Nauka. (Rus.).

Matveeva, N.P. (1986). Sacrificial Stones of the Scythian Time from the Trans-Urals. In: Iu.F. Kiriushin (Ed.). *Skifskaia epokha Altaia: (Tezisy dokladov k konferentsii)*. Barnaul: AltGU, 88–90. (Rus.).

Matveeva, N.P. (1993). *The Sargatka Culture in the Middle Tobol.* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Matveeva, N.P. (1996). Traces of Performance of Acts of Worship in Burials of the Sargatka Culture. In: *Priesthood and Shamanism in the Scythian Period (the Materials of International Conference).* St. Petersburg: Skifo-Sibirika', 81–83. (Rus.).

Matveeva, N.P. (2000). *Socio-Economic Structure of the Population of Western Siberia in the Early Iron Age (Forest-Steppe and Subtaiga zone).* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Matveeva, N.P. (2019). The Gorokhovo Culture in the System of the Trans-Ural Antiquities of the Early Iron Age. *Rossiiskaia arkheologiia*, (1), 4–19. (Rus.). https://doi.org/10.31857/S086960630004109-8

Mogilnikov, V.A. (1981). Some Features of the Genesis of Western Siberian Forest-Steppe Cultures in the Early Iron Age. *Voprosy arkheologii Urala*, (15), 100–103. (Rus.).

Mogilnikov, V.A. (1992). Forest-steppe of the Trans-Urals and Western Siberia. In: M.G. Moshkova (Ed.). *Arkheologiia SSSR: Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia.* Moscow: Nauka, 292–311. (Rus.).

Mogilnikov, V.A. (1997). *The Population of the Upper Ob Region in the Middle-Second Half of the First Millennium BC*. Moscow: Pushchinskii nauchnyi tsentr RAN. (Rus.).

Mogilnikov, V.A. (1998). On the dynamics of external contacts of the Sargatka culture's ethnic group. In: N.P. Dovgaliuk (Ed.). *Vzaimodeistvie sargatskikh plemen s vneshnim mirom*. Omsk: OmGU, 4–10. (Rus.).

Moshinskaia, V.I. (1976). *Ancient Sculpture of the Urals and Western Siberia*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Moshkova, M.G. (1963). Monuments of Prokhorov culture. In: *Arkheologiia SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (D1-10). Moscow: Nauka, 1–56. (Rus.).

Moshkova, M.G. (2000). The Designation of Stone "Altars" and "Savromat" Archaeological Culture. In: V.I. Guliaev, V.S. Ol'khovskii (Eds.). *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: Paleoekologiia, antropologiia i arkheologiia.* Moscow: IA RAN, 201–215. (Rus.).

Plakhuta, D.O., Avtushkova, A.L. (2018). On Semantics of Some Early Iron Age Altars of Western Siberia: Interpretation option. *Stratum plus: Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia. Sotsiologiia potustoronnego*, (3), 181–186. (Rus.).

Polosmak, N.V. (1987). *Baraba in the Early Iron Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Polosmak, N.V. (1984). Ceramic Plates of the Sargatka Culture. In: T.V. Nikolaeva (Ed.). *Skifo-sibirskii mir: Iskusstvo i ideologiia: Tezisy dokladov vtoroi arkheologicheskoi konferentsii*. Kemerovo: Izdatel'stvo KemGU, 127–128. (Rus.).

Sal'nikov, K.V. (1964). Findings in the Southern Urals. *Sovetskaia arkheologiia*, (1), 313–315. (Rus.).

Sharapova, S.V., Razhev, D.I., Kurto, P. (2014). New in the Study of Women's Burials (Based on the Materials of the Sargatka Culture of the Tobol Region). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 24(1), 84–93.

Skripkin, A.S. (1984). *The Lower Volga Region in the First Centuries of Our Era*. Saratov: SGU. (Rus.).

Sleptsova, A.V. (2020). Origin and Chronological Dynamic of the Populations of the Sargat Early Iron Age West Siberian Culture: Dental Evidence. *Camera Praehistorica*, 4(1), 139–155. (Rus.). https://doi.org/10.31250/2658-3828-2020-1-139-155

Smirnov, K.F. (1964). *Sauromats: The Early History and Culture of the Sarmatians*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Smirnov, K.F. (1973). Censers and Toilet Vessels in Asian Sarmatia. In: R.N. Munchaev, V.I. Markovin (Eds.). *Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti*. Moscow: Nauka, 166–179. (Rus.).

Smirnov, K.F. (1977). Orsk Mounds of Early Nomads. In: R.G. Kuzeev, N.A. Mazhitov, A.X. Pshenichniuk (Eds.). *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala*. Ufa: BFAN SSSR, 3–51. (Rus.).

Smirnov, K.F., Petrenko, V.G. (1963). Sauromats of the Volga Region and Southern Urals. In: *Arkheologiia SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (D1-9). Moscow: Nauka, 1–401. (Rus.).

Tairov, A.D. (2000). Early Iron Age. In: N.O. Ivanova (Ed.). *Drevniaia istoriia Iuzhnogo Zaural'ia. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e*. Cheliabinsk: Izd-vo IuUrGU, 4–205. (Rus).

Tairov, A.D. (2004). Periodization of Monuments of Early Nomads of the Southern Trans-Urals of the VII–II Centuries BC. In: L.T. Iablonskii, S.I. Luk'iashko (Eds.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noi khronologii: Doklady k 5 mezhdunarodnoi konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii»*. Krasnodar: Firma NSS, 3–21. (Rus.).

Tallgren, A.M. (1938). Some Nort Evrasion Sculptures. In: *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, (XII), 109–135.

Trofimov, Y.V. (2017). Stone Altar and Ceramic Censer. *Vestnik OmGU*, 15(3), 134–137. (Rus.). https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.134-137

Troitskaia, T.N. (1979). *The Kulay Culture in the Ob River Basin in Novosibirsk Region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Troitskaia, T.N., Borodovskii, A.P. (1994). *The Bolsherechye Culture of the Forest-Steppe Ob Region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Vasil'ev, V.N. (1998). To the issue of Sarmatian Stone Altars of Nomads of the Southern Urals. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (1), 25–43. (Rus.).

Vishnevskaia, O.A. (1973). Culture of the Saka Tribes of the Lower Syr Darya in the VII–V Centuries BC Based on the Uygarak Materials. In: S.P. Tolstov (Ed.). *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*. Moscow: Nauka, 1–160. (Rus.).

Vishnevskaia, O.A. (1992). Central Kazakhstan. In: M.G. Moshkova (Ed.). *Arkheologiia SSSR: Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia.* Moscow: Nauka, 130–140. (Rus.).

Zakh, V.A. (2021). Incense Burners and Altar Dishes of the Sargatka Culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 53(2), 66–82. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-53-2-6

Zuev, V.Iu. (1996). The Scientific Myth about the "Sauromatian Priestesses". In: *Priesthood and Shamanism in the Scythian Period: (The Materials of International Conference).* St. Petersburg: Skifo-Sibirika, 54–68. (Rus.).

Проконова М.М., https://orcid.org/0000-0003-2008-4814

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 12.09.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-6

Серегин Н.Н. [a, *], Демин М.А. [b], Матренин С.С. [a]

[a] Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049
[b] Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Серегин Н.Н.); mademin52@mail.ru (Демин М.А.);
matrenins@mail.ru (Матренин С.С.)

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ КАРБАН-I)

Статья посвящена характеристике предметов вооружения из погребений сяньбийского времени комплекса Карбан-I. Анализируемые находки включают 5 сложносоставных луков, 14 железных наконечников стрел, 4 железных боевых ножа и 1 кинжал. Установлено, что изученный набор боевых средств населения Северного Алтая соответствовал комплексу вооружения легкой конницы и пехоты. В его составе фиксируются как уже раннее известные (хуннуские), так и новые (местные) модификации наступательного оружия.

Ключевые слова: Алтай, сяньбийское время, вооружение, булан-кобинская культура, лук, наконечники стрел, боевой нож, кинжал, хронология.

Введение

Военное дело являлось одним из важнейших элементов системы жизнеобеспечения древних и средневековых народов разных регионов мира, воплощая в себе культурные и технические достижения конкретных обществ. Значимость войны как способа производства демонстрируют многочисленные находки предметов вооружения на различных видах археологических памятников. Большую роль военной деятельности в жизни кочевников Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э. подтверждают обширные вещественные материалы, полученные в ходе раскопок погребальных комплексов булан-кобинской культуры. Оружие являлось непременным атрибутом сопроводительного инвентаря мужчин данной общности, выступая индикатором социального статуса и показателем выполнения индивидами определенных управленческих функций [Серегин, Матренин, 2020, с. 116]. Участие разных групп населения в конфликтах с применением стрелкового и клинкового оружия отражают зафиксированные на костях людей следы насилия в виде скелетных травм (стреляные, рубленые, колотые раны, отсечения конечностей, декапитация) [Тур и др., 2018].

Становление и развитие комплекса вооружения населения Алтая происходило под значительным влиянием военных традиций кочевых империй Центральной Азии: хуннуской во II в. до н.э. — I в. н.э., сяньбийской во II — первой половине IV в. н.э., жужанской во второй половине IV — первой половине V в. н.э. На сегодняшний день различные аспекты военного дела носителей булан-кобинской культуры изучены неравномерно. Наименее исследованным остается сяньбийский период его истории, хотя анализ наступательного вооружения дальнего, среднего и ближнего боя из отдельных некрополей предпринимался в работах ряда отечественных специалистов [Худяков, 1986, 2002; Мамадаков, 1990, 1996; Неверов, Мамадаков, 1991; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018; и др.]. Данная ситуация существенным образом обусловлена тем, что полученный внушительный по объему корпус археологических источников из раскопок погребальных памятников, датирующихся II — первой половиной IV в. н.э., по-прежнему опубликован весьма фрагментарно, что в итоге затрудняет его полноценное изучение.

Обозначенное обстоятельство определяет актуальность введения в научный оборот и разноплановой интерпретации комплекса вооружения из некрополя сяньбийского времени Карбан-I.

Материалы и методы исследования

Погребально-поминальный комплекс Карбан-I расположен на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюс, в Чемальском районе Республики Алтай. В 1989–1990 гг. на

* Corresponding author.

данном памятнике в рамках аварийных археологических работ экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина раскопана серия погребений сяньбийского времени [Серегин и др., 2021]. Предметы вооружения зафиксированы в пяти непотревоженных мужских захоронениях и представлены средствами ведения дальнего (луки и стрелы с железными наконечниками) и ближнего (ножи, кинжал) боя.

Сложносоставные луки обнаружены в пяти погребениях. Сохранились только роговые накладки на кибить, судя по которым луки помещались в могилы со снятой тетивой и укладывались на умершего человека вдоль правой (курганы № 11, 14, 39) или левой (курганы № 9, 33) части туловища. Большинство обнаруженных деталей имеют хорошую и удовлетворительную сохранность. Отмечено, что среди значительно разрушенных элементов преобладают пластины на нижнюю и центральную часть луков, соприкасавшиеся с телом умершего человека. Лук из кургана № 9 был разобран или сломан: верхние концевые накладки перевернуты головкой с вырезом под тетиву вниз. В погребении объекта № 14 найден неполный (вероятно, сломанный) лук с пластинами на центральную и нижнюю часть.

Железные наконечники стрел в количестве 14 экз. происходят из трех захоронений. В сопроводительном инвентаре их число варьировало от одного до восьми. Документированы следующие варианты размещения данных предметов in situ. В могиле кургана № 9 наконечник находился у правого предплечья человека рядом с костяными (роговыми) проникателями и был ориентирован, как и они, острием вверх. В погребении объекта № 33 один железный экземпляр располагался справа от черепа мужчины вместе с костяными наконечниками, остальные четыре — около левой кисти умершего (все они обращены остриями вверх). В захоронении кургана № 39 вдоль правого бедра умершего человека расчищены восемь наконечников стрел, большинство из которых лежали компактно остриями вверх. Металл изделий имеет преимущественно хорошую и удовлетворительную сохранность; в ряде случаев наконечники были снабжены костяными (роговыми) свистунками.

Комплекс клинкового оружия из некрополя Карбан-I включает один кинжал и четыре боевых ножа. Кинжал находился в могиле кургана № 9 вдоль левого бедра умершего мужчины острием вниз. Боевые ножи[1] обнаружены в трех погребениях (курганы № 11, 33, 39). Их положение в захоронениях было почти одинаковым — вдоль левого бедра покойного острием вниз. В могиле кургана № 39 более крупный экземпляр находился у левой ноги погребенного, а второй, меньшего размера,— около правого бедра.

Для сравнительного изучения целых и фрагментированных изделий, относящихся к разным категориям наступательного вооружения, была проведена их классификация на основе таксонов, учитывающая степень изменчивости морфологических признаков от самых общих к наиболее вариативным. Систематизация луков осуществлена по таким параметрам, как конструкция лука (группа), форма со снятой или надетой тетивой (разряд), общая длина со снятой тетивой (раздел), количество накладок на кибити (отдел), состав набора роговых накладок (тип), морфологические особенности накладок (толщина, форма, пропорции), а также соотношение длины плеч (верхнего и нижнего рога). При классификации боевых наконечников стрел во внимание принимались следующие показатели: материал изготовления (группа), способ насада на древко (разряд), поперечное сечение пера (раздел), общий силуэт пера, наличие острия (отдел), форма пера в плане (тип), наличие (отсутствие) упора и его конструкция, а для ярусных экземпляров соотношение верхней и нижней части пера (вариант). Оружие ближнего боя (кинжал и ножи) было описано по таким показателям, как материал (группа), форма поперечного сечения клинка (разряд), форма окончания лезвия, абрис клинка в продольной плоскости (раздел), положение рукояти относительно длинной оси клинка (отдел), наличие/отсутствие перекрестия, его конструкция и форма (тип), детали оформления рукояти (вариант).

Выделенные типы предметов вооружения были подвергнуты типологическому анализу, целью которого являлось установление относительной датировки и генезиса разных изделий. Основой для этого выступали актуальные для сравнения вещественные материалы из археологи-

[1] К данному виду оружия режущего действия отнесены изделия, имеющие клинок длиной 12–13 см и ширину спинки (обуха) не менее 0,3 см. Данных параметров было вполне достаточно для нанесения человеку смертельного поражения или глубокой раны [Горбунов, 2006, с. 75–76]. Ножи с такими характеристиками были полифункциональными и могли применяться для хозяйственных нужд [Худяков, 2002, с. 86].

ческих памятников последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э., исследованных в Центральной, Средней и Северной Азии.

Анализ материалов

В результате классификации ***луков*** выделена одна группа, один разряд, один раздел, один отдел, один тип, включающий два варианта.

Группа I. Сложносоставные. Основу лука составляет деревянная кибить из двух или трех частей, на которой определенным образом фиксировались роговые накладки. Деревянный остов не сохранился ни в одном из захоронений некрополя Карбан-I.

Разряд I. С-М-образные. Форма лука со снятой тетивой напоминает букву «С». С надетой тетивой лук становится похож на букву «М».

Раздел I. Длинные. Длина со снятой тетивой составляет около 150 см.

Отдел I. Луки с семью накладками.

Тип 1. Четыре концевые и три срединные накладки: из концевых четыре боковые, из срединных — две боковые, одна тыльная.

Вариант а. Концевые накладки тонкие (0,2–0,4 см), дуговидные, длинные (верхние 29–37 см, нижние 20–30 см), узкие (ширина в проекции головки 1,5–1,8 см, в средней части — 1,2–1,5 см), с закругленной головкой и округлым вырезом для тетивы (рис. 1, *1, 2, 6*; 2, *7, 8*; 3, *1, 2, 6*). Срединные боковые накладки тонкие (0,2–0,4 см), сегментовидные, длинные (25–30 см), широкие (2,6–3 см). Их окончания срезаны под острым углом или имеют незначительное скругление (рис. 1, *3, 5*; 2, *1, 3, 9, 11*; 3, *3, 5*). Срединные тыльные накладки тонкие (0,2–0,5 см), весловидные, средней длины (16–24 см), узкие (ширина в центральной части от 0,6 до 1,2 см), с трапециевидными (рис. 1, *4*; 3, *4*) или лопаточковидными (рис. 2, *2*) окончаниями (шириной от 2 до 2,8 см)[2]. Судя по сохранившимся более длинным роговым пластинам на верхнее плечо, кибить была асимметричной. Включает четыре лука из курганов № 9, 14, 33, 39 (рис. 1, *1–6*; 2, *1–12*; 3, *1–7*).

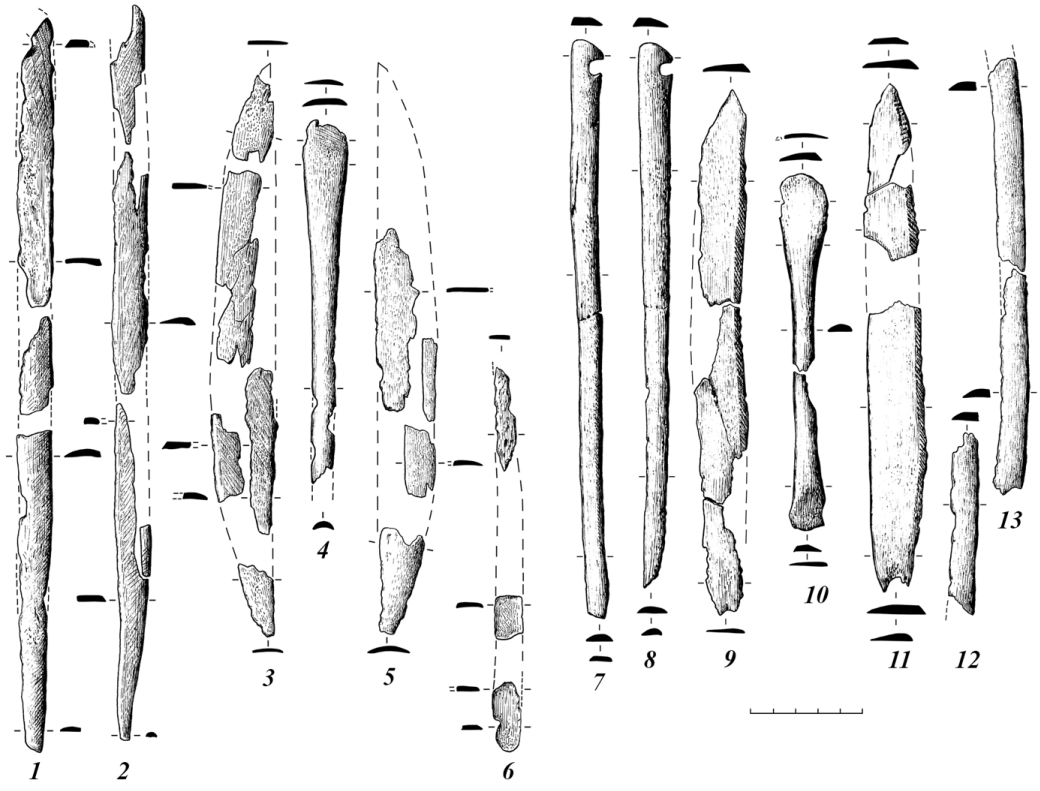


Рис. 1. Роговые накладки на лук из некрополя Карбан-I. Курганы № 9 (*1–6*) и 11 (*7–13*).
Fig. 1. Horn bow onlays from the Karban-I necropolis. Burial mounds № 9 (*1–6*) and 11 (*7–13*).

[2] У лука из кургана № 14 тыльная накладка была усилена дополнительной пластиной, имеющей длину около 12 см и ширину в разных местах от 1,1 до 1,6 см (рис. 2, *2*).

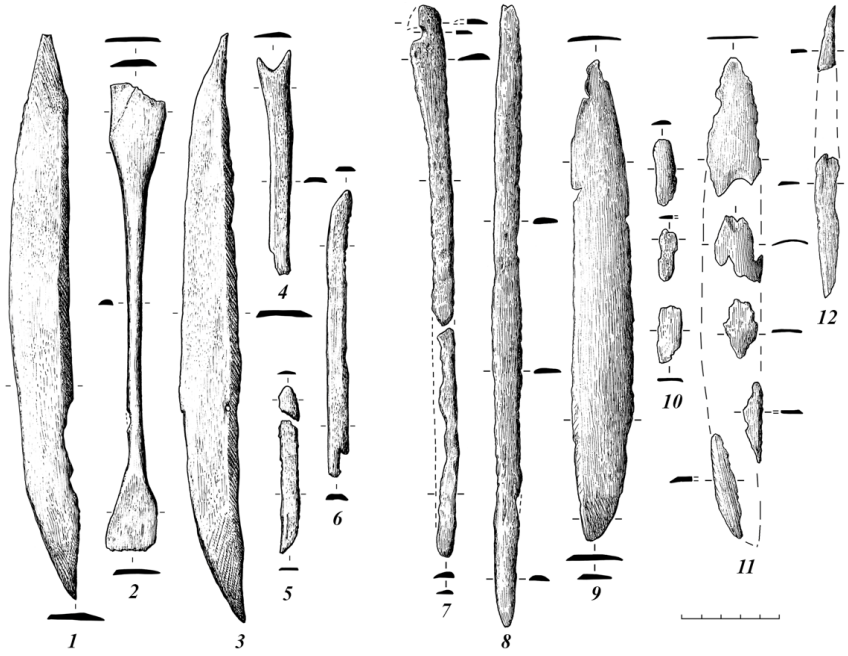


Рис. 2. Роговые накладки на лук из некрополя Карбан-I. Курганы № 14 (*1–6*) и 39 (*7–12*).
Fig. 2. Horn bow onlays from the Karban-I necropolis. Burial mounds № 14 (*1–6*) and 39 (*7–12*).

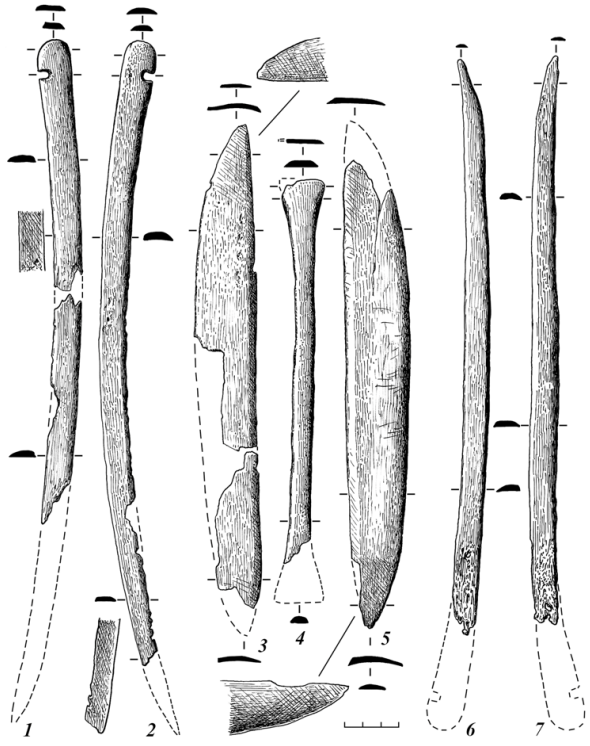


Рис. 3. Роговые накладки на лук из кургана № 33 некрополя Карбан-I.
Fig. 3. Horn bow onlays from mound № 33 of the Karban-I necropolis.

Вариант б. Концевые накладки тонкие (0,2–0,4 см), дуговидные, длинные (верхние 26–33 см, нижние не менее 20 см), узкие (ширина в проекции головки 1,4 см, в средней части — 1,2 см), с закругленной головкой и округлым вырезом для тетивы (рис. 1, *7, 8, 12, 13*). Срединные боковые накладки тонкие (0,2–0,4 см), дуговидные, длинные (около 25 см), широкие (2,5–2,6 см)

(рис. 1, *9, 11*). Срединная тыльная накладка тонкая (0,3–0,4 см), весловидная, средней длины (16,7 см), узкая (ширина в центральной части 1 см, у концов — 1,7 и 2,2 см), с трапециевидными окончаниями (рис. 1, *10*). Разная длина концевых накладок свидетельствует об асимметричности кибити. Включает лук из кургана № 11 (рис. 1, *7–13*).

Боевые ***наконечники стрел*** представлены одной группой, одним разрядом, одним разделом, двумя отделами, пятью типами с несколькими вариантами.

Группа I. Железные.

Разряд I. Черешковые.

Раздел I. Трехлопастные.

Отдел I. Ярусные, заостренные.

Тип 1. Треугольные — асимметрично-ромбические. Верхняя часть пера представляет собой треугольник, плавно переходящей в ромб, стороны которого преломляются ближе к острию. Вариант а — без упора, с малым верхним ярусом. Включает 1 экз. из кургана № 39. Размеры пера 3,4×2 см. Длина черешка 2,7 см (рис. 4, *10*).

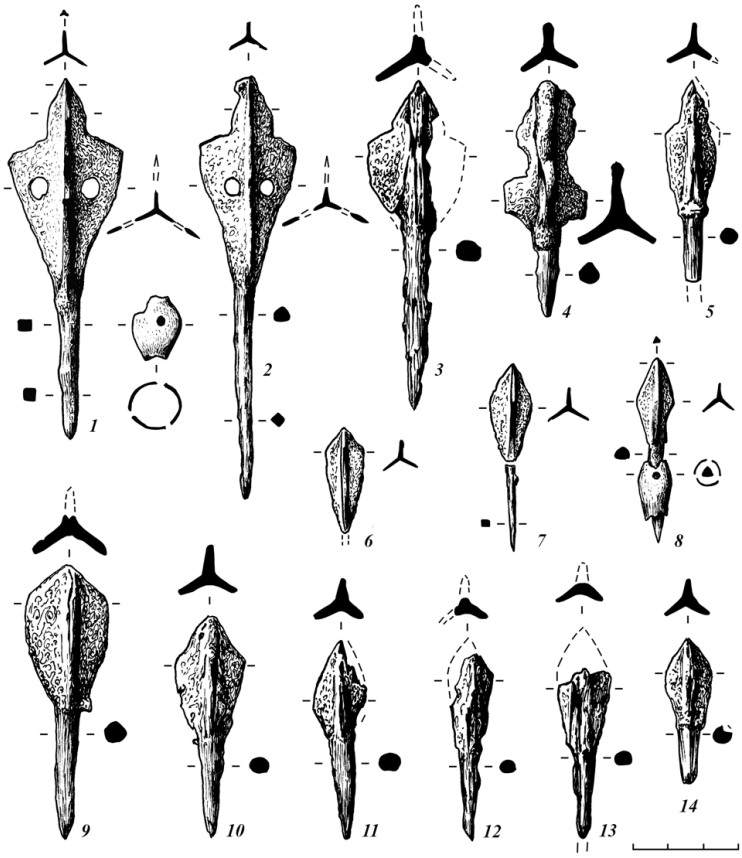


Рис. 4. Боевые наконечники стрел из некрополя Карбан-I. Курганы № 9 (4), 33 (*1, 2, 6–8*), 39 (*3, 5, 9–14*): *1, 8* — железо, кость (рог), остальное — железо.
Fig. 4. Combat arrowheads from the Karban-I necropolis. Burial mounds № 9 (*4*), 33 (*1, 2, 6–8*), 39 (*3, 5, 9–14*): *1, 8* — iron, bone (horn), the rest is iron.

Тип 2. Пятиугольные — асимметрично-ромбические. Верхний ярус пера напоминает пятиугольник, нижний — фигуру в виде ромба, стороны которого преломляются ближе к острию. Вариант а — без упора, с малым верхним ярусом. Включает 4 экз. из курганов № 33 (2) и 39 (2). Размеры пера: длина 3,8–6,2 см, максимальная ширина 2,7–3,2 см. Длина полностью сохранившихся черешков варьирует от 4 до 6 см. Два изделия имеют округлые прорези в лопастях нижнего яруса, одно — костяную свистунку[3] (рис. 4, *1–3, 5*).

[3] В процессе раскопок кургана № 33 установлено, что из пяти железных наконечников четыре (два из них ярусные) были снабжены костяными свистунками.

Тип 3. Ромбические-шестиугольные. Вариант а — без упора, с равновеликими верхним и нижним ярусами. Включает 1 экз. из кургана № 9. Размеры пера 4,2×2,4 см. Длина сохранившегося черешка 1,8 см (рис. 4, *4*).

Отдел II. Геометрические, заостренные.

Тип 4. Асимметрично-ромбические (перо имеет форму ромба, у которого стороны преломляются ближе к острию). Вариант а — без упора. Включает 5 экз. из курганов № 33 (1) и 39 (4). Размеры пера 2,4–4,1×1–2,3 см. Длина сохранившихся черешков варьирует от 2,8 до 3,6 см (рис. 4, *6, 9, 12–14*).

Тип 5. Ромбические (боковые стороны пера преломляются примерно посередине). Некоторые наконечники имеют прорези в лопастях. Вариант а — без упора. Включает 3 экз. из курганов № 33 (2) и 39. Размеры пера 2,4–2,7×1,1–1,5 см. Длина сохранившихся черешков 2,5–2,7 см. Одно изделие снабжено костяной свистункой (рис. 4, *7, 8, 11*).

Единственный железный (группа I) ***кинжал*** имел двулезвийный линзовидный в сечении (разряд I) клинок длиной 13 см, максимальной шириной 2,8 см, с острым окончанием и килевидным абрисом (раздел I), переходящим в прямую рукоять (отдел I) без перекрестия (тип 1), снабженную деревянным навершием овальной формы (рис. 5, *1*).

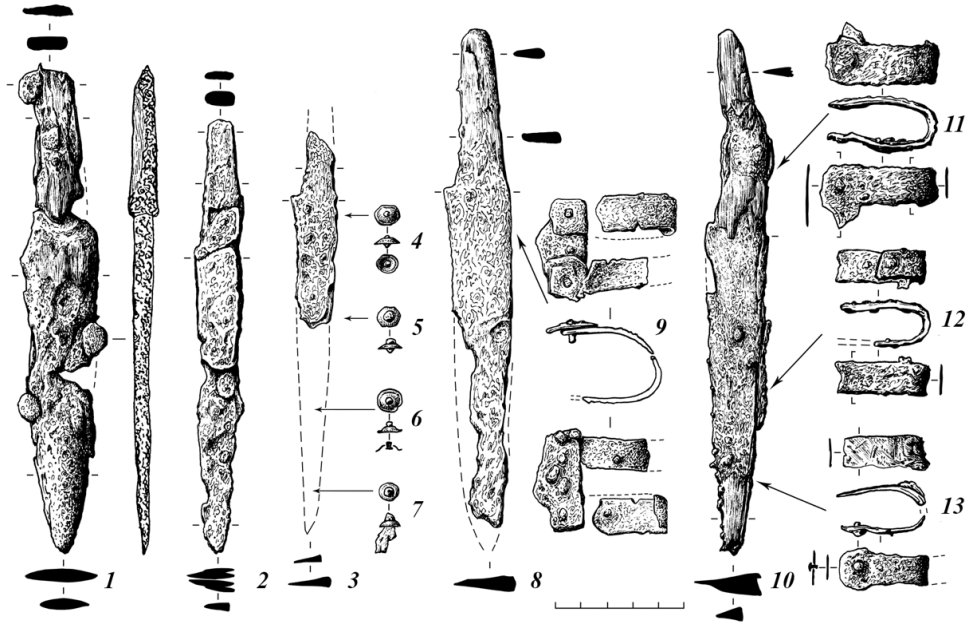


Рис. 5. Железный кинжал и ножи с деталями ножен из некрополя Карбан-I.
Курганы № 9 (*1*), 11 (*2*), 33 (*3–9*), 39 (*10–13*).
Fig. 5. Iron dagger and knives with sheath details from the Karban-I necropolis.
Burial mounds № 9 (*1*), 11 (*2*), 33 (*3–9*), 39 (*10–13*).

Учитывая степень сохранности, удалось провести классификацию трех ***боевых ножей***, что позволило выделить одну группу, один разряд, один раздел, два отдела, два типа изделий, включающих по одному варианту.

Группа I. Железные.

Разряд I. С треугольным клинком.

Раздел I. Острое окончание. Лезвие дугообразно переходит в прямую или слегка выгнутую спинку.

Отдел I. С прямой рукоятью.

Тип 1. Без перекрестия. Вариант а — без навершия, с гладким череном. Включает 2 экз. из курганов № 11 и 33. Длина клинков составляет 12,4 и 14,5 см, максимальная ширина — 1,9 и 2,5 см (рис. 5, *2, 8*).

Отдел II. С наклонной рукоятью.

Тип 2. Без перекрестия. Вариант а — без навершия, с гладким череном. Включает 1 экз. из кургана № 39, имеющий клинок длиной 16,3 см с наибольшей шириной 2,5 см (рис. 5, *10*).

Обсуждение результатов

Сложносоставные длинные луки из некрополя Карбан-I, оснащенные комплектом из семи роговых накладок (двух пар концевых боковых, двух срединных и одной тыльной), являлись ведущей модификацией таких изделий у многих народов Восточной Евразии в последней четверти I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. На Алтае они распространились во II в. до н.э. под влиянием хуннуской военной традиции и активно применялись до V в. н.э. [Горбунов, 2006, с. 23]. Все сохранившиеся концевые боковые накладки карбанских луков сделаны из длинных тонких и узких плавно изогнутых пластин, напоминающих дугу. Их головка с вырезом под тетиву закруглена, а противоположный конец заужен и срезан под углом, в отдельных случаях приострен. Такие концевые накладки являются производными от соответствующих хуннуских экземпляров конца III в. до н.э. — I в. н.э. На протяжении всего периода существования булан-кобинской культуры в их облике не произошло существенных изменений. Судя по соотношению длины сохранившихся концевых пластин, карбанские луки имели асимметричные плечи.

Четыре из пяти луков, обнаруженных в могильнике Карбан-I, имели тонкие длинные срединные боковые накладки сегментовидной формы с приостренными окончаниями. Аналогичные детали широко применялись хунну Монголии и Забайкалья в конце III в. до н.э. — I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. III–V; Худяков, 1986, рис. 3, *1–7*; И Санг по, 2003, зур. 24, *3*; и др.]. С хуннуским влиянием связаны находки похожих изделий в памятниках Тувы конца I в. до н.э. — начала III в. н.э. [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 82, *21*; Николаев, 2001, с. 81–82, табл. 77, *1*; 94, *2*; 95, *1, 2*]. Позднее сегментовидные накладки использовались в конструкции сяньбийских луков (конец I — начало III в. н.э.), правда, они имели значительно меньшую длину и закругленные окончания [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1, *5–8*; Яремчук, 2005, рис. 66, *6, 7*]. В булан-кобинской культуре луки со срединными боковыми накладками, идентичными карбанским экземплярам, по-видимому, копировали хуннуские образцы. На сегодняшний день такие изделия зафиксированы на Алтае в погребальных комплексах, датирующихся преимущественно II в. до н.э. — I в. н.э. (Усть-Эдиган, Яломан-II, Пазырык, Сары-Бел, Чендек) и реже — II — первой половиной IV в. н.э. (Бош-Туу-I) [Мамадаков, 1990, рис. 80, 81; Худяков, 1997, рис. I, *3, 4, 12*; Соенов, Эбель, 1992, рис. 22; и др.].

Две срединные боковые накладки с дуговидным абрисом удлиненных пропорций от лука из кургана №11 имеют аналогии в сяньбийских погребениях Восточного Забайкалья конца I — начала III в. н.э., в которых также обнаружены экземпляры «промежуточных» форм (от сегментовидных к дуговидным либо к трапециевидным) [Яремчук, 2005, рис. 61, *5, 6*; 62, *11, 12*, 65, *5, 6*]. Луки, армированные похожими пластинами, встречаются в археологических материалах Средней Азии и Южного Приуралья, относящихся ко второй половине II — III в. н.э., а также в комплексах кокэльской культуры Тувы второй половины III — IV в. н.э. [Рапопорт, Неразик, 1984, рис. 88, 89, *2*; Николаев, 2001, табл. 106; и др.]. У населения булан-кобинской культуры срединные боковые накладки дуговидной формы появились в результате закругления окончаний сегментовидных пластин с прогнутым основанием [Горбунов, 2006, с. 16–17]. На Алтае луки с таким оформлением центральной части кибити датируются II–V вв. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 42], однако нельзя исключать использование отдельных экземпляров до начала VI в. н.э.

У всех карбанских луков присутствовали тыльные накладки в виде тонкой пластины весловидной формы, имеющие меньшую длину в сравнении со срединными боковыми накладками. Среди них более ранними являются экземпляры с трапециевидными окончаниями, которые воспроизводят соответствующие детали луков хунну [Худяков, 1986, рис. 22, *9, 11, 15, 16*]. Похожие пластины присутствуют также в конструкции сяньбийских луков конца I — III в. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 66, *3*; 67]. У населения Алтая срединные тыльные накладки с обозначенным оформлением встречаются на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э. [Горбунов, 2006, с. 18]. Единственная тыльная накладка средней длины с лопатковидными окончаниями, по-видимому, является местной разработкой, появившейся в сяньбийское время. Немногочисленные аналогии ей зафиксированы в булан-кобинских комплексах III–IV вв. н.э. [Соенов, Эбель, 1998, рис. 15, *5*; Тишкин и др., 2018, с. 41].

Принимая во внимание представленные наблюдения, можно сделать вывод, что большинство обнаруженных в некрополе Карбан-I луков типа 1а воспроизводят хуннуские аналоги и датируются, исходя из типологии накладок, в рамках II в. до н.э. — III в. н.э. Среди них более поздним, по-видимому, является лук из кургана № 14, имеющий редкое сочетание срединных накладок (сегментовидных боковых и тыльной с лопаточковидными окончаниями). Единствен-

ный лук типа 1б из кургана № 11 относится к числу модификаций, применявшихся воинами Алтая во II–IV вв. н.э. Разница оформления роговых деталей луков из комплекса Карбан-I демонстрирует сохранение хуннуской и формирование новой местной традиции производства, что свидетельствует об активной разработке данного вида ручного метального оружия населением Алтая в сяньбийское время.

Все железные наконечники стрел анализируемого собрания имеют черешковый насад на древко и трехлопастное перо различной формы. Среди них изделия с ярусным силуэтом пера и выделенным острием представлены шестью экземплярами, подразделяющимися на типы 1а, 2а, 3а. Такие проникатели оказываются достаточно информативными в плане хронологической интерпретации [Неверов, Мамадаков, 1991; Николаев, 2001, с. 73–74]. Изобретателями ярусных наконечников являются центрально-азиатские хунну, у которых они известны с I в. до н.э. [Коновалов, 1976, табл. 1, *12–16*; 2, *17–28*; Могильников, 1992, табл. 105, *3–5*; и др.]. Будучи одним из «этнографических» элементов материальной культуры хунну, ярусные наконечники появились в воинских арсеналах других народов Центральной и Северной Азии не ранее II в. н.э. [Николаев, 2001, с. 78; Горбунов, 2006, с. 38].

На сегодняшний день правомерно говорить о разделении ярусных наконечников стрел на образцы хуннуской и южносибирской традиций [Мамадаков, 1990, с. 44–53; Неверов, Мамадаков, 1991]. В материалах комплекса Карбан-I экземпляры хуннуской традиции имеют малый верхний ярус треугольной (тип 1а) или пятиугольной (тип 2а) формы, переходящий в нижний ярус с асимметрично-ромбическим контуром. Необходимо отметить, что по размеру пера они различаются: есть большие (6×2,7–3,2 см) и малые (3,8–4,2×2,3–2,7 см) изделия, что, вероятно, связано с поиском наиболее эффективных баллистических параметров. Наконечники обозначенных типов имеют непосредственную генетическую связь с предметами из памятников хунну Монголии и Забайкалья, отличаясь от своих центрально-азиатских прототипов отсутствием лопастного упора и присутствием экземпляров небольшого размера [Коновалов, 1976, табл. II, *17–23*; Худяков, 1986, рис. 5, *7, 15, 24*; И Санг по, 2003, зур. 23, *4, 6*; и др.]. Более поздние аналогии им зафиксированы в колчанных наборах сяньби конца I — начала III в. н.э. (тип 1 а), носителей кокэльской культуры Тувы второй половины III — IV в. н.э. (типы 1а, 2а), а также населения юга Западной Сибири второй половины III — V в. н.э. (тип 1а) [Худяков, 1986, с. 70–71; рис. 26, *1–8*; Ширин, 2003, табл. LXXXVIII, *14, 15*; Li Xingcheng, Wei Jian, 2004, fig. 19, *4*].

На Алтае данные проникатели без упора преобладают в погребениях булан-кобинской культуры из могильников Айрыдаш-I (типы 1а, 2), Белый-Бом-II (тип 1а), Булан-Кобы-IV (тип 1а), Кызыл (тип 1а), Степушка (тип 1а), Улуг-Чолтух-I (типы 1а, 2а), датирующихся II — первой половиной IV в. н.э., и существенно реже встречаются в комплексах Чендек (западная группа) (тип 1а), Верх-Уймон (тип 2а), Чобурак-I (тип 2а), Яломан-II (центральная группа) (тип 2а), относящихся ко второй половине IV — первой половине V в. н.э. [Мамадаков, 1985, рис. 5, *4*; Соенов, Эбель, 1992, рис. 4, *7*; 39, *7*; Худяков, 2002, рис. 3, *1, 4, 8*; Бобров и др., рис. 26, *3, 4*; Горбунов, 2006, с. 29, 38, рис. 23, *4, 24*; Тишкин и др., 2018, рис. 6, *1*; 8, *13*; Серегин и др., 2020, рис. 2, *8*; и др.]. Принимая во внимание, что данные изделия продолжали развитие соответствующих центрально-азиатских модификаций, и учитывая реалии этнокультурной истории Алтая, наконечники типов 1а, 2а можем датировать в рамках II–V вв. н.э. При этом экземпляры из некрополя Карбан-I, по-видимому, относятся к числу ранних[4]. Показательно, что массивные проникатели из кургана № 33 по размерам полностью совпадают с хуннускими.

Одним из направлений эволюции ярусных наконечников хуннуской традиции у народов Алтае-Саянского региона было усиление их проникающих свойств, что выразилось в сужении лопастей нижнего яруса и удлинении верхнего яруса [Неверов, Мамадаков, 1991, с. 128–131; Николаев, 2001, с. 78]. Данные изменения демонстрирует карбанский наконечник типа 3а с равновеликими ярусами — верхним ромбическим и нижним шестиугольным. В обширной коллекции ярусных наконечников стрел булан-кобинской культуры аналогии ему не обнаружены. Данный «экспериментальный» образец является, по-видимому, переходным от хуннуской к южносибирской традиции, формирование которой произошло в III в. н.э. [Серегин и др., 2020, с. 106]. Следует отметить, что наконечники с практически одинаковой длиной верхнего и нижнего ярусов,

[4] Особенностью многих более поздних булан-кобинских ярусных наконечников стрел, относящихся ко второй четверти I тыс. н.э., является наличие кольцевого упора [Тишкин и др., с. 54; Серегин и др., 2020, рис. 2, *9–12*].

форма которых демонстрирует местное развитие хуннуских прототипов, встречены в Туве в могильнике Кокэль [Худяков, 1986, рис. 26, *7, 9, 14*].

Железные трехлопастные наконечники с геометрическим заостренным пером в материалах некрополя Карбан-I представлены восемью экземплярами. По форме они различаются: есть асимметрично-ромбические (тип 4а) и ромбические (тип 5а). Впервые такие проникатели без упора зафиксированы в арсенале хуннуских воинов Монголии и Забайкалья конца III в. до н.э. — I в. н.э. [Худяков, 1986, рис. 5, *1–13*]. От хунну единичные их образцы во II–I вв. до н.э. попали в Северную Азию [Могильников, 2001, рис. 1, 8–10]. На территории Алтая черешковые трехлопастные наконечники асимметрично-ромбических и ромбических форм без упора распространялись со II в. н.э. и активно использовались носителями булан-кобинской культуры на протяжении II–V вв. н.э. [Горбунов, 2006, с. 29–30, 38–39; Тишкин и др., 2018, с. 49, 54; Серегин и др., 2020, с. 107–108].

Значительно более редким элементом паноплии населения булан-кобинской культуры было клинковое оружие. Судя по имеющимся материалам, начиная с хуннуского времени кинжалы выступали у кочевников региона вспомогательным средством ведения боя на короткой дистанции, а в первой половине I тыс. н.э. их практически полностью вытеснили длиннолезвийные ножи. Единичные находки кинжалов с отдельно изготовленным деревянным навершием происходят из погребений IV–V вв. н.э., исследованных в Центральном и Восточном Алтае [Мамадаков, 1996, рис. 1, *1*; Бобров и др., 2003, рис. 9, *29*]. В могильнике Курайка (вторая половина III — IV в. н.э.) найден миниатюрный экземпляр с цельным металлическим навершием [Соенов, Эбель, 1998, рис. 8, *2*]. Судя по материалам некрополя Карабан-I, такие изделия появились раньше, и их происхождение, по-видимому, связано с развитием короткоклинкового оружия «булан-кобинцев» в сяньбийское время на основе образцов кушано-юэчжийской традиции. Возможно, их прототипом были кинжалы без перекрестия с цельнометаллическим овальным навершием наподобие тех, что обнаружены в археологических комплексах второй половины I в. до н.э. — I в. н.э. Согда и Среднего Енисея [Обельченко, 1978, с. 121–122, рис. 3, *5*; Кузьмин, 2011, рис. 53, *1, 2, 8*; и др.].

Боевые ножи, аналогичные экземплярам из некрополя Карбан-I, впервые зафиксированы у хунну Монголии и Забайкалья (II в. до н.э. — I в. н.э.) [Коновалов, 1976, табл. XVI, *5, 8*; Могильников, 1992, табл. 107, *43, 44*; Яремчук, 2005, рис. 81, *1*; Хүүннүгийн Өв., 2011, т. 244, зур. 370]. В Центральной Азии они также встречаются в памятниках сяньбийской (конец I — III в. н.э.), улуг-хемской (I в. до н.э. — начало III в. н.э.) и кокэльской (III–V вв. н.э.) культур [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81, *69*; Николаев, 2001, табл. 63, *4*; 83, *7*; 84, *1, 9*; 93, *3*; и др.]. На Алтае они стали использоваться с начала I тыс. н.э. под влиянием позднехуннуской или раннесяньбийской военной традиции и оставались наиболее популярным средством ведения рукопашного боя во II–V вв. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 58–59].

В погребения комплекса Карбан-I боевые ножи помещены в деревянных ножнах. Судя по сохранившимся материалам, некоторые из них были снабжены железными оковками в виде согнутых в полуобойму узких пластин, соединенных с разомкнутой стороны с помощью шпеньков. Одна из таких оковок имела «бортик» и скрепляла устье, остальные — обрамляли нижнюю часть корпуса. Расположение данных деталей in situ вдоль левого бедра умершего человека свидетельствует о том, что ножны носились в вертикальном положении и, по-видимому, фиксировались к ноге. Похожие по конструкции футляры с железными оковками встречены в воинском снаряжении кочевников Алтая во II–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 17–25]. Важно подчеркнуть, что ножны из Карбана отличаются от более поздних булан-кобинских экземпляров IV–V вв. н.э. отсутствием железных цепочек и других крепежных элементов для подвешивания к поясу. Обратим внимание на то, что зафиксированный в обломках железный нож из кургана № 33 был в ножнах, украшенных бронзовыми бляхами-заклепками шестиугольной и овальной формы, расположенными равноудаленно по вертикали (рис. 4, *4–7*). Похожий вариант декорирования железными бляхами иной конструкции и формы зафиксирован в захоронении IV в. н.э. на памятнике Булан-Кобы-IV [Мамадаков, 1985, рис. 7, *1*].

Заключение

Изученная серия предметов вооружения из погребений населения булан-кобинской культуры некрополя Карбан-I включает средства ведения дальнего (лук и стрелы) и ближнего (ножи, кинжалы) боя.

Во всех захоронениях обнаружены сложносоставные луки, что подчеркивает их доступность и одновременно большую символическую значимость в реализации погребального обряда полноценных взрослых мужчин-воинов. Установлено, что «карбанцы» использовали луки одного типа — с асимметричной «С–М-образной» кибитью, усиленной семью роговыми накладками (двумя парами концевых боковых, двумя срединными боковыми и одной срединной тыльной). По оформлению срединных боковых пластин различаются два варианта, один из которых (тип 1а) является практически полной копией хуннуских образцов и датируется II в. до н.э. — III в. н.э., а другой (тип 1б) отражает формирование новой местной модификации, получившей широкое распространение у населения Алтая во II–V вв. н.э. Зафиксированные in situ находки свидетельствуют, что в составе сопроводительного инвентаря луки могли быть как целыми, так и сломанными (разобранными?).

Черешковые трехлопастные ярусные наконечники стрел типов 1а, 2а относятся к хуннуской военной традиции и датируются II–V вв. н.э. Экземпляр с равновеликими ярусами типа 3а может быть ранним, «переходным», образцом к южносибирской традиции. Наконечники стрел с геометрическим пером асимметрично-ромбической (тип 4а) и ромбической (тип 5а) форм без упора существовали на протяжении сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.).

Единственный кинжал из некрополя Крабан-I, по-видимому, связан с развитием коротко-клинкового оружия населения булан-кобинской культуры в сяньбийское время на основе образцов кушано-юэчжийской традиции. Вопрос о его датировке остается пока открытым.

Сохранившихся три железных боевых ножа с треугольным сечением клинка выделены в два типа, отличающихся прямой (тип 1а) и наклонной в сторону лезвия (тип 1б) рукоятью. Данные экземпляры режущего оружия появились у населения Алтая под влиянием позднехуннуской или раннесяньбийской военных традиций и достаточно часто встречаются во II–V вв. н.э. Показательными для их хронологической атрибуции являются зафиксированные металлические детали ножен функционального (железные оковки) и декоративного (бронзовые бляхи) назначения, встречающиеся в погребальных комплексах эпохи Великого переселения народов. Находки из некрополя Карбан-I подтверждают вывод о том, что боевые ножи использовали представители разных социальных слоев булан-кобинского общества первой половины I тыс. н.э. [Серегин, Матренин, 2020, с. 37, 91, 93–95].

Таким образом, комплекс вооружения кочевников, оставивших некрополь булан-кобинской культуры в устье р. Карбан, был ориентирован на эффективное противостояние со слабо защищенным противником и соответствовал легкой коннице и пехоте. В его составе присутствуют как уже ранее известные (хуннуские), так и новые (местные) модификации наступательного оружия. По своему разнообразию и уровню развития данный набор значительно уступал воинским арсеналам хунну и сяньби, а также населения булан-кобинской культуры конца III — V в. н.э. Совокупность сделанных заключений позволяет предположить, что рассмотренный корпус изделий отражает начальный этап эволюции вооружения населения Алтая в первой половине I тыс. н.э.

Финансирование. Анализ и интерпретация комплекса вооружения осуществлены при финансовой поддержке РНФ № 20-78-10037. Обработка материалов раскопок некрополя Карбан-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

И Санг по (отв. ред.). Худгийн толгойн хуннугийн уеийн булш [Погребения Хунну на некрополе Худгийн Толгой в Монголии]. Улаанбаатар; Сеул: Монголын Үндэсний Туухийн Музей, 2003. (На монг. яз.).

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 173–198.

Мамадаков Ю.Т. Колющее оружие булан-кобинского населения // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 75–78.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 196–205. (Археология СССР).

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 254–273. (Археология СССР).

Могильников В.А. Гилево-IX, курган № 3 — памятник хуннского времени северо-западных предгорий Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. Вып. XII. С. 113–117.

Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 121–135.

Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С. 115–127.

Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е. (отв. ред.). Топрак-Кала. Дворец. М.: Наука, 1984. 304 с.

Серегин Н.Н., Демин Д.А., Матренин С.С. Объекты сяньбийского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2021. № 2 (27). С. 81–91.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Новые материалы для изучения оружия дальнего боя у населения Северного Алтая в жужанское время // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 3 (31). С. 99–118.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. № 3. С. 113–135.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.

Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И. Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 4. С. 132–139.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. № 2. С. 28–37.

Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 79–87.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. № 5. С. 37–48.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Хүүннүгийн Өв. Нүүдэлчдийн анхны төр — Хүннү Гүрний соел. Улаанбаатар: ШУА-ийн Археологийн Хүрээлэн, 2011. 296 т. (На монг. яз.).

Li Xingcheng, Wei Jian. Dongdajing cemetery in Shangdu county [李兴盛、魏坚商都县东大井墓地] // The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Beijing, 2004. P. 55–102. (На кит. яз.).

ИСТОЧНИКИ

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: Дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э.: Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2001. 262 с.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: Дис. … канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

Seregin N.N. [a, *], Demin M.A. [b], Matrenin S.S. [a]

[a] Altai State University, prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation
[b] Altai State Pedagogical University, Molodezhnaya st., 55, Barnaul, 656031, Russian Federation
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Seregin N.N.); mademin52@mail.ru (Demin M.A.); matrenins@mail.ru (Matrenin S.S.)

The weapon complex of the Northern Altai population in the Xianbei period (on materials from the necropolis of Karban-I)

The paper is aimed at introducing into the scientific discourse and complex interpretation of the weapon items discovered during excavations of the sites of the Bulan-Koby archaeological culture of the Karban-I necropolis. This site, which comprises a series of burial mounds of the Great Migration Period, was partially investi-

* Corresponding author.

gated by the expedition of Barnaul State Pedagogical Institute in 1989–1990. The complex is located on the left bank of the Katun River, 1.7 km north-west of Kuyus village, in Chemalsky District of the Altai Republic. Weapons were found in five undisturbed male burials of the Xianbei period (mounds № 9, 11, 14, 33, 39). The finds analyzed include long-range and close-range weapons: five compound bows; 14 iron arrowheads; four iron combat knives; and one dagger. Morphological analysis and classification of the objects, as well as their comparison with known artefacts of the last quarter of the 1st mil. BC — the first half of the 1st mil. AD from the sites of Central, Inner, and North Asia became the basis for conclusions concerning the determination of the dating of the products. It has been found that the complex of weapons of the nomads who built the necropolis of the Bulan-Koby Culture at the mouth of the Karban River, was aimed at efficient countering of a lightly protected enemy and was appropriate for light cavalry and infantry. It includes both the already well-known (Xiungny) and new (local) modifications of the offensive weapons. In terms of its diversity and level of development, this set of weaponry was significantly inferior to the military arsenals of the Xiongnu and Xianbei periods, as well as that of the population of the Bulan-Koby Culture of the late 3rd — 5th c. AD. The body of the conclusions made permits it to assume that the considered corpus of weapons reflects the initial stage of the evolution of the armament of the Altai population in the first half of the 1st mil. AD. The published materials expand the source base for the study of warfare of the population of Northern Altai in the Xianbei period. The obtained results of the chronological interpretation of different categories of weapons can be used to refine the periodization of the sites of the Belo-Bom stage (2nd — 1st half of the 4th c. AD) of the Bulan-Koby Culture.

Keywords: Altai, Xianbei time, weapons, Bulan-Koby culture, bow, arrowheads, combat knife, dagger, chronology.

Funding. The analysis and interpretation of the weapons complex was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10037). Processing materials of the Karban-I necropolis was carried out in the framework of “Priority-2030” Program by the Altai State University.

REFERENCES

Bobrov, V.V., Vasiutin, A.S., Vasiutin, S.A. (2003). Eastern Altai in the Great Migration Period. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).

Gorbunov, V.V. (2006). *Military affairs of the Altai population in the III–XIV centuries. Part II: Offensive armament (weapons)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).

I, Sang po (Ed.) (2003). *Xiungnu Tombs at Hudgiin Tolgoi in Mongolia*. Ulaanbaatar; Seoul: Mongolyn Yndjesnij Tyyhijn Muzej. (Mong.).

Khudiakov, Iu.S. (1986). *Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Khudiakov, Iu.S. (1997). Armament of the nomads of Gorny Altai of the Xiongnu period (based on materials from the excavations of the Ust-Edigan burial ground). In: *Izvestiia laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaisk: GAGU, 28–37. (Rus.).

Khudiakov, Iu.S. (2002). Armament of the nomads of Gorny Altai of the Xiongnu period (based on materials from the excavations of the Ust-Edigan burial ground). In: *Materialy po voennoi arkheologii Altaia i sopredel'nykh territorii*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 79–87. (Rus.).

Khudiakov, Iu.S., Iui, Su-Khua (2000). Xianbei weapons complex. In: *Drevnosti Altaia*. Gorno-Altaisk: GAGU, 37–48. (Rus.).

Khuunnugiin, Ov. (2011). Hukunnu's heritage. The first state of nomads — the culture of the Hun Dynasty. Ulaanbaatar: ShUA-iin Arkheologiin Khureelen. (Mong.).

Konovalov, P.B. (1976). *Xiungnu in Transbaikalia (burial monuments)*. Ulan-Ude: Buriat. kn. izd-vo. (Rus.).

Kuz'min, N.Iu. (2011). *Burial monuments of the Xiongnu-Xianbei period in the steppes of the Middle Yenisei: Tesinskaya culture*. St. Petersburg: Aising. (Rus.).

Li, Xingcheng, Wei, Jian (2004). Dongdajing cemetery in Shangdu county [李兴盛、魏坚商都县东大井墓地]. *The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions* [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Beijing, 55–102. (China).

Mamadakov, Iu.T. (1985). New materials of the Hunno-Sarmatian time in Gorny Altai. In: *Altai v epokhu kamnia i rannego metalla*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 173–198. (Rus.).

Mamadakov, Iu.T. (1996). The piercing weapon of the Bulan-Koby population. In: *Aktual'nye problemy sibirskoi arkheologii*. Barnaul: Alt. un-ta, 75–78. (Rus.).

Mandel'shtam, A.M., Stambul'nik, E.U. (1992). Hunno-Sarmatian period on the territory of Tuva. In: *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moscow: Nauka, 196–205. (Rus.).

Matrenin, S.S. (2017). *Equipment of Altai nomads (II century BC — V century AD)*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (1992). Hiungnu of Transbaikalia. In: *Stepnaia polosa aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moscow: Nauka, 254–273. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (2001). Gilevo-IX, mound No. 3 — the site of the Xiongnu time of the north-western foothills of Altai. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 113–117. (Rus.).

Neverov, S.V., Mamadakov, Iu.T. (1991). Problems of typology and chronology of tiered arrowheads in Southern Siberia. In: *Problemy khronologii v arkheologii i istorii*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 121–135. (Rus.).

Obel'chenko, O.V. (1978). Swords and daggers from the mounds of Sogd. *Sovetskaia arkheologiia*, (4), 115–127.

Rapoport, Yu.A., Nerazik, E.E. (Eds.) (1984). *Toprak-Kala. Castle*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Seregin, N.N., Demin, D.A., Matrenin, S.S. (2021). Objects of the Xianbei time of the Karban-I complex (Northern Altai). *Narody i religii Evrazii*, (2), 81–91. (Rus.).

Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2020). *Social history of the Altai population in the era of nomadic empires (II century BC — XIV century AD): based on the materials of archaeological complexes*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).

Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Parshikova, T.S. (2020). New materials for the study of ranged weapons among the population of northern Altai in the Rouran period. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, (3), 99–118. (Rus.).

Shirin, Iu.V. (2003). *Upper Ob and foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the 1st millennium AD (funerary monuments of the Fominka culture)*. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost'. (Rus.).

Soenov, V.I., Ebel', A.V. (1992). *Mounds of the Hunno-Sarmatian era on the Upper Katun*. Gorno-Altaisk: GAGPI. (Rus.).

Soenov, V.I., Ebel', A.V. (1998). Research at the Kuraika burial ground. In: *Drevnosti Altaia: Izvestiia laboratorii arkheologii*, (3). Gorno-Altaisk: GAGU, 113–135. (Rus.).

Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Shmidt, A.V. (2018). *Altai in the Xianby-Rouran time (based on materials from the Stepushka site)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).

Tur, S.S., Matrenin, S.S., Soenov, V.I. (2018). Armed violence among cattle breeders of Gorny Altai of the Hunno-Sarmatian period. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, (4), 132–139. (Rus.).

Серегин Н.Н., https://orcid.org/0000-0002-8051-7127
Демин М.А., https://orcid.org/0000-0003-0954-9297
Матренин С.С., https://orcid.org/0000-0001-7752-2470

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 05.09.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-7

Зайцева О.В. *, Водясов Е.В.

Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, Томск, 634050
E-mail: snori76@mail.ru (Зайцева О.В.); vodiasov_ev@mail.ru (Водясов Е.В.)

ЭФФЕКТ «СТАРОГО ДЕРЕВА» И ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Рассматривается влияние эффекта «старого дерева» на радиоуглеродную хронологию железоплавильных площадок Южной Сибири. Разброс серии дат, получаемых для одних и тех же плавильных печей, иногда достигает тысячи лет. Это объясняется использованием для выжига угля долгоживущих пород деревьев, у которых внутренняя часть значительно древнее внешних колец. Сформулированы методические рекомендации, минимизирующие воздействие эффекта «старого дерева» при определении хронологии металлургических объектов.

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, металлургия железа, эффект «старого дерева».

Введение

О появлении металлургии железа в том или ином регионе в первую очередь свидетельствуют следы производственной деятельности в поселенческих слоях: фрагментированные остатки горнов, сопла, шлаки. Сам металлургический процесс представляет собой достаточно «грязное» производство и оставляет много отходов, хорошо фиксируемых в культурном слое. Трудности возникают при определении даты начала металлургической активности на поселениях. Наиболее надежным методом датировки в этом случае считается радиоуглеродный анализ угля, «застывшего» внутри железного шлака при проведении плавки. Такая методика более точна, чем датировка угля, обнаруженного в слое, так как уголь внутри шлака не перемещался, был «законсервирован» и не подвергался загрязнению более молодым углеродом, а значит, надежно отражает время проведения плавки. Конечно, стоит заметить, что наличие или отсутствие фрагментов угля в шлаковых блоках зависит от технологии плавки, и далеко не всегда возможно получить из шлаков требуемые образцы угля. Тем не менее последовательное получение спилов шлаков и их изучение позволяют отбирать микрофрагменты угля, достаточные для проведения AMS-датирования [Hendrickson et al., 2013].

В случае, если производственные комплексы оказываются вынесены за пределы поселений, радиоуглеродное датирование в принципе является единственным инструментом хронологической атрибуции металлургической деятельности. Например, в Южной Сибири рядом с железоплавильными печами различных эпох, как правило, отсутствуют как поселенческий культурный слой, так и отдельные находки, позволяющие датировать металлургические мастерские.

Однако при изучении различных металлургических площадок Южной Сибири мы столкнулись с серьезными трудностями при датировке объектов черной металлургии, поскольку разброс серии дат, полученной из одной железоплавильной печи, мог достигать тысячи лет. Главной причиной подобных расхождений, как будет показано далее, является эффект «старого дерева». Настоящая статья посвящена подробному анализу этого феномена и выработке новых методических рекомендаций, соблюдение которых позволит более надежно датировать металлургические объекты, минимизировав воздействие эффекта «старого дерева».

Эффект «старого дерева». Причины и последствия

Под одним термином эффект «старого дерева» на самом деле скрываются две отдельные проблемы, способные приводить к удревнению датируемых объектов.

Первая проблема связана с возможностью вторичного использования древесины. Получая дату рубки дерева, мы должны учитывать, что оно могло быть срублено задолго до попадания образца в археологический слой, бревна от старых построек могли использоваться при сооружении новых и т.д. Вторичное использование древесины при заготовке угля для проведения плавки железа, конечно, возможно, но едва ли это было широко распространенной практикой.

* Corresponding author.

Вторая проблема, скрывающаяся под термином «эффект старого дерева», значительно сложнее и приводит к более серьезным и систематическим погрешностям. К сожалению, она практически не учитывается российскими археологами при интерпретации получаемых ими дат. Дело в том, что внутренняя часть древесины ствола долгоживущих деревьев может существенно отличаться возрастом от внешней, так как по мере роста дерева его внутренние части отмирают и перестают обмениваться углеродом с окружающей средой еще при жизни самого дерева. Таким образом, сердцевина долгоживущего дерева оказывается значительно старше его внешних колец, и мы получаем не дату времени рубки дерева, а дату «смерти» той части дерева, откуда был взят образец [Schiffer, 1986; Cook, Comstock, 2014; Wright, 2017; Kim et al., 2019; Вагнер, 2006, с. 178–179].

Поворотной точкой для осознания этой проблемы мировым археологическим сообществом стала вышедшая в 1986 г. статья М. Шиффера, посвященная последствиям воздействия эффекта «старого дерева» на радиоуглеродную хронологию культуры Хохокам [Schiffer, 1986]. Удивительным для нас фактом стало то, что в Советском Союзе работа, раскрывшая механизм действия эффекта «старого дерева», появилась на десятилетие раньше, но осталась незамеченной мировой наукой, видимо, из-за языкового барьера [Фирсов, 1976]. Впрочем, эти исследования остались также незамеченными советскими и российскими археологами, и даже сегодня работ, в которых этому феномену уделено хоть какое-то внимание, насчитываются единицы [Зазовская, 2016, с. 159; Кузьмин, 2017, с. 158; Агатова и др., 2018, с. 95]. Эффект «старого дерева» может удревнить датируемый объект как на несколько десятков лет, так и на тысячу и даже более лет, поэтому остановимся подробнее на механизмах этого явления.

Как известно, дерево растет в вегетационный период благодаря активности камбия, который образует годичные кольца древесины (каждое новое внешнее кольцо моложе предыдущего внутреннего). Наиболее хорошо годичные кольца видны у хвойных деревьев и некоторых лиственных (дуб, ясень и др.), произрастающих в климате с ярко выраженными сезонами года. Годичное кольцо обычно состоит из двух частей: ранняя древесина (светлая широкая полоса) и поздняя древесина (более темная узкая полоса). В клетчатке годичного кольца фиксирован тот радиоуглерод, который поглощен деревом из атмосферы в год формирования именно этого кольца. Далее в годичном кольце происходит только распад ядер углерода и его «старение» [Фирсов, 1976, с. 42].

Естественно, что чем больше возраст дерева, тем потенциально сильнее воздействие эффекта «старого дерева». Приведем примеры лиственниц-долгожителей из разных регионов России. В районе Полярного Урала обнаружена лиственница в возрасте 486 лет, в Средней Сибири — 609 лет, в Республике Алтай — 879 лет, в Республике Саха (Якутия) — 885 лет, а в Республике Тыва найдена лиственница возрастом 1307 лет [Ваганов и др., 2000; Мыглан и др., 2012; Тайник и др., 2019]. Касательно сосны, в лесостепной зоне Западной Сибири ее возраст может достигать 300 лет и более [Тайник, Баринов, Мыглан, 2019].

Здесь может возникнуть закономерное предположение о том, что такие долгоживущие деревья представляют огромную редкость, и их попадание в археологический слой маловероятно. В качестве примера приведем следующие цифры: в разных районах Республики Алтай средний возраст лиственниц составляет от 325 до 400–490 лет [Мыглан и др., 2012; Timoshok et al., 2014], а преобладающее поколение сибирского кедра в Горном Алтае имеет средний возраст 410–455 лет [Timoshok et al., 2014]. Таким образом, даже при использовании в древности средних по возрасту деревьев имеется высокая вероятность срабатывания эффекта «старого дерева», который может удревнить истинный возраст датируемого объекта на несколько веков. Для нас также важно, что при неопределимом контексте вероятность взять образец угля из более древней сердцевины значительно выше, чем из внешних колец, которые занимают меньшую по площади часть ствола.

Эффект «старого дерева» в действии: проблемы датировки алтайских железоплавильных печей

Металлургические площадки в Горном Алтае представляют собой особый тип археологических памятников. Одна или несколько железоплавильных печей сооружались на берегах рек, конкретное место определялось близостью рудных источников, наличием деревьев для выжига угля и доступностью огнеупорной глины. Нахождение на таких площадках датирующих предметов — огромная редкость. В 1976–1979 гг. железоплавильные мастерские Горного Алтая активно исследовал Н.М. Зиняков. Большие прямоугольные коробчатые печи он назвал печами кош-агачского типа и датировал VI–X вв. н.э., связывая их появление с пришлыми древнетюркскими традициями времен формирования Первого Тюркского каганата [Зиняков, 1988]. К сожалению, ни на одном из изучен-

ных в XX в. памятников черной металлургии в Горном Алтае не были отобраны образцы для радиоуглеродного датирования, что делало достаточно уязвимой точку зрения о том, что крупные металлургические центры появляются здесь лишь в раннем средневековье.

В начале XXI в. интерес к истории возникновения черной металлургии в Горном Алтае возродился. Различные исследовательские группы обратили внимание на возможность отбора проб для радиоуглеродного датирования из ранее исследованных объектов, получая при этом достаточно противоречивые результаты. Так, в 2002 г. Я.М. Гутак и Г.Г. Русанов отобрали образцы шлаков с впаянными в них кусками древесного угля из отвалов раскопанной Н.М. Зиняковым печи № 3 на стоянке Куяхтанар (Кош-Агачский р-н Республики Алтай). Радиоуглеродный возраст образца составил 1775 ± 35 л.н. (СОАН 5040). Было высказано предположение, что печь относится к гунно-сарматской эпохе [Гутак, Русанов, 2013]. Следующая группа ученых в 2014 г. также взяла здесь образец угля для AMS-датирования и получила другую дату — 1515 ± 33 л.н. (NSKA-00833). Ими выдвинуто мнение, что печь № 3 следует датировать V–VI вв. н.э. [Агатова и др., 2018]. Третья группа ученых [Мураками и др., 2019] в ходе обследований в 2017 г. памятников черной металлургии Алтая взяла образец из раскопа той же печи № 3 и получила AMS-дату 1540 ± 20 л.н. (IAAA-171076), близкую к NSKA-00833.

В 2018 г. мы также взяли два образца угля из шлака печи № 3 на стоянке Куяхтанар. Первая полученная дата — 1970 ± 170 л.н. (Le-11999). С учетом калибровки с вероятностью 1σ (68 %) дата укладывается в интервал 184 г. до н.э. — 235 г. н.э. Вторая дата показала возраст 1650 ± 80 л.н. (Le-11997). Календарный возраст образца угля с вероятностью 1σ (68 %) определен в интервале 261–535 гг. н.э.

Если мы сопоставим все даты печи № 3 на стоянке Куяхтанар, то увидим хронологический разброс почти в 900 лет (рис. 1). Здесь, конечно, можно было бы усомниться в корректности пробоотбора из отвалов старого раскопа и даже предположить, что не все полученные образцы могут происходить из одной и той же железоплавильной печи.

В 2018–2019 гг. мы возобновили исследования на стоянке Куяхтанар, раскопана железоплавильная печь № 4. На дне плавильной камеры находился огромный шлаковый блок весом 350 кг, внутри которого «запечатались» не просто угли, а фрагменты стволов лиственниц. Всего было отобрано 11 образцов угля — 6 из шлакового блока в плавильной камере и 5 образцов из шлаковой ямы, соединенной с печью специальным каналом [Vodyasov et al., 2020]. Нам повезло, что для датировки печи имелся столь надежный археологический контекст пробоотбора, однако результаты радиоуглеродного анализа, к нашему удивлению, опять показали очень широкий хронологический диапазон (рис. 1).

Как видим (рис. 1), разброс калиброванных дат для одной железоплавильной печи № 4 охватывает временной отрезок IX в. до н.э. — начало VI в. н.э., т.е. более тысячи лет. При этом железоплавильную печь в нашем случае можно расценивать как закрытый комплекс. После проведения одной или нескольких последовательных плавок печи забрасывались, и никакая иная хозяйственная деятельность на металлургических площадках не велась.

Получение дат широкого временного диапазона для одних и тех же археологических объектов при надежном контексте пробоотбора не могло объясняться «случайной» лабораторной ошибкой и требовало объяснения. Мы предположили, что наблюдаемые нами расхождения радиоуглеродного датирования связаны с описанным выше эффектом «старого дерева». Первые семь дат были получены жидкостно-сцинтилляционным методом в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН без привязки пробы к годичным кольцам деревьев.

Чтобы проверить свою гипотезу, мы провели дополнительное датирование еще 4 образцов из одного шлакового блока методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) в Лаборатории Национального университета Тайваня. При этом два образца угля (NTUAMS-5801-1, NTUAMS-5802) были взяты из внешних колец деревьев, а два других образца угля (NTUAMS-5800-1, NTUAMS-5803) — из сердцевин.

Датирование разных колец двух деревьев подтвердило наличие эффекта «старого дерева» даже для небольших в диаметре алтайских лиственниц. Для дерева диаметром 5,5 см разница между внутренним и внешним кольцами составила 77 лет, для дерева диаметром 13 см — 96 лет. Для этой конкретной, как и для других плавок, могли использоваться и более крупные и старые деревья.

Радиоуглеродные даты образцов, взятых из сердцевин двух деревьев, показали близкий возраст. Первый образец дал дату 1743 ± 69 л. н. (NTUAMS-5803), с учетом калибровки возраст оп-

ределяется 244–401 гг. н.э. (1σ). Второй образец показал дату 1710 ± 60 л. н. (NTUAMS-5800-1), что с учетом калибровки дает интервал 253–415 гг. н.э. (1σ). Если мы добавим к этим интервалам возраст деревьев, то получим, что время их рубки для плавки, наиболее вероятно, было осуществлено до 500 г. н.э. и после 244 г. н.э., так как деревья появились на свет после этой даты.

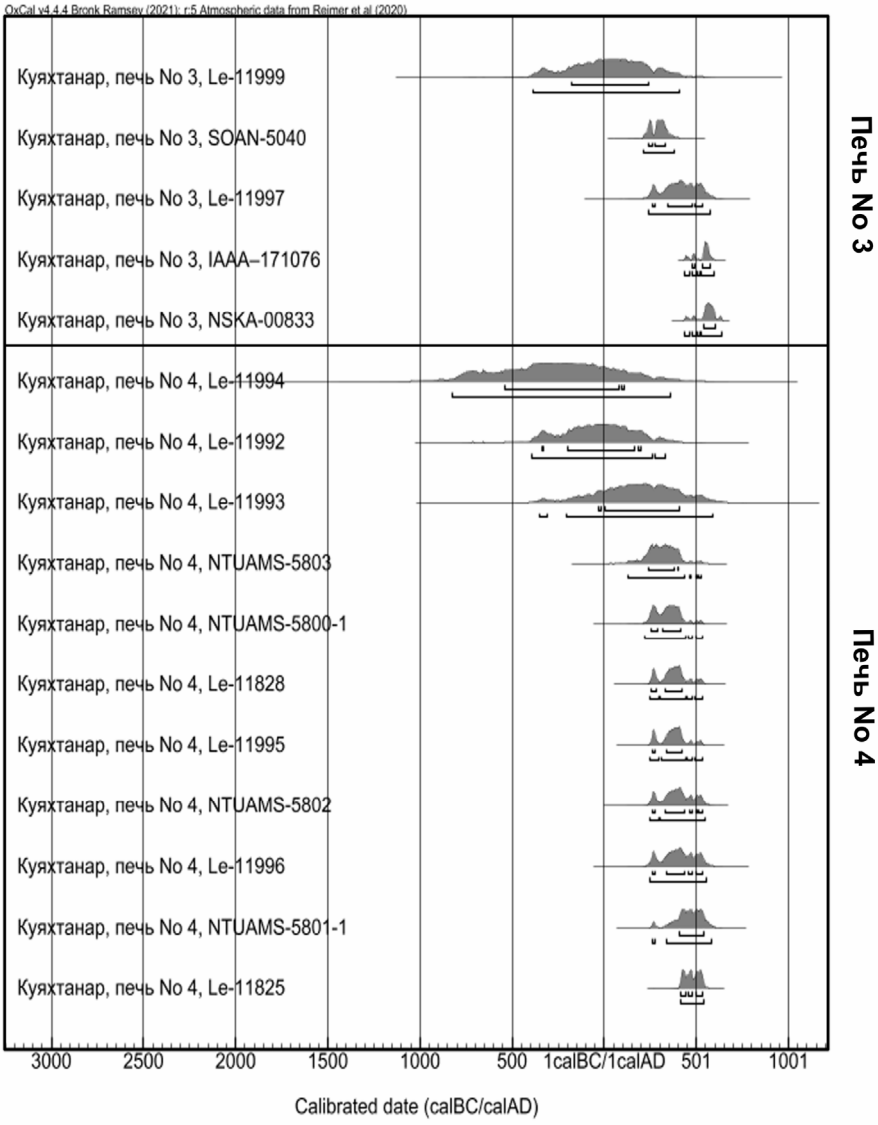


Рис. 1. Радиоуглеродное датирование железоплавильных печей 3 и 4 на стоянке Куяхтанар (Горный Алтай).
Fig. 1. Radiocarbon dating of iron-smelting furnaces No 3 and 4 at the Kuyahtanar site (Altai Mountains).

Даты внешних колец (NTUAMS-5801-1, NTUAMS-5802) наиболее близки ко времени рубки дерева и проведению сыродутного процесса, так как менее подвержены эффекту «старого дерева». Дата NTUAMS-5801-1 с учетом калибровки укладывается в интервал 412–541 гг. н.э. (1σ).

Таким образом, серия дат из одного археологического объекта, верифицированная AMS-датированием годичных колец и возрастом самих деревьев, позволяет нам сузить время функционирования печи № 4 и предположить, что плавка проходила между 412 и 500 гг. н.э.

Проблема «неправильных» дат, увеличивающих возраст датируемого археологического объекта, наиболее характерна именно для древней металлургии, поскольку плавильщики, как правило, использовали древесный уголь из долгоживущих пород деревьев (сосна, лиственница, кедр, дуб и др.). В этом случае потенциальное удревнение практически неизбежно.

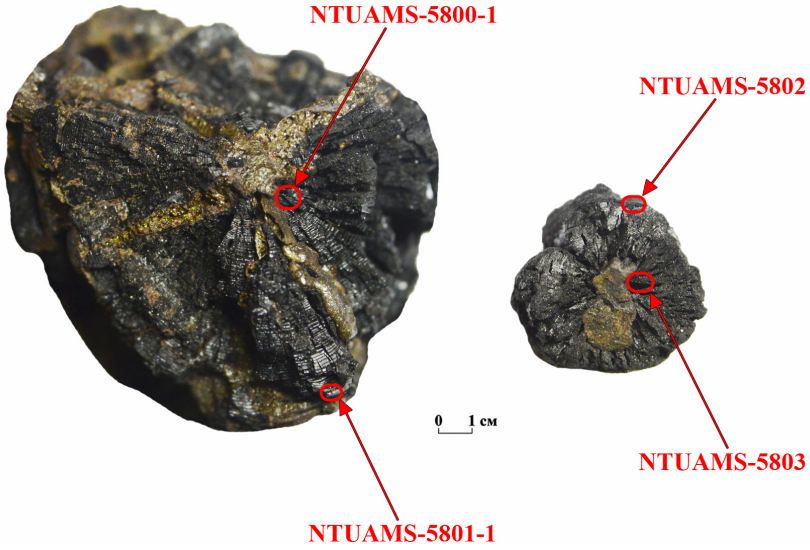


Рис. 2. Обгорелые стволы лиственниц из шлакового блока печи № 4 стоянки Куяхтанар. Контекст взятия проб для AMS-датирования.
Fig. 2. Burnt larch trunks from the slag block of furnace No 4 at the Kuyahtanar site. In-slag charcoal sampling for AMS-dating.

Далее мы хотим привести несколько примеров воздействия эффекта «старого дерева», который, на наш взгляд, мог привести к чрезмерному удревнению металлургических объектов и в других регионах.

На металлургическом центре Курминское озеро I в Приольхонье для однотипных горнов, расположенных компактно на одной производственной площадке, получено три даты (рис. 3). С учетом калибровки горны № 4, 5 с Курминского озера I датированы III–VI вв. н.э., тогда как расположенный всего в 4 м от них горн № 2 отнесен авторами по анализу угля к IV–III вв. до н.э. [Харинский, Снопков, 2004, с. 181]. Видим опять, что хронологический разброс дат для одной производственной площадки охватывает почти 1000 лет! Авторы исследования предположили, что одинаковые горны функционировали на одном и том же месте столь продолжительное время [Там же, с. 181]. Однако более вероятным объяснением таких широких временных рамок является именно эффект «старого дерева», который значительно удревнил образец из горна № 2.

Датировка горнов с Курминского озера I может быть определена по наиболее поздней дате 1635 ± 55 л. н. (СОАН-4329), что с учетом калибровки укладывается в IV–VI вв. н.э. Такая хронологическая атрибуция подтверждается и серией радиоуглеродных дат для аналогичных горнов, исследованных на городище Катылыг 5 в Туве, где они хорошо датированы III–IV вв. н.э. [Vodyasov et al., 2021].

Другой пример также происходит из Байкальского региона и связан с радиоуглеродным датированием железоплавильного горна с памятника Барун-Хал 2 (рис. 3). Для горна № 1 получено три даты: 2180 ± 30 л.н. (СОАН-3711), 2050 ± 35 л. н. (СОАН-3902) и 1915 ± 35 л. н. (СОАН-3903) [Кожевников и др., 2000; Kozhevnikov et al., 2018]. После калибровки мы снова получаем широкий и сомнительный интервал в пределах IV в. до н.э. — II в. н.э. На наш взгляд, две наиболее ранние даты могут быть удревнены за счет эффекта «старого дерева». Если учитывать данный эффект, то при датировке горна следует опираться на самую позднюю дату (СОАН-3903), которая показывает календарный возраст в рамках I–II вв. н.э.

Наконец, третий пример, на который мы хотим обратить внимание, происходит из Тувы. В ходе обследования металлургического памятника Копту-1 мы отобрали 3 образца угля из заполнения железоплавильных горнов (рис. 3). Для горна 4 получена дата 1575 ± 65 л. н. (СОАН-9917), что с учетом калибровки с вероятностью 1σ (68 %) укладывается в 425–555 гг. н.э. Для соседнего горна 3 получено две даты. Первая дата показала возраст 1940 ± 90 л.н. (СОАН-9916), что после калибровки с вероятностью 1σ (68 %) дает интервал 32 г. до н.э. — 207 г. н.э. Вторая дата из того же горна 3 показала возраст 1525 ± 70 л. н. (СОАН-9918), что с вероятностью 1σ (68 %) укладывается в 435–604 гг. н.э. Как видим, две даты (СОАН-9917 и СОАН-9918)

для двух соседних горнов близки и сходятся в интервале V–VI вв. н.э., тогда как дата СОАН-9916, вероятно, удревнена за счет эффекта «старого дерева». Если бы мы в данном случае ограничились одной датой и образцом оказался СОАН-9916, то это могло стать основанием неверно датировать памятник I в. до н.э. — II в. н.э., так как эффект «старого дерева» не был бы выявлен и учтен.

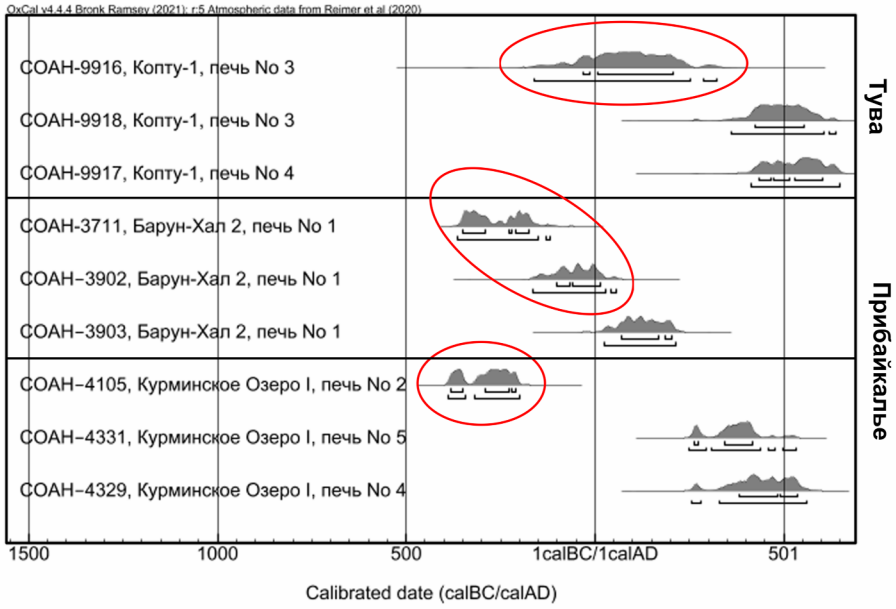


Рис. 3. Радиоуглеродные даты байкальских и тувинских горнов. Красным обведены даты с возможным эффектом «старого дерева».
Fig. 3. Radiocarbon dates of the Baikal and Tuvan furnaces. The dates with the possible “old wood” effect are circled in red.

Простой математический расчет показывает, что в случае датировки печи № 3 стоянки Куяхтанар три радиоуглеродные даты из пяти показали завышенный возраст, а для соседнего горна № 4 таких дат оказалось 7 из 11 (рис. 1). На металлургической площадке Барун-Хал 2 две даты из трех, вероятно, удревнены за счет эффекта «старого дерева» (рис. 3). В случаях датировок Копту-1 и Курминского Озера I одна дата из трех дала завышенный возраст для каждого памятника соответственно (рис. 3). Таким образом, вероятность получения неверной более древней даты для металлургического горна в случае отбора одного образца угля для датирования может варьироваться от 33 до 66 %.

Проблема эффекта «старого дерева» не ограничивается датировкой металлургических объектов. Породы долгоживущих деревьев активно использовались в прошлом при строительстве домов, погребальных конструкций, при изготовлении средств передвижения, утвари и т.д. Во всех этих случаях также может скрываться потенциальная ошибка, связанная с эффектом «старого дерева».

Возможности и ограничения радиоуглеродного датирования металлургических объектов с учетом эффекта «старого дерева»

Идеальным для радиоуглеродного датирования случаем является наличие впаянных в шлаковой блок достаточно крупных фрагментов горелого дерева с хорошо читаемыми годичными кольцами. Именно наличие фрагментов горелых лиственничных стволов позволило нам рассчитать погрешность эффекта «старого дерева» и датировать железоплавильную печь № 4 на стоянке Куяхтанар. Еще более точным, хотя и трудоемким и достаточно дорогостоящим, методом является “wiggle matching”. Для его применения необходима хорошая сохранность образца дерева и наличие в нем значительного числа годичных колец. Образец разделяется на блоки из десяти годичных колец, и для каждого блока получается своя радиоуглеродная дата. Их последовательность представляет собой «плавающую» дендрошкалу. Полученная серия радиоуглеродных определений сопоставляется с наиболее близким по конфигурации участком

калибровочной кривой, который и показывает хронологический интервал для исследуемого образца [Galimberti et al., 2004]. Пока нам неизвестно о применении метода “wiggle matching” для датировки металлургических объектов, хотя, на наш взгляд, для печей кош-агачского типа подобная процедура возможна, так как в шлаковых блоках встречаются фрагменты горелых стволов лиственницы с хорошо читаемыми годичными кольцами.

К сожалению, в подавляющем большинстве случаев никакие крупные фрагменты стволов в шлаковых блоках не сохраняются, и археологи вынуждены иметь дело с микроскопическими фрагментами угля, впаянными в шлаки. Вес образца, который возможно получить в таких случаях, достаточен только для проведения AMS-датирования, который дороже «традиционного» жидкостно-сцинтилляционного метода. Фрагменты угля, получаемого при изучении спилов шлаков, могут происходить из любой части дерева, и невозможно установить, имеем ли мы дело с образцом из сердцевины или внешних колец.

На наш взгляд, первое, что необходимо сделать, чтобы понять степень возможного воздействия эффекта «старого дерева» в каждом конкретном случае,— это определить, из какой породы деревьев выжигался уголь для плавки. Анализ фрагментов углей, найденных на исследуемых археологических комплексах, позволяет надежно установить ботаническую принадлежность обугленной древесины. Определение осуществляется путем микроскопического изучения сколов угля в отраженном свете и сопоставления диагностических структур с ключами определения древесных видов [Barefoot, Hankins, 1982; Deforce, Haneca, 2012; Bishop et al., 2015]. Такие исследования проводятся также в России и не являются трудоемкими и дорогостоящими [Гольева, 2005; Семеняк и др., 2018]. После определения вида деревьев можно судить о их средней и максимальной продолжительности жизни в конкретных исследуемых природно-климатических условиях и, соответственно, о возможном среднем и максимальном воздействии эффекта «старого дерева».

Определение породы деревьев для выжига угля даст нам диапазон возможного воздействия эффекта «старого дерева». Далее для получения даты проведения плавки необходимо получить серию минимум из трех дат из одного и того же металлургического объекта. В такой серии наиболее поздняя дата, вероятнее всего, будет ближе к возрасту археологического объекта. Как показывают приведенные выше примеры, одной даты для построения объективной хронологии недостаточно, так как с большей долей вероятности образец может происходить из внутренней части дерева и иметь более древний возраст. В этой связи имеет смысл пересмотреть хронологию многих металлургических объектов, датированных по одному образцу угля.

Проблема описанного эффекта «старого дерева» особенно остро встает именно при определении хронологии объектов древней металлургии, так как датировать их можно исключительно по древесному углю, выжигали который, как правило, из долгоживущих деревьев. Избежать эффекта «старого дерева» для других археологических объектов возможно, если отбирать образцы для AMS-датирования из недолговечных органических материалов (семена, тонкие ветки, трава и т.п.).

Еще один фактор, который может приводить к существенному удревнению образцов угля из металлургических горнов,— это эффект «ископаемого углерода». Этот эффект совсем недавно открыли и описали немецкие археологи [Gassmann, Schäfer, 2018]. При датировке древесного угля из шлаков I в. н.э. ими была получена серия радиоуглеродных дат, разброс которых составил более 3500 лет. Источником ископаемого углерода, вызывающего загрязнение и резкое удревнение образца, может выступать известняк. В сильно восстановительных условиях внутри горна, при температуре выше 900 °C, карбонат кальция ($CaCO_3$) полностью распадается на CaO и 2CO. Как раз окись углерода и становится источником ископаемого углерода. Попадание его в систему плавки может осуществляться как через глиняные стенки горна, так и через железную руду, содержащую ископаемый углерод, например широко распространенный сидерит ($FeCO_3$). Пока это единственный описанный в мировой науке случай, вероятно, представляющий собой исключительное явление. Тем не менее если при анализе серии дат из одного металлургического объекта хронологический разброс серии составит несколько тысячелетий, то нужно будет работать не с эффектом «старого дерева», а следует учесть и изучить возможность воздействия ископаемого углерода.

Радиоуглеродное датирование является сегодня одним из наиболее распространенных и точных методов построения надежной хронологии. Получение надежных и «правильных» радиоуглеродных дат во многом зависит от методики отбора образцов и понимания возможных погрешностей, которые в том числе зависят от материала датируемого образца. В российской археологии, как правило, учитывается воздействие резервуарного эффекта при датировке об-

разцов из костей животных и человека, но пока недооценен эффект «старого дерева», возникающий при датировке образцов из древесины или древесного угля.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10076).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агатова А.Р., Непоп Р.К., Слюсаренко И.Ю., Панов В.С. Новые данные комплексных исследований памятников железоплавильного производства в долинах рек Куектанар и Тюргун (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 2. С. 90–99. https://doi.org/10.17746/1563-0110.2018.46.2.090-099

Ваганов Е.А., Наурзбаев М.М., Хьюс М.К. Свидетели средневекового потепления климата // Природа. 2000. № 12. С. 53–56.

Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера, 2006. 576 с.

Гольева А.А. Информационные возможности определения пород по углям и древесине в археологических исследованиях // Археология Подмосковья. 2005. Вып. 2. С. 300–308.

Гутак Я.М., Русанов Г.Г. О возрасте железоплавильных печей урочища Куяхтанар (Горный Алтай) // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2013. № 2 (4). С. 18–20.

Зазовская Э.П. Радиоуглеродное датирование — современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 151–164.

Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 276 с.

Кожевников Н.О., Кожевников О.К., Никифоров С.П., Снопков С.В., Харинский А.В. Древний центр металлургии железа в пади Барун-Хал // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. Вып. 2. Ч. 2. С. 166–195.

Кузьмин Я.В. Геоархеология: Естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск: Издат. дом Том. гос. ун-та, 2017. 396 с.

Мураками Я., Соенов В.И., Трифанова С.В., Эбель А.В., Богданов Е.С., Соловьев А.И. Изучение памятников черной металлургии на Алтае в 2017 году // Вестник ТГУ. История. 2019. № 60. С. 167–174. https://doi.org/10.17223/19988613/60/25

Мыглан В.С., Жарникова О.А., Малышева Н.В., Герасимова О.В., Ваганов Е.А., Сидорова О.В. Построение древесно-кольцевой хронологии и реконструкция летней температуры воздуха юга Алтая за последние 1500 лет // География и природные ресурсы. 2012. № 3. С. 22–30.

Семеняк Н.С., Гольева А.А., Сыроватко А.С., Трошина А.А. Определение пород дерева по углям для целей палеоэкологических реконструкций (по материалам археологических памятников второй пол. I тыс. н.э. на Средней Оке) // Проблемы региональной экологии. 2018. № 4. С. 88–92.

Тайник А.В., Баринов В.В., Мыглан В.С. Происходящие климатические изменения и самые старые деревья Юга Сибири // Глобальные климатические изменения: Региональные эффекты, модели, прогнозы: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2019. С. 181–184.

Фирсов Л.В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск: Наука, 1976. 224 с.

Харинский А.В., Снопков С.В. Производство железа населением Приольхонья в Елгинское время // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. Вып. 2. С. 169–187.

Barefoot A.C., Hankins F.W. Identification of modern and tertiary woods. Oxford: Oxford University Press, 1982. 189 p.

Bishop R.R., Church M.J., Rowley-Conwy P.A. Firewood, food and human niche construction: The potential role of Mesolithic hunteregatherers in actively structuring Scotland's woodlands // Quaternary Science Reviews. 2015. Vol. 108. P. 51–75. https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2014.11.004

Cook R.A., Comstock A.R. Evaluating the old wood problem in a temperate climate: A fort ancient case study // American Antiquity. 2014. Vol. 79. P. 763–775. https://doi.org/10.7183/0002-7316.79.4.763

Deforce K., Haneca K. Ashes to ashes. Fuelwood selection in Roman cremation rituals in northern Gaul // Journal of Archaeological Science. 2012. Vol. 39. № 5. P. 1338–1348. https://doi.org/10.1016/j.jas.2011.12.024

Galimberti M., Bronk Ramsey C., Manning S. Wiggle-Match Dating of Tree-Ring Sequences // Radiocarbon. 2004. № 46 (2). P. 917–924. https://doi.org/10.1017/S0033822200035967

Gassmann G., Schäfer A. Doubting radiocarbon dating from in-slag charcoal: Five thousand years of iron production at Wetzlar-Dalheim? // Archeologické rozhledy. 2018. № LXX. P. 309–327.

Hendrickson M., Hua Q., Pryce T.O. Using in-slag charcoal as an indicator of 'terminal' iron production within the Angkorian Period (10th–13th centuries AD) center of Preah Khan of Kompong Svay, Cambodia // Radiocarbon. 2013. № 55 (1). P. 31–47. https://doi.org/10.2458/azu_js_rc.v55i1.16152

Kim J., Wright D.K., Hwang J., Kim J., Oh Y. The old wood effect revisited: A comparison of radiocarbon dates of wood and short-lived taxa from Korea // Archaeological and Anthropological Sciences. 2019. Vol. 11 (7). P. 3435–3448. https://doi.org/10.1007/s12520-018-0766-8

Kozhevnikov N.O., Kharinsky A.V., Snopkov S.V. Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting sites in the Barun-Khal valley on the western shore of Lake Baikal (Olkhon region, Siberia) // Archaeological Prospection. 2018. Vol. 26 (2). P. 103–119. https://doi.org/10.1002/arp.1727

Schiffer M.B. Radiocarbon dating and the old wood problem: The case of the Hohokam chronology // Journal of Archaeological Science. 1986. Vol. 13 (1). P. 13–30. https://doi.org/10.1016/0305-4403(86)90024-5

Timoshok E.E., Timoshok E.N., Skorokhodov S.N. Ecology of Siberian Stone Pine (*Pinus sibirica* Du Tour) and Siberian Larch (*Larix sibirica* Ledeb.) in the Altai Mountain Glacial Basins // Russian Journal of Ecology. 2014. Vol. 45. № 3. P. 194–200.

Vodyasov E.V., Stepanov I.S., Sadykov T.R., Asochakova E.M., Rabtsevich E.S., Zaitceva O.V., Blinov I.A. Iron metallurgy of the Xianbei period in Tuva (Southern Siberia) // Journal of Archaeological Science: Reports. 2021. Vol. 39. № 103160. https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2021.103160

Vodyasov E.V., Zaitceva O.V., Vavulin M.V., Pushkarev A.A. The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Vol. 31. 102383. https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102383

Wright D.K. Accuracy vs. Precision: Understanding Potential Errors from Radiocarbon Dating on African Landscapes // African Archaeological Review. 2017. Vol. 34 (3). https://doi.org/10.1007/s10437-017-9257-z

Zaitceva O.V. *, Vodyasov E.V.

Tomsk State University, prosp. Lenina, 36, Tomsk, 634050, Russian Federation
E-mail: snori76@mail.ru (Zaitceva O.V.); vodiasov_ev@mail.ru (Vodyasov E.V.)

The ‘old wood’ effect and problems of dating iron smelting sites

The paper is aimed at the analysis of the ‘old wood’ effect in radiocarbon chronology of iron smelting complexes of South Siberia. The production sites are here set outside the settlements, and radiocarbon dating remains the only means of their chronological attribution. With the example of Kuyahtanar metallurgical site in the Mountain Altai, we show that the range of a series of radiocarbon dates obtained for the same iron-smelting furnaces can span a thousand years. It has been established that such a chronological range can be explained by the use of wood from long-lived tree species for charcoal production and the resulting significant apparent age due to the ‘old wood’ effect. The essence of the effect consists in that as a tree grows, its inner annual rings die out and stop exchanging carbon with the environment, while the tree is still alive. Therefore, the pith of a long-lived tree is much older than its outer rings, and radiocarbon analysis determines not the age of the archaeological object, or time when the tree was cut, but the date of the death of that part of the tree which was sampled for the dating. Methodological recommendations have been drawn up capable of minimizing the impact of the ‘old wood’ effect in the dating of iron metallurgy sites. During the sampling, it is recommended to collect fragments of charcoal from the tree outer rings. In a case, where this is not possible, it is necessary to obtain a series of at least three dates for one site. In such a series, the latest of the three dates will be the closest to the age of the archaeological object. It is also necessary to determine the tree species used for burning the charcoal for smelting. After the tree species is identified, it becomes possible to infer its average and maximum life expectancy in the specific natural and climatic conditions, and, consequently, possible average and maximum impact of the ‘old wood’ effect. Since in the case of dating metallurgical sites the impact of the ‘old wood’ effect is virtually unavoidable, it is suggested that, in the future, the chronology of the complexes radiocarbon dated with a single sample of charcoal is revisited.

Keywords: radiocarbon dating, iron metallurgy, “old wood” effect.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 18-78-10076).

REFERENCES

Agatova, A.R., Nepop, R.K., Slyusarenko, I.Y., Panov, V.S. (2018). New Data on Iron-Smelting Sites in the Kuektanar and Turgun Valleys, Southeastern Altai. *Arkheologiya, etnografiiya i antropologiiya Evrazii*, 46(2), 90–99. (Rus.). https://doi.org/10.17746/1563-0110.2018.46.2.090-099

Barefoot, A.C., Hankins, F.W. (1982). Identification of modern and tertiary woods. Oxford University Press, Oxford.

Bishop, R.R., Church, M.J., Rowley-Conwy, P.A. (2015). Firewood, food and human niche construction: The potential role of Mesolithic hunteregatherers in actively structuring Scotland’s woodlands. *Quaternary Science Reviews*, 108, 51–75. https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2014.11.004

Cook, R.A., Comstock, A.R. (2014). Evaluating the old wood problem in a temperate climate: A fort ancient case study. *American Antiquity*, 79, 763–775. https://doi.org/10.7183/0002-7316.79.4.763

Deforce, K., Haneca, K. (2012). Ashes to ashes. Fuelwood selection in Roman cremation rituals in northern Gaul. *Journal of Archaeological Science*, 39(5), 1338–1348. https://doi.org/10.1016/j.jas.2011.12.024

Firsov, L.V. (1976). *Studies of the radiocarbon chronology of Tauric Chersonesos.* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Galimberti, M., Bronk Ramsey, C., Manning, S. (2004). Wiggle-Match Dating of Tree-Ring Sequences. *Radiocarbon*, 46(2), 917–924. https://doi.org/10.1017/S0033822200035967

Gassmann, G., Schäfer, A. (2018). Doubting radiocarbon dating from in-slag charcoal: Five thousand years of iron production at Wetzlar-Dalheim? *Archeologické rozhledy*, LXX, 309–327.

* Corresponding author.

Gol'eva, A.A. (2005). Informational possibilities of determining species by coal and wood in archaeological research. *Arkheologiia Podmoskov'ia*, (2), 300–308. (Rus.).

Gutak, Ia.M., Rusanov, G.G. (2013). About the age of iron-smelting furnaces in the Kuyahtanar (Altai Mountains). *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo industrial'nogo universiteta*, 4(2), 18–20. (Rus.).

Hendrickson, M., Hua, Q., Pryce, T.O. (2013). Using in-slag charcoal as an indicator of 'terminal' iron production within the Angkorian Period (10th–13th centuries AD) center of Preah Khan of Kompong Svay, Cambodia. *Radiocarbon*, 55(1), 31–47. https://doi.org/10.2458/azu_js_rc.v55i1.16152

Kharinskii, A.V., Snopkov, S.V. (2004). Iron production by the population of the Olkhon region in the Elga time. *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii*, (2), 169–187. (Rus.).

Kim, J., Wright, D.K., Hwang, J., Kim, J., Oh, Y. (2019). The old wood effect revisited: A comparison of radiocarbon dates of wood and short-lived taxa from Korea. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 11(7), 3435–3448. https://doi.org/10.1007/s12520-018-0766-8

Kozhevnikov, N.O., Kharinsky, A.V., Snopkov, S.V. (2018). Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting sites in the Barun-Khal valley on the western shore of Lake Baikal (Olkhon region, Siberia). *Archaeological Prospection*, 26(2), 103–119. https://doi.org/10.1002/arp.1727

Kozhevnikov, N.O., Kozhevnikov, O.K., Nikiforov, S.P., Snopkov, S.V., Kharinskii, A.V. (2000). Ancient center of iron metallurgy in the Barun-Khal valley. In: *Baikal'skaiia Sibir' v drevnosti. Vyp. 2. Ch. 2.* Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. ped. un-ta, 166–195. (Rus.).

Kuz'min, Ia.V. (2017). *Geoarcheology: Natural Science Methods in Archaeological Research*. Tomsk: Izdatel'skii dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).

Murakami, Ia., Soenov, V.I., Trifanova, S.V., Ėbel', A.V., Bogdanov, E.S., Solov'ev, A.I. (2019). The exploration of the ferrous metallurgy sites in Altai in 2017. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Istoriia*, (60), 167–174. (Rus.).

Myglan, V.S., Zharnikova, O.A., Malysheva, N.V., Gerasimova, O.V., Vaganov, E.A., Sidorova, O.V. (2012). Construction of a tree-ring chronology and reconstruction of the summer air temperature in the south of Altai for the last 1500 years. *Geografiia i prirodnye resursy*, (3), 22–30. (Rus.).

Schiffer, M.B. (1986). Radiocarbon dating and the old wood problem: The case of the Hohokam chronology. *Journal of Archaeological Science*, 13(1), 13–30. https://doi.org/10.1016/0305-4403(86)90024-5

Semeniak N.S., Gol'eva A.A., Syrovatko A.S., Troshina A.A. (2018) Determination of wood species from coals for the purposes of paleoecological reconstructions (based on materials from archaeological sites of the second half of the 1st millennium AD on the Middle Oka). *Problemy regional'noi ekologii*, (4), 88–92. (Rus.).

Tainik, A.V., Barinov, V.V., Myglan, V.S. (2019). Occurring climatic changes and the oldest trees in the South of Siberia. In: S.A. Kurolapa, L.M. Akimov, V.A. Dmitrieva (Eds.). *Global'nye klimaticheskie izmeneniia: Regional'nye effekty, modeli, prognozy: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Voronezh: Tsifrovaia poligrafiia, 181–184. (Rus.).

Timoshok, E.E., Timoshok, E.N., Skorokhodov, S.N. (2014). Ecology of Siberian Stone Pine (*Pinus sibirica* Du Tour) and Siberian Larch (*Larix sibirica* Ledeb.) in the Altai Mountain Glacial Basins. *Russian Journal of Ecology*, 45(3), 194–200.

Vaganov, E.A., Naurzbaev, M.M., Kh'ius, M.K. (2000). Witnesses of Medieval Climate Warming. *Priroda*, (12), 53–56. (Rus.).

Vodyasov, E.V., Stepanov, I.S., Sadykov, T.R., Asochakova, E.M., Rabtsevich, E.S., Zaitceva, O.V., Blinov, I.A. (2021). Iron metallurgy of the Xianbei period in Tuva (Southern Siberia). *Journal of Archaeological Science: Reports*, 39(103160). https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2021.103160

Vodyasov, E.V., Zaitceva, O.V., Vavulin, M.V., Pushkarev, A.A. (2020). The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 31(102383). https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102383

Wagner, G.A. (2006). *Scientific dating methods in geology, archeology and history*. Moscow: Tekhnosfera. (Rus.).

Wright, D.K. (2017). Accuracy vs. Precision: Understanding Potential Errors from Radiocarbon Dating on African Landscapes. *African Archaeological Review*, 34(3). https://doi.org/10.1007/s10437-017-9257-z

Zazovskaya, E.P. (2016). Radiocarbon dating — modern state, problem, prospects of development and use in archaeology. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 32(1), 151–164. (Rus.).

Zinyakov, N.M. (1988). *The history of iron metallurgy and blacksmith craft of ancient Altai*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Rus.).

Зайцева О.В., https://orcid.org/0000-0002-4590-1238
Водясов Е.В., https://orcid.org/0000-0003-2277-2274

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 05.09.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-8

Авдеев А.Г. [a], Окладникова Е.А. [b, *], Свойский Ю.М. [c], Романенко Е.В. [d]

[a] Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Новокузнецкая ул., 23Б, Москва, 115184
[b] Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
наб. Мойки, 48, Санкт-Петербург, 194295
[c] Институт классического Востока и античности НИУ Высшая Школа Экономики
Мясницкая ул., 20, Москва, 101000
[d] Лаборатория RSSDA, ул. Русанова, 9, Москва, 129323
E-mail: avdey57@mail.ru (Авдеев А.Г.); okladnikova-ea@yandex.ru (Окладникова Е.А.);
rutil28@gmail.com (Свойский Ю.М.); ekaterina.romanenko@gmail.com (Романенко Е.В.)

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ НАДПИСЕЙ НА РУКОЯТЯХ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ НОЖЕЙ, НАЙДЕННЫХ НА БЕРЕГУ ЗАЛИВА СИМСА

Представлено новое прочтение надписей на двух именных ножах, найденных на побережье залива Симса в море Лаптевых, отличающееся от опубликованных ранее прочтений палеографов и источниковедов. Верное прочтение этих надписей оказалось возможным благодаря методу бесконтактного 3D-моделирования эпиграфических памятников, разработанному Лабораторией RSSDA и применяемому в Своде русских надписей (CIR). Предлагаемое авторами этой статьи прочтение надписей на именных ножах позволило установить их принадлежность Гурию (крестильное имя) — Акакию (молитвенное? имя) Иванову сыну Карзяеву, вероятному главе торгово-промышленной экспедиции 20-х гг. XVII в. Памятник полярных мореходов XVII в. в заливе Симса расположен в 70 км к западу от о. Северного группы островов Фаддея, где в 1940 г. членами гидрографического отряда Восточно-Таймырской гидрографической экспедиции были найдены аналогичные предметы, включая 8 других ножей. К сожалению, у этих ножей только частично сохранились рукоятки, а большинство оказались представленными только лезвиями. Надписи, исполненные славянской вязью, удалось обнаружить только на двух ножах из избушки в заливе Симса. Согласно официальной версии, оба памятника принадлежат членам русской торгово-промышленной экспедиции XVII в. Богатый состав собранной на этих двух местонахождениях коллекции археологических артефактов делает этот памятник русской культуры XVII в. уникальным.

Ключевые слова: полуостров Таймыр, остров Фаддея Северный, залив Симса, археологические артефакты, экспедиционные исследования, именные ножи, XVII век, русские полярные экспедиции, Свод русских надписей, старорусская эпиграфика, метод бесконтактного 3D-моделирования надписей, математические методы визуализации, фотограмметрия.

Введение

В настоящее время тема освоения Арктики приобретает особую актуальность. Восемьдесят два года назад произошло знаменательное для российской исторической науки событие, а именно: на о. Северном группы островов Фаддея в море Лаптевых и в заливе Симса были открыты два уникальных памятника культуры русских полярных мореходов XVII в. [Косой, 1944, с. 124–133] (рис. 1). Среди многочисленных научных исследований тайнам находок на острове и в заливе Симса посвящено немало публикаций. Следы стоянки русских полярных мореходов, которые потерпели крушение на о. Северном группы островов Фаддея, обнаружили участники Восточно-Таймырской экспедиции Гидрографического управления Главсевморпути в 1940 г. На берегу залива Симса участниками этой же гидрографической экспедиции была обнаружена избушка. Этот уникальный памятник русской культуры XVII в. был открыт ими также случайно в 70 км от стоянки на о. Северном [Косой, 1944, с. 124–133]. Подробное описание этих событий дано в книге руководителя гидрографической экспедиции Главсевморпути А.И. Косого [1944, с. 124–133].

В силу того что оба памятника расположены в сложных ландшафтных и климатических условиях акватории моря Лаптевых, изучение их с момента открытия (1940–1941 гг.) было затруднено. Работы проводились спорадически вплоть до 2020 г. разными группами исследователей, только одна из которых была представлена профессиональными археологами (1945). В непростых условиях военного времени была осуществлена первичная обработка собранных

* Corresponding author.

археологических материалов. Затруднения при интерпретации «Фаддевской коллекции» вызвали у историков степень сохранности артефактов, отсутствие письменных свидетельств в документах XVII в., сохранивших имена членов этой морской полярной экспедиции, сложный состав вещей, особенности музейного учета коллекции и процесс реставрационной работы с артефактами. Вследствие этого появилось нескольких версий, описывающих направление движения, социальный состав, цели членов экспедиции. Эти версии противоречат одна другой, создавая особую исследовательскую «интригу», и она заставляет историков разных поколений вновь и вновь возвращаться к «тайне о. Фаддея и залива Симса».

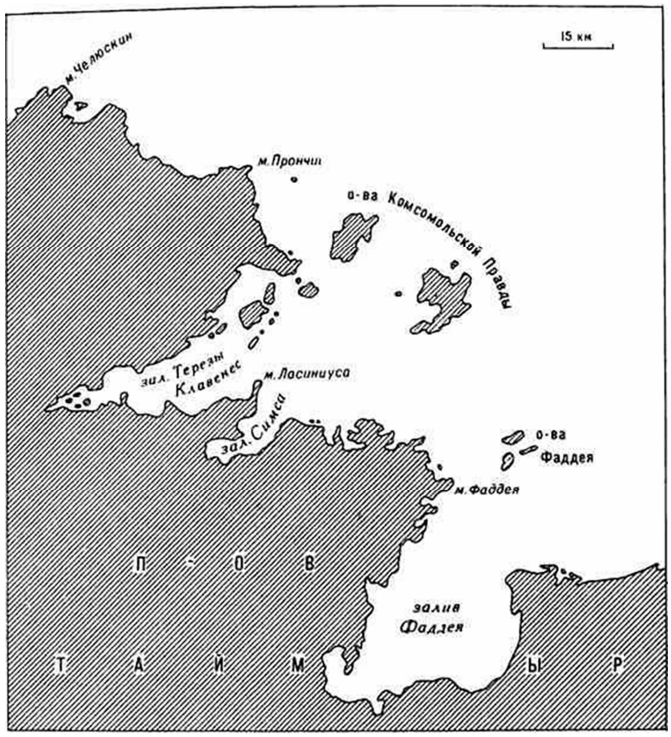


Рис. 1. Район расположения памятников русских полярных мореходов на карте моря Лаптевых.
Fig. 1. Location of monuments of Russian polar sailors on the map of the Laptev Sea.

Проблематикой этой статьи авторы обязаны ныне покойному Андрею Кирилловичу Станюковичу, который в свое время предложил одному из них, А.Г. Авдееву, разгадать «тайну» надписей на деревянных рукоятях двух ножей, найденных на берегу залива Симса, и передал ему свои неопубликованные наработки. В задачи статьи не входит исследование маршрута русских мореходов, потерпевших кораблекрушение у о. Фаддея Северного, и целей их плавания — этот вопрос активно дискутируется в литературе [Окладников, 1948; Окладников, Пинхельсон, 1951, с. 205–211; Троицкий, 1973; Белов, 1977; Деревянко, 1986, с. 207–218; Свердлов, 2001; Чайковский, 2015, с. 54–98; Магидович И.П., Магидович В.И., 1983, с. 267–269]. Наша задача — изучить надписи на деревянных рукоятях ножей, являющихся уникальными по месту находки и историческому значению памятниками старорусской эпиграфики.

Именные ножи и история их исследования

В 1945 г. место кораблекрушения на о. Фаддея Северном и побережье залива Симса, где располагалась избушка мореходов XVII в., было детально исследовано Археологической экспедицией Арктического научно-исследовательского института Главного управления Северного морского пути (АНИИ ГУСМП) и Института истории материальной культуры (ИИМК) им. Н.Я. Марра (Ленинград) под руководством А.П. Окладникова, а находки — изучены специалистами в разных областях исторической науки и опубликованы в том объеме, в котором они были доставлены АНИИ ГУСМП в 1945 г. [ИРАМ, 1951]. В «Описании историко-археологических находок на острове Фаддея и на берегу залива Симса», составленном Н.И. Башмуриной [1951, с. 215–

228], относительно находки ножей на о. Фаддея Северном и в избушке в заливе Симса указано, что в общей сложности на этих объектах было обнаружено 9 ножевых клинков, 3 рукояти от ножей, украшенные резьбой, 5 кожаных ножен и 2 «обоймицы» [Башмурина, 1951, с. 216].

Что касается описания условий находки двух именных ножей с орнаментированными рукоятками, то в «Описании историко-археологических находок на острове Фаддея и на берегу залива Симса» [Башмурина, 1951, с. 216–217] указано, что они были найдены в 1941 г. гидрографами на побережье залива Симса.

В нашей статье это нож А (РГМАА, № 0-3730) и нож Б (РГМАА, № 0-3729) (первая публикация: [Косой, 1944, с. 216]) (рис. 2, 3). Оба ножа имеют сходный облик и состоят из кованого клиновидного железного клинка (практически полностью сохранившегося у ножа А и обломанного у ножа Б) и деревянной рукояти, изготовленной из березового капа, опознаваемого по характерной свилеватости слоев древесины. Они относятся к большим ножам универсального назначения, обычным на русских памятниках позднего средневековья, и в частности в Западной Сибири — в Алазейском и Стадухинском острогах и в Мангазее [Алексеев, 1996, с. 39, с. 113, табл. 43; Белов и др., 1981, с. 79–80, 140, табл. 71, 1–9; Визгалов, Пархимович, 2007, с. 98–99, 178–179, рис. 27, 28]. Тем не менее нож А и нож Б выделяются среди аналогичных артефактов высоким качеством и продуманностью исполнения декора рукояти, имеющей анатомическую форму, которая обеспечивает более удобный хват, чем традиционная прямая ручка овального сечения. Оба ножа несут следы многолетнего использования (сточенность лезвия, выкрошившаяся инкрустация, естественная заполированность ручки).

Рис. 2. Нож А (РГМАА, № 0-3729). Общий вид. Рендер трехмерной полигональной модели и сечения, построенные по модели.
Fig. 2. Knife A (RGMAA, No. 0-3729). General form. Rendering of a 3D polygonal model and sections built from the model.

Нож А (рис. 2) сохранился практически полностью, утрачен лишь обушок и уничтожено коррозией острие клинка длиной в 2–3 мм. Общая длина ножа 26,7 см, длина клинка 15,7 см, рукояти — 10,9 см. Первоначальная ширина клинка составляла, вероятно, около 2,1 см, однако многократная заточка сократила ее до 1,8 мм. Обух клинка прямой в задней трети, полого скошенный в передних двух третях длины, острие опущено на 3 мм от линии обуха. Рукоять имеет миндалевидный поперечный профиль, ее размеры в сечении — 2,7×1,8 см у клинка и 3,0×2,0 см у обушка. Передняя часть рукояти усилена литой оловянной обоймой-ограничителем. Спинка рукояти прямая и относительно более скругленная, брюшко плавно изгибается к обушку и имеет более заостренную форму. Рукоять покрыта трехгранно-выемчатой резьбой глубиной около 3 мм, в которой сохранились фрагменты утраченной инкрустации, выполненной оловом. Эти фрагменты выступают на 0,3 мм над поверхностью деревянной рукояти, что, возможно, способствовало выкрашиванию инкрустации при эксплуатации ножа, особенно в условиях низких температур. Способ монтажа рукояти — вставной, хвостовик длиной около 10 см вставлен в грубо высверленное сквозное отверстие в рукоятке диаметром 5–6 мм и не доходит до обушка. За отсутствием обушка нельзя полностью исключить и сквозной способ монтажа (конец хвостовика мог быть обломан вместе с обушком), однако по аналогии с ножом Б вставной способ монтажа более вероятен.

Рис. 3. Нож Б (РГМАА, № 0-3730). Общий вид. Рендер трехмерной полигональной модели и сечения, построенные по модели.
Fig. 3. Knife Б (RGMAA, No. 0-3730). General form. Rendering of a 3D polygonal model and sections built from the model.

Нож Б (рис. 3) сохранился хуже. Его клинок обломан, обойма-ограничитель и обушок утрачены. Длина сохранившейся части ножа 14,2 см, длина обломка клинка 4,6 см, рукояти — 10,2 см. Первоначальная толщина клинка составляла около 4 мм, ширина клинка — около 2,4 см, однако многократная заточка сократила ее до 1,1 мм. По-видимому, к поломке привело именно постепенное сужение клинка. Материал клинка несколько лучшего качества, чем у ножа А, более устойчивый к коррозии. Рукоять в передней части имеет миндалевидно-овальный поперечный

профиль с размером в сечении 2,5×2,1 см на интервале первых 6 см от клинка и миндалевидный с 2,3×1,9 см у обушка. Спинка рукояти несколько выгнута кверху, брюшко плавно изгибается к обушку и имеет более заостренную форму. Рукоять покрыта трехгранно-выемчатой резьбой глубиной около 3–4 мм, в которой также сохранился единичный фрагмент выкрошившейся оловянной инкрустации, выполненной оловом. Способ монтажа рукояти также вставной, отверстие под хвостовик глухое.

Резьба на рукоятях ножей представляет собой достаточно сложный узор, геометрический на ноже А (рис. 4) и растительный на ноже Б. Надпись на ноже А выполнена на пояске у обоймы-ограничителя, высота строки 1,4 см. Надпись на ноже Б также вырезана на двух поясках у обоймы-ограничителя и у обушка рукояти; высота строки в обоих случаях 1,6 см. Сверху и снизу эпиграфические поля ограничивают полосы, не заполненные орнаментом и отделяющие надпись от металлических деталей и орнаментированной части рукоятки. Надписи выполнены геометрической вязью без характерных для рукописного письма диакритических и надстрочных знаков и дробления мачтовых лигатур в технике асимметричной трехгранно-выемчатой резьбы с выборкой фона вокруг букв. По-видимому, резчик брал за образец надписи на изделиях из металла или, менее вероятно, ткани [Николаева, 1971, с. 64–65].

Рис. 4. Нож А (РГМАА, № 0-3730). Развертка поверхности рукояти.
Рендер трехмерной полигональной модели.
Fig. 4. Knife A (RGMAA, No. 0-3730). Handle surface development. Render of a 3D polygonal model.

Малый «формат» надписи А и сложность вязи, сплетающейся с элементами узора, и вызвали затруднения в ее интерпретации. По «свежим» следам она была изучена сотрудником

ИИМК, археологом М.В. Фармаковским, который предложил чтение «Акакиа Мураг». Последнее слово исследователь возводил к саамскому «мур» — море, считая, что мурагом поморы называли опытного моряка, мурманца [Окладников, 1948, с. 15]. Палеограф и источниковед В.В. Гейман дал иное прочтение второго слова в данной надписи, связав его с происхождением Акакия из Мурома,— «Мурмца» или «Мурица» [1951, с. 141–144]. Следующая по времени публикация специалиста по древнерусскому прикладному искусству Н.Г. Порфиридова прошла практически незамеченной. Он предположил, что первое слово надписи означает имя владельца, второе — название предмета, которым он обладает. Исходя из этого он читал второе слово как «пурт» — зырянское название ножа, бытовавшее на Мезени [Порфиридов, 1958, с. 267–269].

В зависимости от предпочтений авторов в научной, научно-популярной и краеведческой литературе владелец ножа А фигурирует как Акакий Мурманец [Кублицкий, 1957, с. 8–12; Белов, 1977, с. 17; Деревянко, 1986, с. 217; Булатов, 1998, с. 164; Стамборовский, 2014, с. 18], Акакий Мураг [Забелин, 1966, с. 183] или Акакий Муромец [Окладников, 1948, с. 15; Обручев, 1973, с. 42–43; Старков, 2008, с. 201; Чайковский, 2015, с. 92]. Под последним именем он вошел даже в предназначенные для школьников энциклопедии, посвященные освоению Арктики [Арктика…, 2001, с. 34]. В некоторых изданиях он иногда совершает плавание вместе с родным братом Иваном Муромцем, в соответствии с чтением фрагмента надписи на ноже Б [Магидович, 1983, с. 267]. Пожалуй, сдержаннее других исследователей оказался В.Ю. Визе, связавший найденные предметы с неизвестными русскими мореплавателями, вынужденно зазимовавшими на острове Фаддея в 20-е гг. XVII в. [1948, с. 9].

Недостатком существующих реконструкций надписи на ноже А является то, что из них исключены иные варианты прочтения второго слова, которое, по мнению исследователей, должно означать указание либо на происхождение Акакия, либо на предмет, который ему принадлежал, но большинство предложенных чтений основано на известной доле домысла. Термин «мурманец», приложимый, по мнению М.В. Фармаковского, к человеку, связанному с морем, отсутствует в исторических словарях русского языка, где прилагательное «мурманская» относится к лодьям, на которых поморы промышляли в Белом море [СлРЯ XI–XVII вв., 1982, вып. 9, с. 310, s.v. мурманский; СПЛСР XV–XVII вв., 2005, вып. 2, с. 235, s.v. мурманский]. В Словаре русских народных говоров зафиксированы термины «мурман» и «мурманщик», но первым обозначали жителей побережья Норвегии, вторым — рыбаков, промышлявших на Белом море [СРНГ, 1982, вып. 18, с. 357], и древность происхождения этих слов вызывает большие сомнения. Что же касается предложенной А.П. Окладниковым реконструкции «мураг», отсутствующего в исторических словарях русского языка, то в Словаре русских народных говоров для этого слова даны значения «спорыш», «травянистое место на берегу реки», также «мураги» — муравьи, бугры, ямы [СРНГ, 1982, с. 351]. Предложенное В.Г. Порфиридовым слово «пурт» зафиксировано в языке коми в значении «нож», в начале XX в. — в том же значении — в вологодских и костромских говорах, а также в различных регионах Сибири, но в письменных памятниках XV–XVII вв. оно отсутствует [Коми-русский словарь, 1948, с. 137; СРНГ, 1999, вып. 33, с. 137, s.v. Пурт 2; СПЛСР XV–XVII вв., 2015, вып. 3].

Очевидные натяжки с восстановлением катойконима «муромец» заставили известного исследователя истории освоения Арктики Л.М. Свердлова обратиться к авторитетным специалистам в области палеографии и эпиграфики — Е.В. Ухановой и А.А. Медынцевой. Они подтвердили принципиальную невозможность восстановления слова «муромец», но не смогли дать своего варианта его прочтения. Исходя из этого Л.М. Свердлов, не будучи, по собственному признанию, специалистом в древнерусской палеографии и эпиграфике, пришел к опрометчивому выводу о неграмотности резчика и отнес сделанную им надпись к так называемым «ложным надписям», украшавшим бытовые изделия [2002, с. 61–64].

Думается, в рамках статьи нет нужды доказывать, что слухи о почти поголовной неграмотности народных масс в эпоху Московской Руси несколько преувеличены [Старков, 2008, с. 200–215]. Трудно читаемая вязь — еще не повод считать надпись на ноже А декоративным узором, тем более, что ключ к ее правильному прочтению дала А.А. Медынцева, которая определила знак, читавшийся предыдущими издателями как буква М, орнаментированным словоразделителем.

Результаты исследования

Неудачи прочтения надписей на ножах, очевидно, объясняются тем, что надписи читались по неточно выполненным прорисовкам (в эпиграфике нет ничего более субъективного, чем прорись надписи, представляющая ее восприятие, часто ошибочное, автором публикации). Поэто-

му для уточнения прочтений было выполнено объективное документирование методом бесконтактного трехмерного моделирования[1]. Каждый из ножей был сфотографирован со всех ракурсов с расстояния 20–25 см, всего было сделано 630–650 фотоснимков для каждого объекта по замкнутой схеме расположения камер. На основе макрофотоснимков фотограмметрическим способом были построены размерные текстурированные трехмерные полигональные модели с детальностью (размером единичного полигона модели) 0,03 мм (что соответствует ≈110 тыс. полигонов на 1 см^2 модели). Для удобства работы исследователей эти модели были преобразованы в веб-формат, обеспечивающий возможность удаленного доступа посредством сети Интернет без применения специализированного программного обеспечения[2]. Кроме того, трехмерные полигональные модели рукояток ножей были преобразованы проецированием в цилиндрической проекции, т.е. «развернуты» на плоскость, что позволило исследователям охватить всю надпись взглядом без вращения модели. Рендеры (растровые изображения) этих «разверток» дали возможность без особых затруднений побуквенно прочитать надписи на рукоятках ножей и проанализировать палеографические особенности литер.

Рис. 5. Нож А (РГМАА, № 0-3730). Прорисовка надписи.
Fig. 5. Knife A (RGMAA, No. 0-3730). Drawing of the inscription.

Обратимся к надписи на ноже А (рис. 5). Первая буква ее первого слова четко читается как А, вторая — как К, далее следует лигатура, составленная из букв АК. Слово завершает вторая лигатура, которую мы рассматриваем как ИҢА, поскольку обе буквы объединяет общая средняя мачта, на левом же конце верхней перекладины последней буквы заметна каплевидная насечка, отличающая ее от буквы А в обоих случаях, что в итоге дает личное имя «АКАКИҢА». После словоразделителя первая буква ясно читается как Г с каплевидной насечкой на конце верхней перекладины, расположенной между усиками второй буквы, ⸗ с ромбовидной петлей. Третья буква вполне определенно читается как Р с дугообразной мачтой и округлой петлей, расположенной ниже верхнего конца мачты. Четвертая буква читается как И, пятая — как ҢА. Ее наклонная перекладина оформлена в виде растительного побега с отходящими отростками, верхняя перекладина имеет каплевидное утолщение на конце, а правая мачта первой буквы следующего слова объединяет буквы ҢАА в лигатуру. В итоге и в этом случае мы с уверенностью можем прочитать личное имя «Г⸗РИҢА». Отсутствие лигатуры последней буквы этого слова с первой буквой слова «АКАКИҢА» позволяет заключить, что знак, отмеченный А.А. Медынцевой как словоразделитель, действительно отмечает начало фразы, которую следует читать как Г⸗РИҢА АКАКИҢА. В итоге складывается два вполне осмысленных имени в родительном притяжательном, указывающих на владельца ножа. При этом словоразделитель теряет М-образность, предложенную предыдущими издателями, которые присоединили к нему вертикальные мачты букв ҢА и Г. На деле словоразделитель изображен в виде вертикальной линии, к которой в верхней части присоединены две пересекающиеся дуги, в местах пересечения образующие два косых креста. Верхняя дуга при этом соединяет словоразделитель с границей эпиграфического поля, а нижняя — с мачтами букв ҢА и Г. Для дукта резчика характерны два явления, связанные

[1] Подробнее о методике, с 2016 г. успешно применяемой Лабораторией RSSDA для документирования эпиграфических памятников см.: [Авдеев, Свойский, 2019] и веб-сайт проекта Свода русских надписей (CIR) https://cir.rssda.su/methodology/. В документировании, моделировании и подготовке материалов к публикации участвовали: Ю.М. Свойский, Е.В. Романенко и М.А. Никитина.

[2] Упрощенные трехмерные модели и растровые изображения находок из залива Симса доступны по адресу: https://rssda.su/projects/taimyr/.

с графической вариативностью,— использование и-восьмеричного вместо і-десятичного перед гласными, мену З на S, а также употребление ѢА на конце слова вместо Ѧ, типичные для деловой и бытовой письменности XVI–XVII вв. [Тарабасова, 1986, с. 26] Те же явления типичны и для лапидарных надписей Московской Руси.

Надпись на ноже Б (рис. 6) также выполнена в технике трехгранно-выемчатой резьбы. Начертания букв аналогичны начертаниям букв на предыдущей надписи; сходны и декоративные элементы, украшающие рукояти обоих ножей, что говорит о том, что оба предметы сделаны и украшены одним человеком. Об этом же свидетельствуют особенности дукта резчика (о чем подробнее будет сказано далее). Первый издатель надписи, В.В. Гейман, не смог полностью прочитать ее, отметив лишь, что в ней присутствует «какое-то производное слово от имени Иван» [1951, с. 143]. В.Г. Порфиридов читал данную часть надписи как «пурт Ивана» [1958, с. 268]. Хотя Е.В. Уханова и А.А. Медынцева не увидели смысла в наборе букв в данной надписи [Свердлов, 2002, с. 62]. Бóльшую ее часть удалось прочесть А.К. Станюковичу. В надписи у обушка он угадал личное имя ГѲРИѢА. По дукту и палеографическим особенностям начертание этого слова вплоть до мельчайших подробностей аналогично начертанию этого же слова в надписи на ноже А, включая оформление наклонной перекладины буквы ѢА в виде растительного побега с отходящими отростками. Второе слово А.К. Станюкович угадал как имя отца в форме притяжательного прилагательного родительного падежа — ИВАНАВ[А]. Оба слова отделены друг от друга вертикальной чертой-словоразделителем, и на 3D-модели хорошо видно, что для последней буквы в слове «ИВАНАВ{А}» резчик не рассчитал места и вырезал небольшую петлю на словоразделителе. Отметим следующие друг за другом две лигатуры — ИВ и АН и переход О в А в первом заударном слоге, вполне допустимый в памятниках письменности XVI–XVII вв. [Тарабасова, 1986, с. 34]. При этом начертание буквы А с горизонтальной верхней перекладиной, вертикальной правой мачтой, присоединенной к ее центру ромбовидной петлей и наклонной левой мачтой абсолютно идентично начертанию этой буквы в надписи на ноже А. В надписи, сделанной у обоймы-ограничителя (рис. 8), А.К. Станюкович, верно, прочитал контрактуру СНА с отсутствующим титлом. Следующее слово он определил как фамилию КОРSѢА(Т?)ЕВА. Тем не менее 3D-модель надписи на нижнем регистре ножа дает бесспорный вариант чтения. По ней видно, что к нижней ножке буквы К присоединена буква А, вырезанная в виде ромба; нижние части букв S и Е украшены серповидными завитками, что дает чтение фамильного прозвания как КАРSѢАЕВА. Таким образом, надпись на ноже Б читается следующим образом: |надпись у обушка ГѲРИѢА ИВАНАВ{А} |надпись у обоймы-ограничителя СНА КАРSѢАЕВА.

Рис. 6. Нож Б (РГМАА, № 0-3730). Прорисовка надписи.
Fig. 6. Knife Б (RGMAA, No. 0-3730). Drawing of the inscription.

Надписи на обоих ножах выполнены одним резчиком. Они содержат имена, патронимик и фамилию (отфамильное прозвище) в притяжательном падеже, свидетельствующем о принадлежности данных предметов одному человеку, который, возможно, и вырезáл эти надписи. Владелец ножей носил два имени — Гурий и Акакий, что не противоречит традициям имянаречения в Древней Руси. Пара имен Акакий — Гурий соответствует православному месяцеслову: память прп. Акакия, мученика Милитского, приходится на 28 июля, а память свв. ветхозаветных мучеников Елеазара священника и семи братьев Маккавеев, в число которых входил Гурий,— на 1 августа. Таким образом, владелец ножей по дню рождения был назван Акакием, а по дню крещения — Гурием. При этом последнее владелец ножа считал «основным» или публичным (с

него начинается надпись на ноже Б), а имя «Акакий», судя по надписи на ноже, также было публичным, но, скорее всего, молитвенным. Ближайшую аналогию мы находим в Житии Ивана Неронова: «герою» этого произведения «наречено бѣ <…> во святомъ крещенiи имя Гавріилъ; по святомъ же крещенiи изволися отцу и матерѣ преименовати младенца Іоанномъ» [Субботин, 1874, с. 240, 250]. То есть Иван Неронов был крещен в день Собора архангела Гавриила (26 марта), но родители стали именовать его Иваном по случившемуся три дня спустя дню памяти прп. Иоанна Лествичника (30 марта) [Успенский Б.А., Успенский Ф.Б., 2017, с. 109].

Фамильное прозвание отца Гурия, скорее всего, образовано от прозвища деда — Карзяй с вариантом Корзяй, если учесть, что первый слог в слове безударный. Данное прозвище не отражено в словарях древнерусских некалендарных имен [Тупиков, 2004; Веселовский, 1974], и его этимология неясна. Она может быть возведена к диалектному слову ‘карза’ — ‘чесалка для шерсти’ и семантически связанному с ним глаголу ‘карзать’, в различных диалектах обозначающему чесание волос, вычесывание шерсти, плохую стрижку, снятие древесной коры, использование грабель [СРНГ, 1977, вып. 13, с. 89]. Также возможна этимология данного прозвища через диалектное слово ‘ко́рза’ / ‘корза́’ — ‘сварливый’, ‘рябой’ [Кюршунова, 2010, с. 249; СРНГ, 1978, вып. 14, с. 330]. В этой связи отметим, что в середине XVI в. в Двинском уезде зафиксировано личное некалендарное имя «Карза», свидетельствующее о присутствии данного слова в языке Московской Руси [Народный именослов…, 2020, с. 115].

Заключение

Прочтение надписей на ножах, сделанное по 3D-модели, позволяет вслед за Л.М. Свердловым исключить сам факт существования Акакия Муромца / Акакия Мурага / Акакия Мурманца, а также Ивана Муромца и восстановить подлинное имя морехода, погибшего на о. Фаддея Северном, возможно, возглавлявшего артель,— Гурия (крестильное имя) — Акакия (молитвенное? имя) Иванова сына Карзяева.

Вместе с тем дукт и палеографические особенности надписи показывают причастность Гурия-Акакия к книжной культуре и соответствующий уровень его грамотности. А это позволяет решительно отвергнуть расхожее мнение о чуть ли не поголовной безграмотности населения Московской Руси, тем более что наличие среди таймырских находок компасов и компасных солнечных часов a silentio позволяет предполагать, что участникам экспедиции были хорошо знакомы арабские цифры и латинские литеры [Данилевский, 1951, с. 62].

Тем не менее за недостатком данных нельзя с полной уверенностью говорить о том, что Гурий-Акакий возглавлял столь трагически закончившееся предприятие, равно как и невозможно утверждать, что он оказался «первооткрывателем западной части моря Лаптевых и отрезка побережья п-ва Таймыр» [Чайковский, 2015, с. 90–93]. Во всяком случае, восстановленное имя владельца ножей указывает вектор дальнейших поисков.

Что касается датировки надписей на ножах, то их верхнюю хронологическую границу дает комплекс монет, найденных среди вещей мореходов на о. Фаддея Северном, младшие из которых датируются 1615–1617 гг. [Спасский, 1951, с. 112–129; Свердлов, 1998, с. 77–83]. Однако изготовление ножей безусловно должно быть отнесено к более раннему времени. На конец XVI — начало XVII в. указывают также найденные в комплексе нюрнбергские счетные жетоны. Что же касается личных вещей участников экспедиции — и в первую очередь перстней, то они имеют широкий временной диапазон бытования, и их датировка определяется временем всего комплекса. Так, единственный перстень-печать с круглым щитком и вырезанной на нем аббревиатурой «ТЕН» или «ТЕИ» относится к типу эпиграфических перстней с изречениями, отдельными словами и аббревиатурами, которые бытовали на протяжении конца XV — начала XVIII в. К раннему виду этих изделий его позволяет отнести форма щитка и способ нанесения надписи [Станюкович, Авдеев, 2007, с. 45]. Палеографические признаки букв — трехмачтовое Т с укороченной левой мачтой и якорное Е — не являются безусловными элементами, на основании которых возможно уточнение датировки.

К сожалению, палеографические признаки вязи, встречающейся на эпиграфических памятниках второй трети XVI — первой четверти XVII в., практически не разработаны, а аналогии начертаниям букв можно найти в надписях первой трети XVI столетия [Николаева, 1971, с. 192–193, табл. 81]. Учитывая особенности дукта резчика, можно предполагать, что надписи на ножах были сделаны в пределах конца XVI — начала XVII в. и попали в слой уже после гибели мореходов в конце 10-х — начале 20-х гг. XVII в. Наиболее важным итогом исследования мы счита-

ем установление точного имени одного из погибших мореходов — Гурия-Акакия Иванова Карзяева, владельца двух подписных ножей.

Благодарности. Статья посвящена памяти А.К. Станюковича, который первым подошел к верному чтению владельческих надписей на ножах из залива Симса. Статья написана при поддержке ПСТГУ, а также Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA в рамках исследовательского проекта «Свод русских надписей / Corpus Inscriptionum Rossicarum», научный руководитель проекта — А.Г. Авдеев, технический руководитель — Ю.М. Свойский; а также при поддержке фонда «Сохраненная культура», и лично основателя и руководителя фонда В.Б. Наумова, научный руководитель проекта — Е.А. Окладникова. Авторы выражают искреннюю благодарность директору РГМАА историку М.В. Дукальской, главному хранителю фондов РГМАА Ю.В. Вепревой, старшему сотруднику Отдела учета и хранения фондов Российского государственного музея Арктики и Антарктики Е.Л. Федотовой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеев А.Г., Свойский Ю.М. Методы документирования эпиграфических памятников Московской Руси в рамках Свода русских надписей (CIR) // ВЭ. М., 2019. Вып. X. С. 229–260.

Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 152 с.

Башмурина Н.И. Описание историко-археологических находок на острове Фаддея и на берегу залива Симса // ИРАМ. Л.; М.: изд-во Севморпути, 1951. С. 215–248.

Белов М.И. По следам полярных экспедиций. Л.: Гидрометеоиздат, 1977. 144 с.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Ч. II: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. 152 с.

Булатов В. Русский Север. Кн. 2: Встречь солнца (XV–XVII вв.). Архангельск: Изд-во Полярного гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1998. 352 с.

Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 380 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). Нефтеюганск; Екатеринбург: Баско, 2007. 320 с.

Визе В.Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII–XIX вв.: Биографический словарь. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 72 с.

Гейман В.В. Надписи на ножах // ИРАМ. Л.; М.: изд-во Севморпути, 1951. С. 141–144.

Данилевский В.В. Русские навигационные приборы первой четверти XVII века // ИРАМ. Л.; М.: Изд-во Севморпути, 1951. С. 53–62.

Деревянко А.П. Ожившие древности: Рассказы археолога. М.: Молодая гвардия, 1986. 239 с.

Забелин И.М. Встречи, которых не было. М.: Мысль, 1966. 325 с.

ИРАМ — *Исторический* памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса / Отв. ред. А.П. Окладников. Л.; М.: Изд-во Севморпути, 1951.

Коми-русский словарь / Отв. ред. А.И. Подорова. Сыктывкар: Коми гос. изд-во, 1948. Вып. 1. 296 с.

Косой А.И. На восточном побережье Таймырского полуострова: Опыт Восточно-Таймырской экспедиции Гидрографического управления Главсевморпути. М.: Изд-во и тип. Изд-ва Главсевморпути, 1944. 159 с.

Кублицкий Г. По морям и океанам: Рассказы о путешествиях и открытиях. М.: Учпедгиз, 1957. 326 с.

Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дм. Буланин, 2010. 672 с.

Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. II: Великие географические открытия (конец XV — середина XVII в.). М.: Просвещение, 1983. 399 с.

Народный именослов Русского Севера XV–XVII вв.: Происхождение имен (прозвищ), отчеств, названий деревень / Сост. А.В. Кузнецов. Вологда: ВОУНБ, 2020. 398 с.

Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1-49. М.: Наука, 1971. 193 с.

Обручев С.В. Таинственные истории. М.: Мысль, 1973. 108 с.

Окладников А.П. Русские мореходы XVII века на берегах Таймыра. М.; Л.: Изд-во Севморпути, 1948. 157 с.

Окладников А.П., Пинхенсон Д.М. Значение находок у восточного побережья Таймыра // ИРАМ. Л.; М.: Изд-во Севморпути, 1951. С. 205–211.

Порфиридов Н.Г. Надписи на ножах русских мореходов XVII века // СА. 1958. № 2. С. 267–269.

Свердлов Л.М. Монеты Таймырского клада — ключ к тайне русской арктической экспедиции начала XVII века // Труды ГИМ. Вып. 98: Нумизматический сборник. Ч. XIII: Новейшие исследования в области нумизматики. М.: Стрелец, 1998. С. 77–83.

Свердлов Л.М. Таймырская загадка. М., 2001. 147 с.

Свердлов Л.М. Знаменитый мореход или поручик Киже в Арктике? // Природа. 2002. № 4. С. 61–64.

СлРЯ XI–XVII вв. — *Словарь* русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2019. Вып. 1–29; М.; СПб.: Нестор-История, 2015. Вып. 30; М.: ЛЕКСРУС, 2019. Вып. 31. (Изд. продолжается).

Спасский И.Г. Денежная казна // ИРАМ. Л.; М.: Изд-во Севморпути, 1951. С. 112–129.

СПЛСР XV–XVII вв. — *Словарь* промысловой лексики Северной Руси. СПб.: Дм. Буланин, 2003–2015. Вып. 1–3.

СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. Л.; СПб.: Наука, 1965–2019. Вып. 1–51. (Изд. продолжается).

Стамборовский Н. Отважный мореход Акакий Мурманец // Наш край: Охрана окружающей среды. Красноярская краевая газета. 2014. 18 сент. № 38. С. 18.

Станюкович А.К., Авдеев А.Г. Неизвестные памятники русской сфрагистики: Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII веков из частных собраний. М.: Группа ИскателИ, 2007. 190 с.

Старков В.Ф. Тексты и надписи из мест удаленных промыслов поморов // ВЭ. М., 2008. Вып. II. С. 200–215.

Субботин Н.И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. Ч. 1: О лицах, судившихся на соборе 1666–1667 года. М.: Братское слово, 1874. 491 с.

Тарабасова Н.И. Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. М.: Наука, 1986. 163 с.

Троицкий В.А. Новые находки на острове Фаддея // Известия ВГО. 1973. Т. 105. Вып. 1. С. 62–67.

Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Вступ. статья и подг. текста В.М. Воробьева. М.: Русский путь, 2004. 904 с.

Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 344 с.

Чайковский Ю.В. Мысы Ледовитого напоминают. М.: Т-во науч. изданий КМК, 2015. 400 с.

ИСТОЧНИКИ

Свод русских надписей / Corpus Inscriptionum Rossicorum» [Электронный ресурс]. URL: https://www.cir.rssda.su.

Avdeev A.G. [a], Okladnikova Ye.A. [b, *], Svoiskii U.M. [c], Romanenko E.V. [d]

[a] Orthodox St. Tikhon University for the Humanities
Novokuznetskaya st., 23Б, Moscow, 115184, Russian Federation
[b] Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen
nab. Moiki, 48, St. Petersburg, 194295, Russian Federation
[c] Institute of the Classical East and Antiquity National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya st., 20, Moscow, 101000, Russian Federation
[d] RSSDA laboratory, Rusanova st., 9, Moscow, 129323, Russian Federation
E-mail: avdey57@mail.ru (Avdeev A.G.); okladnikova-ea@yandex.ru (Okladnikova Ye.A.);
rutil28@gmail.com (Svoiskii U.M.); ekaterina.romanenko@gmail.com (Romanenko E.V.)

A new interpretation of the inscriptions on the handles of signature knives found on the shores of Sims Bay

The article reports on a new interpretation of the inscriptions on two personalized knives found on the coast of Sims Bay in the Laptev Sea. This interpretation differs from the readings published previously by paleographers and source-study experts due to the fact that it has been possible to devise correct transcription of these inscriptions with the aid of the method of non-contact 3D modeling of epigraphic records developed by the RSSDA Laboratory and used in the Code of Russian Inscriptions (CIR). The reading of the inscriptions on the signature knives proposed by the authors of this paper has enabled establishing their ownership to Gurii (baptismal name) — Akakii (prayer? name) Ivanov son of Karzyaev's, likely the head of the commercial and industrial expedition of the 1620s. The site of the polar mariners of the 17th century in Sims Bay is located 70 km west of the island of Thaddeus Severny, where in 1940 members of the hydrographic detachment of the East Taimyr hydrographic expedition found similar articles, including 8 other knives. Unfortunately, these knives have only partially preserved handles, and most of them turned out to be represented only by the blades. Inscriptions made in the Slavic ligature could be found only on two knives from a hut in Sims Bay. According to the official version, both sites belong to the members of the Russian trade and industrial expedition of the 17th century. The rich composition of the collection of archaeological artifacts assembled at the locations of these two sites makes this monument unique for the Russian culture of the 17th century.

Keywords: Taimyr Peninsula, island of Thaddeus Severny, Sims Bay, archaeological artifacts, expeditionary research, nominal knives, 17th century, Russian polar expeditions, Code of Russian Inscriptions, Old Russian epigraphy, non-contact 3D modeling of inscriptions, mathematical visualization methods, photogrammetry.

* Corresponding author.

Acknowledgements. The article is dedicated to the memory of A.K. Stanyukovich, who was the first to correctly read the owner's inscriptions on knives from Sims Bay. The article was written with the support of PSTGU, as well as the University of Dmitry Pozharsky and the RSSDA Laboratory as part of the research project “Code of Russian Inscriptions / Corpus Inscriptionum Rossicarum” (the scientific supervisor of the project is A.G. Avdeev, the technical supervisor is Yu.M. Svoisky), as well as with the support of the “Preserved Culture Foundation”, and personally the founder and head of the foundation V.B. Naumov (scientific supervisor of the project — E.A. Okladnikova). The authors express their sincere gratitude to the director of the RSMAA, historian M.V. Dukalskaya, the chief curator of the RSMAA funds, Yu.M. Svoysky, as well as with the support of the Preserved Culture Foundation, and personally the founder and head of the foundation, V.B. Naumov. Scientific supervisor of the project — E.A. Okladnikov. The authors express their sincere gratitude to the director of the RSMAA, historian M.V. Dukalskaya, the chief curator of the RSMAA funds, Yu.V. Vepreva, and E.L. Fedotova, Senior Officer of the Department of Accounting and Storage of Funds of the Russian State Museum of the Arctic and Antarctic.

REFERENCES

Alekseev, A.N. (1996). *The first Russian settlements of the XVII–XVIII centuries in the North-East of Yakutia*. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, (Rus.).

Avdeev, A.G., Svojskij, Yu.M. (2019). Methods for documenting epigraphic monuments of Muscovite Rus within the Code of Russian Inscriptions (CIR). *Voprosy epigrafiki*, (X), 229–260. (Rus.).

Bashmurina, N.I. (1951). Description of historical and archaeological finds on the island of Thaddeus and on the shores of the Gulf of Sims. In: *Istoricheskiy pamyatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya XVII veka*. Leningrad; Moscow: Izd-vo Sevmorputi, 215–248. (Rus.).

Belov, M.I. (1977). *In the footsteps of polar expeditions*. Leningrad: Gidrometeoizdat. (Rus.).

Belov, M.I., Ovsyannikov, O.V., Starkov, V.F. (1981). *Mangazeya. Part II: The material culture of Russian polar sailors and explorers of the 16th–17th centuries*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Bulatov, V. (1998). *Russkij Sever. Russian North. Book. 2: Meeting the sun (XV–XVII centuries)*. Arhangel'sk: Izd-vo Polyarnogo gos. universiteta im. M.V. Lomonosova. (Rus.).

Chajkovskij, Yu.V. (2015). *The capes of the Arctic remind*. Moscow: T-vo nauchnyh izdanij KMK. (Rus.).

Danilevskij, V.V. (1951). Russian navigation instruments of the first quarter of the 17th century. In: *Istoricheskiy pamyatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya XVII veka. Arkheologicheskiye nakhodki na ostrove Faddeya i na beregu zaliva Simsa*. Leningrad; Moscow: Izd-vo Sevmorputi, 53–62. (Rus.).

Derevyanko, A.P. (1986). *Revived Antiquities. Archaeologist's stories*. Moscow: Molodaya gvardiya. (Rus.).

Gejman, V.V. (1951). Inscriptions on knives. In: *Istoricheskiy pamyatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya XVII veka. Arkheologicheskiye nakhodki na ostrove Faddeya i na beregu zaliva Simsa*. Leningrad; Moscow: Izd-vo Sevmorputi. 141–144. (Rus.).

Kosoj, A.I. (1944). *On the East Coast of the Taimyr Peninsula: Experience of the East Taimyr Expedition of the Hydrographic Department of the Main Northern Sea Rout*. Moscow: Izd-vo i tip. izd-va Glavsevmorputi. (Rus.).

Kublickij, G. (1957). *Over the seas and oceans: Stories about travels and discoveries*. Moscow: Uchpedgiz. (Rus.).

Kuznetsov, A.V. (Ed.). (2020). *Folk nomenology of the Russian North in the 15th–17th centuries: The origin of names (nicknames), patronymics, village names*. Vologda: VOUNB. (Rus.).

Kyurshunova, I.A. (2010). *Dictionary of non-calendar personal names, nicknames and family nicknames of North-Western Russia in the 15th–17th centuries*. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. (Rus.).

Magidovich, I.P., Magidovich, V.I. (1983). *Essays on the history of geographical discoveries. Vol. II: Great geographical discoveries (late XV — mid XVII century)*. Moscow: Prosveshchenie. (Rus.).

Nikolaeva, T.V. (1971). *Works of Russian applied art with inscriptions of the 15th — the first quarter of the 16th century*. Arheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, (E1–49). Moscow: Nauka. (Rus.).

Obruchev, S.V. (1973). *Mysterious stories*. Moscow: Mysl'. (Rus.).

Okladnikov, A.P. (1948). *Russian sailors of the 17th century on the shores of Taimyr*. Moscow; Leningrad: Izd-vo Sevmorputi. (Rus.).

Okladnikov, A.P. (Ed.) (1951). *The historical monument of the Russian Arctic navigation of the 17th century. Archaeological finds on the island of Thaddeus and on the shore of Sims Bay*. Leningrad; Moscow: Izd-vo Sevmorputi. (Rus.).

Okladnikov, A.P., Pinhenson, D.M. (1951). Significance of finds off the eastern coast of Taimyr. In: *Istoricheskiy pamyatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya XVII veka. Arkheologicheskiye nakhodki na ostrove Faddeya i na beregu zaliva Simsa*. Leningrad; Moscow: Izd-vo Sevmorputi, 205–211. (Rus.).

Podorova, A.I. (Ed.) (1948). *Komi-Russian Dictionary, (1)*. Syktyvkar: Komi gos. izd-vo. (Rus.).

Porfiridov, N.G. (1958). Inscriptions on the knives of Russian sailors of the 17th century. Sovetiskaia arkheologiia, (2), Leningrad; Moscow. 267–269. (Rus.).

Spasskij, I.G. (1951). Treasury. In: *Istoricheskiy pamyatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya XVII veka*. Leningrad; Moscow: Izd-vo Sevmorputi, 112–129. (Rus.).

Stamborovskij, N. (2014). The brave sailor Akaki Murmanets. In: Nash kraj: *Ohrana okruzhayushchej sredy. Krasnoyarskaya kraevaya gazeta*, (38). (Rus.).

Stanyukovich, A.K., Avdeev, A.G. (2007). *Unknown monuments of Russian sphragistics: Applied seals-matrices of the 13th–18th centuries from private collections*. Moscow: Gruppa Iskatell. (Rus.).

Starkov, V.F. (2008). Texts and inscriptions from the places of remote crafts of Pomors. *Voprosy epigrafiki*, (II). 200–215. (Rus.).

Subbotin, N.I. (1874). *Materials for the history of the split during the first period of its existence. Vol. 1. Part 1: About persons suing at the council of 1666–1667*. Moscow: Bratskoe slovo. (Rus.).

Sverdlov, L.M. (1998). Coins of the Taimyr Treasure — the Key to the Secret of the Russian Arctic Expedition at the Beginning of the 17th Century. *Trudy GIM*, (98), 77–83. (Rus.).

Sverdlov, L.M. (2001). *Taimyr riddle*. Moscow. (Rus.).

Sverdlov, L.M. (2002). Famous navigator or Lieutenant Kizhe in the Arctic? *Priroda*, (4), 61–64. (Rus.).

Tarabasova, N.I. (1986). *Phenomena of variability in the language of Moscow business writing in the 17th century*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Troickij, V.A (1973). New finds on Thaddeus Island. *Izvestiya VGO*, 105(1), 62–67. (Rus.).

Tupikov, N.M. (2004). *Dictionary of Old Russian Personal Names*. M.: Russkij put'. (Rus.).

Uspenskij, B.A., Uspenskij, F.B. (2017). *Monastic names in Rus*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (Rus.).

Veselovskij, S.B. (1974). *Onomasticon: Old Russian names, nicknames and surnames*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Vize, V.Yu. (1948). *Russian polar sailors from industrial, commercial and service people of the 17th–19th centuries: Biographical Dictionary*. Moscow; Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi. (Rus.).

Vizgalov, G.P., Parhimovich, S.G. (2007). *Mangazeya is the first Russian city in the Siberian Arctic (based on excavations in 2001–2004)*. Nefteyugansk; Ekaterinburg: Basko. (Rus.).

Zabelin, I.M. (1966). *Meetings that didn't happen*. Moscow: Mysl'. (Rus.).

Авдеев А.Г., https://orcid.org/0000-0001-7253-9126
Окладникова Е.А., https://orcid.org/0000-0003-4720-9584
Свойский Ю.М., https://orcid.org/0000-0001-6256-4299
Романенко Е.В., https://orcid.org/0000-0001-5138-9202

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 05.09.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-9

Татауров Ф.С.

БУК «Музей-заповедник «Старина Сибирская»
ул. Советов, 29, р.п. Большеречье, Омская область, 646670
E-mail: fil_opossum@mail.ru

ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В XVII — НАЧАЛЕ XX в. В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ И АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Изучение процессов адаптации русских переселенцев к условиям Западной Сибири требует внимания к наиболее важным элементам материальной культуры, одним из которых является жилище. В письменных и этнографических источниках содержатся разрозненные данные, позволяющие увидеть общую картину, но без учета особенностей конкретного микрорегиона, в частности Омского Прииртышья. Археологические материалы, полученные в ходе раскопок г. Тары и окружающих ее сельских памятников, позволяют выявить типы жилищ, оценить их площадь и планиграфию, определить характерные черты отдельных строений в усадебных комплексах и даже создать модели раскопанных объектов, однако рассматриваются лишь единичные примеры. Автором статьи была проведена этнографическая экспедиция в один из районов Омской области; соединение полученных этнографических данных с материалами археологических и письменных источников дает возможность рассмотреть основные типы жилых построек русского населения Омского Прииртышья в XVII — начале XX в. для определения их особенностей и тенденций развития.

Ключевые слова: жилище, Омское Прииртышье, XVII — начало XX в., археология, этнография русских.

Археологическое изучение русских городов и поселений XVII–XVIII вв. на территории Западной Сибири дало представительные материалы по многим сторонам жизни русских сибиряков. Исследование археологических памятников на разных территориях западносибирского макрорегиона (Тобольск, Мангазея, Березов, Томск, Тара, Кузнецкий, Умревинский остроги, Енисейск) позволило выявить региональные особенности и получить общую картину эволюции социально-культурного облика русского сибиряка в XVII–XIX вв. При этом интересным представляется углубленное изучение процессов этнокультурной адаптации в микрорегионах, что позволит проследить изменение отдельных аспектов материальной культуры. В статье в качестве одного из таких аспектов рассматривается сельская и городская архитектура на базе материалов, полученных в ходе изучения археологических памятников и современных населенных пунктов Омского Прииртышья.

Этнографы и историки неоднократно обращались к изучению жилищных комплексов русского населения Сибири XVII–XIX вв., в литературе подробно рассматриваются структура и состав усадеб и функциональное назначение построек (напр.: [Александров, 1981; Ащепков, 1950; Майничева, 2002; Шелегина, 2001, 2005]). Однако в этих работах материалы археологических исследований не учитывались, отчасти потому, что их было недостаточно или они не были опубликованы. Анализируя указанные труды, можно отметить разную степень изученности регионов Сибири: наиболее представительные данные собраны по Енисейскому и Томскому уездам, деревням Алтая и Зауралья, меньший объем информации характеризует жилища крестьян Тобольской, Омской губерний. Стоит обратить внимание и на время сбора материала — для Омского Прииртышья, например, это вторая половина XIX — первая половина XX в. [Ащепков, 1950; Шелегина, 2001].

Обращаясь к археологическому источнику для изучения обозначенной проблемы, можно отметить, что в современной сибирской историографии уже есть исследования монографического характера, в которых реконструкции усадебных комплексов выполнены на основе данных археологии [Черная, 2015; Визгалов, Пархимович, 2017]. В Омском Прииртышье на настоящий момент изучен ряд памятников: город Тара (крепость и острог), сельские памятники Изюк-I, Бергамак-I, Ананьино-I (Большереченский, Муромцевский и Тарский районы Омской области). Полученные в ходе раскопок данные позволяют выявить типы жилищ, оценить их площадь и планиграфию, определить характерные черты отдельных строений в усадебных комплексах и даже создать модели раскопанных объектов [Татаурова и др., 2014, с. 262; Татауров и др., 2019, с. 285]. Однако обширный археологический материал и данные письменных и этнографических ис-

точников по населенным пунктам Омского Прииртышья детально соотнести между собой достаточно сложно. Это связано с тем, что как по письменным, так и по археологическим источникам рассматриваются лишь единичные примеры, не связанные между собой, а подробного этнографического обследования и описания населенных пунктов региона не проводилось ни в XIX, ни в XX в.

В связи с неполнотой источников автором проведена этнографическая экспедиция в один из регионов Омского Прииртышья для изучения русской сельской архитектуры XIX — начала XX в. и соотнесения полученных данных с имеющимся археологическим и этнографическим контекстом. Для изучения выбран Большереченский район Омской области, что объясняется характером его заселения: русские деревни в северной части района (одна из которых, Изюк, была исследована археологически) появились во второй трети XVII в., а юг был освоен лишь к началу XIX в. Это позволило выявить как традиционные черты, сохраняемые в архитектуре на протяжении всего изучаемого периода, так и особенности в русском домостроительстве XVIII и XIX вв.

Цель — рассмотреть основные типы жилищных комплексов русского населения Омского Прииртышья в XVII — начале XX в. для определения их особенностей и тенденций развития, для жилых построек XVII–XVIII вв. — выявить элементы, маркирующие социальное положение проживающих в них людей.

Характеристика жилых построек XVII–XVIII вв. и их место в планиграфии поселения

Ранние этапы заселения и освоения Омского Прииртышья непосредственно связаны с развитием города Тары как военно-административного центра. Здесь была построена мощная крепость, вокруг которой находился окруженный стеной острог. За стенами острога располагались слободы иноземцев (бухарцев) и инородцев (татар) [Татауров и др., 2019, с. 258, 266]. Каждая из обозначенных зон (крепость, острог, слободы) являлась местом жительства конкретных социальных групп населения, с которыми связаны определенные типы построек. По данным письменных источников, в крепости (кремле), размер которой составил 164 сажени (примерно 350 м) в окружности, помещались склады для военных запасов, воеводская усадьба, дом сотника с хозяйственными постройками, церковь и тюрьма для заложников (аманатов) [Гуменюк, Ляликов, 2013, с. 239]. Здесь проживали представители царской администрации (воеводы, воинские командиры, высшее духовенство) со своей челядью. В результате многолетних раскопок в центральной части крепости, проводимых омской лабораторией ИАЭТ СО РАН (С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов) и ТГУ (М.П. Черная), была вскрыта часть усадьбы с домом, баней (мыльней) и избой для челяди. Жилая постройка, размерами 6×12 м, была срублена «в чашу» из сосновых бревен диаметром не менее полуметра, она имела теплые сени и стояла на подклете [Татауров, Черная, 2014, с. 292–295; Татауров и др., 2019, с. 285–286]. На социальный статус людей, проживающих в тарской постройке, указывают ее особенности, в том числе наличие подклета, характерного для зажиточных домов, что подтверждается, в частности, раскопками воеводской усадьбы в Томском кремле [Черная, 2015, с. 54–69].

В острожной части города Тары строили дома представители среднего слоя общества. В XVII — первой половине XVIII в. его основу составляли служилые люди. По письменным источникам, на территории острога в 1624 г. располагались две церкви, гостиный и воеводский дворы и 218 казачьих домов [Гончаров, Ивонин, 2006, с. 30]. Необходимо отметить, что чем выше был статус человека, тем ближе к кремлю он строил свое жилище, и в начальный период существования города, когда подавляющее большинство его населения было служилым, расселение, вероятно, производилось по этому принципу. Это подтверждается археологическими данными: в ходе раскопок 2021 г. был исследован дом воинского командира, предположительно десятника, располагавшийся в непосредственной близости от крепости [Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., 2021, с. 669–672]. Позднее, когда граница русских земель отодвинулась от города и значение крепости и ее гарнизона начало снижаться, в домах в центре города стало возможным проживать представителям других социальных слоев (купечество, ремесленники). В Таре, например, рядом с улицей, на которой было изучено шесть жилых построек XVII–XVIII вв., где проживали представители служилого сословия, в конце XVIII в. оказались расположены хозяйственные и служебные постройки (судя по обнаруженному археологическому материалу). Похожая ситуация фиксируется, например, по результатам раскопок Тобольска, где торговые лавки XVIII–XIX вв. пристраивались прямо к крепостным башням [Адамов, 2000, с. 450–453].

Площадь выявленных в острожной части Тары жилых построек, большинство которых одночастные, составляла от 9 м^2 (изба первой половины XVII в.) до 20–30 м^2 в избах XVIII в., стоявших близко друг к другу (на расстоянии 50–80 см) [Татауров и др., 2019, с. 291–294]. Средний

размер жилого дома в Тобольске также находился в пределах 18–30 м^2, при том что в это пространство могли попадать части хозяйственных построек [Аношко, 2014, с. 138–142].

В исследованной части Тарского острога пока не выявлены двух-, трехчастные постройки. Между тем даже в Мангазее, в условиях нехватки строевого леса, двухкамерные (изба с сенями) и трехкамерные (изба-сени-клеть) жилища составляли 60 % от общего количества [Визгалов, Пархимович, 2017, с. 7–9]. Двухкамерные постройки обнаружены и при раскопках Тобольска [Аношко, 2014, с. 138–142].

Общим элементом изученных тарских жилых построек является глинобитная печь. В XVIII в. в Западной Сибири идет активное распространение печей, топившихся «по белому», нехарактерных для традиционно топившихся «по-черному» жилищ предшествующей эпохи. Первоначально они были атрибутом домов только представителей верхнего слоя сибирского общества [Александров, 1981, с. 115]. На рисунке, выполненном в 1734 г. И.Х. Беркханом, печные трубы присутствуют на постройках близлежащей к крепости части острога [Татауров и др., 2019, с. 366].

При раскопках в заполнении жилищ и рядом с ними было обнаружено большое количество слюды, что говорит о распространении в XVII–XVIII вв. в Таре слюдяных окон. В XVII в. на территории Европейской России значительная часть низших слоев горожан и крестьянства в своих жилищах в качестве окон использовала небольшие отверстия, закрывавшиеся щитком-волоком. В Западной Сибири слюда же в этот период получила широкое распространение, что стало определенного рода новацией, об этом говорят археологические материалы, полученные в ходе исследований не только Тары, но и других городов и поселений того времени: Томска [Черная, 2015, с. 92–99], Березова [Пархимович, 2008, с. 260], Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 215], сельских памятников Омского Прииртышья Изюк-I и Ананьино-I [Татауров и др., 2018, с. 136–137]. Слюда хорошего качества по прозрачности близка к стеклу и обеспечивала в помещениях необходимую освещенность и температуру. Для увеличения срока службы слюдяных пластин в домах представителей высших социальных слоев русского сибирского общества использовали железные переплеты, которые в Сибирь привозили из европейской части страны [Александров, 1981, с. 114].

Подводя итог рассмотрению городских жилых построек, можно отметить, что в XVII — первой половине XVIII в. представители царской администрации строили многокамерные дома на территории кремля — в центральной части города. В острожной части западносибирских городов, где обитали представители других социальных групп, строили как однокамерные жилища, что подтверждают раскопки в Таре, так и многокамерные жилые постройки, хотя археологически их выявлено пока немного. Из социально значимых конструктивных элементов дома можно выделить наличие печей «по-белому» и слюдяных окон, постепенно становящихся атрибутами домов не только представителей царской администрации, но и средних слоев горожан.

Обращаясь к характеристике деревенских построек XVII–XVIII вв., следует сказать, что первыми жителями деревень рядом с городами также были служилые люди, которым предписывалось обеспечение города хлебом и защита близлежащих русских и татарских поселений от набегов кочевников со стороны казахстанских степей. Таким образом, город и деревню в описываемый период населяли люди, близкие по социальному статусу, при освоении этих земель они пользовались теми же природными ресурсами и жили примерно в одинаковых условиях [Татауров, 2014, с. 139–146].

В отличие от города, в деревне сложно выделить «центр», особенно если в ней отсутствовала церковь. Е.А. Ащепков по результатам архитектурных наблюдений пишет о трех основных типах деревенской застройки: 1) «гнездовой», когда от домов первопоселенцев населенный пункт разрастался во все стороны; 2) притрактовый, отличающийся протяженностью и домами по обе стороны дороги; 3) озерный, когда строения располагались по берегам больших рек и озер в один или два ряда [1950, с. 22–25]. Для сельских населенных пунктов Омского Прииртышья наиболее характерен первый тип. Первопоселенцы, основывая деревню, выбирали для строительства своих жилищ наиболее удобные места — это хорошо фиксируется по результатам этнографических и топографических наблюдений [Татаурова и др., 2014, с. 42–49]. Переселенцам, пришедшим позднее, отводились участки на окраине, «где придется», об этом говорит общий характер социальных отношений старожильческой и переселенческой групп сельского населения: потомственные старожилы нередко относились к приехавшим из России «лапотонам» как к людям второго сорта [Бережнова, 2011, с. 22]. Стоит отметить, что, вероятно, во всех селениях, вне зависимости от состава населения, особо могли выделяться дома приказчиков, духовенства.

По свидетельствам письменных источников, до середины XVII в. в Западной Сибири доминирующим типом деревенского жилища оставалась изба [Александров, 1981, с. 106]. Материа-

лом для строительства, как правило, выступала сосна, причем не только для жилых, но и для хозяйственных построек, хотя в отдельных случаях в дело шла легкая в обработке, хоть и быстро гниющая, осина [Александров, 1981, с. 105, 111]. Но обилие материала, наличие свободных площадей привели к тому, что известные с начала XVII в. трехкамерная связь (изба-горница-сени или изба-сени-клеть) и двухкамерная связь, типа пятистенка, или избы с прирубом во второй половине столетия могли составлять две трети от общего числа жилых построек. В частности, в одной из деревень Енисейского уезда в 1670–1680-е гг. из 37 жилых строений — 17 трехкамерных, 13 двухкамерных, 7 однокамерных [Александров, 1981, с. 107].

Отмеченное выше хорошо фиксируется по результатам археологического изучения прииртышских деревень. На памятнике Ананьино-I (раскопанная часть датируется первой третью XVII — второй третью XVIII в.) исследовано пять трехчастных построек различной планировки: две в сочетании клеть-сени-горница (с печью); две — изба (с печью)-сени-горница (без печи); одна — горница-сени-горница (обе горницы с печами). На памятнике Изюк-I (раскопанная часть датируется XVIII в.) изучено пять жилых помещений, по планировке они делятся на три типа: трехчастная изба-связь (три жилища — все с одним большим помещением и одним поменьше) в сочетании клеть (помещение с подполом)-сени-горница (с печью), пятистенок с прирубом и изба [Татаурова, 2018, с. 163]. Все археологически изученные постройки поставлены прямо на землю. Хотя по письменным источникам уже в середине XVII в. фиксируется трехчастная постройка (изба-горница-сени) на подклете [Александров, 1981, с. 106]. Представляется, что, как и в городе, обитатели жилищ на подклетах имели более высокое положение в обществе в сравнении с обитателями остальных жилищ.

Размеры домов были весьма значительными. Жилая площадь двух- и трехчастных построек на Ананьино-I и Изюке-I составляла от 42,5 до 71,4 м^2, площадь избы на Изюке-I — 29,2 м^2 [Татаурова, 2018, с. 163]. Строились дома из сосновых бревен диаметром 20–50 см.

Расположенные в жилых постройках печи были глинобитные; возможно, в указанный период начинают использоваться печи с трубами, топившиеся «по-белому» [Татаурова и др., 2014, с. 188]. Как и в городе, в деревнях оконные проемы в это время начинают заполнять слюдяными переплетами (шитухами), многочисленные фрагменты слюды были обнаружены в каждой жилой постройке.

Холодные сени предназначались для хранения хозяйственного инвентаря, их площадь составляла от 8,7 до 18,6 м^2 [Татаурова, 2018, с. 163]. В археологически изученных постройках сени бревенчатые, хотя по письменным данным начала XVIII в. фиксируется использование полубревен (горбыля) или дощатых плах для их постройки [Александров, 1981, с. 108–109]. Все бревенчатые постройки рубились в чашу с выпуском, что было в целом характерно для домостроительства того времени [Александров, 1981, с. 112].

Историк архитектуры Е.А. Ащепков, обследуя западносибирские жилища, фиксировал примыкание крытых дворов к жилищу [1950, с. 26–27]. Археологически на территориях усадеб сельских памятников Омского Прииртышья исследованы хозяйственные постройки — части сараев, загоны для скота [Татаурова, 2018, с. 161], что коррелируется с письменными источниками середины XVII в.: «сараи, баня и погреб»; «баня и овин», «сенник, баня и изба скотская» [Александров, 1981, с. 106–107].

Рассмотрев характеристики сельского жилого дома XVII–XVIII вв., можно сделать следующие выводы. Наличие больших площадей под застройку и доступность качественной древесины позволяли русским служилым людям и крестьянам строить большие (до 70 м^2) многокамерные дома с развитой усадьбой. Как и в городе, в изучаемый период появляются новационные элементы — слюдяные окна и печи «по-белому», с трубой. Социально значимым был тип жилой постройки — в однокамерных избах, вероятно, жили беднейшие слои сельского населения. Археологический материал, полученный в ходе изучения жилых построек сельских памятников Прииртышья, в целом однотипен, статусные вещи (например, китайская фарфоровая посуда, украшения) встречаются везде, а разница в их количестве может быть объяснена сроком существования дома.

Характеристика жилых и отдельных хозяйственных построек XIX — начала XX в.

Источником стали материалы этнографического обследования автором старожильческих деревень Большереченского района Омской области. Всего описано 157 построек в 12 населенных пунктах, из них 148 жилых и 9 хозяйственных.

Критериями для анализа построек стали:

1) дата основания населенного пункта, в котором собирался материал. Семь поселений основано в конце XVII — XVIII в., во времена наиболее активного хозяйственного освоения края, в них обследовано 129 построек из 157, т.е. большинство;

2) отсутствие современных отделочных материалов (сайдинг, дощатая обшивка) во внешнем оформлении дома. В противном случае невозможно, например, посчитать количество венцов, определить иные конструктивные особенности;

3) указание местных жителей и краеведов, обладающих информацией об истории и времени строительства и функционирования конкретных жилищных комплексов.

Первым значимым фактом, обратившим на себя внимание, стало резкое, по сравнению с XVIII в., уменьшение численности многокамерных (3 и более помещений) построек.

Из всей выборки зафиксированы 12 пятистенков с прирубом, три трехчастные избы-связи и пять крестовых домов, что составило 13,3 % от общего числа. Общее соотношение изученных построек представлено в табл. 1.

Таблица 1

Количество проанализированных жилых построек в Большереченском районе по типам

Table 1

The number of analyzed residential buildings in Bolsherechensky district by type

Населенный пункт, дата основания	Изба	Изба с прирубом	Изба-связь	Пятистенок	Пятистенок с прирубом	Крестовой дом	*Всего*
с. Такмык, 1682 г.	4 (9,5 %)	9 (21,5%)	—	21 (50 %)	6 (14,3 %)	2 (4,7 %)	42
д. Колбышево, между 1711 и 1734 гг.	—	1 (9 %)	—	7 (63,6 %)	3 (27,3 %)	—	11
д. Решетниково, 1733 г.	—	—	—	7	—	1	8
с. Ингалы, между 1734 и 1763 гг.	4 (15,4%)	3 (11,5%)	—	17 (65,4 %)	2 (7,7%)	—	26
д. Боровянка, 1754 г.	—	2	2	1	—	—	5
с. Могильно-Посельское, между 1763 и 1782 гг.	7 (41,2 %)	3 (17,6 %)	—	7 (41,2 %)	—	—	17
с. Евгащино, 1650 г. как д. Изюцкая (поселение Изюк-I), на современном месте с 1796 г.	1 (5%)	4 (20 %)	1 (5%)	12 (60 %)	—	2 (10 %)	20
д. Терехово, 1809 г.	—	—	—	5	—	—	5
д. Шуево, 1809 г.	—	—	—	4	—	—	4
д. Осихино, 1820 г.	—	—	—	2	—	—	2
д. Ростовка, 1894 г., часть домов перевезена из д. Картовской, 1764 г.	2	—	—	3	1	—	6
д. Милино, 1890 г.	—	—	—	1	—	—	1
Всего	18 (12,2 %)	22 (15 %)	3 (2 %)	87 (59,2 %)	12 (8,2 %)	5 (3,4 %)	147 *

* Еще одна изученная жилая постройка — каркасно-насыпной дом в деревне Боровянка, построенный в начале XX в.

Из таблицы видно, что в настоящее время более половины (59,2 %) изученных домов представляют собой классические пятистенки. Это постройки с пятью основными стенами, образующими два помещения, четырьмя или шестью окнами на фасадной и по одному — на боковых стенах. Внутри такого жилища имеется одна кирпичная печь, в редких случаях во второй комнате установлена металлическая печь «голландка».

Другой тип двухкамерной постройки, изба с прирубом, составляет 15 % от общего количества изученных жилищ. Прируб, как правило, складывался из бревен в заплот к выпускам основного строения, чаще всего с противоположной от улицы стороны. В нем располагалась входная дверь. Зачастую качество материала, использовавшегося для прируба, хуже, это выражается как в меньшем диаметре бревен, так и в применениии обмазки для его утепления. Кроме входной двери в прирубе имеется одно, реже — два окна. В основной постройке два, реже — три окна располагались на фасадной стене, еще по одному было по бокам. Столько же окон было и в избах без прируба (12,2 %), представляющих традиционный для Западной Сибири тип однокамерной постройки.

Многокамерные постройки в изученных населенных пунктах делятся на три типа. Самый немногочисленный из них — избы-связи. Наибольший интерес представляет «изба с развитой связью, превращенной в жилую комнату» (по определению Е.А. Ащепкова [1950, с. 36]), обнаруженная в Евгащино. Она состоит из двух срубов (комнат), в каждом имелась кирпичная печь, а между ними небольшая проходная комната. К задней стене дома на всю ее длину пристроены дощатые сени, из них в каждый из срубов вела отдельная дверь. В каждом из срубов было по три окна на фасадной стене и по два на торцевых стенах. В центральной части имелось трехчастное окно с небольшой аркой по центру.

Две другие избы-связи, изученные в д. Боровянка, однотипны: изба-клеть-сени, причем хорошо прослеживается порядок возведения элементов жилища — первоначально была построена изба, стоящая по линии других домов улицы, к которой с задней стороны пристроены остальные части. Три окна расположены на фасадной стене избы и по одному на левой стене центральной клети, в одном случае дополнительное окно присутствует на правой стене избы. В одной из построек печь расположена в избе, в другой — в центральной клети.

Второй тип многокамерных построек — пятистенки с прирубом. Пруб, как правило, расположен с задней части основной постройки под отдельной крышей. В нем во всех случаях присутствуют дополнительная печь и от двух до пяти окон. В него же перемещается входная дверь.

Третий тип многокамерных построек — крестовые дома, или шестистенки. Они получили распространение в Западной Сибири лишь во второй половине XIX в. [Ащепков, 1950, с. 40–42], но и в настоящее время их количество в населенных пунктах крайне невелико, что связано, вероятно, как с трудозатратностью их постройки, так и с дороговизной необходимого материала. В крестовом доме две печи, причем в двух случаях из пяти одна из печей была вынесена на улицу.

Отдельно рассмотрим две постройки, которые выделяются из всего многообразия домов и прямо не подпадают ни под одну категорию. Это два двухэтажных пятистенка, обнаруженных в с. Ингалы. Конструктивно они повторяют одноэтажные постройки. У первого из них в обеих клетях на фасадной стене имеется по два окна на каждом из этажей, по одному окну на каждом этаже расположено и с торцов здания. Входная дверь с задней стороны, межэтажная лестница внутри дома, печи на первом этаже, по одной в каждой из половин. С задней стороны к дому пристроены бревенчатые сени под отдельной крышей, по одному окну в торцевых стенах. Второй двухэтажный дом имеет ряд отличий. В частности, фасадная стена первого этажа одной из клетей глухая, во второй три окна, торцевые стены без окон. На втором этаже по три окна расположено на фасадной стене каждой клети, по два окна на торцевых стенах здания. С задней стороны дома, с левой стороны, пристроен одноэтажный пруб с одним окном на каждой из боковых стен, к нему, в свою очередь, пристроены последовательно бревенчатые и дощатые сени под отдельной крышей, и в тех и в других по одному окну с левой стороны. В дощатых сенях расположена входная дверь.

Рассмотрев постройки, перейдем к данным, характеризующим высотность изученных зданий. Сразу необходимо отметить полное отсутствие в жилых домах подклетов. Общая высота стен от 2,5 до 3 м. По наблюдениям, сделанным этнографами в деревнях Восточной Сибири [Курилов и др., 2005, с. 93; Сабурова, 1967, с. 110], одноэтажный дом складывался из 14–17 венцов, средняя высота его была 3–3,5 м. Однако в деревнях Омского Прииртышья количество венцов в жилых постройках варьировалось, при том что высотность везде была примерно одинакова (табл. 2).

На постройки с малым количеством венцов шел отборный лес, диаметром до 40 см. В большинстве своем это избы, с прирубом и без него. Самая многочисленная категория — постройки с 11–15 венцами. Внутри нее примерно 50 % домов имеет 14–15 венцов, диаметр бревен 20–25 см.

Таблица 2

Количество венцов в жилых домах в соотношении с типом построек

Table 2

The number of a row of logs in a house in relation to the type of buildings

Количество венцов	Изба	Изба с прирубом	Изба-связь	Пятистенок	Пятистенок с прирубом	Крестовой дом	*Всего*
До 10 включительно	9	6	—	4	—	—	19 (13,3 %)
11–15	6	15	2	60	6	4	93 (65 %)
Более 15	2	1	1	21	5	1	31 (21,7 %)

При изучении жилищ необходимо обратить внимание на ряд конструктивных элементов (табл. 3). Во-первых, это сени. Как пишет Е.А. Ащепков, сени были необходимой принадлежностью жилища даже на ранних этапах его развития [1950, с. 32], однако в деревнях Большереченского района они были зафиксированы только у 40 % построек. В остальных случаях их заменяло крытое крыльцо, реже — крыльцо с верандой или крытый двор. За редким исключением, сени располагались под одной крышей с основной постройкой.

Другой важный конструктивный элемент жилища — крыша. Письменные и этнографические источники свидетельствуют, что двускатная крыша имела распространение в русских постройках по всей территории страны [Ащепков, 1950, с. 69; Александров, 1981, с. 112). Четырехскатный вариант считается более поздним и встречается реже, что фиксируется и по результатам собственных наблюдений автора. Здесь стоит выделить два интересных момента. В селах Такмык, Ингалы, Могильно-Посельское и в деревне Осихино четырехскатная крыша — атрибут типовых пятистенков конца XIX — первого десятилетия XX в. Местные жители называют такие дома «польскими». Характерной чертой, кроме крыши, является наличие небольшой мансарды с кованой оградкой по контуру.

Таблица 3

Конструктивные элементы жилых домов в соотношении с типом построек

Table 3

Constructive elements of residential buildings in relation to the type of buildings

Конструктивные элементы	Изба	Изба с прирубом	Изба-связь	Пятистенок	Пятистенок с прирубом	Крестовой дом	*Всего*
Сени	9	4	1	39	2	3	58 (39,5 %)
Крытый двор	—	2	—	5	–	1	8 (5,4%)
Четырехскатная крыша	1	—	—	34	3	3	41 (27,9 %)
Крыша, крытая дранью	4	—	2	4	1	-	11 (6,9%)
Резные наличники	2	2	—	31	1	1	37 (25,2 %)

В Евгащино изучена изба конца XIX в. под высокой четырехскатной шатровой крышей, первоначально крытой дранью. Д.К. Зеленин считает такой тип кровли архаичным и распространенным преимущественно у украинцев и белорусов [1991, с. 294–296], это позволяет предположить, что изученное жилище в Евгащино построено представителями какого-то из этих народов.

Отдельно стоит остановиться на некоторых архаичных конструктивных элементах жилищ, выявленных в ходе обследования. К таким, в частности, можно отнести крыши, крытые не шифером, металлическими пластинами или металлочерепицей, а дранью (тонкими досками). Они присутствуют на 11 постройках: 9 жилых и 2 хозяйственных. В 8 случаях доски сверху покрыты рубероидом. К архаичным конструктивным элементам жилища можно также отнести окна из небольших стеклянных пластин, зафиксированные в двух жилых постройках с. Евгащино. Размеры пластин от 30×60 см до 40×50 см.

Последним элементом, на который хотелось бы обратить внимание, являются резные наличники, зафиксированные в 25 % изученных построек. Как представляется, этот элемент говорит о зажиточности хозяев дома, о стремлении последних продемонстрировать свой достаток и социальное положение.

Хозяйственные постройки в сельских усадьбах Омского Прииртышья представлены дощатыми сараями, хлевами и бревенчатыми банями/сеновалами. Из девяти изученных пять перестроены из жилых домов (четыре избы и один пятистенок) путем замены двускатной крыши на односкатную и закладкой окон. В наблюдениях, сделанных в XX в. [Шелегина, 2005; Ащепков, 1950], подобная практика не фиксировалась, это говорит о резком сокращении численности сельского населения в регионе в последние годы. Оставшиеся четыре хозяйственные постройки представляют собой связи. Две, изученные в Колбышево, трехчастные, типа клеть-сени-клеть, в одной из них обращает на себя внимание бревенчатый (самцовый) фронтон, не встречаемый в жилых постройках. Две связи в Терехово состоят из пяти частей каждая. В первом случае это три клети и дощатая часть (под одной крышей), с которой стыкуется еще одна клеть — перестроенная под сеновал жилая изба. Во втором случае расположение частей следующее (справа-налево): клеть-клеть-клеть-часть, набранная в заплот из коротких бревен-клеть, все под общей крышей. Как видно, сохранение подобных архаичных построек обусловлено более низкими требованиями к их внутреннему и внешнему состоянию, неизменностью основных принципов хозяйственной деятельности сибирского крестьянства с конца XIX в.

В заключение можно сказать, что основным типом жилой постройки русских переселенцев в конце XVI — первой половине XVII в. была изба. Однако во второй половине XVII — XVIII в. развитие приемов домостроения привело к распространению более сложных многокамерных построек. В городе это характерно в первую очередь для представителей царской администрации, высшего духовенства и воинских командиров, чьи дома располагались по большей части в кремле, были большими по площади и строились по последнему уровню известной на конкретный период времени технологии. Так, в домах представителей высших слоев общества первыми появились печи «по-белому», изразцовые печи и т.п. В острожной части городской территории среди средних слоев горожан отмечается распространение в обозначенный период социально значимых конструктивных элементов дома, в частности печей с трубами и слюдяных окон.

Жители сельской местности в XVII — первой половине XVIII в., развив известные им приемы домостроительства, приступили к возведению многокамерных построек большой площади с развитой усадьбой. При этом набор социально-маркирующих конструктивных элементов был такой же, как и в городе. Археологический материал, полученный в ходе изучения жилых по-

строек сельских памятников Прииртышья, в целом однотипен и в равной степени характерен как для деревни, так и для города.

К концу XIX в. возникает новая тенденция, связанная с преобладанием в русской деревне двухкамерных построек, прежде всего пятистенков. Они, будучи достаточно вместительными, требовали меньше материала для строительства в сравнении с многокамерными связями, легче отапливались. Кроме этого, вероятно имело место серийное строительство подобных домов, связанное с переселенческими волнами конца XIX — начала XX в. Многокамерные постройки, прежде всего пятистенки с прирубом и крестовые дома, характерны для зажиточных слоев сельского населения. В ходе полевых наблюдений отмечено сохранение в современной деревне архаичных элементов, идущих из XVIII–XIX вв. Это многочастные избы-связи, окна, набранные из небольших стеклянных пластин, крыши, крытые дранью.

Проведенные исследования выявили необходимость всестороннего изучения сохранившейся сельской и городской деревянной архитектуры Западной Сибири XIX — начала XX в. В связи со стремительным сокращением численности сельского населения в регионе, многие постройки, возрастом более ста лет, ветшают и разрушаются. Другой проблемой, препятствующей этнографическим наблюдениям, является перестройка старинных домов с помощью современных материалов (окна ПВХ, металлический профиль, сайдинг и т.п.). Разрушение традиционной русской сибирской усадьбы в современную эпоху делает необходимым проведение масштабных этнографических экспедиций в ближайшие годы. Это позволит сформировать базу данных для последующих комплексных исследований, опирающихся на всю полноту письменных, археологических и этнографических источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамов А.А. Археологические исследования в Тобольском Кремле // Русские старожилы: Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. С. 450–453;

Александров В.А. (отв. ред.). Этнография русского крестьянства Сибири: XVII — середина XIX в. М.: Наука, 1981. 270 с.

Аношко О.М. Посадские постройки Тобольска XVII–XIX вв.: Описание, датировка, назначение (по материалам первого и второго гостиных раскопов) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 138–142.

Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. 140 с.

Бережнова М.Л. Челдоны как группа русских сибиряков: Поиск социальных истоков ее формирования // Сибирский сборник — 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 16–24.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: Усадьба заполярного города. Нефтеюганск; Екатеринбург: Караван, 2017. 360 с.

Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI — начала XX вв. Барнаул: Аз Бука, 2006. 188 с.

Гуменюк А.Н., Ляликов И.В. Градостроительное развитие города Тары в XVIII–XIX вв. // Омский научный вестник. 2013. № 5 (122). С. 239–245.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.

Курилов В.Н., Люцидарская А.А., Майничева А.Ю. Освоение Сибири: Сохранение и трансформация русской культуры в XVII — начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Новосибирск: ПреПресс студио, 2005. 100 с.

Майничева А.Ю. Крестьянское жилище северной части верхнего Приобья в конце XIX — начале XX вв. // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 106–145.

Пархимович С.Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 251–262.

Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л.: Наука, 1967. 300 с.

Татауров С.Ф. Город и деревня в Тарском Прииртышье в конце XVI — первой половине XVIII вв. — точки соответствия и различия в археологических материалах // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2014. С. 139–146.

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Жилой комплекс XVII века в городе Таре в исследованиях 2021 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. XXVII. С. 669–673.

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. Археологическая летопись земли Тарской. Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. 412 с.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Самигулов Г.Х. Слюдяные окна в постройках города Тары и ее окрестностях в XVII–XVIII веках: Археологические реконструкции // УИВ. 2018. № 2 (59). С. 135–142.

Татауров С.Ф., Черная М.П. Усадьба на территории Тарской крепости: Итоги исследований 2011–2014 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 292–295.

Татаурова Л.В. Структура усадебных комплексов и размеры жилищ у русского населения Приангарья конца XIX — середины XX в. (по материалам Л.М. Сабуровой) // Вестник ТГУ. История. 2018. № 56. С. 158–166. https://doi.org/10.17223/19988613/56/21

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI — XVIII в. (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель Полиграфист, 2014. 374 с.

Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. Томск: Д'Принт, 2015. 276 с.

Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.). М.: Логос, 2001. 184 с.

Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII — начале XX в.: (К постановке проблемы). Новосибирск: Сиб. науч. книга, 2005. 192 с.

Tataurov Ph.S.
BKI "Museum-Reserve "Antiquity Siberian"
Sovetov st., 29, Bolsherechye, Omsk region, 646670, Russian Federation
E-mail: fil_opossum@mail.ru

Residential buildings of the Russian population in the Omsk Irtysh region in the 17th — beginning of the 20th c. in the archaeological and architectural-ethnographic dimension

Over the past thirty-five years, a series of archaeological sites of the period of the Russian colonization of Siberia have been investigated in the territory of the Siberian macroregion, which made it possible to identify regional features and to trace evolution of the socio-cultural identity of the Russian Siberian in the 17th–19th cc. A topical issue is the in-depth study of the processes of ethno-cultural adaptation in microregions. In this work, as one of the aspects of adaptation, changes in the house exterior in the Omsk Irtysh region are considered. This work is aimed to consider main types of the residential buildings of the Russian population in the Omsk Irtysh region in the 17th — early 20th c. in order to determine their specifics and development trends. The work is carried by a complex approach, involving the use of different types of sources, such as archaeological, written, and ethnographic. To compare the buildings studied in the Omsk Irtysh region with houses in other regions, a comparative historical method was used. Analysis of the archaeological materials on the architecture and layout of urban dwellings of the 17th–18th cc. showed specifics of the housing in different parts of the town. The houses of the representatives of the tsarist administration, senior clergy, and military commanders with multi-chambered buildings were located in the territory of the kremlin — the central part of the town. In the walled part of Western Siberian towns, where representatives of other social groups lived, both single-chambered and multi-chambered houses were built, although so far only few of them have been identified archaeologically. Stoves with chimneys and mica windows, as socially significant structural elements of the house, were gradually becoming attributes of the dwellings not only of the representatives of the tsarist administration, but also of the middle strata of the townspeople. In the rural areas, Russian immigrants in the 17th — first half of the 18th c. were erecting multi-chambered buildings of a large area. The set of socially-marking structural elements was the same as in the town. The archaeological material obtained during the study of residential buildings of the rural sites of the Irtysh Basin is generally of the same type and is equally characteristic of village and town alike. Based on the results of the author's own ethnographic observations, a characteristics of individual residential buildings of the 19th — beginning of the 20th c. is given. There has been noted the prevalence of two-chambered dwellings by the end of the 19th century in the Russian village, which required less building material, as compared with multi-chambered counterparts, and were easier to heat. Multi-chambered buildings and carved platbands constituted socially marking traits of dwellings of the wealthy strata of the rural population. The field observations warranted further archaeological and ethnographic studies of the rural and urban wooden architecture to gain a deeper insight on the evolution of the house-building that combined traditional elements of the 17th–18th cc. with innovations, simplification, and standardization of the 19th–20th cc.

Keywords: residential buildings, Omsk Irtysh region, the 17th — beginning of the 20th century, archeology, ethnography of Russians.

REFERENCES

Adamov, A.A. (2000). Archaeological research in the Tobolsk Kremlin. In: *Russkiye starozhily: Materialy III-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoye naslediye narodov Zapadnoy Sibiri»*. Tobolsk; Omsk: OmGPU, 450–453. (Rus.).

Aleksandrov, V.A. (Ed.) (1981). *Ethnography of the Russian peasantry of Siberia: The 17th — mid-19th centuries.* Moscow: Nauka. (Rus.).

Anoshko, O.M. (2014). Posad constructions of Tobolsk of the 17th–19th centuries: Description, dating, purpose (based on the materials of the first and second living excavations). In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh. Vol. I*. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 138–142. (Rus.).

Ashchepkov, E.A. (1950). *Russian folk architecture in Western Siberia*. Moscow: Izd-vo Akademii arhitektury SSSR. (Rus.).

Berezhnova, M.L. (2011). Cheldons as a group of Russian Siberians: The search for the social origins of its formation. In: *Sibirskiy sbornik — 3. Narody Yevrazii v sostave dvukh imperiy: Rossiyskoy i Mongol'skoy*. St. Petersburg: MAE RAN, 16–24. (Rus.).

Chernaya, M.P. (2015). *Voivode Manor in Tomsk. 1660 to 1760: Historical and Archeological Reconstruction*. Tomsk: D' Print. (Rus.).

Goncharov, Yu.M., Ivonin, A.R. (2006). *Essays on the history of the city of Tara, the late 16th — early 20th centuries*. Barnaul: Az Buka. (Rus.).

Gumeyuk, A.N., Lyalikov, I.V. (2013). Urban development of the city of Tara in the XVIII–XIX centuries. *Omskij nauchnyj vestnik*, 122(5), 239–245. (Rus.).

Kurilov, V.N., Lyutsidarskaya, A.A., Maynicheva, A.Yu. (2005). *The development of Siberia: The preservation and transformation of Russian culture in the 17th — early 20th centuries: Historical and ethnographic essays*. Novosibirsk: PrePress Studio. (Rus.).

Majnicheva, A.Yu. (2002). Peasant dwelling in the northern part of the upper Ob region in the late 19th — beginning of the 20th centuries. In: *Russkie starozhily i pereselency Sibiri v istoriko-etnograficheskih issledovaniyah*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 106–145. (Rus.).

Parkhimovich, S.G. (2008). A collection of artifacts from the excavations of Berezovsky settlement. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: Apel'sin, 251–262. (Rus.).

Saburova, L.M. (1967). *Culture and life of the Russian population of Angara*. Leningrad: Nauka. (Rus.).

Shelegina, O.N. (2001). *Adaptation of the Russian population in the conditions of the development of the territory of Siberia (historical and ethnographic aspects. XVII–XX centuries).* Moscow: Logos. (Rus.).

Shelegina, O.N. (2005). *Adaptation processes in the life support culture of the Russian population of Siberia in the 18th — early 20th centuries: (On the statement of the problem)*. Novosibirsk: Sibirskaya nauchnaya kniga. (Rus.).

Tataurov, S.F. (2014). Town and village in the Tara-Irtysh area at the end of the 16th — the first half of the 18th centuries: Points of correspondence and differences in archaeological materials. In: *Sibirskaya derevnya: Istoriya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya.* Omsk: Izd-vo OmGAU, 139–146. (Rus.).

Tataurov, S.F., Chernaya, M.P. (2014). The estate on the territory of the Tara fortress: The results of 2011–2014 research. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: Materialy itogovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2012 g. Vol. XX*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 292–295. (Rus.).

Tataurov, S.F., Tataurov, F.S. (2021). Residential Complex of the 17th Century in the City of Tara in the Researches of 2021. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Vol. XXVII*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 669–673. (Rus.). https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0669-0673

Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tataurova, L.V., Tikhonov, S.S. (2019). *Archaeological annals of the Tara land.* Omsk: Izdatel'-Poligrafist. (Rus.).

Tataurov, S.F., Tataurova, L.V., Samigulov, G.Kh. (2018). Mica windows in the buildings of Tara town and its outskirts in the 17th–18th centuries: Archaeological reconstruction. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 59(2), 135–142. (Rus.). https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-2(59)-135-142

Tataurova, L.V. (2018). Estate complexes structure and dwellings' sizes of the Russian population of the Angara region in the late XIX — mid XX century (based on L.M. Saburova's materials). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, (56), 158–166. (Rus.). https://doi.org/10.17223/19988613/56/21

Tataurova, L.V., Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tikhomirov, K.N., Tikhonov, S.S. (2014). *Adaptation of Russians in Western Siberia at the end of the 16th — 18th centuries (based on archaeological research).* Omsk: Izdatel' Poligrafist. (Rus.).

Vizgalov, G.P., Parkhimovich, S.G. (2008). *Mangazeya: New archaeological research (the materials of 2001–2004)*. Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan. (Rus.).

Vizgalov, G.P., Parkhimovich, S.G. (2017). *Mangazeya: The estate of the polar town*. Nefteyugansk; Yekaterinburg: Caravan. (Rus.).

Zelenin, D.K. (1991). *East Slavic ethnography*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Татауров Ф.С., https://orcid.org/0000-0002-9447-1035

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 05.09.2022
Article is published: 15.03.2023

АНТРОПОЛОГИЯ

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-10

Григорьев А.П. [a, *], Жанузак Р.Ж. [b]

[a] Самарский государственный социально-педагогический университет
ул. Максима Горького, 65/67, Самара, 443099
[b] Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, просп. Достык, 44, Алматы, 050000, Казахстан
E-mail: grap9@bk.ru (Григорьев А.П.); rzhanuzak04@gmail.com (Жанузак Р.Ж.)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МОРФОЛОГИИ ПОСТКРАНИАЛЬНОГО СКЕЛЕТА НАСЕЛЕНИЯ УРАЛЬСКО-МУГОДЖАРСКОГО РЕГИОНА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Представлены выборка посткраниальных скелетов из погребений кожумбердынской группы алакульской культуры эпохи поздней бронзы (Южное Приуралье) и результаты ее исследования статистическими методами. Зафиксирована высокая степень морфологической изменчивости признаков скелета, на основе которой выявлены два варианта: в целом массивный и сравнительно грацильный при численном доминировании последнего. Оба типа характерны для эпохи бронзы степной Евразии. Выявлено морфологическое сходство изучаемых скелетов с синхронными группами степной-лесостепной зоны Волго-Уралья и Верхнего Приобья. Также отмечено морфологическое отличие кожумбердынской группы от земледельческих эпохи бронзы Средней Азии.

Ключевые слова: антропология, эпоха поздней бронзы, остеометрия, морфология, посткраниальный скелет, Уральско-Мугоджарский регион, алакульская культура.

Введение

Выявление Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра в Южных отрогах Уральских гор [Ткачев, 2011], обособленного от ранее выделенных Приуральского и Зауральского [Черных, 1970], позволяет отдельно рассмотреть биологическую историю популяций, обитавших в ареале носителей алакульской культуры. По одной из версий, развитие металлопроизводства в первую очередь определяло векторы исторического развития человеческих коллективов Евразии в эпоху бронзы [Черных, 1966; Кузьмина, 1986; Бочкарев, 1995, 2010; и др.]. На археологическом материале эпохи поздней бронзы Уральско-Мугоджарского региона были показаны культурные и сырьевые связи с ареалами Волго-Уралья, Приаралья и Средней Азии [Ткачев, 2018, 2019a, 2019b]. В этой связи представляется важным исследование одной из систем биологической изменчивости групп людей, которые развивали материальную культуру в данном регионе степной Евразии.

К проблеме формирования облика населения алакульской культуры эпохи бронзы, в частности, на основе изучения краниологических материалов обращался ряд авторов [Дебец, 1936; Гинзбург, 1962; Гинзбург, Трофимова, 1972; Шевченко, 1980, 1993; Юсупов, 1989; Китов, Хохлов, 2008; Китов, 2009, 2011; Козинцев, 2010; Куфтерин, Нечвалода, 2016]. И только в последних работах акцент делался на исследование именно кожумбердынской группы [Хохлов и др., 2020]. В настоящей работе с привлечением остеологического источника затронут вопрос изменчивости посткраниального скелета населения этой культурной группы Уральско-Мугоджарского региона.

Материалы

Исследуемый антропологический материал происходит из курганных могильников Ушкаттинский I, Аралча II и Еленовский. Памятники относятся к бассейну р. Орь — левого притока р. Урал (рис. 1). Антропологический источник, представленный в данной работе костями посткраниального скелета, как и ранее исследованная его краниологическая часть, в целом удовлетворительной, но в отдельных случаях очень плохой степени сохранности. Всего был проанализирован 41 посткраниальный скелет [1], среди которых 24 мужских и 17 женских (табл. 1).

* Corresponding author.

[1] Индивидуальные измерения скелетов могут быть предоставлены по запросу на электронную почту авторов.

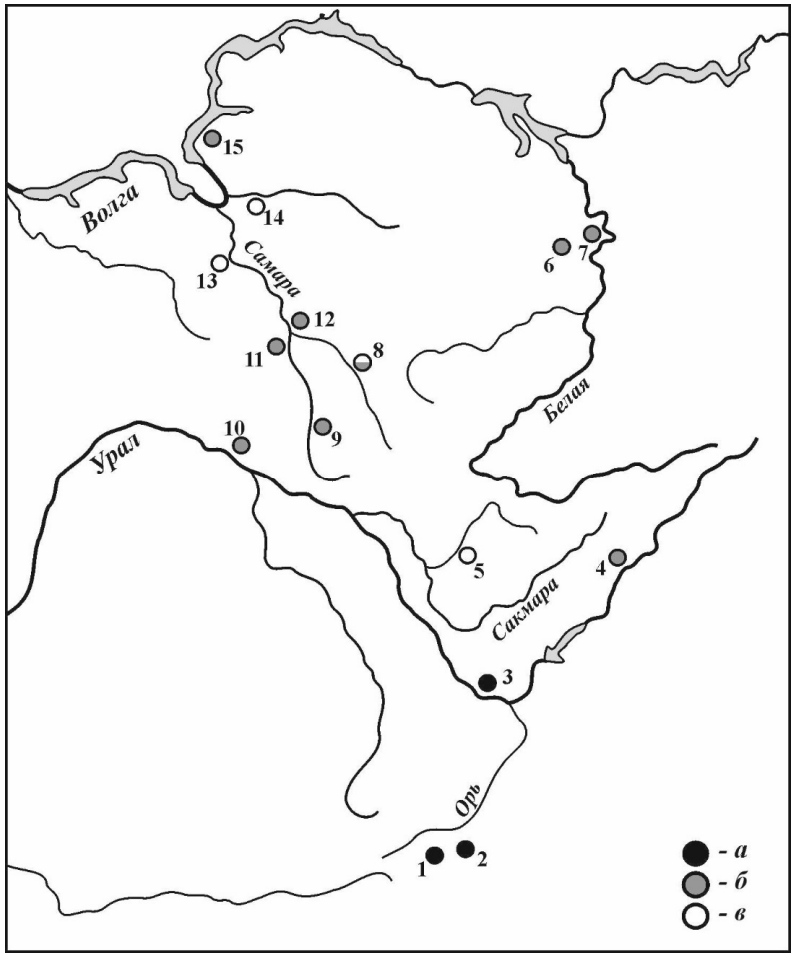


Рис. 1. Территориальное расположение обсуждаемых в работе антропологических материалов в ареале Волго-Уралья:
1 — КМ Аралча II; 2 — КМ Ушкаттинский I, КМ Еленовка; 3 — КМ Хабарное; 4 — КМ Селивановский II; 5 — КМ Имангулово-2е II, ГМ у горы Березовой (Буланово); 6 — КМ Новоболтачево; 7 — КМ Тартышево; 8 — КМ Красиковский I, пос. Малоюлдашево; 9 — КМ Боголюбовка; 10 — КМ Герасимовка; 11 — КМ Перевозинка; 12 — КМ Твердилово I; 13 — КМ Утевка VI; 14 — КМ Грачевка I, II; 15 — КМ Хрящевка, КМ Ягодное. *а* — памятники кожумбердынского типа алакульской культуры, *б* — срубные и срубно-алакульские памятники, *в* — памятники начального этапа поздней бронзы.

Fig. 1. The territorial location of the anthropological materials in the area of the Volga-Ural region:
1 — Aralcha II; 2 — Ushkattinsky I, Elenovka; 3 — Khabarnoe; 4 —Selivanovsky II; 5 –Imangulovo-2 II, Gora Berezovaya (Bulanovo); 6 — Novoboltachevo; 7 — Tartyshevo; 8 — Krasikovsky I, settlement Maloyuldashevo; 9 — Bogolyubovka; 10 — Gerasimovka; 11 — Perevozinka; 12 — Tverdilovo I Burial Mound; 13 — Utevka VI; 14 — Grachevka I, II; 15 — Khriashchevka, Iagodnoe. *а* — Kozhumberdy type of the Alakul Culture, *б* — Srubnaya and Srubnaya-Alakul monuments, *в* — early stage of the Late Bronze Age.

Методы

Комплексная диагностика пола и возраста осуществлялась в соответствии с классическими рекомендациями [Алексеев, 1966]. Помимо этого, учитывались состояния поверхностей лобкового симфиза [Brooks, Suchey, 1990] и аурикулярной поверхности тазовой кости [Lovejoy et al., 1985], деформации суставных поверхностей крупных суставов [Rogers, Waldron, 1995]. При плохой сохранности материала, в частности при отсутствии большинства элементов скелета, учитывались метрические данные при диагностике пола с использованием специальной методики, основанной на категориях остеометрических размеров [Синева, 2013, с. 82, табл. 17].

Полученные в ходе измерений биометрические данные обработаны приемами описательной статистики, а также с использованием корреляционных и непараметрических статистических методов: главных компонент, критерия Манна — Уитни для двух независимых выборок). Данные процедуры реализованы с помощью программ Microsoft Excel, STATISTICA, Past. Характеристика среднегрупповых данных приводится согласно специальным рубрикациям продольных размеров [Пежемский, 2011] и указателей массивности и прочности кости [Хохлов, Григорьев, 2020].

Таблица 1

Результаты определения половой принадлежности посткраниальных скелетов эпохи бронзы курганных могильников Ушкаттинский I, Аралча II и Еленовка

Table 1

The results of determining the sex of postcranial skeletons of the Bronze Age burial mounds Ushkattinsky I, Aralcha II and Elenovka

Скелет	Пол	Скелет	Пол
Ушкаттинский I 1/11	Жен.	Ушкаттинский I 22/18	Жен.
Ушкаттинский I 1/26	Муж.	Ушкаттинский I 35/3 сев.	Муж.
Ушкаттинский I 1/29	Муж.	Ушкаттинский I 35/3 юж.	Жен.
Ушкаттинский I 1/32	Муж.	Ушкаттинский I 22/8 вост.	Жен.
Ушкаттинский I 1/34	Муж.	Аралча II 2/4	Муж.
Ушкаттинский I 2/3 сев.	Жен.	Аралча II 2/7	Жен.
Ушкаттинский I 2/5	Муж.	Аралча II 5/5	Муж.
Ушкаттинский I 2/6	Муж.	Аралча II 6/6	Муж.
Ушкаттинский I 4/4 вост.	Муж.	Аралча II 7/1	Жен.
Ушкаттинский I 4/5	Муж.	Аралча II 7/4	Жен.
Ушкаттинский I 8/1	Муж.	Аралча II 8/1, ск. 1?	Муж.
Ушкаттинский I 12/2 юж.	Муж.	Аралча II 9/6	Жен.
Ушкаттинский I 12/2 сев.	Жен.	Аралча II 10/1, ск. 1	Муж.
Ушкаттинский I 12/3 сев.	Муж.	Аралча II 10/1, ск. 2	Муж.
Ушкаттинский I 12/8 вост.	Жен.	Аралча II 12/5	Жен.
Ушкаттинский I 12/10 вост.	Жен.	Аралча II 12/8	Муж.
Ушкаттинский I 22/4 юж.	Муж.	Аралча II 14/1	Жен.
Ушкаттинский I 22/5 сев.	Жен.	Еленовский 2/3	Муж.
Ушкаттинский I 22/7	Муж.	Еленовский 2/5	Жен.
Ушкаттинский I 22/9	Жен.	Еленовский 2/10	Муж.
Ушкаттинский I 22/10	Муж.		

Результаты

Внутригрупповой анализ

Плечевые кости в суммарной мужской серии имеют среднее развитие по длине. Диафизы в сечении характеризуются эврибрахией, по указателю прочности мезоморфные. Лучевые и локтевые кости характеризуются большими или очень большими продольными параметрами и достаточно умеренными наименьшими окружностями. Ключицы большой длины. Бедренные кости имеют большие продольные размеры при среднем диаметре середины диафиза. Пилястр развит в среднем умеренно. В выборке представлены разнообразные варианты строения проксимальной части диафизов, но преобладает уплощенная форма (платимерия). Большеберцовые кости средней длины, по указателю массивности средние. Значение указателя сечения свидетельствует о несущественном уплощении диафизов большеберцовых костей на уровне питательного отверстия (эурикнемия). Об особенностях габитуса возможно судить только по наблюдениям крурального указателя. Его среднегрупповое значение относится к градации «выше среднего», что указывает на тенденцию к удлинению голени относительно бедра. Показатели вариабельности остеометрических признаков очень велики, что свидетельствует об их повышенной изменчивости (табл. 2). На это указывает коэффициент вариации по достаточно полновесным для материалов степной бронзы рядам признаков (поперечные размеры диафизов) с $n \approx 12$.

В женской части объединенной серии все продольные размеры длинных костей конечностей попадают в категорию «средние». По указателю сечения плечевые кости характеризуются выраженной платибрахией, по указателю прочности грацильные. Ключицы средней длины. Верхняя часть диафизов бедренных костей уплощена в сагиттальном направлении. Диафиз большеберцовых костей на уровне питательного отверстия характеризуется мезокнемией. Массивность костей ног в целом умеренная. Круральный индекс в женской группе еще выше, чем в мужской, что свидетельствует о еще более выраженной удлиненности голени (табл. 3).

Далее рассмотрим результаты анализа главных компонент. Здесь дополнительно привлечены измерения скелетов эпохи бронзы Волго-Уралья: из погребений потаповского культурного типа и волго-донской бабинской культуры Поволжья (далее — ВДБК) — курганные могильники Утевка VI, Грачевка I и II [Кузнецов и др., 2018], суммарной серии рубежа средней — поздней бронзы Приуралья (абашевско-синташтинский культурно-хронологический горизонт, далее — АС КХГ) [Халяпин, 2001; Евгеньев и др., 2016; Моргунова и др., 2019; Купцова, Евгеньев, 2019;

Купцова, 2022; Хохлов и др., 2022], и курганных могильников с территории Поволжья и Приуралья срубного/срубно-алакульского облика [Мерперт, 1954; Дебец, 1954; Моргунова и др., 2014; Крюкова и др., 2012; Григорьев, Капинус, 2019; Файзуллин и др., 2021].

Таблица 2

Данные описательной статистики суммарной группы мужских скелетов позднего бронзового века Урало-Мугоджарского региона

Table 2

Descriptive statistics of the total group of male skeletons of the Late Bronze Age of the Ural-Mugodzhar region

Признак	N	M	SD	Cv	min	max
H1	5	323,8	29,1	9,0	294,0	367,0
H4	7	61,6	4,1	6,7	57,0	70,0
H5	12	24,2	1,8	7,6	21,0	27,5
H6	12	18,4	1,8	9,8	16,0	21,5
H7	9	66,2	6,1	9,2	59,0	76,0
H7a	11	71,5	5,8	8,1	63,5	83,0
H6/5	12	75,8	2,7	3,6	72,0	79,6
H7/1	4	20,1	1,3	6,6	18,6	21,8
R1	4	259,4	16,3	6,3	246,0	282,5
R3	10	43,9	5,0	11,5	37,0	53,0
U1	4	280,4	19,0	6,8	258,0	303,5
U3	6	39,8	4,0	10,0	36,0	45,5
CL1	3	155,3	7,5	4,8	148,0	163,0
CL6	7	39,7	4,4	11,1	32,5	45,0
F1	11	439,1	28,1	6,4	411,0	506,0
F2	10	437,3	29,7	6,8	402,0	503,0
F6	18	28,9	3,4	11,8	24,0	35,0
F7	18	28,8	2,8	9,6	24,0	33,0
F6/7	18	100,5	10,2	10,1	87,5	132,0
F9	16	33,7	2,4	7,1	29,0	38,0
F10	16	26,1	3,1	12,0	22,0	31,0
F10/9	16	77,5	9,1	11,7	64,7	93,1
F8	17	90,5	8,0	8,9	80,0	103,5
F8/2	10	21,0	1,7	8,3	18,9	24,3
F21	5	85,2	3,1	3,7	80,0	88,0
T1	11	363,9	32,1	8,8	320,0	420,0
T8	14	30,0	3,0	10,1	26,5	37,0
T9	14	22,5	2,8	12,4	19,0	28,0
T8a	15	34,7	3,9	11,4	29,5	43,0
T9a	15	24,9	3,2	13,0	19,5	30,0
T9a/8a	15	71,7	6,2	8,6	59,1	81,3
T10	14	83,6	8,6	10,3	73,0	101,0
T10b	13	75,0	5,8	7,8	67,0	85,0
T10b/1	11	20,6	1,2	6,1	19,1	23,1
T1/F2	5	82,5	1,8	2,2	79,6	84,2

Поскольку наибольшее количество наблюдений было получено по признакам костей ног, проведены анализы измерений мужских бедренных и большеберцовых костей, для каждой отдельно (табл. 4; рис. 2, 3). Использованы длины и окружности костей, отражающие их тотальный размер, а также указатели сечения костей, которые, как будет показано далее, иллюстрируют отдельный комплекс изменчивости. Ограничение списка признаков дает увеличение процента описываемой компонентами вариации, за счет чего происходит более четкая дифференциация на графике.

В анализе измерений бедренных костей с первой компонентой отрицательно коррелируют длина, окружность и указатель пилястрии, а со второй — указатель платимерии. Рассмотрим сформированное пространство ГК-1/ГК-2.

Отчетливой дифференциации алакульских скелетов по первой компоненте не выявляется, все они расположены в зоне положительных значений, что свидетельствует о тенденции к грацильности бедренной кости. Исключением является гиперморфная *Femur* скелета Еленовка 2/3. Три индивида могильника Аралча II и восточный скелет из к.4, п.4 Ушкаттинского I могильника тяготеют к положительным значениям ГК-2, проявляя более выраженную платимерию диафиза. В зоне отрицательных значений оси ординат расположены остальные скелеты Ушкаттинского I могильника, образуя плотное скопление вместе с индивидами АС КХГ Приуралья.

Таблица 3

Данные описательной статистики суммарной группы женских скелетов позднего бронзового века Урало-Мугоджарского региона

Table 3

Descriptive statistics of the total group of female skeletons of the Late Bronze Age of the Ural-Mugodzhar region

Признак	N	M	SD	Cv	min	max
H1	2	302,0	—	—	300,0	304,0
H4	5	56,2	4,0	7,1	50,0	61,0
H5	10	21,7	1,5	7,0	19,0	25,0
H6	9	15,9	1,2	7,6	14,0	17,5
H7	10	56,4	3,8	6,7	51,0	62,0
H7a	9	61,5	4,8	7,8	54,0	68,5
H6/5	8	73,2	4,7	6,4	66,7	81,0
H7/1	2	17,9	—	—	16,8	19,0
R1	3	227,3	13,5	5,9	214,0	241,0
R3	5	40,0	2,6	6,4	38,0	44,0
U1	3	237,3	6,4	2,7	230,0	242,0
U3	6	37,5	2,4	6,5	35,0	42,0
CL1	3	132,3	2,5	1,9	130,0	135,0
CL6	7	32,7	2,2	6,8	31,0	37,0
F1	6	413,2	22,4	5,4	382,0	440,0
F2	7	405,7	17,0	4,2	380,0	434,0
F6	16	24,5	1,5	6,0	22,0	27,0
F7	16	25,4	1,7	6,5	22,0	28,0
F6/7	16	96,8	8,3	8,6	85,2	108,7
F9	14	30,4	2,3	7,5	27,0	34,0
F10	14	22,8	1,9	8,2	20,0	26,5
F10/9	14	75,6	10,2	13,5	61,8	98,1
F8	16	78,3	3,6	4,6	72,0	84,0
F8/2	7	19,0	0,6	3,3	18,1	19,7
F21	2	74,0	—	—	71,0	77,0
T1	6	337,0	16,5	4,9	316,0	364,0
T8	10	26,1	1,7	6,5	23,0	28,5
T9	10	19,1	1,9	10,1	17,0	22,0
T8a	9	30,6	2,6	8,4	26,0	36,0
T9a	9	21,3	2,0	9,3	19,0	24,0
T9a/8a	9	69,7	5,6	8,1	61,3	80,0
T10	9	71,3	4,5	6,4	65,0	80,0
T10b	9	65,4	4,2	6,4	59,0	72,0
T10b/1	6	19,3	1,4	7,2	17,9	21,7
T1/F2	3	83,7	0,6	0,8	83,2	84,4

Таблица 4

Элементы главных компонент в анализе бедренных и большеберцовых костей мужчин эпохи поздней бронзы

Table 4

Elements of the principal components analysis of the femurs and tibias of men of the Late Bronze Age

Признак	ГК-1	ГК-2
Бедренная кость		
F1	**-0,791**	0,375
F6/7	**-0,651**	-0,258
F10/9	-0,282	**-0,888**
F8	**-0,888**	0,137
Собственное число	1,92	1,02
% вариации	47,95	25,38
Большеберцовая кость		
T1	**0,898**	0,086
T9a/8a	-0,210	**0,977**
T10b	**0,892**	0,144
Собственное число	1,65	0,98
% вариации	54,86	32,78

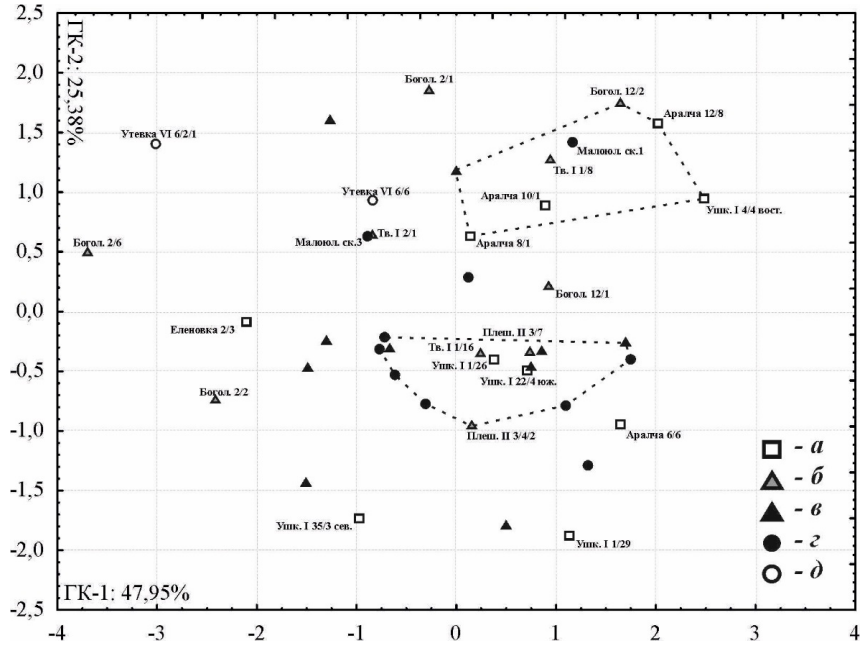


Рис. 2. Бедренные кости мужчин эпохи поздней бронзы в пространстве главных компонент:
а — скелеты алакульской культуры Урало-Мугоджар, *б* — скелеты срубной культуры бассейна р. Самара, *в* — скелеты срубной культуры Заволжья, *г* — скелеты абашево-синташтинского КХГ Приуралья, *д* — скелеты из погребений ВДБК и потаповского типа Поволжья.

Fig. 2. Femurs of men of the Late Bronze Age in the space of the main components:
а — skeletons of the Alakul Culture of the Ural-Mugodzhar, *б* — skeletons of the Srubnaya Culture of the Samara River basin, *в* — skeletons of the Srubnaya Culture of the Trans-Volga region, *г* — skeletons of the Abashevo-Sintashta cultural-chronological horizon of the Cis-Urals, *д* — skeletons from the burials of the Volga-Don Babinskaya culture and the Potapov type Volga region.

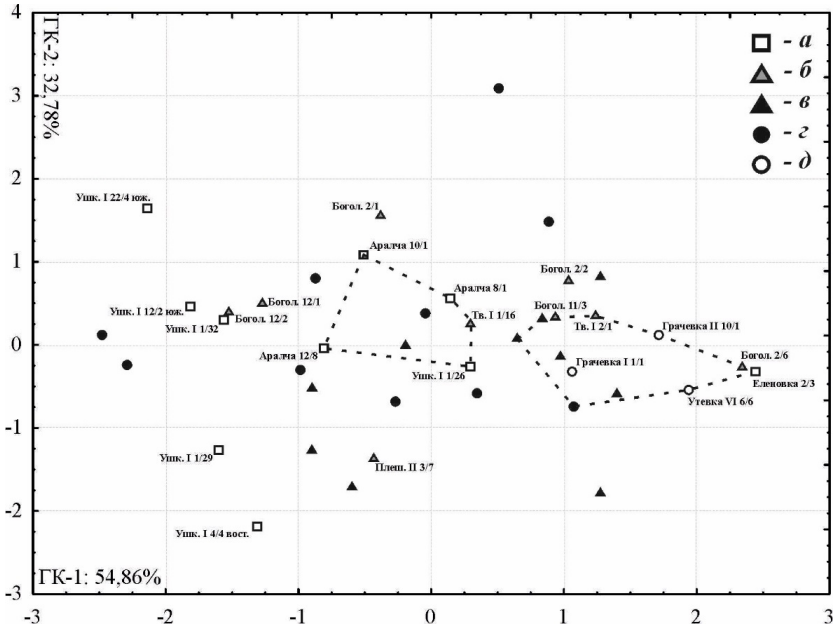


Рис. 3. Большеберцовые кости мужчин эпохи поздней бронзы в пространстве главных компонент:
а — скелеты алакульской культуры Урало-Мугоджар, *б* — скелеты срубной культуры бассейна р. Самара, *в* — скелеты срубной культуры Заволжья, *г* — скелеты абашево-синташтинского КХГ Приуралья, *д* — скелеты из погребений ВДБК и потаповского типа Поволжья.

Fig. 3. Tibias of men of the Late Bronze Age in the space of the main components:
а — skeletons of the Alakul Culture of the Ural-Mugodzhar, *б* — skeletons of the Srubnaya Culture of the Samara River basin, *в* — skeletons of the Srubnaya Culture of the Trans-Volga region, *г* — skeletons of the Abashevo-Sintashta cultural-chronological horizon of the Cis-Urals, *д* — skeletons from the burials of the Volga-Don Babinskaya culture and the Potapov type Volga region.

В анализе большеберцовых костей с первой компонентой положительно коррелируют длина и наименьшая окружность диафиза, со второй — также положительно указатель платикнемии. Рассмотрим пространство этих компонент.

По первой компоненте, отражающей тотальные размеры кости, дифференциация более очевидная. Укороченной голенью выделяются индивиды Ушкаттинского I могильника. На противоположном фланге расположен скелет Еленовка 2/3, для которого характерна крайне массивная большеберцовая кость. Близкие к нему позиции заняли индивиды из потаповских и бабинских погребений лесостепного Поволжья. Ближе к центральной части расположены скелеты из могильника Аралча II. Они проявляют мезоморфию и эурикнемию большеберцовой кости.

Межгрупповой анализ

Далее рассмотрим результат межгруппового попарного сопоставления исследуемой суммарной группы алакульской культуры с хронологически близкими сериями Урало-Поволжья (табл. 5, 6) и Средней Азии (табл. 7, 8). Использованы материалы Поволжья и Средней Азии [Дебец, 1956; Дурново, 1961; Ходжайов, 1977; Dubova, Rykushina, 2007] и вышеупомянутые материалы АС КХГ и срубной культуры бассейна р. Самары.

Таблица 5

Данные описательной статистики выборок мужских скелетов эпохи поздней бронзы Волго-Уралья

Table 5

Data of descriptive statistics of samples of male skeletons of the Late Bronze Age of the Volga-Ural

Признак	АС КХГ, *n* = 9		ПБВ, р. Самара, *n* = 10		ПБВ, Заволжье, *n* = 10	
	M	SD	M	SD	M	SD
H1	324,0	19,6	338,6	15,7	332,6	12,6
H4	63,9	3,4	66,7	3,6	65,7	5,2
H5	23,7	2,0	23,8	2,7	24,6	2,5
H6	17,6	1,6	18,1	1,9	18,4	1,7
H7	66,8	5,7	66,2	5,3	68,5	6,3
H7a	70,6	6,3	70,1	6,4	—	—
H6/5	74,4	3,3	76,2	3,4	75,0	6,8
R1	242,4	14,4	258,0	8,3	255,6	14,0
R3	45,0	1,4	44,6	2,8	—	—
F1	445,7	21,2	460,4	27,7	453,0	19,0
F21	80,0	4,4	84,0	6,2	—	—
F6	27,5	3,8	30,4	3,4	29,9	2,9
F7	25,8	3,0	28,9	1,7	29,1	2,6
F6/7	106,1	5,7	102,4	7,0	102,9	7,9
F9	32,2	3,3	34,8	3,1	39,2	5,8
F10	24,7	1,2	26,4	2,5	31,2	3,3
F10/9	76,9	4,7	76,6	7,8	80,0	4,9
F8	88,4	6,7	91,0	8,8	92,9	7,6
T1	359,8	26,5	376,2	20,8	375,4	13,5
T3	77,9	5,1	78,1	7,5	—	—
T6	54,0	3,7	53,8	2,4	—	—
T8	29,6	2,3	30,0	3,3	—	—
T9	22,3	2,8	23,3	2,1	—	—
T8a	34,0	2,6	34,3	3,2	35,9	3,0
T9a	24,5	2,4	25,0	2,0	24,4	2,6
T9a/8a	72,1	4,7	73,0	5,2	68,0	5,1
T10	83,7	5,8	83,4	6,5	—	—
T10b	76,2	6,0	76,7	6,3	78,2	5,2
T1/F2	80,5	2,6	81,1	1,71	82,9	1,66

При сопоставлении мужских скелетов поздней бронзы Уральско-Мугоджарского региона с абашевско-синташтинскими Приуралья статистически значимые различия выявлены в размерах дистального эпифиза и поперечного диаметра середины диафиза бедренной кости. Близко к весомому *p*-значение при сопоставлении указателей пилястрии. Значение медиолатерального диаметра ниже в группе АС КХГ, за счет этого здесь фиксируется более выраженная, чем в алакульской выборке, пилястрия.

Практически отсутствуют статистически значимые различия с выборкой скелетов срубной культуры поздней бронзы бассейна р. Самары. Они зафиксированы лишь в значениях размера нижнего эпифиза плечевой кости — в алакульской группе оно ниже. Также не столь значитель-

ны различия со срубной группой могильников левого берега р. Волги. Они касаются только размеров проксимальной части диафиза бедренной кости. Так, в поволжской группе они выше, при том что на указателе платимерии различие не сказалось. Примечательно, что в срубных группах значение наибольшей длины бедренной кости заметно выше, чем в алакульской, а *p*-значения близки, но не достигают статистической значимости.

Таблица 6

Данные статистик в сопоставительных анализах выборок мужских скелетов эпохи поздней бронзы Волго-Уралья с группой скелетов алакульской культуры Уральско-Мугоджарского региона. Непараметрический критерий Манна — Уитни *

Table 6

Statistical data in comparative analyzes of samples of male skeletons of the Late Bronze Age of the Volga-Urals with a group of skeletons of the Alakul Culture of the Ural-Mugodzhar region. Nonparametric Mann — Whitney test

Признак	*U*	*Z*	*p*-level	*U*	*Z*	*p*-level	*U*	*Z*	*p*-level
	АС КХГ, *n* = 10			ПБВ, р. Самара, *n* = 10			ПБВ, Заволжье, *n* = 10		
H1	22,5	0,000	1,0	11,5	-1,467	0,142	15,5	-0,933	0,351
H4	18,0	-1,157	0,247	10,5	-2,391	**0,017**	20,5	-1,164	0,244
H5	48,5	0,391	0,696	60,0	0,369	0,712	50,0	-0,284	0,776
H6	42,0	0,853	0,394	60,0	0,369	0,712	53,5	-0,036	0,972
H7	38,0	-0,221	0,825	48,5	-0,076	0,939	33,5	-0,618	0,536
H7a	49,0	0,038	0,970	48,5	0,458	0,647	0,0	0,000	1,0
H6/5	36,0	1,279	0,201	59,0	-0,431	0,667	41,5	0,888	0,374
R1	5,5	1,606	0,108	16,5	-0,231	0,817	17,5	0,077	0,939
R3	25,0	-0,976	0,329	37,0	-0,653	0,514	—	—	—
U1	5,0	1,492	0,136	6,5	0,433	0,665	15,0	0,170	0,865
U3	17,5	-0,500	0,617	8,0	-0,853	0,394	—	—	—
F1	36,0	-1,026	0,305	32,0	-1,871	0,061	30,0	-1,760	0,078
F21	3,5	2,100	**0,036**	18,5	0,533	0,594	—	—	—
F6	68,5	0,643	0,520	51,5	-1,139	0,255	72,0	-0,863	0,388
F7	37,5	2,237	**0,025**	69,5	-0,139	0,890	88,0	-0,096	0,924
F6/7	37,0	-1,944	0,052	87,0	-0,889	0,374	71,0	-0,911	0,362
F9	44,0	1,585	0,113	57,5	-1,505	0,132	28,5	-2,714	**0,007**
F10	58,5	0,764	0,445	83,0	-0,247	0,805	21,0	-3,110	**0,002**
F10/9	65,0	0,396	0,692	75,0	0,264	0,792	67,5	-0,659	0,510
F8	68,5	0,431	0,666	100,5	-0,066	0,947	67,0	-0,904	0,366
T1	40,5	0,289	0,773	35,0	-1,408	0,159	34,0	-1,479	0,139
T3	12,5	1,214	0,225	18,5	1,002	0,316	—	—	—
T6	30,5	0,158	0,875	19,0	0,645	0,519	—	—	—
T8	63,0	0,000	1,0	66,5	-0,205	0,838	—	—	—
T9	62,5	-0,031	0,975	53,0	-0,995	0,320	—	—	—
T8a	65,5	0,119	0,905	80,0	0,130	0,897	63,5	-0,986	0,324
T9a	62,5	0,298	0,766	76,5	-0,311	0,755	75,5	0,363	0,716
T9a/8a	65,5	-0,119	0,905	71,0	-0,597	0,551	53,0	1,531	0,126
T10	56,5	-0,409	0,682	62,0	-0,063	0,950	—	—	—
T10b	50,5	-0,534	0,593	55,000	-0,620	0,535	48,500	-1,333	0,183

* Полужирным выделены значения, достигшие статистически значимого уровня ($p < 0,05$).

Статистически значимые различия скелетов могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 с мужской кожумбердынской выборкой зафиксированы только по длине бедренной кости. Длина большеберцовой кости у мужчин этого могильника также заметно выше, но статистической значимости разница не достигает. Отметим повышенные значения квадратических отклонений в группе Кокча 3, что также могло сказаться на результатах сопоставления. Для могильника мургабской культуры Гонур известны только продольные размеры костей. Все они, за исключением большеберцовой, статистически значимо отличаются от значений кожумбердынской выборки Урало-Мугоджар. Статистически значимых различий по продольным размерам не выявлено при сопоставлении со скелетами эпонимного могильника Саппалитепа. Достоверная дифференциация фиксируется по наименьшим окружностям костей руки (в алакульской выборке значения выше) и указателю сечения большеберцовой кости на уровне питательного отверстия. Саппалинские скелеты проявляют мезокнемию.

Таблица 7

Данные описательной статистики выборок мужских скелетов эпохи поздней бронзы Средней Азии *

Table 7

Data of descriptive statistics of samples of male skeletons of the Late Bronze Age of Central Asia

Признак	Кокча 3		Гонур		Сапаллитепа	
	M	SD	M	SD	M	SD
H1	335,5 (10)	28,6	313,7 (17)	29,7	304,7 (21)	13,3
H4	66,3 (3)	5,0	—	—	—	—
H5	23,5 (5)	2,3	—	—	—	—
H6	17,7 (5)	1,9	—	—	—	—
H7	67,1 (5)	4,5	—	—	58,5 (37)	3,5
H6/5	75,5 (5)	7,8	—	—	77,2 (21)	8,2
R1	249,8 (5)	18,8	242,2 (14)	22,1	240,8 (23)	15,5
R3	—	—	—	—	39,3 (37)	4,0
U1	262,5 (2)	17,7	239,0 (7)	14,8	260,2 (23)	19,3
U3	—	—	—	—	36,6 (30)	3,1
F1	464,5 (6)	33,3	445,3 (21)	29,7	431,8 (20)	19,0
F6	30,1 (6)	2,8	—	—	—	—
F7	30,5 (6)	2,1	—	—	—	—
F6/7	99,1 (6)	9,0	—	—	—	—
F9	34,6 (6)	4,4	—	—	—	—
F10	27,1 (6)	2,6	—	—	—	—
F10/9	79,4 (6)	11,9	—	—	—	—
F8	96,7 (6)	6,9	—	—	—	—
T1	395 (5)	30,9	366,7 (22)	24,5	360,3 (20)	20,9
T8a	35,5 (4)	2,6	—	—	—	—
T9a	24,1 (4)	3,8	—	—	—	—
T9a/8a	68,1 (4)	9,8	—	—	64,8 (28)	7,9
T10b	80,0 (5)	8,9	—	—	—	—
T1/F2	81,9 (3)	1,93	—	—	84,7 (9)	2,47

* Стандартное квадратическое отклонение (SD) для выборок могильников Кокча 3 и Саппалитепа рассчитано авторами данной работы на основе ранее опубликованных данных.

Таблица 8

Данные статистик в сопоставительных анализах выборок мужских скелетов эпохи поздней бронзы Средней Азии с группой скелетов алакульской культуры Уральско-Мугоджарского региона. Непараметрический критерий Манна-Уитни *

Table 8

Statistical data in comparative analyzes of samples of male skeletons of the Late Bronze Age of Central Asia with a group of skeletons of the Alakul culture of the Ural-Mugodzhar region. Nonparametric Mann-Whitney test

Признак	*U*	*Z*	*p*-level	*U*	*Z*	*p*-level	*U*	*Z*	*p*-level
	Кокча 3			Гонур			Саппалитепа		
H1	7,0	-0,735	0,462	6,5	2,563	**0,010**	19,0	1,331	0,183
H4	4,0	-1,481	0,138	—	—	—	—	—	—
H5	25,0	0,527	0,598	—	—	—	—	—	—
H6	22,0	0,843	0,399	—	—	—	—	—	—
H7	16,5	-0,800	0,424	—	—	—	25,0	2,880	**0,004**
H6/5	27,5	-0,264	0,792	—	—	—	82,0	-1,101	0,271
R1	7,5	0,612	0,540	1,5	2,239	**0,025**	11,0	1,900	0,057
R3	—	—	—	—	—	—	47,0	2,202	**0,028**
U1	1,5	1,157	0,247	1,0	2,457	**0,014**	14,5	1,550	0,121
U3	—	—	—	—	—	—	19,0	2,240	**0,025**
F1	11,5	-2,161	**0,031**	51,0	2,157	**0,031**	62,5	0,215	0,829
F6.	40,5	-0,900	0,368	—	—	—	—	—	—
F7	42,0	-0,800	0,424	—	—	—	—	—	—
F6/7	51,0	-0,200	0,841	—	—	—	—	—	—
F9	41,0	-0,516	0,606	—	—	—	—	—	—
F10	36,5	-0,848	0,397	—	—	—	—	—	—
F10/9	44,5	-0,258	0,796	—	—	—	—	—	—
F8	27,5	-1,645	0,100	—	—	—	—	—	—
T1	12,0	-1,756	0,079	51,5	1,801	0,072	59,0	-0,724	0,469
T8a	25,5	-0,450	0,653	—	—	—	—	—	—
T9a	27,0	0,300	0,764	—	—	—	—	—	—
T9a/8a	24,0	0,600	0,549	—	—	—	48,0	2,846	**0,004**
T10b	20,0	-1,232	0,218	—	—	—	—	—	—

* Полужирным выделены значения, достигшие статистически значимого уровня ($p < 0,05$).

Для сравнения также использованы измерения скелетов могильников поздней бронзы с территории Южного Урала [Медникова, 1993, 1998, 2005] и андроновского времени Еловка II Верхнего Приобья [Дремов, 1997]. Данные приведены в табл. 9.

По среднеарифметическим значениям продольных размеров уральско-мугоджарская выборка уступает срубным и срубно-алакульским группам и примерно соответствует при сравнении окружностей диафизов костей. Наиболее выразительное сходство по данным описательной статистики можно зафиксировать с группой могильника Еловка II Верхнего Приобья. Выборки близки как по продольным размерам, так и по поперечным и обхватным. Для обеих групп характерно удлинение голени относительно бедра.

Таблица 9

Данные описательной статистики выборок мужских скелетов эпохи поздней бронзы Приуралья и Приобья

Table 9

Data of descriptive statistics of samples of male skeletons of the Late Bronze Age in the Urals and the Ob River region

Признак	Хабарное, алакуль		Сруб.-алакуль, Южный Урал *		Комиссарово, срубная		Еловский II, Верх. Приобье	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
H1	347,0 (3)	2,1?	341,2 (9)	14,9	331,3 (4)	16,0	331,8 (13)	15,4
H4	—	—	—	—	66,6 (5)	5,9	—	—
H5	—	—	—	—	24,2 (5)	3,0	25,7 (17)	1,5
H6	—	—	—	—	21,2 (5)	2,8	19,4 (17)	2,0
H7	73,0 (3)	2,0	65,6 (11)	4,8	70,8 (5)	5,9	67,5 (19)	4,0
H6/5	—	—	—	—	87,9 (5)	9,0	75,4 (17)	7,8
R1	265,0 (3)	8,0	261,8 (6)	3,1	248,5 (2)	12,0	252,4 (11)	9,8
R3	45,7 (3)	1,2	43,3 (7)	4,1	44,5 (2)	2,1	45,1 (14)	4,1
F1	475,2 (2)	21,9	462,9 (8)	3,0	455,3 (3)	12,5	440,3 (16)	14,1
F6/7	—	—	—	—	106,1 (6)	11,7	97,4 (22)	8,3
F10/9	—	—	—	—	74,3 (5)	11,8	74,5 (20)	7,8
F8	96,7 (3)	3,1	94,6 (5)	10,0	91,2 (6)	8,2	90,1 (22)	5,6
T1	389,3 (3)	13,6	366,7 (7)	14,2	367,5 (2)	7,8	357,6 (20)	15,3
T9a/8a	—	—	—	—	76,3 (3)	9,5	70,6 (23)	2,7
T10b	78,3 (3)	3,5	76,2 (11)	7,2	75,3 (3)	9,2	75,2 (24)	4,4
T1/F2	—	—	—	—	—	—	82,3 (13)	1,6

* Приведены средние взвешенные по выборкам могильников Перевозинка, Герасимовка, Тартышево, Новобалтачево, Малокизильский [Медникова, 1993].

Обсуждение

По результатам статистических анализов скелетов алакульской культуры Уральско-Мугоджарского региона (кожумбердынская культурная группа) выявлено наличие в выборке двух морфологических вариантов. К первому относится большинство изученных скелетов, тип которых характеризуется малыми или средними продольными и умеренными поперечными размерами костей. Также для скелетов характерны различные комбинации соотношения длин сегментов ноги при доминировании дистального типа пропорций. Другой вариант может быть охарактеризован как гипермассивный с большими продольными величинами костей и дистальным типом пропорций. Скелетов такого типа немного, и они очень плохой сохранности. Лишь один из них имеет весь набор характерных черт (Еленовка 2/3).

Сравнение синхронных групп срубной Волго-Уралья и алакульской (кожумбердынской) Мугоджарской провинции показало, что последняя из них отличается заметной тенденцией в сторону грацильности. Экологические и хозяйственно-культурные условия существования срубных и алакульских палеопопуляций различаются слабо, объяснить их морфологическую дифференциацию только адаптивными процессами едва ли возможно.

Морфологически мезоморфно-грацильный скелетный комплекс кожумбердынской группы близок к абашево-синташтинским скелетам Южного Приуралья финала средней бронзы. Наблюдаемая тенденция к удлинению голени Уральско-Мугоджарской выборки характерна для скелетов срубно-алакульского могильника Селивановский II Зауралья [Куфтерин, Нечвалода, 2016] и могильника Еловский II Верхнего Приобья [Дремов, 1997]. Причем по этим признакам сходство между группами довольно очевидное. Возможно, отмеченные черты близости могут быть объяснены, в определенной степени, генетической близостью кожумбердынцев, с одной стороны, с предшествующими или синхронными группами Южного Урала и, с другой,— Верхне-

го Приобья. И это в основе согласуется с выводами последней работы по краниологии из погребений алакульской культуры [Хохлов и др., 2020, с. 71–72].

Нужно отметить, что абашевско-синташтинская выборка Приуралья отличается от алакульской противоположным типом линейных пропорций нижней конечности, в частности относительным укорочением голени к бедру. В этом отношении она близка и срубным Приуралья [Медникова, 2005] и бассейна р. Самары. В целом относительно более массивное сложение скелета срубной культуры может быть связано с иным происхождением. Близкий им по морфологии комплекс был распространен среди носителей культур ямного, полтавкинского [Григорьев, 2020], а также последующего по времени потаповского облика (Утевка VI) Волго-Уралья. В кожумбердынской выборке, как было сказано выше, один скелет примерно такого же типа (Еленовка, 2/3). Возможно, его скелетный габитус является лишь продуктом индивидуальной изменчивости. Вместе с тем по данным археологии фиксируется проникновение ямных и постъямных групп на территории Восточного Оренбуржья [Ткачев, Гуцалов, 2000], Западного Казахстана [Бисембаев и др., 2015], Притоболья [Шилов, Маслюженко, 2004]. Возможно, морфология еленовского скелета опосредованно связана с продвижением западных мигрантов на восток.

Выводы

Кожумбердынская антропологическая группа алакульской культуры неоднородна. Очевидно доминирует мезоморфно-грацильный скелетный комплекс, фиксируемый в составе как мужской, так и женской выборки. Имеются отдельные объекты с более массивным строением костей.

Особенности скелетного габитуса данной группы, с учетом еще незначительной численности материала, логичнее объяснить исходя из генетического аспекта. Обнаруживаемые тождества среди предшествующих по времени и синхронных выборок Евразии предполагают связь кожумбердынской группы с абашевско-синташтинским населением Приуралья, срубно-алакульским Зауралья и андроновским Верхнего Приобья. Такое заключение вполне логично, учитывая общепринятую точку зрения о расселении андроновских племен с запада на восток [Косарев, 1981]. Также стоит отметить, что археологические признаки артефактов могильника Еловка II свидетельствуют о более позднем его формировании по отношению к кожумбердынским материалам [Матющенко, 2004]. В связи с этим можно предположить, что территорией формирования биологического населения верхнеобского варианта андроновской культурной общности являются южные отроги Уральских гор.

Благодарности. Авторы выражают признательность к.и.н. В.В. Ткачеву (Оренбург) за консультации в вопросах специфики археологического материала и д.б.н. В.В. Куфтерину (Москва) за подробное обсуждение результатов настоящей работы.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 21–78-20015 «Технологии горно-металлургического производства бронзового века в эволюции культурно-исторического ландшафта Уральского региона», а также в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК, ИРН проекта OR11465466, тема «Великая Степь в контексте этнокультурных исследований».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Китов Е.П. Предварительные итоги исследования ямного могильника Кумсай в 2010 г. // Древний Тургай и Великая степь: Часть и целое. Костанай; Алматы: КостГУ, 2015. С. 359–368.

Бочкарев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 114–123.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2010. 231 с.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 371 с.

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы: (Захоронения могильника Тасты-Бутак 1 в Актюбинской области // В.С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. М.; Л.: АН СССР, 1962. С. 186–198.

Григорьев А.П. Особенности скелетной конституции населения раннего бронзового века Волго-Уралья // Самарский научный вестник. 2020. 4 (9). С. 224–231.

Григорьев А.П., Капинус Ю.О. Антропологические материалы курганного могильника эпохи поздней бронзы и раннего железного века Плешаново II Западного Оренбуржья // Вопросы археологии Поволжья. Самара: СГСПУ, 2019. Вып. 7. С. 168–174.

Дебец Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя // АЖ. 1932. № 2.

Дебец Г.Ф. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры среднего Заволжья // МИА. 1954. № 42. С. 485–499.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). Томск: ТГУ, 1997. 264 с.

Дурново Ю.А. Длинные кости конечностей скелетов из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 5: Могильник бронзового века Кокча 3. М., 1961. С. 149–152.

Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье / Под общ. ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: ОГАУ, 2016. 196 с.

Китов Е.П., Хохлов А.А. Палеоантропология срубно-алакульского времени Южного Урала // Вестник антропологии. 2008. № 16. С. 71–83.

Козинцев А.Г. Происхождение андроновцев (по краниологическим данным) // Человек: его биологическая и социальная история: В 2 т. Т. 1: Труды междунар. конф. (г. Москва, 9–12 нояб. 2009 г.). М.: Одинц. гуманитар. ун-т, 2010. С. 119–123.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.

Крюкова Е.А., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Матюшко И.В. Комплексы позднего бронзового века Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2012. Вып. 10. С. 112–134.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. 135 с.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А., Энтони Д.У. Грачевские курганы: Археология, антропология, геномный анализ. Самара: СГСПУ, 2018. 195 с.

Купцова Л.В., Евгеньев А.А. Новые погребальные комплексы абашевской культуры в Оренбургском Предуралье // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарева. СПб.: ИИМК РАН: Невская тип., 2019. Т. II. С. 219–222. https://doi.org/10.31600/978-5-907053-35-9-219-222

Купцова Л.В. Культурно-хронологическая интерпретация погребальных комплексов эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 16: Имангуловские курганы. Оренбург, 2022. (В печати).

Куфтерин В.В., Нечвалода А.И. Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана Селивановского II могильника (Южное Зауралье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 79–89. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-35-4-079-089

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлов А.А., Хохлова О.С. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области / Под общ. ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: ОГПУ, 2014. 172 с.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Харламов П.В., Файзуллин А.А., Гольева А.А. Курганный могильник Красиковский I бронзового века в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2019. Вып. 14. С. 4–39.

Медникова М.Б. Остеометрическая методика в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. С. 33–86.

Медникова М.Б. Особенности скелетной конституции (по материалам из могильника Комиссарово) // Каргалы. Т. IV: Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: Палеоантропологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 151–165.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии среднего Заволжья // МИА. 1954. № 42. С. 39–156.

Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю. Новые погребения энеолита — средней бронзы из Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья / Под ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: Оренб. губерния, 2000. Вып. 4. С. 27–54.

Ткачев В.В. Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // РА. 2011. № 2. С. 43–55.

Ткачев В.В. К вопросу об источниках олова для металлургии бронзы на западной периферии алакульской культуры позднего бронзового века (II тыс. до н.э.) // Геоархеология и археологическая минералогия. 2018. Т. 5. С. 106–112.

Ткачев В.В. Горно-металлургическое производство в структуре хозяйственно-культурных моделей западной периферии алакульской культуры // УИВ. 2019a. № 1 (62). С. 38–47. https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-38-47

Ткачев В.В. Граница Приуральского и Уральско-Мугоджарского горно-металлургических центров позднего бронзового века: Историко-культурное содержание и физико-географическая обусловленность // Известия Самарского НЦ РАН. Исторические науки. 2019b. Т. 1. № 4 (4). С. 93–100.

Файзуллин И.А., Купцова Л.В., Афонин А.С., Григорьев А.П., Евгеньев А.А., Капинус Ю.О., Крюкова Е.А., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Сверчкова А.Э., Файзуллин А.А. Комплексы эпохи поздней бронзы и

раннего железного века I курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 79–123.

Халяпин М.В. Первый бескурганный могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001. С. 417–425.

Ходжайов Т.К. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа. Ташкент, 1977. 152 с.

Хохлов А.А., Китов Е.П., Капинус Ю.О. К проблеме антропологических связей между носителями срубной и алакульской культур позднего этапа эпохи бронзы в Южном Приуралье и западноказахстанских степях // Вестник Волгогр. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 4. С. 65–83. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.4

Хохлов А.А., Григорьев А.П. К методике оценки метрических данных по основным абсолютным признакам и указателям скелета человека (по антропологическим материалам некрополей г. Самары XVIII–XIX вв.) // Вестник МГУ. Сер. 23, Антропология. 2020. № 3. С. 68–76. https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.3.068-076

Хохлов А.А., Григорьев А.П., Капинус Ю.О. Антропологические материалы курганного могильника у с. Второе Имангулово Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 16: Имангуловские курганы. Оренбург, 2022. (В печати).

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. МИА. М.: Наука, 1966. № 132. 144 с.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА. М.: Наука, 1970. № 172. 185 с.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. К проблеме проникновения ямного населения в лесостепное Притоболье // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II междунар. науч.-практ. конф. Челябинск: Рифей, 2004. С. 141–143.

Шевченко А.В. Палеоантропология срубников Поволжья в сравнительно-антропологическом освещении // Археология России. Свод археологических источников. Т. 1: Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. С. 101–105.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л., 1980. С. 136–183.

Юсупов Р.М. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 127–138.

Brooks S., Suchey J.M. Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsadi — Nemeskeri and Suchey — Brooks methods // Human Evolution. 1990. 5. P. 227–238.

Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // V. Sarianidi. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions, 2007. P. 296–329.

Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Mensforth R.P. Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: A new method for the determination of adult skeletal age at death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. 68. 15–28.

Rogers J., Waldron T. A field guide to joint disease in archaeology. Chichester: John Wiley & Sons, 1995.

ИСТОЧНИКИ

Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.

Медникова М.Б. Антропология древнего населения Южной Сибири по данным посткраниального скелета (в связи с проблемами палеоэкологии): Дис. … канд. биол. наук. М., 1993. 420 с.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: Дис. … канд. биол. наук. М., 2011. 326 с.

Синева И.М. Определение половой принадлежности в палеоантропологических исследованиях костей верхней и нижней конечности: Дис. … канд. биол. наук. М., 2013. 185 с.

Grigorev A.P. [a, *], Zhanuzak R.Zh. [b]

[a] Samara State University of Social Sciences and Education
Maxim Gorky st., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation
[b] Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan, KN MES RK
Dostyk, 44, Almaty, 050000, Kazakhstan
E-mail: grap9@bk.ru (Grigorev A.P.); rzhanuzak04@gmail.com (Zhanuzak R.Zh.)

Some aspects of the postcranial morphology of the Ural-Mugodzhar population in the Late Bronze Age

The paper reports on the osteometric data of skeletons from the burials of the Kozhumberdy group of the Late Bronze Age Alakul Culture (Southern Ural). The research is aimed to reveal the character of the variability of

* Corresponding author.

osteometric features of the sample group and its comparison with synchronous groups of the steppe zone of Eurasia. Twenty-four male and seventeen female skeletons were investigated. Taking into account the poor preservation of the material, a new method of identification of sex, developed by I.M. Sineva, was applied. The results of the study of the series by statistical methods (principal component analysis, nonparametric Mann — Whitney criterion) are presented. A high degree of morphological diversity of the variants of the skeletal development under the dominance of a rather gracile osteological complex within the Bronze Age of the steppe Eurasia is observed. Several individuals, characterized by the increased size of the skeleton, are distinguished. The similarity of the main part of the studied sample group with the synchronous population of the steppe-forest-steppe zone of the Cis-Urals and Upper Ob Basin is revealed. At the same time, the Kozhumberdy group morphologically differs from the agricultural population of the Bronze Age in Central Asia. These results indicate the main direction of the morphological links of the Kozhumberdy group of the Alakul Culture with the sample groups of the Sintashta Culture of the Cis-Urals and Andronovo Culture of Western Siberia. There is also present an insignificant component associated with the Early Bronze Age population of the steppe Volga-Ural region (the Yamnaya Culture). The assumption made previously on the basis of the study of craniological materials about a single morphological basis for the formation of the population of the Alakul and Srubnaya Cultures of the Bronze Age is not confirmed. The main component in the formation of the physical appearance of the Srubnaya population is the local Volga-Ural population. As the morphological basis for the formation of the Alakul Ural-Mugodzhar group we consider the Sintashta population of the Cis-Urals.

Keywords: anthropology, Late Bronze Age, osteometry, morphology, postcranial skeleton, Ural-Mugodzhar region, Alakul Culture.

Acknowledgements. The authors are grateful to Candidate of History V.V. Tkachev (Orenburg) for his advice on the specifics of the archaeological material and Doctor of Biology V.V. Kufterin (Moscow) for a detailed discussion of the results of this work.

Funding. This work was supported by Russian Science Foundation grant No. 21-78-20015 “Technologies of mining and metallurgical production of the Bronze Age in the evolution of the cultural and historical landscape of the Urals region”. The work was carried out within the programme-target financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, IRN project OR11465466, theme: “The Great Steppe in the context of ethno-cultural research”.

REFERENCES

Alekseev, V.P. (1966). *Osteometry: Methods of anthropological research.* Moscow: Nauka. (Rus.).

Bisembayev, A.A., Mamedov, A.M., Duysengali, M.N., Kitov, E.P., 2015. Preliminary results of research of the Yamna burial ground Kumsay in 2010. In: *Ancient Turgay and the Great Steppe: Part and whole.* Kostanay; Almaty, 359–368. (Rus.).

Bochkarev, V.S. (1995). Cultural genesis and development of metal production in the Late Bronze Age (based on materials from the southern half of Eastern Europe). In: *Drevnie indoiranskie kul'tury Volgo-Ural'ia (II tysiachiletie do nashei ery).* Samara, 114–123. (Rus.).

Bochkarev, V.S. (2010). *Cultural genesis and ancient metal production in Eastern Europe.* St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).

Brooks, S., Suchey, J.M. (1990). Skeletal age determination based on the os pubis: A comparison of the Acsadi — Nemeskeri and Suchey — Brooks methods. *Human Evolution*, (5), 227–238.

Chernykh, E.N. (1966). *The history of the oldest metallurgy in Eastern Europe.* Moscow: Nauka. (Rus.).

Chernykh, E.N. (1970). *The oldest metallurgy of the Urals and the Volga region*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Debets, G.F. (1932). Racial types of the population of the Minusinsk region in the era of the tribal system. *Antropologicheskii zhurnal*, (2). (Rus.).

Debets, G.F. (1954). Paleoanthropological materials from the burials of the srubnaya culture of the Middle Volga region. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (42), 485–499. (Rus.).

Dremov, V.A. (1997). *The population of the Upper Ob region in the Bronze Age: (Anthropological essay).* Tomsk: Tomskii universitet. (Rus.).

Dubova, N.A., Rykushina, G.V. (2007). New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe. In: V. Sarianidi (Ed.). *Necropolis of Gonur*. Athens: Kapon Editions, 296–329.

Durnovo, Iu.A. (1961). Long limb bones of skeletons from the burial ground of the Tazabagyab culture of Kokcha 3. *Materialy Khorezmskoi ekspeditsii. Vyp. 5: Mogil'nik bronzovogo veka Kokcha 3*. Moscow, 149–152. (Rus.).

Evgen'ev, A.A., Kuptsova, L.V., Mukhametdinov, V.I., Rosliakova, N.V., Usachuk, A.N., Faizullin, I.A., Khokhlov, A.A. (2016). *The settlement of Maloyuldashevo I of the Neolithic and Late Bronze Age in the Western Orenburg region.* Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet. (Rus.).

Faizullin, I.A., Kuptsova, L.V., Afonin, A.S., Grigor'ev, A.P., Evgen'ev, A.A., Kapinus, Iu.O., Kriukova, E.A., Mukhametdinov, V.I., Rosliakova, N.V., Sverchkova, A.E., Faizullin, A.A. (2021). Complexes of the Late Bronze Age and Early Iron Age I burial mound near the village of Tverdilovo. In: *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia.* Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 79–123. (Rus.).

Ginzburg, V.V. (1962). Materials for the anthropology of the population of Western Kazakhstan in the Bronze Age (Burials of the Tasty-Butak 1 burial ground in the Aktobe region). In: V.S. Sorokin (Ed.). *Mogil'nik bronzovoi epokhi Tasty-Butak 1 v Zapadnom Kazakhstane.* Moscow; Leningrad: Akademiia nauk Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik, 186–198. (Rus.).

Ginzburg, V.V., Trofimova, T.A. (1972). *Paleoanthropology of Central Asia.* Moscow: Nauka. (Rus.).

Grigorev, A.P. (2020). The features of the skeleton of the population in the Early Bronze Age of the Volga-Ural Region. *Samarskii nauchnyi vestnik*, (4), 224–231. (Rus.).

Grigorev, A.P., Kapinus, Iu.O. (2019). Anthropolic materials of the kurgan burial grounds of the Late Bronze — Early Iron Age of the Pleshanovo II of Western Orenburg state. In: M.A. Turetskii (Ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia.* Samara: Samarskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet, 168–174. (Rus.).

Iusupov, R.M. (1989). Anthropology of the population of the Srubnaya culture of the Southern Urals. In: *Materialy po epokhe bronzy i rannego zheleza Iuzhnogo Priural'ia i Nizhnego Povolzh'ia.* Ufa: Bashkirskii nauchnyi tsentr Ural'skogo otdeleniia Akademii nauk SSSR, 127–138. (Rus.).

Khaliapin, M.V. (2001). The first unburied burial ground of the Sintashta culture in the steppe Urals. In: *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: Kharakteristika kul'tur, khronologiia i periodizatsiia: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «K stoletiiu periodizatsii V.A. Gorodtsova bronzovogo veka iuzhnoi poloviny Vostochnoi Evropy».* Samara, 417–425. (Rus.).

Khodzhaiov, T.K. (1977). *Anthropological composition of the population of the Bronze Age of Sapallitepa.* Tashkent. (Rus.).

Khokhlov, A.A., Grigor'ev, A.P. (2020). To the method of evaluating metric data on the main absolute signs and indexes of the human skeleton (based on anthropological materials of the Samara necropolises in the XVIII–XIX centuries). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 23, Antropologiia*, (3), 68–76. (Rus.). https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.3.068-076

Khokhlov, A.A., Kitov, E.P., Kapinus, Iu.O. (2020). To the issue of anthropological contacts between the populations of the Srubnaya and Alakul Cultures of the Late Bronze Age in the Southern Urals and Western Kazakhstan steppes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4: Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, (4), 65–83. (Rus.). https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.4

Kitov, E.P., Khokhlov, A.A. (2008). Paleoanthropology of the Srubno-Alakul period of the Southern Urals. *Vestnik antropologii*, (16), 71–83. (Rus.).

Kozintsev, A.G. (2010). The origin of the Andronovians (according to craniological data). In: *Chelovek: ego biologicheskaia i sotsial'naia istoriia.* Moscow: Odintsovskii gumanitarnyi institut, 119–123. (Rus.).

Kosarev M.Ph. (1981). *Bronze Age of the West Siberia*. (1981). (Rus).

Kriukova, E.A., Evgen'ev, A.A., Kuptsova, L.V., Matiushko, I.V. (2012). Complexes of the Late Bronze Age Pleshanovsky II burial mound. In: N.L. Morgunova (Ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia.* Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 112–134. (Rus.).

Kufterin, V.V., Nechvaloda, A.I. (2016). Bioanthropological research of human skeletal remains from the srubno-alakul mound at Selivanovka II cemetery (Southern Trans-Urals). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 79–89. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-35-4-079-089

Kuptsova, L.V., Evgen'ev, A.A. (2019). *New burial complexes of the Abashevo culture in the Orenburg Cis-Urals. In: Drevnosti Vostochnoi Evropy, Tsentral'noi Azii i Iuzhnoi Sibiri v kontekste sviazei i vzaimodeistvii v evraziiskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii): K 80-letiiu so dnia rozhdeniia vydaiushchegosia arkheologa V.S. Bochkareva*. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk: Nevskaia Tipografiia, 219–222. (Rus.). https://doi.org/10.31600/978-5-907053-35-9-219-222

Kuz'mina, E.E. (1986). *The oldest pastoralists from the Urals to the Tien Shan.* Frunze: Ilim. (Rus.).

Kuznetsov, P.F., Mochalov, O.D., Khokhlov, A.A., Anthony, David W. (2018). *Grachevsky mounds: Archaeology, anthropology, genomic analysis.* Samara: Samarskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet. (Rus.).

Lovejoy, C.O., Meindl, R.S., Pryzbeck, T.R., Mensforth, R.P. (1985). Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: A new method for the determination of adult skeletal age at death. In: *American Journal of Physical Anthropology*, (68), 15–28.

Matyushchenko V.I. (2004). *The Yelovsky archaeological complex. Part 2: Yelovsky II burial ground. Pre-Irmenian complexes.* Omsk: OmGU. (Rus.).

Mednikova, M.B. (1998). Osteometry in bioarchaeological reconstructions. In: *Istoricheskaia ekologiia cheloveka: Metodika biologicheskikh issledovanii.* Moscow: Staryi sad, 33–86. (Rus.).

Mednikova, M.B. (2005). Features of the skeletal constitution (based on materials from the Komissarovo burial ground). In: *Kargaly: Nekropoli na Kargalakh. Naselenie Kargalov: Paleoantropologicheskie issledovaniia.* Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 151–165. (Rus.).

Merpert, N.Ia. (1954). Materials on the archaeology of the middle Volga region. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (42), 39–156. (Rus.).

Morgunova, N.L., Evgen'ev, A.A., Kriukova, E.A., Kharlamov, P.V., Faizullin, A.A., Gol'eva, A.A. (2019). Kraskovsky I burial mound of the Bronze Age in the Orenburg region. In: *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia.* Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 4–39. (Rus.).

Morgunova, N.L., Gol'eva, A.A., Evgen'ev, A.A., Kriukova, E.A., Kuptsova, L.V., Rosliakova, N.V., Salugina, N.P., Turetskii, M.A., Khokhlov, A.A., Khokhlova, O.S. (2014). *Bogolyubovsky burial mound of the Srubnaya culture in the Orenburg region.* Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (Rus.).

Rogers, J., Waldron, T. (1995). *A field guide to joint disease in archaeology*. Chichester: John Wiley & Sons.

Shevchenko, A.V. (1980). Anthropological characteristics of the population of the Cherkaskul culture and issues of its racial genesis. In: *Sovremennye problemy i novye metody v antropologii.* Leningrad, 136–183. (Rus.).

Shevchenko, A.V. (1993). Paleoanthropology of the population of the Srubnaya culture of the Volga region in comparative anthropological coverage. In: *Arkheologiia Rossii. Svod arkheologicheskikh istochnikov. Pamiatniki srubnoi kul'tury. Volgo-Ural'skoe mezhdurech'e.* Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, 101–105. (Rus.).

Shilov, S.N., Masliuzhenko, D.N. (2004). On the problem of the penetration of the population of the Yamnaya culture into the forest-steppe Tobol region. In: *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale: Materialy II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Chelyabinsk: Rifei, 141–143. (Rus.).

Tkachev, V.V., Gutsalov, S.Iu. (2000) New Eneolithic-Middle Bronze Age burials from Eastern Orenburg Region and Northern Kazakhstan. *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia.* Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 27–54. (Rus.).

Tkachev, V.V. (2011). The Urals-Mugodzhary mining and metallurgical center: (Late Bronze Age). *Rossiiskaia arkheologiia*, (2), 43–55. (Rus.).

Tkachev, V.V. (2018). On the issue of tin sources for Bronze metallurgy on the Western periphery of the Alakul culture of the Late Bronze Age (II millennium BC). *Geoarkheologiia i arkheologicheskaia mineralogiia*, 106–112. (Rus.).

Tkachev, V.V. (2019a). Mining and metallurgical production in the structure of economic and cultural models of the western periphery of Alakul culture. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 62(1), 38–47. (Rus.). https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-38-47

Tkachev, V.V. (2019b). The border of the Ural and Ural-Mugodzhar mining and metallurgical centers of the Late Bronze Age: Historical and cultural content and physical and geographical conditionality. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki*, 4(4), 93–100. (Rus.).

Григорьев А.П., https://orcid.org/0000-0001-7542-9942
Жанузак Р.Ж., https://orcid.org/0000-0003-2921-7396

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 05.12.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-11

Парфентьева О.И. [a, *], Праведникова А.Э. [b], Айыжы Е.В. [c], Попова Е.В. [d], Балинова Н.В. [e], Задорожная Л.В. [a], Хомякова И.А. [a], Бондарева Э.А. [f]

[a] МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии
ул. Моховая, 11, Москва, 125009
[b] ФГБУН Институт биологии гена РАН, ул. Вавилова, 34/5б, Москва, 119334
[c] Тувинский государственный университет, ул. Ленина, 5, Кызыл, 667000
[d] Горно-Алтайский государственный университет
ул. Ленкина, 1, Горно-Алтайск, 649000
[e] ФГБНУ «Медико-генетический научный центр имени академика Н.П. Бочкова»
ул. Москворечье, 1, Москва, 115522
[f] Федеральный научно-клинический центр физико-химической медицины ФМБА России
ул. Малая Пироговская, 1а, Москва, 119435
E-mail: parfenteva.olga@gmail.com (Парфентьева О.И.); irina-khomyakova@yandex.ru (Хомякова И.А.); mumla@rambler.ru (Задорожная Л.В.); pravednikova.anya@yandex.ru (Праведникова А.Э.); aiygy@mail.ru (Айыжы Е.В.); ms.biolog@mail.ru (Попова Е.В.); balinovs@mail.ru (Балинова Н.В.); Bondareva.E@gmail.com (Бондарева Э.А.)

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОЖИРЕНИЕ У СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ И РЕСПУБЛИКИ ТУВЫ. АНТРОПОГЕНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Представлены результаты исследования эндогенных и экзогенных факторов, ассоциированных с центральным ожирением в группах этнических алтайцев, тувинцев и русских, проживающих на территории Республик Алтай и Тува.

Ключевые слова: биологическая антропология, центральное ожирение, ИТР, Тува, Алтай, взрослые, UCP.

Введение

Пандемия ожирения, которая развивается в мире с середины XX столетия, ежегодно приводит к инвалидизации и смерти большого числа трудоспособного взрослого населения [McCafferty et al., 2020]. Одной из ведущих причин ожирения являются процессы изменения среды обитания человека, вызванные глобализацией, когда традиционный образ жизни и характер питания коренного населения меняется и становится все больше похож на западный. Изменение традиционного уклада жизни отмечается также на территории Тувы и Алтая [Анайбан, 2010; Маурер и др., 2020]. Известно, что в большей степени риск развития медицинских осложнений связан не столько с самим фактом избыточного веса, сколько с его преимущественной локализацией. Наибольшие риски развития неблагоприятных последствий для здоровья (диабет 2 типа, кардиометаболические заболевания и некоторые виды злокачественных новообразований) связаны с абдоминальным типом жироотложения, когда основная масса жира сосредоточена в области живота [Corrêa et al., 2019]. Избыточное накопление жира (подкожного и висцерального) в области живота приводит к развитию центрального ожирения. Именно центральное ожирение даже при условии нормальных значений ИМТ является независимым фактором риска для развития заболеваний обмена веществ и сердечно-сосудистой системы [Corrêa et al., 2019].

Накопление избыточного веса и развитие ожирения — это комплексный и длительный процесс, изучение которого требует учета многих факторов. Кроме особенностей образа жизни, этнической принадлежности и экологической обстановки на предрасположенность к накоплению жира влияют генетические особенности человека [Brondani et al., 2014]. Среди множества полиморфных систем, ассоциированных с ожирением, можно выделить гены разобщающих белков (UCP — uncoupling proteins). Минорные аллели генов *UCP1–3* являются «бережливыми» и детерминируют повышенный уровень жироотложения, в том числе абдоминального [Brondani et al., 2014; Pravednikova et al., 2020]. Ассоциации «бережливых» аллелей генов *UCPs* (rs1800592, rs660339, rs1800849) с избыточным весом были подтверждены в мета-анализах [Brondani et al., 2014].

* Corresponding author.

Республика Алтай занимает лидирующие позиции по уровню детского, подросткового и взрослого ожирения по сравнению с другими субъектами РФ [Хомякова, Балинова, 2017]. Антропометрические исследования показали, что коренные народы, населяющие территорию Республики Алтай, имеют склонность к абдоминальному жироотложению вне зависимости от половозрастных и социально-экономических факторов [Хомякова, Балинова, 2017]. Поэтому оценка выраженности центрального (абдоминального) ожирения в группах взрослого населения, проживающих на территории Южной Сибири, позволит оценить риски развития заболеваний, ассоциированных и этим типом жироотложения, а также выделить комплекс эндогенных (пол, возраст, генетические факторы, этническая принадлежность) и экзогенных (экологические, социально-экономические) факторов, детерминирующих центральное ожирение. Целью исследования является комплексный анализ эндогенных и экзогенных факторов, ассоциированных с центральным ожирением в группах взрослых мужчин и женщин, проживающих на территории Республики Алтай и Тува.

Объекты исследования

В исследовании приняли участие 403 чел. в возрасте от 18 до 35 лет, из них 111 этнических алтайцев (мужчин — 61, женщин — 50), 73 русских, проживающих в Горно-Алтайске (мужчин — 32, женщин — 41), 219 тувинцев (мужчин — 103, женщин — 116). Материалы были собраны в 2018–2020 гг. в городах Горно-Алтайске и Кызыле.

Методика

Антропометрическое обследование проводилось по стандартной методике [Негашева, 2017] с использованием антропометрических инструментов GPM (DKSH, Швейцария) и включало в себя измерение длины и массы тела, толщины кожно-жировых складок (ЖС) на корпусе и конечностях, окружностей корпуса и конечностей. Для оценки количества жира и его топографии были рассчитаны следующие антропометрические индексы: ИМТ (индекс массы тела) = масса тела, кг/(длина тела, м)^2; ИТР (индекс талия/рост или индекс центрального ожирения, WHtR — waist-to-height ratio) = обхват талии, см/длина тела, см; индекс Т/Б (индекс талия/бедра, WHR — waist-to-hip ratio) = обхват талии, м/обхват ягодиц, м. Была проведена оценка компонентного состава тела с использованием анализатора АВС-02 «Медасс» (НТЦ Медасс, Россия) [Николаев и др., 2009]. Биоимпедансный анализ (БИА) выполнялся при частоте зондирующего тока 50 кГц по стандартной тетраполярной схеме «запястье — голеностопный сустав» на правой стороне тела с наложением электродов (F3001 FIAB, Италия) при положении испытуемых лежа на спине.

Геномную ДНК получали из образцов буккального эпителия с помощью набора реагентов COrDIS SPRINT (ООО «ГОРДИЗ») согласно протоколу производителя. Для каждого образца с использованием ПЦР в реальном времени были определены геномные состояния в следующих положениях: *UCP1* (rs1800592), *UCP2* (rs660339) и *UCP3* (rs1800849). Для определения полиморфных вариантов генов *UCP1* (rs1800592), *UCP2* (rs660339), *UCP3* (rs1800849) использовали двухстадийную полимеразную цепную реакцию (ПЦР), где продукты амплификации первой реакции с парой праймеров для каждого гена служили матрицей для ПЦР в реальном времени (Real-time PCR) с новыми парами праймеров и флуоресцирующими зондами. Для первого этапа ПЦР использовали пары праймеров: 5'-TTAGTGATAATAAATATATCCTCTCTCCCA и 5'-AAGTAGGAGAAAGTTTGCCTCAGGTT для *UCP1*, 5'-GCATCGCAGATCTCATCACC и 5'-ACCCTTGCTCCATACTCACG для *UCP2*, 5'-CCTTGT CACCAAGGAAGCGT и 5'-TGCTCTCTGAAAGCCTCCAAT для *UCP3*. Условия амплификации включали начальную денатурацию при 95 °C в течение двух минут, 35× (денатурация — 30 секунд при 95 °C, отжиг праймеров — 30 секунд при 58,5 °C, элонгация — 30 секунд при 72 °C). ПЦР в реальном времени проводили с использованием системы CFX96 Touch Real-Time PCR Detection System (Bio-Rad), набора реагентов НПО «СибЭнзим» и пар праймеров и флуоресцирующих зондов: 5'-TATTTCCCA GTGGTGGCTAATGA и 5'-GTGGCAGCAAGTTCTGAATGT, FAM-CAAATGCACTTGATCAAACTGTG GTCAATCAGAAATCGCT-RTQ1 и R6G-CAAATGCACTCGATCAAACTGTGGTCAATCAGAAATCGCT-RT Q1 для *UCP1*; 5'-GGAGCATCGAGATGACTGGAG и 5'-CCGGCAACCAGCCCAT, Cy5-CGG TACTGGGC GCTGGCTGT-RTQ2 и Cy5.5-CGGTACTGGGCGCTGACTGT-RTQ2 для *UCP2*; 5'-TTAAAGCACCCCAA GTCAAGAGG и 5'-GTGGCAGCAGGGATTGGAT, Cy5-AAGGTTTCAGGTCAGCCCGTGTGTATAAGAC-RT Q2 и ROX-AAGGTTTCAGGTCAGCCTGTGTGTATAAGAC-RTQ2 для *UCP3*. Условия амплификации включали предварительную денатурацию в течение 10 минут при 95 °C, 50× (денатурация — 15 секунд при 95 °C, отжиг праймеров — 30 секунд при 59,5 °C, элонгация — 30 секунд при 72 °C).

Обследование было проведено с соблюдением правил биоэтики. Было получено положительное заключение локального комитета по биоэтике Биологического факультета МГУ имени

М.В. Ломоносова (№ 91-о от 24.05.2018). Все добровольцы, участвовавшие в обследовании, были осведомлены о его целях и методах и дали свое информированное согласие. Генетические образцы были зашифрованы, все данные анализировались в обезличенном виде.

Статистический анализ проводился в среде R (версия 4.0.3). Был проведен разведочный анализ по стандартному протоколу [Zuur et al., 2010]. В таблицах в качестве меры центральной тенденции использована медиана, а меры размаха — межквартильный размах (МКР). Для анализа различий количественных и категориальных переменных использовали критерии Краскела — Уоллиса и Хи-квадрат. Для анализа попарных различий переменных использовали критерий Манна — Уитни. Для анализа ассоциаций был выбран алгоритм случайного леса, реализованный в пакете «pRF». Для анализа генетических ассоциаций была выбрана кодоминантная модель. Подбор параметров проводился с помощью пакета «caret». Для визуализации данных были использованы пакеты «ggplot2, ggboxplot, ggpubr, party». В качестве поправки на множественное тестирование была использована поправка Бонферрони, значимыми считали различия при *p*-значении менее 1×10^{-3}.

Результаты

В табл. 1 и 2, а также на рис. представлены данные обследованных этнических алтайцев, русских, проживающих в Горно-Алтайске, и тувинцев в зависимости от половой принадлежности.

Таблица 1

Морфологические характеристики в трех группах обследованных женщин

Table 1

Morphological characteristics of the female cohorts

Показатель	Параметр	Алтайки (*N* = 50)	Русские (*N* = 41)	Тувинки (*N* = 116)	*P*-значение
Возраст, лет	Медиана	22	20	21	ns
	МКР	8,3	3,0	4,0	
Обхват талии, см	Медиана	69,8	67,6	68,9	ns
	МКР	8,9	5,8	9,6	
Обхват бедер, см	Медиана	92,3	96,8	93,5	ns
	МКР	7,6	9,3	8,7	
Масса тела, кг	Медиана	54,7	57,7	51,7	4×10^{-4}
	МКР	8,0	10,2	9,5	
Длина тела, см	Медиана	158,2	164,5	158,2	6×10^{-4}
	МКР	7,4	8,9	7,3	
Индекс массы тела, кг/м^2	Медиана	21,6	21,0	20,6	ns
	МКР	4,4	4,1	3,6	
Доля жировой массы, %	Медиана	26,9	25,7	25,1	ns
	МКР	9,1	7,7	8,8	
Доля безжировой массы, %	Медиана	73,1	74,3	74,7	ns
	МКР	9,1	7,7	8,7	
Индекс центрального ожирения	Медиана	0,43	0,42	0,44	ns
	МКР	0,06	0,05	0,04	
Доля мышечной массы, %	Медиана	47,9	49,2	48,2	4×10^{-4}
	МКР	2,3	2,3	2,5	
Кожно-жировая складка под лопаткой, мм	Медиана	11,4	10,1	11,6	ns
	МКР	8,9	3,4	7,1	
Кожно-жировая складка на трицепсе, мм	Медиана	10,8	10,4	12,6	ns
	МКР	5,6	5,1	5,1	
Кожно-жировая складка на животе, мм	Медиана	14,5	15,1	15,4	ns
	МКР	10,7	9,4	9,5	
Кожно-жировая складка на бедре, мм	Медиана	6,2	7,6	7,6	ns
	МКР	2,7	3,2	3,8	

Примечания: МКР — межквартильный размах; ns — *p*-значение больше порогового.

Наибольший процент обследованных с недостаточной массой тела (ИМТ < 18,5 кг/м^2) встречался у женщин в группе тувинцев и достигал 15 % (95 % ДИ: 10 % — 23 %). Во всех остальных группах доля обследованных с недостаточной массой тела была распределена равномерно и варьировала от 3 до 7 %.

Наибольший процент обследованных с избыточной массой тела (ИМТ ≥ 25 кг/м^2) и ожирением (ИМТ ≥ 30 кг/м^2) был обнаружен в группе алтайцев — 17 % (95 % ДИ: 11 % — 25 %) и 9 % (95 % ДИ: 4 % — 17 %), а наименьший — в группе тувинцев — 13 % (95 % ДИ: 8 % — 23 %) и 4 % (95 % ДИ: 2 % — 8 %), группа обследованных русских занимала промежуточное положение — 14 % (95 % ДИ: 8 % — 23 %) и 8 % (95 % ДИ: 4 % — 17 %). При этом мужчин из группы алтайцев с избыточным весом (ИМТ ≥ 25 кг/м^2) было больше, чем женщин: 21 % (95 % ДИ: 13 % — 33 %) против 12 % (95 % ДИ: 6 % — 23 %), а количество обследованных мужчин и женщин с ИМТ более 30 кг/м^2 было распределено равномерно: 8 % (95 % ДИ: 4 % — 18 %) против 10 % (95 % ДИ: 4 % — 21 %). Однако среди алтаек около 4 % (95 % ДИ: 1 % — 13 %) обладают ИМТ более 35 кг/м^2, в то время как в подгруппе мужчин таких обследованных обнаружено не было.

Таблица 2

Морфологические характеристики в трех группах обследованных мужчин

Table 2

Morphological characteristics of the male cohorts

Показатель	Параметр	Алтайцы (*N* = 59)	Русские (*N* = 32)	Тувинцы (*N* = 103)	*P*-значение
Возраст, лет	Медиана	22	20	22	ns
	МКР	5	2	3	
Обхват талии, см	Медиана	78,0	73,6	77,3	ns
	МКР	10,3	10,2	9,3	
Обхват бедер, см	Медиана	93,5	93,5	92,5	ns
	МКР	8,6	8,0	7,7	
Масса тела, кг	Медиана	68,3	68,1	66,7	ns
	МКР	15,8	16,6	11,7	
Длина тела, см	Медиана	172,4	177,0	170,5	3×10^{-4}
	МКР	11,6	7,7	7,0	
Индекс массы тела, кг/м^2	Медиана	22,6	21,4	22,9	ns
	МКР	4,6	4,5	4,2	
Доля жировой массы, %	Медиана	15,8	13,2	13,7	ns
	МКР	7,5	8,8	8,8	
Доля безжировой массы, %	Медиана	84,3	86,8	85,9	ns
	МКР	7,5	8,8	8,8	
Индекс центрального ожирения	Медиана	0,44	0,42	0,46	2×10^{-4}
	МКР	0,06	0,05	0,05	
Доля мышечной массы, %	Медиана	54,6	55,7	55,2	ns
	МКР	2,1	1,6	1,9	
Кожно-жировая складка под лопаткой, мм	Медиана	8,4	9,1	9,2	ns
	МКР	3,9	3,5	4,3	
Кожно-жировая складка на трицепсе, мм	Медиана	6,2	6,9	6,1	ns
	МКР	3,1	5,8	4,0	
Кожно-жировая складка на животе, мм	Медиана	9,2	8,9	10,6	ns
	МКР	12,2	8,0	11,1	
Кожно-жировая складка на бедре, мм	Медиана	5,4	6,3	5,6	ns
	МКР	2,4	3,1	2,4	

Примечания: МКР — межквартильный размах; ns — *p*-значение больше порогового.

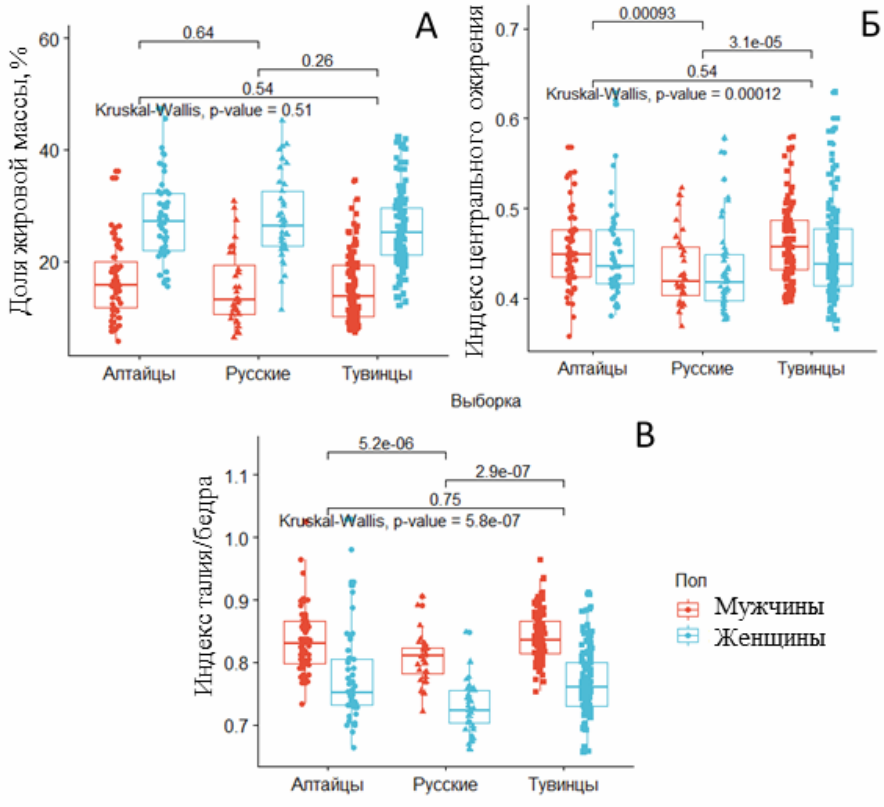


Рис. Распределение показателей (ось Y) доли жировой массы тела (А), индекса центрального ожирения — ИТР (Б), индекса талии/бедра — ИТР (В) в трех этнических группах обследованных мужчин и женщин.
Fig. Distribution (Y axis) of body fat mass content (Panel A), waist to height ratio — WHtR (Panel Б), waist to hip ratio — WHR (Panel B) based on sex and ethnicity.

Среди мужчин 19 % (95 % ДИ: 13 % — 24 %) обследованных были с ИТР, превышающим пороговые значения (ИТР > 0,5), среди женщин — 15 % (95 % ДИ: 11 % — 21 %). Почти все обследованные, чей ИТР был выше порогового, обладали избыточной массой тела (ИМТ ≥ 25 кг/м^2). Среди мужчин признаки центрального ожирения встречались у 18 % тувинцев (95 % ДИ: 12 % — 27 %), 19 % алтайцев (95 % ДИ: 12 % — 31 %) и 12 % русских (95 % ДИ: 55 % — 25 %). Среди женщин ИТР был выше порогового значения (ИТР > 0,5) у 15 % тувинок (95 % ДИ: 9 % — 22 %), 18 % алтаек (95 % ДИ: 10 % — 30 %) и 12 % русских (95 % ДИ: 5 % — 25 %). Среди тех, чей вес находился в норме (ИМТ < 25 кг/м^2), обнаруживались обследованные с избыточным жироотложением (% жира > 30 % у женщин и 25 % у мужчин) — состоянием, известным как скрытое ожирение. Количество обследованных женщин с признаками скрытого ожирения был распределен равномерно: 14 % (95 % ДИ: 7 % — 28 %) среди русских, 12 % (95 % ДИ: 6 % — 24 %) среди алтаек, 10 % (95 % ДИ: 6 % — 17 %) среди тувинок. Среди мужчин признаки скрытого ожирения были обнаружены только у 1–2 % обследованных.

В обследованной выборке алтайцев, русских и тувинцев частоты встречаемости минорных аллелей *UCP1*G* составили 0,18; 0,14 и 0,45; *UCP2*T* — 0,1; 0,13 и 0,22; *UCP3*T* — 0,12; 0,20 и 0,19 соответственно. Частота минорных аллелей *UCP1* и *UCP2* была значимо выше в группе тувинцев ($p = 5\times10^{-4}$ и $p = 5\times10^{-4}$). Значимых ассоциаций между исследуемыми вариантами генов, а также рассчитанным суммарным рисковым генетическим индексом и антропометрическими показателями, отражающими количество жира и его топографию, в обследованных группах с учетом поправки на множественное тестирование обнаружено не было.

Обсуждение

В данном исследовании впервые для групп трудоспособного взрослого населения и молодежи Республик Алтай и Тува было проведено комплексное антропогенетическое обследование для изучения факторов, ассоциированных с выраженностью абдоминального жироотложения. В целом, обследованные группы мужчин и женщин из разных этнических групп обладают значениями ИМТ, обозначенными ВОЗ как нормальные (табл. 1 и 2). Чаще всего избыточный вес и ожирение встречаются среди взрослых алтайцев — 39 % обследованных. При этом максимальные значения ИМТ, соответствующие ожирению II степени, были обнаружены у алтаек и тувинок. Данные значения не встречаются у русских, а также у мужчин тувинцев и алтайцев. Доли обследованных с недостаточной массой тела (ИМТ < 18,5 кг/м^2) составили: 3 % мужчин и 6 % женщин у алтайцев, 6 % мужчин и 7 % женщин у русских, 5 % мужчин и 15 % женщин у тувинцев. Этническая принадлежность не оказывает влияния на количество жира, как на фоне объединенных групп, так и в подгруппах по полу. Мужчины из разных этнических групп не отличаются по массе тела, тогда как женщины демонстрируют значимые различия, обусловленные различиями между русскими и тувинками. Таким образом, количество жира не отличается между обследованными из разных этнических групп внутри подгрупп, сформированных по полу. При этом подтверждены известные межполовые различия в составе тела.

В объединенной выборке, а также в каждой из этнических подгрупп женщины обладали более низким значением обхвата талии, массы ($p = 7\times10^{-13}$) и длины тела ($p = 3\times10^{-13}$), индексов массы тела ($p = 0{,}03$), талии/бедра ($p = 2\times10^{-16}$) и талия/рост ($p = 1\times10^{-2}$), содержанием безжировой ($p = 2\times10^{-16}$) и скелетно-мышечной массы тела ($p = 2\times10^{-16}$), а также более высоким содержанием жировой массы ($p = 2\times10^{-16}$) тела по сравнению с мужчинами (табл. 1 и 2, рис., А). Антропометрические индексы позволяют оценить топографию жира, а она является независимым фактором развития многих заболеваний, коморбидных ожирению [Ashwell, Hsiesh, 2005; Tomas et al., 2019]. Индекс талия/бедра, который позволяет определить андроидный (мужской, абдоминальный) и гиноидный (женский, глютео-феморальный) тип жироотложения, имеет выраженный половой диморфизм в каждой из обследованных этнических групп: у мужчин значения выше, чем у женщин, что свидетельствует о большей выраженности центрального ожирения. Абсолютные и относительные значения жировой массы тела у мужчин ниже, чем у женщин, поэтому большие значения индекса талия/бедра в подгруппах мужчин являются свидетельством развития центрального ожирения, а также косвенным свидетельством висцерального жироотложения (рис., Б). Это свидетельствует о высоких рисках развития заболеваний, коморбидных центральному ожирению [Tomas at al., 2019].

Однако в некоторых случаях оценка выраженности центрального ожирения по ИТБ может давать ошибочные результаты. У людей с недостатком массы тела и/или низкой жировой мас-

сой обхваты талии и бедер могут быть практически одинаковы и ИТБ оказывается близким к единице, однако говорить о наличии абдоминального типа ожирения в таком случае нельзя. Поэтому были разработаны другие индексы, позволяющие оценить топографию жироотложения. Так, тувинцы и алтайцы обладали более высокими значениями ИТР (0,46 и 0,44 против 0,42, $p = 2\times10^{-3}$ у мужчин и 0,44 и 0,43 против 0,42, $p = 2\times10^{-2}$ у женщин) по сравнению с группой русских (рис., В). Пороговые значения для ИТР были выбраны согласно рекомендациям, представленным в работе Ashwell и коллег [Ashwell, Hsieh, 2005]. Высокие значения индекса талия/рост (WHtR > 0,5) ассоциированы с особенностями образа жизни (курение, диета, уровень физической активности) и риском развития различных хронических неинфекционных заболеваний, развивающихся на фоне центрального ожирения [Corrêa et al., 2019]. Обследованные группы в целом имеют значимые различия по данному признаку, при этом у русских значения наименьшие, а алтайцы и тувинцы не отличаются друг от друга. Значения ИТР не отличаются между мужчинами и женщинами в пределах одной этнической группы, а также в обобщенной выборке, т.е. данный индекс не демонстрирует полового диморфизма во взрослой популяции. При этом наибольший процент вариативности ИТР объяснялся этнической, а не половой принадлежностью. Модель, включающая пол, возраст, генетические предикторы и этническую принадлежность, объясняет 8 % изменчивости ИТР, тогда как на фактор этнической принадлежности приходится 4,6 % изменчивости.

Тувинцы, обследованные в рамках данной работы, кроме выраженной тенденции к преимущественно абдоминальной топографии жироотложения и центральному ожирению, в отличие от алтайцев демонстрируют высокий уровень скелетно-мышечной массы (табл. 1 и 2). Развитие мускулатуры, вероятно, свидетельствует о более высоком уровне физической активности. При этом обследованные, которые вели активный образ жизни, не отличались по доле жировой массы и ИТР от обследованных, не занимающихся спортом. С учетом этого избыточная масса тела и высокие значения индексов, указывающих на абдоминальную топографию жироотложения, позволяют предположить, что жировая масса у тувинцев накапливается в результате нерационального питания, возможно связанного с избытком в рационе высококалорийных продуктов глубокой промышленной переработки и постепенным отказом от традиционной диеты. Такие изменения в диете свойственны главным образом населению городов. Одновременно у тувинцев около 20 % обследованных имеют недостаток массы тела, что также может являться признаком нерационального питания [Popkin et al., 2020].

Сравнительный анализ частот встречаемости генотипов и аллелей генов разобщающих белков показал, что у тувинцев значимо выше частоты встречаемости «бережливых» аллелей, которые являются маркерами предрасположенности человека к набору жировой массы, центральному ожирению, в том числе за счет висцерального жира, а также к кардиометаболическим заболеваниям [Pravednikova et al., 2020]. Тем не менее ассоциативное исследование вариантов генов разобщающих белков *UCP1–3* не выявило каких-либо связей с признаками или индексами, отражающими количество жира и его топографию ни в одной из обследованных этнических групп.

С одной стороны, влияние генетических маркеров на исследуемые признаки может зависеть от этнической принадлежности. Ранее были показаны ассоциации «бережливого» аллеля *UCP1* с количеством жира и центральным ожирением у русских женщин вне зависимости от уровня физической активности [Парфентьева, 2020]. Также для этнических алтайцев и монголов нами были показаны ассоциации А-аллеля *FTO* с повышенной предрасположенностью к накоплению жировой массы тела [Бондарева и др., 2018]. С другой стороны, ассоциации «бережливых» аллелей разобщающих белков могут проявляться в более позднем возрасте, а также на выборках большего размера. В перспективе необходимо проведение комплексных антропогенетических исследований с увеличением числа добровольцев старшего возраста, людей с подтвержденными диагнозами заболеваний сердечно-сосудистой системы, диабетом 2 типа и метаболическим синдромом, а также тех, кто придерживается традиционной диеты и образа жизни.

Заключение

Результаты, полученные в данном исследовании, позволяют заключить, что среди трех обследованных этнических групп алтайцы и тувинцы обладают сходным комплексом антропогенетических характеристик. В группе тувинцев наиболее выражена склонность к абдоминальному жироотложению. Отсутствие различий между обследованными по толщинам кожно-жировых складок на фоне различий в индексе талия/рост являются косвенными свидетельствами развития висцерального жироотложения в большей степени характерного для алтайцев и тувинцев, чем для русских. В

дальнейшем необходимо расширить возрастной диапазон обследованных, проанализировать влияние количества родов у женщин на выраженность центрального ожирения, а также использовать данные о пищевых привычках и особенностях диеты.

Финансирование. Исследование проведено при финансовой поддержке грантов РФФИ № 20-49-040004 (для Е.В. Поповой), № 18-59-94015 (для Э.А. Бондаревой и О.И. Парфентьевой) и плановой темы АААА-А19-119013090163-2 «Антропология евразийских популяций (биологические аспекты)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан З.В. Социальная адаптация населения Тувы к современным экономическим преобразованиям // Управление ресурсным потенциалом регионов на базе геоинформационных технологий / Отв. ред. В.И. Лебедев, Е.А. Мамаш. Кызыл: ТувИКОПР, 2010. 138 с. С. 45–52.

Бондарева Э.А., Махалин А.В., Попова Е.В., Отгон Г., Задорожная Л.В. и др. Предрасположенность к ожирению среди различных этнических групп на территории России и Монголии, обусловленная полиморфизмом гена FTO // Вестник МГУ. Сер. 23, Антропология. 2018. № 4. С. 43–48.

Маурер А.М., Бацевич В.А., Пермякова Е.Ю., Ясина О.В. Сравнительные исследования возрастной и временной динамики кефалометрических признаков и антропологическая фотография у современных тувинских школьников при экологических изменениях в популяциях // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 104–119. https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.8

Негашева М.А. Основы антропометрии: Учеб. пособие. М.: Экон-Информ, 2017. 216 с.

Николаев Д.В., Смирнов А.В., Бобринская И.Г., Руднев С.Г. Биоимпедансный анализ состава тела человека. М.: Наука, 2009. 392 с.

Парфентьева О.И. Ассоциации -3826 A>G полиморфизма гена ucp1 (rs1800592) и уровня физической активности с центральным ожирением // Вестник МГУ. Сер. 23, Антропология. 2020. № 4. С. 90–98.

Хомякова И.А., Балинова Н.В. Антропологические исследования в Республике Алтай: Предварительный анализ морфологических особенностей северных и южных алтайцев // Вестник МГУ. Сер. 23, Антропология. 2017. № 4. С. 28–41.

Ashwell M., Hsieh S.D. Six reasons why the waist-to-height ratio is a rapid and effective global indicator for health risks of obesity and how its use could simplify the international public health message on obesity // Int. J. Food Sci. Nutr. 2005. 56 (5). P. 303–307. https://doi.org/10.1080/09637480500195066

Brondani L.A., Assmann T.S., de Souza B.M., Bouças A.P., Canani L.H. et al. Meta-analysis reveals the association of common variants in the uncoupling protein (UCP) 1–3 genes with body mass index variability. PLoS One. 2014. 9 (5). e96411. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0096411

Corrêa M.M., Facchini L.A., Thumé E., Oliveira E.R.A., Tomasi E. The ability of waist-to-height ratio to identify health risk // Rev. Saude Publica. 2019. 53 (66). https://doi.org/10.11606/s1518-8787.2019053000895

McCafferty B.J., Hill J.O., Gunn A.J. Obesity: Scope, Lifestyle Interventions, and Medical Management // Tech Vasc Interv Radiol. 2020. 23 (1). 100653. https://doi.org/10.1016/j.tvir.2020.100653

Popkin B.M., Corvalan C., Grummer-Strawn L.M. Dynamics of the double burden of malnutrition and the changing nutrition reality // Lancet. 2020. 395 (10217). P. 65–74. https://doi.org/10.1016/S0140-6736(19)32497-3

Pravednikova A.E., Shevchenko S.Y., Kerchev V.V., Skhirtladze M.R., Larina S.N. et al. Association of uncoupling protein (Ucp) gene polymorphisms with cardiometabolic diseases // Mol Med. 2020. 26 (1). P. 51–60. https://doi.org/10.1186/s10020-020-00180-4

Tomas Ž., Škarić-Jurić T., Petranović M.Z., Jalšovec M., Šikanjić P.R. et al. Waist to height ratio is the anthropometric index that most appropriately mirrors the lifestyle and psychological risk factors of obesity // Nutr Diet. 2019. 76 (5). P. 539–545. https://doi.org/10.1111/1747-0080.12520

Zuur A.F., Ieno E.N., Elphick C.S. A protocol for data exploration to avoid common statistical problems // Methods Ecol. Evol. 2010. 1 (1). P. 3–14. https://doi.org/10.1111/j.2041-210X.2009.00001.x

Parfenteva O.I. [a, *], Pravednikova A.E. [b], Aiyzhy E.V. [c], Popova E.V. [d], Balinova N.V. [e], Zadorozhnaya L.V. [a], Khomyakova I.A. [a], Bondareva E.A. [f]

[a] Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya st., 11, Moscow, 125009, Russian Federation
[b] Institute of Gene Biology RAS, Vavilova st., 34/5б, Moscow, 119334, Russian Federation
[c] Tuvan State University, Lenina st., 5, Kyzyl, 667000, Russian Federation
[d] Gorno-Altai State University, Lenkina st., 1, Gorno-Altaisk, 649000, Russian Federation
[e] Research Centre for Medical Genetics, Moskvorechye st., 1, Moscow, 115522, Russian Federation
[f] Federal Research and Clinical Center of Physical-Chemical Medicine Federal Medical Biological Agency
Malaya Pyrogovskaya st., 1a, Moscow, 119435, Russian Federation
E-mail: parfenteva.olga@gmail.com (Parfenteva O.I.); pravednikova.anya@yandex.ru (Pravednikova A.E.); balinovs@mail.ru (Balinova N.V.); ms.biolog@mail.ru (Popova E.V.); aiygy@mail.ru (Aiyzhy E.V.); mumla@rambler.ru (Zadorozhnaya L.V.); irina-khomyakova@yandex.ru (Khomyakova I.A.); Bondareva.E@gmail.com (Bondareva E.A.)

Central obesity in the adult populations of the Altai Republic and the Republic of Tuva. Anthropological and genetic aspects

In the present study, we identified the factors affected central obesity prevalence in the adult Altains, Russians and Tuvans permanently residing in the Altai and the Tuva Republics. The data was collected in 2018–2020. The examination program included anthropometrical examination and the genetic testing of females and males, aged 18–35 years. Anthropometrical examination was carried out in accordance with the guidelines accepted in the Research Institute and Museum of Anthropology. Body composition was analyzed by bioelectrical impedance analyzer. The SNPs rs1800592 *UCP1*, rs660339 *UCP2* and rs1800849 *UCP3* were assessed. The prevalence analyses of underweight, overweight and general obesity in the groups of female and males were conducted. The anthropometric indices were used to estimate the prevalence of central obesity. General obesity occurred more often in the group of Altai people, whereas in the Tuva people the central obesity is more pronounced. The Altai and Tuva people are alike in the total body measurements, whereas Russians were significantly higher. All studied groups demonstrated the sexual dimorphism of the body composition and waist to hip ratio. No significant differences in waist to height ratio between males and females were identified in the studied groups. No association between genetic variants and the obesity-related traits, which reflect the body fat and its distribution, was revealed. All factors included in the model are able to predict 8 % of the variability of the central obesity-related traits. Ethnic background contributes the most to the variability of the central obesity index.

Keywords: biological anthropology, central obesity, WHtR, Tuva, Altai, adults, UCP.

Funding. The study was supported by RFBR grants No. 20-49-040004 (for E.V. Popova), No. 18-59-94015 (for E.A. Bondareva and O.I. Parfentyeva) and the planned topic AAAA-A19-119013090163 -2 "Anthropology of Eurasian populations (biological aspects).

REFERENCES

Anaiban, Z.V. (2010). Social adaptation of the population of Tuva to modern economic transformations. In: V.I. Lebedev, E.A. Mamash (Eds.). *Upravlenie resursnym potentsialom regionov na baze geoinformatsionnykh tekhnologii*. Kyzyl: TuvIKOPR, 45–52. (Rus).

Bondareva, E.A., Makhalin, A.V., Popova, E.V., Otgon, G., Zadorozhnaya, L.V., et al. (2018). Obesity predisposition associated with FTO gene polymorphism among different ethnic groups of Russia and Mongolia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria XXIII, Antropologia*, (4), 43–48. (Rus.). https://doi.org/10.32521/2074-8132.2018.4.043-048

Brondani, L.A., Assmann, T.S., de Souza, B.M., Bouças, A.P., Canani, L.H., et al. (2014). Meta-analysis reveals the association of common variants in the uncoupling protein (UCP) 1–3 genes with body mass index variability. *PLoS One*, 9(5), e96411. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0096411

Corrêa, M.M., Facchini, L.A., Thumé, E., Oliveira, E.R.A., Tomasi, E. (2019). The ability of waist-to-height ratio to identify health risk. *Rev. Saude Publica*, 53(66), https://doi.org/10.11606/s1518-8787.2019053000895

Khomyakova, I.A., Balinova, N.V. (2017). Anthropological research in the Altai Republic: Preliminary analysis of the morphological features of the Southern and Northern Altaians. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria XXIII, Antropologia*, (4), 28–41. (Rus.). https://doi.org/10.32521/2074-8132.2017.4.028-041

Maurer, A.M., Batsevich, V.A., Permiakova, E.Yu., and Yasina, O.V. (2020). A comparative study of age and temporal dynamics of cephalometric characteristics and anthropological photography in modern Tuvan schoolchildren under environmental changes in populations. *Novyye issledovaniya Tuvy*, (4), 104–119. (Rus.). https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.8

McCafferty, B.J., Hill, J.O., Gunn, A.J. (2020). Obesity: Scope, Lifestyle Interventions, and Medical Management. *Tech Vasc Interv Radiol*., 23(1), 100653. https://doi.org/10.1016/j.tvir.2020.100653

* Corresponding author.

Negasheva, M.A. (2017). *The fundamentals of anrhtopometry*. Moscow: Econ-Inform. (Rus.).

Nikolaev, D.V., Smirnov, A.V., Bobrinskaya, I.G., Rudnev, S.G. (2009). Bioelectric impedance analysis of human body composition. Moscow: Nauka. (Rus.).

Parfenteva, O.I. (2020). Association of 3826A >G UCP1 gene polymorphism and physical activity level with central obesity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria XXIII, Antropologia*, (4), 90–98 https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.4.090-098

Popkin, B.M., Corvalan, C., Grummer-Strawn, L.M. (2020). Dynamics of the double burden of malnutrition and the changing nutrition reality. *Lancet*, 395(10217), 65–74. https://doi.org/10.1016/S0140-6736(19)32497-3

Pravednikova, A.E., Shevchenko, S.Y., Kerchev, V.V., Skhirtladze, M.R., Larina, S.N., et al. (2020). Association of uncoupling protein (Ucp) gene polymorphisms with cardiometabolic diseases. *Mol Med*., 26(1), 51–60. https://doi.org/10.1186/s10020-020-00180-4

Tomas, Ž., Škarić-Jurić, T., Petranović, M.Z., Jalšovec, M., Šikanjić, P.R., et al. (2019). Waist to height ratio is the anthropometric index that most appropriately mirrors the lifestyle and psychological risk factors of obesity. *Nutr Diet*, 76(5), 539–545. https://doi.org/10.1111/1747-0080.12520

Zuur, A.F., Ieno, E.N., Elphick, C.S. (2010). A protocol for data exploration to avoid common statistical problems. *Methods Ecol. Evol*., 1(1), 3–14. https://doi.org/10.1111/j.2041-210X.2009.00001.x

Парфентьева О.И., https://orcid.org/0000-0001-7895-6887
Праведникова А.Э., https://orcid.org/0000-0002-4572-5318
Айыжы Е.В., https://orcid.org/0000-0002-4289-3543
Попова Е.В., https://orcid.org/0000-0002-4241-3669
Балинова Н.В., https://orcid.org/0000-0001-9493-6544
Задорожная Л.В., https://orcid.org/0000-0002-3143-3226
Хомякова И.А., https://orcid.org/0000-0002-2811-2034
Бондарева Э.А., https://orcid.org/0000-0003-3321-7575

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 05.12.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-12

Сюткина Т.А.

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский проспект, 32а, Москва, 119334
E-mail: syuttaya@gmail.com

ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ СЕРИЙ КУБЫ ДОКОЛУМБОВОЙ ЭПОХИ

Представлен палеопатологический анализ двух краниологических серий доколумбового населения Кубы. Сравнение серий между собой обнаруживает близкие показатели встречаемости всех патологий, кроме зубного камня, процент которого выше в серии земледельцев. Зафиксированные патологические маркеры могут свидетельствовать о перенесенных заболеваниях и нарушениях различной природы. Доля вероятных следов травматических повреждений невелика в обеих группах. Для деформированной серии отмечена преждевременная облитерация швов черепа.

Ключевые слова: палеопатология, антропология Кубы, искусственная деформация черепа, зубочелюстные патологии.

Введение

Палеопатологическое исследование дает возможность расширить имеющиеся представления о жизни древних обществ путем анализа патологических изменений, зафиксированных на скелетных останках. Однако зачастую исследуемое население представлено лишь небольшой остеологической серией, доступной для изучения. Полученных в результате данных может быть недостаточно для адекватной биоархеологической реконструкции, хотя действительно репрезентативная и хорошо документированная серия — редкость в антропологии. Так, по мнению Д. Ортнера, для того чтобы можно было получить надежные данные о распространенности определенных болезней в изучаемой группе, серия должна включать останки не менее чем тысячи индивидов [Ortner, 2009, p. 330].

Тем не менее детальное исследование патологических маркеров даже небольшой серии представляет научную ценность при отсутствии других источников информации. Полученные данные дополняются по мере увеличения источниковой базы исследования, что углубляет наше понимание некоторых происходивших в древности процессов. В настоящей статье рассматриваются показатели состояния здоровья населения Кубы доколумбовой эпохи по итогам изучения двух краниологических серий. Поскольку материалы немногочисленны, представлены только черепами, а информация об археологическом контексте и датировке доступна далеко не для всех индивидов, главная цель исследования — зафиксировать наблюдаемые патологические изменения в каждой из серий.

Коренное население Кубы было представлено двумя резко отличающимися друг от друга группами. Первая из них заселяла остров приблизительно с III тыс. до н.э. [Napolitano et al., 2019, p. 7] и, по некоторым данным, до появления в конце XV в. на острове Колумба и его людей, хотя ареал занимаемой ими территории к этому моменту сузился до двух самых западных провинций современной Кубы [Александренков, 1998, с. 40]. Эта группа известна в литературе под названиями «сибонеи», «население докерамической культуры», «архаическая группа». Традиционно считалось, что это население вело присваивающее хозяйство, однако в последние годы накопились убедительные свидетельства в пользу того, что как минимум одна локальная группа сибонеев, Канимар Абахо, занималась примитивным земледелием [Chinique de Armas et al., 2015]. В настоящем исследовании эта информация важна для интерпретации причин зубочелюстных патологий. Вторая серия представляет более позднее население Кубы — самые ранние археологические памятники этой культуры датируются VI в. н.э. [Torres Etayo, 2006, p. 35]. Она известна под названиями «таино» или «население керамической культуры» и археологически лучше изучена, чем предыдущая. Представители этой культуры составляли основное население острова к моменту контакта с европейцами, в результате которого численность коренных жителей резко сократилась уже к концу XVI в. [Александренков, 1998, с. 49]. Таино занимались земледелием, изготавливали керамические изделия и практиковали искусственную деформацию черепа лобно-затылочного типа (*tabular oblicua* в терминологии Х. Имбел-

лони [Dembo, Imbelloni, 1938]), широко распространенного на всем американском континенте. Изменение формы черепа производилось при помощи двух дощечек, привязывавшихся к голове младенца в течение нескольких месяцев на первом году жизни [Duijvenbode van, 2017].

Происхождение более древнего населения, сибонеев,— вопрос, до сих пор остающийся невыясненным. Есть основания полагать, что они имеют южноамериканское происхождение [Fernandes et al. 2021; Nägele et al., 2020], однако до сих пор неизвестно, можно ли говорить о единстве населения этого периода. В настоящее время в кубинской археологии утвердился взгляд на него как на культурный этап, который может объединять разные культурные традиции и разные группы населения (в том числе по происхождению). Путь миграции таино, носителей керамической культуры, следовал из долины р. Ориноко в Южной Америке до Больших Антильских островов, на что указывает большая часть данных.

Кубинские палеоантропологические материалы находятся в фокусе внимания исследователей разных направлений с конца XIX — начала XX в. (см. подробный обзор в: [Syutkina et al., 2021]). Краниометрическая характеристика небольших по размеру серий, представляющих доземледельческое и земледельческое доколумбово население Кубы, дана в работах зарубежных (напр.: [Pospisil, Rivero de la Calle, 1964; Herrera Fritot, 1964]) и отечественных [Алексеев 1986; Гинзбург, 1967] антропологов; серий, близких по составу к проанализированным в настоящей работе,— в предыдущих публикациях автора [Сюткина, 2017, 2018]. Палеопатологический анализ кубинских материалов предпринимался Торресом и Риверо де ля Калье [Torres, Rivero de la Calle, 1972] — в отличие от настоящей работы, авторы имели доступ также к костям посткраниального скелета, происходящим из раскопок памятников древнего населения.

Материалы и методы

Изученные материалы включают две краниологические серии доколумбового населения Кубы. Несмотря на то что все они происходят с памятников, расположенных по всей территории острова, предыдущие исследования показали отсутствие оснований для выделения территориальных групп внутри каждой из культур [Syutkina et al., 2021]. Кроме того, нам неизвестны датировки для каждого конкретного черепа, поэтому все материалы рассматриваются в рамках двух серий (сибонеев и таино), представляющих различное по культуре население в широких хронологических рамках. Следует отметить, что в серии таино деформированы все черепа до единого, а среди сибонеев искусственная деформация черепа не встречается.

Серии имеют сборный характер и изучались автором в различных музеях и коллекциях Кубы. Большая часть материалов (35 черепов сибонеев и 21 — таино) хранится в Антропологическом музее Монтане на биологическом факультете Университета Гаваны — это черепа, происходящие с памятников с территории всего острова. Эта коллекция имеет давнюю историю и достаточно подробный каталог, содержащий все доступные сведения о происхождении материалов. К сожалению, составлялся он значительно позже, чем формировалась сама коллекция, и о многих ранних материалах сведения скудны: ограничиваются именем автора находки, датой или сведений вовсе не содержится. Печально известны случаи начала XX в., когда для «археологических исследований» привлекались крестьяне, которым обещали вознаграждение за найденные в пещерах черепа [Tabio, Rey, 1979]. Лучше всего задокументирована серия, происходящая из раскопок Канимар Абахо, памятника, исследования которого ведутся с 2010 г. по настоящее время международной командой специалистов [Chinique de Armas et al., 2015]. Три черепа сибонеев хранятся в музее Эль Морийо в Матансас, это исключительно локальные находки. Также три черепа (один сибоней и два таино) были изучены в хранилище Университета Сантьяго — известно происхождение только одного из них, найденного в Баракоа (однако неизвестно, кем и когда). Четыре черепа таино хранились в Археологическом музее Баракоа — его коллекция формируется местными археологами-любителями. Наконец, один череп сибонея, из зоны Сьенага-де-Сапата на востоке острова, был изучен в Управлении историка города Матансас. Более подробную информацию о кубинских доколумбовых краниологических сериях можно найти в публикации, посвященной краниометрическому анализу доколумбова населения Кубы [Syutkina et al., 2021]. Все материалы были изучены автором статьи во время поездки на Кубу в апреле — мае 2017 г.

Состав каждой серии с разделением по полу и возрасту приведен в табл. 1. Пол и возраст индивидов оценивались по традиционным для отечественных антропологов методикам [Алексеев, Дебец, 1964]. Определение возраста осложнялось тем, что искусственная деформация черепа меняет рисунок зарастания швов, а сохранность зубов не всегда позволяет определить

возраст, опираясь только на степень их стертости. В связи с этим все индивиды были отнесены в две широкие возрастные категории: *adultus* (18–35 лет) и *maturus+senilis* (старше 35 лет). Детские черепа в исследование не включены.

Таблица 1

Количественный состав изученных серий (число черепов)

Table 1

Sample composition (the number of crania)

	Сибонеи (недеформированные)		Таино (деформированные)	
Мужчины	*Adultus*	*Maturus+senilis*	*Adultus*	*Maturus+senilis*
	16	14	12	6
Всего	30		18	
Женщины	*Adultus*	*Maturus+senilis*	*Adultus*	*Maturus+senilis*
	6	4	5	4
Всего	10		9	
Суммарно	40		27	

Состояние здоровья зубочелюстной системы индивидов в каждой из выборок оценивалось по частотам встречаемости кариеса и зубного камня (относительно количества исследованных зубов), абсцессов и прижизненной утраты зубов (относительно количества альвеолярных ячеек). Все признаки регистрировались альтернативно, т.е. только как присутствующие или отсутствующие. Наличие кариеса фиксировалось только при наличии кариозной полости любой локализации, зубного камня — только начиная с балла 2 по шкале, предложенной К. Добни и Д. Бротвеллом [Dobney, Brothwell, 1987]. Этот балл присваивается случаям с очевидными отложениями зубного камня сплошным плотным слоем, в отличие от тонких отложений, формирующих горизонтальные полосы, которым присваивается балл 1. Хотя такой подход занижает реальную частоту встречаемости признака и затрудняет межгрупповые сравнения с другими выборками, только начиная с балла 2 можно с достаточной степенью уверенности дифференцировать зубной камень и кальцитовые отложения, которыми часто покрыты кубинские палеоантропологические находки. Изолированных зубов в изученной выборке не было — все зубы находились в челюсти.

Частоты зубочелюстных патологий сравнивались между мужской и женской выборками в каждой серии, между двумя возрастными когортами внутри серий и между обеими сериями в целом с применением критерия хи-квадрат Пирсона с поправкой Йейтса на непрерывность. Внесение последней обусловлено малой численностью наблюдений в некоторых подгруппах.

Также, согласно классификации Д. Ортнера, на черепах фиксировался ряд палеопатологических маркеров [Ortner, 2003, с. 50–51]. В ее рамках все отмеченные изменения делятся на четыре широкие категории вне зависимости от причины появления: аномальный размер кости, аномальная форма кости, аномальное костеобразование и аномальная деструкция костной ткани. В каждой категории выделены подкатегории в зависимости от типа и/или степени заживления зафиксированного патологического маркера. Таким образом, задачей исследования стал сбор первичных данных, которые затем могут быть использованы для дифференциальной диагностики отдельных случаев патологий.

Результаты и обсуждение

Анализ зубочелюстных патологий

Результаты анализа зубочелюстных патологий представлены в табл. 2, некоторые примеры — на рис. 1. Всего сохранилось 164 зуба (29,2 % от максимально возможного количества) в серии сибонеев и 57 (12,8 %) в серии таино. Такая разница обусловлена преимущественно посмертной утратой зубов во втором случае.

В выборке сибонеев все патологические маркеры чаще фиксируются среди мужской ее части — эти различия особенно выражены в частоте встречаемости абсцессов ($\chi^2 = 4{,}9$ при $p = 0{,}03$) и кариеса ($\chi^2 = 3{,}6$ при $p = 0{,}06$). В выборке таино абсцессы и прижизненная утрата зубов (ПРУЗ) примерно одинаково распространены среди мужчин и женщин, а кариес и зубной камень чаще фиксируются у мужчин, хотя различия статистически недостоверны. Возможно, это связано с малой численностью сохранившихся зубов в и без того малочисленной женской части серии таино. Отмеченные межполовые соотношения нетипичны: например, кариес, как правило, чаще поражает женскую часть населения сильнее, чем мужскую [Lukacs, Largaespada, 2006],— это связывают с гормональными различиями в регуляции состава слюны, родами и большей вовлеченностью женщин в приготовление пищи. Результаты настоящего исследования могут либо отражать суще-

ственную разницу в рационе питания мужчин и женщин среди сибонеев, либо являться следствием малочисленности женской выборки. Этнографических данных по доземледельческому населению Кубы, которые могли бы послужить опорой для такого предположения, нет.

Таблица 2

Количество зубов и альвеол с зубочелюстными патологиями в изученных краниологических сериях, %(*n*/*N*) *

Table 2

Number of teeth and alveoli with pathologies in the studied samples, %(*n*/*N*)

	Сохранилось зубов в челюсти	Кариес	Абсцесс	ПРУЗ **	Зубной камень
Сибонеи					
Всего	29,2(164/561)	23,8(39/164)	12,8(72/561)	34,4(193/561)	17,7(29/164)
В том числе без Канимар Абахо	27,7(105/379)	15,2(16/105)	12,9(49/379)	35,8(136/379)	19,0(20/105)
Мужчины	25,6(117/457)	28,2(33/117)	14,4(66/457)	34,7(159/457)	18,8(22/117)
Женщины	45,1(47/104)	12,7(6/47)	5,7(6/104)	32,7(34/104)	14,9(7/47)
Adultus	36,7(131/357)	21,4(28/131)	10,4(37/357)	25,5(91/357)	19,1(25/131)
Maturus+senilis	16,2(33/204)	33,3(11/33)	17,1(35/204)	50,0(102/204)	12,1(4/33)
Таино					
Всего	12,8(57/444)	24,6(14/57)	8,5(38/444)	39,2(174/444)	29,8(17/57)
Мужчины	13,0(41/316)	26,8(11/41)	8,2(26/316)	40,2(127/316)	36,6(15/41)
Женщины	12,5(16/128)	18,8(3/16)	9,3(12/128)	36,7(47/128)	12,5(2/16)
Adultus	18,5(50/270)	26,0(13/50)	7,0(19/270)	19,3(52/270)	34,0(17/50)
Maturus+senilis	4,0(7/174)	—	11,0(19/174)	70,1(122/174)	—

* Перед скобкой указан процент имеющихся или пораженных зубов (альвеол), в скобках — количество пораженных или имеющихся зубов (альвеол)/количество наблюдений.

** Прижизненная утрата зубов.

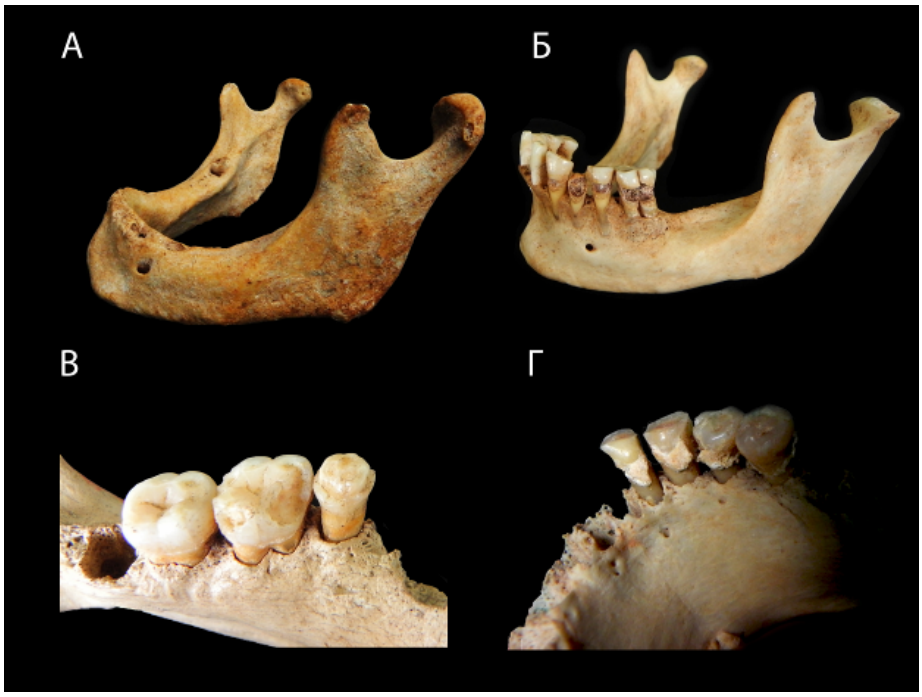


Рис. 1. Примеры зубочелюстных патологий в изученных краниологических сериях:
А — прижизненная утрата зубов; Б — пришеечный кариес; В — гипоплазия эмали; Г — зубной камень.

Fig. 1. Examples of oral pathologies in the studied samples:
А — antemortem dental loss; Б — cervical caries; В — enamel hypoplasia; Г — dental calculus.

При сравнении двух возрастных когорт внутри серии сибонеев отмечается ожидаемое возрастание в старшей когорте всех показателей кроме зубного камня, различия статистически значимы для абсцессов ($\chi^2 = 4{,}8$ при $p = 0{,}03$) и ПРУЗ ($\chi^2 = 33{,}5$ при $p < 0{,}01$). Вероятно, большая доля утраченных при жизни зубов (вследствие патологических процессов) в старшей группе как раз объясняет лишь небольшое увеличение частоты заболеваемости кариесом и снижение частоты зубного камня. В серии таино разницу между возрастными когортами удалось изу-

чить только для абсцессов и ПРУЗ, так как все семь сохранившихся зубов среди старшей возрастной группы принадлежат одному индивиду. Оба показателя значимо выше в когорте *maturus+senilis* (для абсцессов $\chi^2 = 18{,}3$ при $p < 0{,}01$; для ПРУЗ $\chi^2 = 112{,}7$ при $p < 0{,}01$).

Сравнение серий сибонеев и таино между собой обнаруживает очень близкие показатели встречаемости кариеса, абсцессов и ПРУЗ, наряду с более высоким процентом сильно развитого зубного камня в серии таино, хотя эта разница и не достигает уровня статистической значимости ($\chi^2 = 3{,}2$ при $p = 0{,}08$). В палеодиетологических исследованиях увеличение частоты встречаемости кариеса и уменьшение таковой зубного камня, как правило, связывается с увеличением доли земледелия в структуре хозяйства популяции [Тур, Рыкун, 2011, с. 342; Святко, 2014, с. 44; Turner II, 1979, p. 625]. С другой стороны, развитие как кариеса, так и зубного камня может иметь одни и те же причины. Во-первых, образование зубного налета способствует и тому, и другому процессу [Леус, 2007, с. 7]. Кроме того, потеря зубов-антагонистов, как вероятное следствие кариозных процессов, может препятствовать естественному очищению зубов вследствие неполноценного акта жевания и также являться причиной повышенного отложения зубного камня [Максимовский и др., 2002, с. 617–619]. Для уточнения результатов нашего исследования сравнение двух серий по всем показателям проведено повторно с исключением индивидов из памятника Канимар Абахо, для которых доказано использование продуктов примитивного земледелия. Все показатели, кроме кариеса, остались на прежнем уровне или изменились незначительно. Частота встречаемости кариеса у сибонеев упала с 24 % до 15 %, однако разница с показателем в 25 % у таино осталась статистически не достоверной.

Высокие показатели заболеваемости кариесом неудивительны для земледельцев, диета которых в значительной степени состоит из богатых углеводами продуктов. Однако этот факт требует дополнительного объяснения для населения доземледельческой культуры (за исключением группы из Канимар Абахо), основным источником пищи которого служили охота и собирательство. Палеодиетологическое исследование доземледельческих групп с запада острова [Chinique de Armas, 2014, p. 85–87] показало, что основу их питания составляли богатые белком морепродукты и мелкие млекопитающие, кроме того, значительная доля рациона приходилась на растительную пищу: дикие клубнеплоды, кукурузу, бобовые и фрукты. Клубнеплоды, кукуруза и некоторые фрукты, доступные коренному населению Кубы (например, манго, авокадо или гуава), богаты углеводами, что могло провоцировать кариесогенные ситуации [Crespo-Torres, 2019, p. 177]. Дж. Уотсон показал, что частота встречаемости кариеса у населения памятника Манго в Мексике была стабильно высокой (10–14 %) и практически не поменялась с переходом к земледелию, поскольку в доземледельческий период значительную долю рациона составляли богатые углеводами кактусы, агава и мескитовые бобы, которые впоследствии были заменены продуктами земледелия [Watson, 2008]. Исследование кариеса среди диких приматов показало, что он нередок и среди многих плодоядных видов [Towle et al., 2021].

Среди изученных индивидов в серии сибонеев также был особенно отмечен один необычный случай гипоплазии эмали. В фотографическом атласе патологий костного скелета визуально похожий случай описан как несовершенный амелогенез — генетическое заболевание, проявляющееся в нарушениях формирования зубной эмали [Mann, Hunt, 2005, p. 281]. В рассмотренном в настоящей статье случае (рис. 1, В) очевидным проявлением заболевания была только необычная форма второго нижнего премоляра, эмаль которого сформировалась лишь в центре, создав островок, возвышающийся над периметром окклюзивной поверхности зуба. У соседнего первого моляра также отсутствует часть эмали на мезио-лингвальной поверхности, однако трудно определить, является ли этот дефект следствием нарушения развития или эмалевым сколом, случившимся при жизни индивида. Для того чтобы говорить именно о генетической природе этого дефекта, данных недостаточно.

Другие патологические маркеры

Распределение изменений, зафиксированных на изученных черепах, отражает табл. 3. Изменения первой категории — кости аномально большого или маленького размера — не были зафиксированы ни разу. Аномальная форма в результате дефекта развития встречается у одного индивида мужского пола из серии таино в виде деформированного большого затылочного отверстия (рис. 2, А). К костям аномальной формы в результате биомеханического стресса по определению относятся все кости свода черепа у всех представителей группы таино, но более специфических случаев, выделяющих конкретных индивидов, ни в одной из серий отмечено не было. Третья подкатегория в категории аномальной формы кости: аномальная форма в резуль-

тате заживления травм. Травмы были предположены как наиболее вероятные причины следующих деформаций:

1. Сибонеи: а) три депрессии неправильной формы на затылочной кости — мужчина, *senilis*; б) щелевидный дефект со следами заживления на левой теменной кости протяженностью около 40 мм — мужчина, *maturus*; в) округлая депрессия диаметром 7 мм на правой теменной кости — мужчина, *adultus*; г) округлая депрессия диаметром 25 мм на правой теменной — мужчина, *adultus*; д) два перекрещенных щелевидных дефекта длиной около 50 мм со следами заживления — мужчина, *maturus*.

2. Таино: деформация носовых костей — мужчина, *maturus*.

Таблица 3

Патологические изменения, зафиксированные в изученных краниологических сериях, %(*n*) *

Table 3

Abnormalities in the studied samples, %(*n*)

Признаки	Недеформированные (*N* = 40)	Деформированные (*N* = 27)
I. Аномальный размер кости		
A. Аномальное маленький для данного пола и возраста	0	0
B. Аномально большой для данного пола и возраста	0	0
II. Аномальная форма кости		
A. Аномальная форма кости в результате дефектов развития	0	3,7(1)
B. Аномальная форма кости в результате биомеханического стресса	0	100(27)
C. Аномальная форма в результате заживления травм	12,5(5)	3,7(1)
III. Аномальное костеобразование		
A. Аномальное образование фиброзной ткани	2,5(1)	0
B. Аномальное образование компактной ткани 1. Остеомы 2. Поротические изменения наружной пластинки	 2,5(1) 10,0(4)	 3,7(1) 18,5(5)
C. Поражения, образованные губчатой тканью	0	0
IV. Ненормальная деструкция костной ткани		
A. Поражение без четкой границы	2,5(1)	0
B. Поражение с четкой границей без следов заживления	10,0 (4)	11,1(3)
C. Поражение с четкой границей со следами заживления	0	7,4(2)
D. Поражение с формированием новой ткани по краям	5,0(2)	0
E. Заживающее поражение с формированием новой ткани по краям	7,5(3)	7,4(2)
F. Локальный остеопоротический дефект	5,0(2)	0
G. Деструктивное ремоделирование	5,0(2)	0
J. Перелом	0	3,7(1)

* Перед скобкой указан процент случаев, в скобках — число случаев.

Третья категория изменений представлена аномальным костеобразованием. Аномальное образование фиброзной ткани в совокупной выборке зафиксировано только на одном черепе из группы сибонеев: у индивида женского пола обширные области обеих теменных и височных костей покрыты новообразованной фиброзной тканью, у него же отмечены многочисленные остеолитические поражения на лобной, теменной и затылочной костях. К аномальным образованиям компактной ткани относятся остеомы — доброкачественные новообразования, зафиксированные у одного индивида в каждой из серий. В серии сибонеев речь идет о единичной остеоме на левой теменной, в серии таино — о множественных (три — на лобной кости, две — на левой теменной, одна — на правой теменной). Наконец, поротические изменения наружной пластинки[1] — патологический маркер, присутствие которого в категории аномального костеобразования неоднозначно. Более традиционное наименование признака — поротический гиперостоз, под которым Д. Ортнер предлагает понимать любое утолщение костной ткани, сопровождающееся увеличенной порозностью, независимо от его происхождения [Ortner, 2003, p. 102]. Р. Манн и Д. Хант отмечают, что термин «поротический гиперостоз» применим только в тех случаях, когда одновременно наблюдаются утолщение костной ткани и порозность [Mann, Hunt, 2005, p. 19–20]; в случаях, когда имеет место только порозность без утолщения, предлагается термин «эктокраниальный пороз» или «поротические изменения наружной пластинки». Хотя в зафиксированных в настоящем исследовании случаях и отмечается видимое утолщение костной ткани, возможности формализовать эти наблюдения не было, поэтому нами используется термин, предложенный Р. Манном и Д. Хантом, но рассматриваются эти изменения в рамках категории «аномальное костеобразование». Данные

[1] В оригинале у Д. Ортнера — “porous compact bone”.

маркеры были отмечены у четырех индивидов среди сибонеев (10 %) и у пяти — среди таино (18,5 %). Во всех случаях изменения затрагивали теменные и затылочную кости. В нашей выборке не проявляется зависимость наличия этой аномалии от пола — она зафиксирована у двух мужчин и двух женщин среди сибонеев и у четырех мужчин и одной женщины среди таино. Три из четырех случаев эктокраниального пороза в серии сибонеев сопровождаются слабо выраженными соответствующими изменениями верхней стенки орбит (*cribra orbitalia*), у таино — только два. Можно предположить, что искусственная деформация является фактором, способствующим возникновению эктокраниального пороза за счет перераспределения толщины костной ткани и компенсаторной васкуляризации утолщенных областей. Такие эффекты были отмечены в исследованиях искусственно деформированных черепов при помощи рентгенографии [Grupe, 1984] и изучения силиконовых эндокастов [O'Loughlin, 1996], что в настоящем исследовании было невозможно, поэтому это предположение имеет очень предварительный характер.

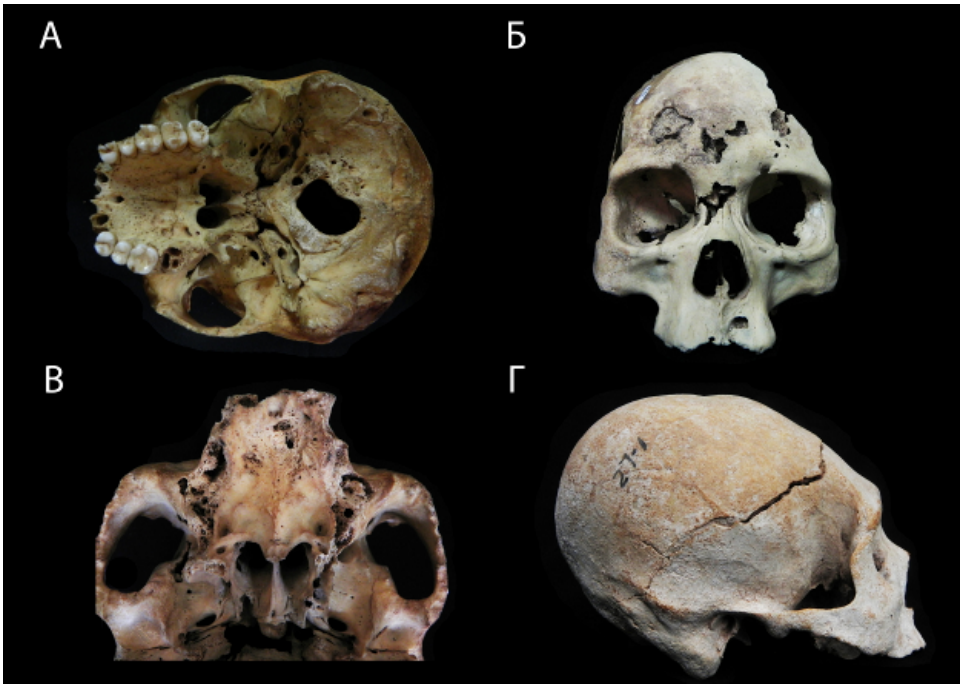


Рис. 2. Примеры некоторых патологических изменений, зафиксированных на изученных черепах:
А — деформированное большое затылочное отверстие; Б — остеолитические поражения с острыми краями без следов заживления; В — деструктивное ремоделирование костного неба; Г — поперечный линейный перелом черепного свода.
Fig. 2. Some abnormalities of the studied crania:
А — deformed *foramen magnum*; Б — osteolytic lesions with clear borders and no repair; В — destructive remodeling of the hard palate; Г — transverse linear fracture of the cranial vault.

Остеолитическая активность создает поражения разного внешнего вида в зависимости от скорости происходящего процесса. Агрессивно протекающий патологический процесс в активной стадии на момент смерти индивида создает остеолитические поражения без выраженных границ, со следами постепенного разрушения по краям. Поражение такого рода зафиксировано у одного индивида женского пола среди сибонеев и ни разу — у таино. Менее быстро протекающий процесс проявляется в поражениях с острыми краями, но без следов заживления (рис. 2, Б) — таких четыре (одно единичное и три множественных) в серии сибонеев и три — в серии таино (два единичных и одно множественное). Дальше по мере уменьшения скорости процесса или времени, прошедшего с момента его остановки, возможны следующие варианты поражений: поражение с четкой границей и со следами заживления (не встречается у сибонеев и дважды встречается у таино), поражение с формированием новой ткани по краям (два случая в серии сибонеев и ни одного — в серии таино), заживающее поражение с формированием новой ткани по краям (три случая у сибонеев и два — у таино). Также к категории остеолитических изменений относятся локальные остеопоротические дефекты (формально к ней могут быть отнесены два случая остеоартроза височно-нижнечелюстного сустава в недеформированной се-

рии), деструктивное ремоделирование (один случай деструктивного ремоделирования альвеолярного отростка и один — костного неба (рис. 2, В) среди сибонеев) и переломы. К подкатегории переломов был отнесен один случай: поперечный разлом, пересекающий весь свод черепа индивида мужского пола из выборки таино (рис. 2, Г), при этом не удалось однозначно определить, послужило ли это повреждение причиной смерти индивида или является результатом посмертных изменений. Общая доля индивидов с какими-либо зафиксированными патологическими изменениями на черепе приблизительно равна в обеих группах (табл. 4).

Таблица 4

Количество индивидов с единичными и множественными поражениями в изученных краниологических сериях, %(*n*) *

Table 4

The number of individuals with isolated and multiple lesions in the studied samples, %(*n*)

Интенсивность поражений	Недеформированные (*N* = 40)	Деформированные (*N* = 27)
Единичные	13(5)	19(5)
Множественные	10(4)	7(2)
Всего	23(9)	26(7)

* Перед скобкой указан процент случаев, в скобках — число черепов.

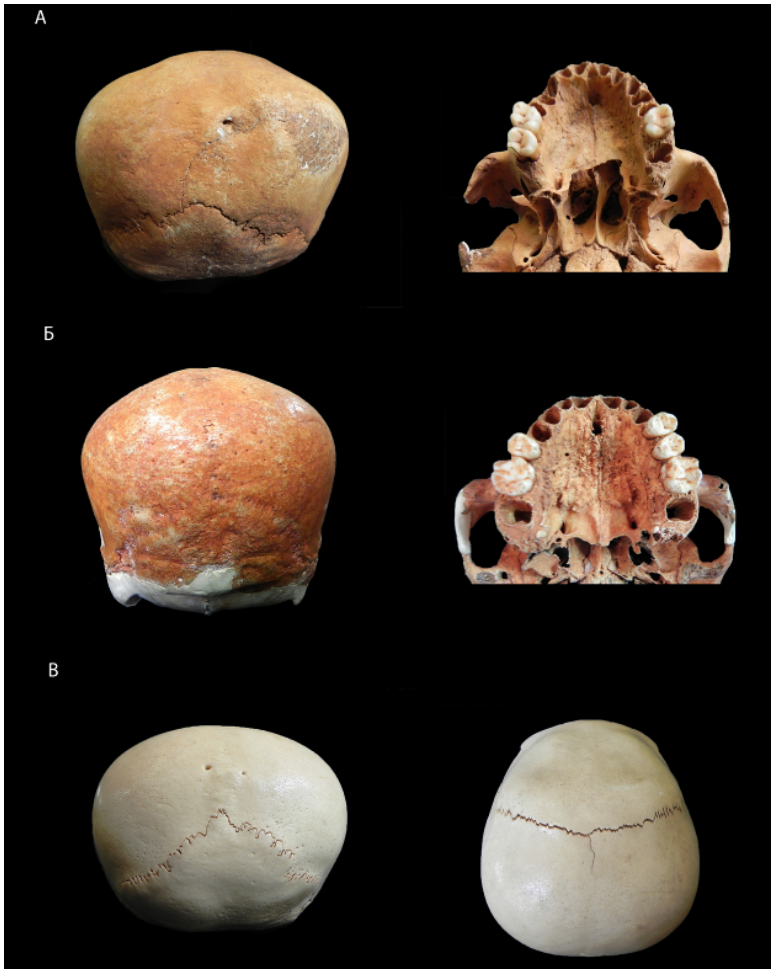


Рис. 3. Примеры преждевременного зарастания швов на деформированных черепах:
А — мужчина, *adultus*. Заросший сагиттальный и открытый лямбдовидный швы; Б — мужчина, *adultus*. Почти полностью заросшие сагиттальный и лямбдовидный швы; В — детский череп в двух нормах с почти полностью закрытым сагиттальным швом (детские черепа в рамках статьи не рассматриваются, фото представлено для примера).

Fig. 3. Early sutural obliteration in the deformed crania:
A — male, *adultus*. Closed sagittal and open lambdoid sutures; Б — male, *adultus*. Almost fully closed sagittal and lambdoid sutures; B — non-adult cranium with almost closed sagittal suture (non-adult crania are not analyzed in the paper).

Наконец, отдельно стоит сказать о феномене краниосиностоза в серии таино (где все черепа деформированы), в данном случае выражающегося в резком нарушении обычного порядка зарастания швов, по всей видимости, связанного с самой практикой деформации. Поскольку изучаемая серия представлена только черепами, а определение возраста по степени стертости зубов зачастую затруднено ввиду высокой частоты прижизненной их утраты и плохой сохранности серии в целом, однозначно установить факт преждевременности зарастания швов можно было не всегда. Как минимум в пяти случаях (19 %) этот феномен был хорошо заметен. При этом полностью облитерироваться может как один шов (чаще всего сагиттальный), так и несколько (рис. 3).

Заключение

В настоящей статье предложен пример палеопатологического исследования проблемной с точки зрения комплексного анализа серии. Дифференциальная диагностика конкретных патологических состояний не входила в задачи работы. При этом зафиксированные палеопатологические маркеры представляют собой первичный материал, который может быть использован для выяснения вероятных причин их появления с учетом специфики региона и эпохи. Так, наблюдаемые в двух исследованных сериях признаки могут свидетельствовать о перенесенных инфекционных, грибковых, неопластических заболеваниях. Доля вероятных следов травматических повреждений немного выше среди сибонеев, но в целом невелика в обеих. Характер распространения зубных патологий в двух изучаемых группах не отражает выраженных различий в здоровье зубочелюстной системы, и это несмотря на археологические свидетельства и данные изотопного анализа о том, что две группы придерживались принципиально разных хозяйственных и пищевых стратегий. Вероятно, это обусловлено высоким содержанием углеводов в растительной составляющей диеты группы с присваивающим типом экономики. Специфической для группы таино костной аномалией является очень раннее (для индивидов с установленным по степени стертости зубов возрастом) зарастание швов черепа или нарушение обычного порядка их синостозирования, что, вероятно, связано с практикой искусственной деформации. К ряду последствий этой практики с некоторой осторожностью можно также отнести повышенную частоту эктокраниального пороза на деформированных черепах. За исключением этих характерных для деформированной серии особенностей, существенной разницы в характеристике состояния здоровья обеих изученных на доступных материалах групп не обнаружено.

Благодарности. Выражаю благодарность д.б.н. В.В. Куфтерину за консультации, помощь в подготовке текста и переводе некоторых английских терминов, а также директору Антропологического музея Монтане Университета Гаваны Армандо Ранхелю Риверо и куратору остеологической коллекции Карлосу Арредондо Антунесу, сотруднице Управления по делам культуры провинции Матансас Сильвии Тересите Эрнандес Годой, преподавателю факультета биологии Университета Сантьяго Марио Хуану Гордийо Пересу и сотруднику Музея археологии Баракоа Плинио Луису Гаинса Гарсиа за предоставленную возможность изучения краниологических коллекций. Благодарю также двух анонимных рецензентов за полезные комментарии, которые помогли улучшить итоговый текст статьи и будут учитываться мной в дальнейшей работе.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александренков Э.Г. Стать кубинцем: Проблемы формирования этнического самосознания (XVI–XIX вв.). М.: ИЭА РАН, 1998. 278 с.

Алексеев В.П. К краниологической характеристике аборигенного населения Кубы // Археология Кубы. Новосибирск: Наука, 1986. С. 15–22.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.

Гинзбург В.В. Антропологическая характеристика древних аборигенов Кубы // СМАЭ. Л.: Наука, 1967. Т. XXIV. С. 180–278.

Леус П.А. Отложения на зубах: Роль зубного налета в физиологии и патологии полости рта: Учеб.-метод. пособие. Минск: БГМУ, 2007. 32 с.

Максимовский Ю.М. (отв. ред). Терапевтическая стоматология: Учеб. М.: Медицина, 2002. 640 с.

Святко С.В. Анализ зубных патологий населения Минусинской котловины (Южная Сибирь) эпох энеолита — раннего железа: Новые данные по диете // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2 (58). С. 143–156.

Сюткина Т.А. Краниометрическая характеристика древнего населения Кубы докерамической культуры // ЭО. 2017. № 4. С. 65–82.

Сюткина Т.А. Искусственная деформация черепа у аборигенного населения доколумбовой Кубы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 136–146. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-136-146

Тур С.С., Рыкун М.П. Заболеваемость зубным кариесом среди населения Алтая скифского времени // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 341–344.

Chinique de Armas Y. Reconstrucción de la dieta de poblaciones aborígenes “pescadoras-recolectoras” del occidente de Cuba: Resumen de tesis en opción al título de Doctora en Ciencias Biológicas. Facultad de Biología, Universidad de La Habana, 2014.

Chinique de Armas Y., Buhay W.M., Rodríguez Suárez R., Bestel S., Smith D., Mowat S.D., Roksandic M. Starch analysis and isotopic evidence of consumption of cultigens among fisher-gatherers in Cuba: The archaeological site of Canímar Abajo, Matanzas // Journal of Archaeological Science. 2015. № 58. P. 121–132. https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.03.003

Crespo-Torres E. The history of paleopathology in the Caribbean archipelago // Biological Anthropology of Latin America: Historical development and recent advances. Washington, D.C.: Smithsonian Scholarly Press, 2019. P. 173–187.

Dembo A., Imbelloni J. Deformaciones intencionales del cuerpo humano de caracter ethnico. Buenos Aires: Biblioteca Humanior, 1938. 348 p.

Dobney K., Brothwell D. A method for evaluating the amount of dental calculus on teeth from archaeological sites // Journal of Archaeological Science. 1987. № 14 (4). P. 343–351. https://doi.org/10.1016/0305-4403(87)90024-0

Duijvenbode A. van. Facing society: A study of identity through head shaping practices among the indigenous peoples of the Caribbean in the ceramic age and colonial period: Doctoral dissertation. Leiden, 2017.

Fernandes D.M., Sirak K.A., Ringbauer H., Sedig J., Rohland N., Cheronet O. et al. A genetic history of the pre-contact Caribbean // Nature. 2021. № 590 (7844). P. 103–10. https://doi.org/10.1038/s41586-020-03053-2

Grupe G. On diploic structures and their variability in artificially deformed skulls // Journal of Human Evolution. 1984. № 13 (4). P. 307-309. https://doi.org/10.1016/S0047-2484(84)80034-2

Herrera Fritot R. Craneotrigonometria. La Habana: Comision Nacional de la Academia de Ciencias de la República de Cuba, 1964. 137 p.

Lukacs J.R., Largaespada L.L. Explaining sex differences in dental caries prevalence: Saliva, hormones, and “life-history” etiologies // American Journal of Human Biology. 2006. № 18 (4). P. 540–555. https://doi.org/10.1002/ajhb.20530

Mann R.W., Hunt D.R. Photographic regional atlas of bone disease: A guide to pathologic and normal variation in the human skeleton. 2nd ed. Illinois: Charles C. Thomas Publisher, 2005. 416 p.

Nägele K., Posth C., Orbegozo M.I., Chinique De Armas Y., Hernández Godoy S.T., González Herrera U.M. et al. Genomic insights into the early peopling of the Caribbean. Science. 2020. № 369 (6502). P. 456–460. https://www.science.org/doi/10.1126/science.aba8697

Napolitano M.F., DiNapoli R.J., Stone J.H., Levin M.J., Jew N.P., Lane B.G., O’Connor J.T., Fitzpatrick S.M. Reevaluating human colonization of the Caribbean using chronometric hygiene and Bayesian modeling // Science Advances. 2019. № 5 (12). eaar7806. https://doi.org/10.1126/sciadv.aar7806

O'Loughlin V.D. Comparative endocranial vascular changes due to craniosynostosis and artificial cranial deformation // American Journal of Physical Anthropology. 1996. № 101. P. 369–385. https://doi.org/10.1002/(SICI)1096-8644(199611)101:3<369::AID-AJPA6>3.0.CO;2-U

Ortner D.J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. N. Y.: Academic Press, 2003. 647 p.

Ortner D.J. Issues in paleopathology and possible strategies for dealing with them // Anthropologischer Anzeiger. 2009. № 67 (4). P. 323–340. https://doi.org/10.1127/0003-5548/2009/0026

Pospisil M., Rivero de la Calle M.F. Estudios de los craneos aborigenes de Cuba del grupo no ceramista // VII Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук. 1964. Т. 3. М.: Наука. С. 87–98.

Syutkina T., Gordillo Pérez M. J., Hernández Godoy S. T., Arredondo Antúnez C., Rangel Rivero A. Intragroup variation in the Pre-Columbian Cuba population: A perspective from cranial morphology // Anthropological Review. 2021. № 84 (3). P. 233-255. https://doi.org/10.2478/anre-2021-0021

Tabío E.E., Rey E. Prehistoria de Cuba. La Habana: Editorial de ciencias sociales, 1979. 234 p.

Torres Etayo D.A. Taínos: Mitos y realidades de un pueblo sin rostro. Mexico: Editorial Asesor Pedagógico, 2006. 119 p.

Torres P., Rivero de la Calle M. Paleopatología de los aborígenes de Cuba // Serie Espeleológica y Carsológica. 1972. №. 32. P. 3–48.

Towle I., Irish J.D., Sabbi K., Loch C. Dental caries in wild primates: Interproximal cavities on anterior teeth // American Journal of Primatology. 2021. № 84 (1). e23349. https://doi.org/10.1002/ajp.23349

Turner II Ch.G. Dental anthropological indications of agriculture among the Jomon people of central Japan. X: Peopling of the Pacific // American Journal of Physical Anthropology. 1979. № 51 (4). P. 619–635. https://doi.org/10.1002/ajpa.1330510413

Watson J.T. Prehistoric dental disease and the dietary shift from cactus to cultigens in northwest Mexico // International Journal of Osteoarchaeology. 2008. № 18. P. 202–212. https://doi.org/10.1002/oa.917

Syutkina T.A.
N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Leninskiy prospekt, 32a, Moscow, 119334, Russian Federation
E-mail: syuttaya@gmail.com

Paleopathological analysis of the cranial samples from Pre-Columbian Cuba

The article presents a paleopathological analysis of two cranial samples from pre-Columbian Cuba: the Siboney (also known as Archaic) sample consisting of 40 individuals and the Taíno sample composed of 27 individuals. The Siboney are believed to have arrived to Cuba around 5000 years ago, and the Taíno inhabited the island since approximately 500 AD until decimation by the newcomers from the Old World. All the Taíno crania exhibit fronto-occipital artificial deformation. The main focus of the study is oral pathologies and bone abnormalities observed in the samples and how these reflect the differences between the two groups and individuals within each of them. Dental pathologies (caries, abscesses, antemortem tooth loss, and dental calculus) are more frequent in each sample's male and elder groups. The two samples compared together are close in the frequencies of caries, abscesses, and AMTL, while dental calculus is more frequent among the Taíno. The two cultural groups had different subsistence strategies: the Siboney were hunter-fisher-gatherers with the exception of the Canímar Abajo subgroup, for whom consumption of cultigens is proved, the Taíno were agriculturalists. In paleopathological studies, agricultural subsistence is usually associated with a higher rate of caries and lower rate of dental calculus. However, even after excluding individuals from Canímar Abajo from the Siboney sample, the difference in the caries rate between the two samples stayed insignificant. This could be due to carbohydrate-rich fruits that played an important role in the Archaic population's diet. Pathological markers observed in the studied crania were classified according to Donald Ortner's typology of bone abnormalities, which includes four major categories (abnormal bone size, abnormal bone or bone group shape, abnormal bone formation and abnormal bone destruction) and subcategories within them. Such an approach focuses mainly on the appearance of the lesions rather than on their possible causes. Pathological markers seen in the samples can suggest infectious, neoplastic, mycotic diseases, metabolic disorders. Possible antemortem traumas are infrequent in both samples. Specific to the Taíno crania is premature suture closure, which most probably is the consequence of artificial cranial deformation. In general, the analysis did not reveal significant differences in the two group's pathological statuses.

Keywords: paleopathology, physical anthropology of Cuba, artificial cranial deformation, dental pathologies.

Acknowledgements. I express my gratitude to Dr. V.V. Kufterin for consultations, assistance in preparing the final draft of the text and translating some English terms, as well as to Armando Rangel Rivero, Director of the Montané Anthropological Museum of the University of Havana, Carlos Arredondo Antúnez, curator of the osteological collection, Silvia Teresita Hernández Godoy from the Provincial Direction of Culture of the Province of Matanzas, Mario Juan Gordillo Pérez from the Faculty of Biology of the Santiago University, and Plinio Luis Gainza Garcia from the Baracoa Archaeological Museum for providing access to the craniological collections. I am also grateful to two anonymous reviewers whose helpful comments improved the current article and will be taken in account in future my work as well.

Funding. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

REFERENCES

Aleksandrenkov, E.G. (1998). *To become a Cuban: The problems of formation of ethnic identity (16–19 centuries)*. Moscow: Institute of ethnology and anthropology RAS. (Rus.).

Alekseev, V.P., Debets, G.F. (1964). *Craniometry: Methods of anthropological research*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Alexeev, V.P. (1986). To the anthropological characteristic of the aboriginal population of Cuba. *Arkheologiia Kuby*. Novosibirsk: Nauka, 15–22. (Rus.).

Chinique de Armas, Y. (2014). *Reconstrucción de la dieta de poblaciones aborígenes 'pescadoras-recolectoras' del occidente de Cuba: Resumen de tesis en opción al título de Doctora en Ciencias Biológicas.* Universidad de la Habana, Facultad de Biología, Museo Antropológico Montané.

Chinique De Armas, Y., Buhay, W., Rodríguez Suárez, R., Bestel, S., Smith, D., Mowat, S., & Roksandic, M. (2015). Starch analysis and isotopic evidence of consumption of cultigens among fisher-gatherers in Cuba: The archaeological site of Canímar Abajo, Matanzas. *Journal of Archaeological Science*, (58), 121–132. https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.03.003

Crespo-Torres, E. (2019). The history of paleopathology in the Caribbean archipelago. *Biological Anthropology of Latin America: Historical development and recent advances*. Washington, D.C.: Smithsonian Scholarly Press, 173–187.

Dembo, A., Imbelloni, J. (1938). *Deformaciones intencionales del cuerpo humano de caracter ethnico*. Buenos Aires: Biblioteca Humanior.

Dobney, K., & Brothwell, D. (1987). A method for evaluating the amount of dental calculus on teeth from archaeological sites. *Journal of Archaeological Science*, 14(4), 343–351. https://doi.org/10.1016/0305-4403(87)90024-0

Fernandes, D.M., Sirak, K.A., Ringbauer, H., Sedig, J., Rohland, N., Cheronet, O., et al. (2021). A genetic history of the pre-contact Caribbean. *Nature*, 590(7844), 103–10. https://doi.org/10.1038/s41586-020-03053-2

Ginzburg, V.V. (1967). Anthropological characteristic of the aboriginal population of Cuba. In: *Kultura i byt narodov Ameriki*. Leningrad: Nauka, 180–278. (Rus.).

Grupe, G. (1984). On diploic structures and their variability in artificially deformed skulls. *Journal of Human Evolution*, 13(4), 307–309. https://doi.org/10.1016/S0047-2484(84)80034-2

Herrera Fritot, R. (1964). *Craneotrigonometria.* La Habana: Comision Nacional de la Academia de Ciencias de la República de Cuba.

Leus, P.A. (2007). *Deposits on the teeth: The role of plaque in the physiology and pathology of the oral cavity: Textbook*. Minsk: BSMU. (Rus.)

Lukacs, J.R., & Largaespada, L.L. (2006). Explaining sex differences in dental caries prevalence: Saliva, hormones, and "life-history" etiologies. *American Journal of Human Biology*, 18(4), 540–555. https://doi.org/10.1002/ajhb.20530

Maksimovskiy, Yu.M. (Ed.). (2002). *Therapeutic dentistry: Textbook*. Moscow: Meditsina. (Rus.).

Mann, R.W., & Hunt, D.R. (2005). *Photographic Regional Atlas of Bone Disease: A Guide to Pathologic and Normal Variation in the Human Skeleton.* 2nd ed. Illinois: Charles C. Thomas Publisher.

Nägele, K., Posth, C., Orbegozo, M.I., Chinique De Armas, Y., Hernández Godoy, S.T., González Herrera, U.M., et al. (2020). Genomic insights into the early peopling of the Caribbean. *Science*, 369(6502), 456–60. https://www.science.org/doi/10.1126/science.aba8697

Napolitano, M.F., DiNapoli, R.J., Stone, J.H., Levin, M.J., Jew, N.P., Lane, B.G., O'Connor, J.T., & Fitzpatrick, S.M. (2019). Reevaluating human colonization of the Caribbean using chronometric hygiene and Bayesian modeling. *Science Advances*, 5(12). https://doi.org/10.1126/sciadv.aar7806

O'Loughlin, V.D. (1996). Comparative endocranial vascular changes due to craniosynostosis and artificial cranial deformation. *American Journal of Physical Anthropology*, 101, 369–385. https://doi.org/10.1002/(SICI)1096-8644(199611)101:3<369::AID-AJPA6>3.0.CO;2-U

Ortner, D.J. (2003). *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. 2nd ed.* New York: Academic Press.

Ortner, D.J. (2009). Issues in paleopathology and possible strategies for dealing with them. *Anthropologischer Anzeiger*, 67(4), 323–340. https://doi.org/10.1127/0003-5548/2009/0026

Pospisil, M., Rivero de la Calle, M.F. (1964). Estudios de los craneos aborigenes de Cuba del grupo no ceramista. *VII Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk*, 3. Moscow: Nauka, 87–98.

Sviatko, S.V. (2014). Dental paleopathological analysis of the Eneolithic-Early Iron Age populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia: Palaeodietary implications. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2(58), 143–156. (Rus.).

Syutkina, T. (2017). A Craniometric Study of the Ancient Preceramic Population of Cuba. *Etnograficheskoe obozrenie*, (4), 65–82. (Rus.).

Syutkina, T. (2018). Artificial cranial deformation among the aboriginal population of Pre-Columbian Cuba. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 4(43), 136–46. (Rus.). https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-136-146

Syutkina, T., Gordillo Pérez, M. J., Hernández Godoy, S. T., Arredondo Antúnez, C., Rangel Rivero, A. (2021). Intragroup variation in the Pre-Columbian Cuba population: A perspective from cranial morphology. *Anthropological Review*, 84(3), 233–255. https://doi.org/10.2478/anre-2021-0021

Tabío, E.E., Rey, E. (1979). *Prehistoria de Cuba*. La Habana: Editorial de ciencias sociales.

Torres Etayo, D.A. (2006). *Taínos: Mitos y realidades de un pueblo sin rostro*. Mexico: Editorial Asesor Pedagógico.

Torres, P., Rivero de la Calle, M. (1972). Paleopatología de los aborígenes de Cuba. *Serie Espeleológica y Carsológica*, (32), 3–48.

Towle, I., Irish, J.D., Sabbi, K.H., & Loch, C. (2021). Dental caries in wild primates: Interproximal cavities on anterior teeth. *American Journal of Primatology*, 84(1). https://doi.org/10.1002/ajp.23349

Tur, S.S., Rykun, M.P. (2011). Frequency of dental caries among the Altai population of the Scythian time. In: N.P. Matveeva, A.N. Bagashev (Eds.). *Ekologiia drevnikh i traditsionnykh obshchestv*, (4). Tiumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN, 341–344. (Rus.).

Turner II, Ch.G. (1979). Dental anthropological indications of agriculture among the Jomon people of central Japan. X: Peopling of the Pacific. *American Journal of Physical Anthropology*, 51(4), 619–635. https://doi.org/10.1002/ajpa.1330510413

Watson, J.T. (2008). Prehistoric dental disease and the dietary shift from cactus to cultigens in northwest Mexico. *International Journal of Osteoarchaeology*, 18(2), 202–212. https://doi.org/10.1002/oa.917

Сюткина Т.А., https://orcid.org/0000-0002-6222-4929

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 05.12.2022
Article is published: 15.03.2023

ЭТНОЛОГИЯ

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-13

Петрова С.И. [a], Прокопьева А.Н. [b, *]

[a] Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
ул. Белинского, 58, Якутск, 677000
[b] Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027
E-mail: petrovasi1954@yandex.ru (Петрова С.И.); sendiele@gmail.com (Прокопьева А.Н.)

ЯКУТСКАЯ ОДЕЖДА *ТАНГАЛАЙ*: КРОЙ, ОТДЕЛКА, ТЕХНОЛОГИИ

Изучается изготовление нарядной женской безрукавки «тангалай», бытовавшей в якутской культуре XVII–XVIII вв. В ходе исследования выявлено, что производство такого типа одежды было длительным технологическим процессом, состоявшим из нескольких этапов. Сложность изготовления тангалаев отразилась в фольклоре и может свидетельствовать о существовании прослойки швей, занятых производством подобной, дорогой одежды для местной знати, что, в свою очередь, говорит о сложной организации якутского общества рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Якутия, археология, плечевая одежда, ритуальная одежда, технология производства, рукоделие, погребальные памятники.

Введение

В статье рассматривается один из видов якутской женской плечевой одежды XVII–XVIII вв. — *таңалай*. Это широко известный из фольклорных, письменных и изобразительных источников вид одежды, материальные свидетельства которого весьма ограниченны из-за специфики сохранности археологического материала. Одежда, известная в якутоведении как *тангалай*,— распашная, с плечевыми швами, с полочками, соединенными спереди встык кожаными вязками. Имела прямой фасон, короткие, доходящие до локтей втачные рукава или была совсем без них, поэтому встречается ее определение как «безрукавки». Длина достигала колен, могла быть чуть ниже или выше. Тангалаи шили из лосиной и оленьей ровдуги хорошей выделки, в отделке использовали мех бобра и соболя. Основным отличием от других видов плечевой одежды являлась богатая бисерная вышивка, расположенная на передних полочках, вдоль соединительных швов на спинке, боках и вдоль проймы рукавов и горловины. Края бортов и подол также украшались бисером и окаймлялись мехом бобра или соболя. В преданиях и легендах всегда подчеркиваются статусность и ритуальная составляющая этой одежды [Кулаковский, 1979, с. 95; Попов, 1949, с. 281; Эргис, 1960, с. 63]. Исследователи сходятся во мнении, что тангалай женщина впервые надевала во время свадебного обряда и в последующей жизни обязана была носить при совершении ритуалов и встрече с родственниками мужа [Гаврильева, 1998, с. 65–66; Петрова, 2006, с. 19]. Благодаря эффектному внешнему виду и сопровождающему нарративу тангалай привлекает к себе внимание по сей день. Возрастающий в обществе и у местных мастеров интерес к реконструкции и стилизации образцов якутской одежды разных эпох обусловливает необходимость и актуальность более тщательного изучения технических и технологических особенностей изготовления тангалая в период его бытования.

Цель исследования — выявить технологию обработки материала, особенности кроя и декоративной отделки якутской плечевой одежды *тангалай*. Анализ в сравнении с образцами плечевой одежды XIX в. покажет наличие или отсутствие влияния ранних образцов на якутский костюм XIX — начала XX в. Результаты исследования помогут мастерам декоративно-прикладного искусства в их дальнейшей работе отталкиваться от научно обоснованных данных для более качественной реконструкции якутского костюма. С другой стороны, проблема материалов и технологии изготовления тангалая слабо разработана, и эта тема пока не становилась предметом специального изучения. Интерпретация назначения и смыслового «наполнения» тангалая осознанно не дается в данной статье, так как археологические и фольклорные мате-

* Corresponding author.

риалы уже неоднократно привлекались для семантического анализа и установления этнографических параллелей в контексте изучения якутского костюма [Гаврильева, 1998; Данилова, 2020; Константинов, 1971; Петрова, Заболоцкая, 2013, с. 12–17; Прокопьева, Федорова, 2017], реконструкции костюмных комплексов [Петрова и др., 2020]. Общие и частные вопросы бытования безрукавок в женских костюмных комплексах тюрко-монгольских народов неоднократно поднимались исследователями и являются дискуссионными [Бакаева, 2017; Содномпилова, 2020; Чебодаева, 2021].

Полевые и музейные исследования последних лет расширили источниковую базу, что дает нам возможность провести сравнительный анализ и выявить общее и особенное в изготовлении плечевой одежды XVII–XVIII вв. Важными для восприятия и составления зрительного образа являются графические реконструкции костюма, выполненные специалистами. Эталонными считаются реконструкции художника археологических экспедиций первой половины XX в. М.М. Носова [Архив НХМ РС(Я), личный фонд М.М. Носова; Носов, 1955], благодаря которым сохранился визуальный образ первоначального вида археологического костюма. Уже в наше время графические реконструкции одежды типа *тангалай* были выполнены С.И. Петровой [Петрова, Заболоцкая, 2013], К. Оштрассер-Пети [Крюбези, Алексеев, 2012] и А.Р. Федоровой [2018].

Материалы и методы

Для исследования были привлечены материалы археологических раскопок, хранящиеся в музеях России. Среди этого пласта были отобраны части и фрагменты от четырех экземпляров плечевой одежды, которые определены исследователями погребальных памятников как *тангалай* и по конструктивным особенностям подходят под его описание. Редкость этого изделия в погребальных памятниках может быть связана с его особым символическим статусом, благодаря которому его передавали по наследству, но этот вопрос требует отдельного изучения. Считается, что тангалай был обязательной частью приданого богатых невест [Петрова, 2006, с. 17–20], служил оберегом и ритуальной одеждой для замужней женщины и, судя по археологическим материалам, мог быть частью женского погребального костюма [Бравина, Попов, 2008, с. 107–112]. Фрагменты образцов этого вида одежды разной сохранности были выявлены среди коллекций Оленекского историко-этнографического музея народов Севера (далее — ОИЭМ), Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов севера им. Е. Ярославского (далее — ЯГОМИиКНС), Музея археологии и этнографии СВФУ (далее — МАЭ СВФУ), Иркутского областного краеведческого музея (далее — ИОКМ). Для сравнительного анализа использовались материалы «якутской коллекции» из сектора Азии Американского музея естественной истории (далее — АМЕИ), Хабаровского краеведческого музея им. И.Н. Гродекова (далее — ХКМ), а также изобразительные источники, архивные материалы и опубликованная литература. Для изучения технологического процесса выделки шкур на современном этапе и сбора устных сведений о традиционных видах одежды были проведены полевые исследования на территории г. Якутска, в центральной и вилюйской группе районов Якутии. Основными инструментами сбора информации послужили экспертные интервью с мастерами народных промыслов и декоративно-прикладного искусства и включенное наблюдение.

Фрагменты тангалая № 1. Это один из самых известных образцов одежды якутов XVII–XVIII вв., благодаря графической реконструкции М.М. Носова [Носов, 1955, с. 33; рис. 7]. Одежда была найдена в женском погребении на родовом кладбище якутов морукского рода в местности Киис Тиэрбит Мегино-Кангаласского района РС (Я), раскопки которого были проведены в 1937 г. археологами И.Д. Новгородовым, С.И. Боло и М.И. Ковининым [НА РС(Я). Ф. 1413, оп. 1, ед. хр. 6]. По преданиям, погребенная была снохой родоначальника морукского рода Аба Уос Джорго Идельгиева (1680–1765 гг.), состояла в любовной связи со свекром и умерла при родах сына [Сосин, 2013, с. 137]. Этот тангалай является наиболее известным в якутоведении и неоднократно рассматривался в археологических и этнографических трудах [Носов, 1955; Гаврильева, 1998; Петрова, Заболоцкая, 2013; Прокопьева, Федорова, 2018; Данилова, 2020].

Сохранившаяся часть тангалая хранится в фондах ЯГОМИиКНС (инв. № ЯГОМ КП-55071) и представлена спинкой изделия: сшитые между собой верхняя половина спинки и боковые нашивки-полосы, служившие декоративным оформлением одежды (рис. 1, *1*). Сохранившиеся детали свидетельствуют о прямом фасоне одежды. Тангалай состоит из основы из лосиной ровдуги и подклада из оленьей. Ворс на меховых частях не сохранился, но, по описанию М.М. Носова, одежда была обрамлена мехом из шкуры бобра, короткие рукава тангалая были изготовлены из той же шкуры [Носов, 1955].

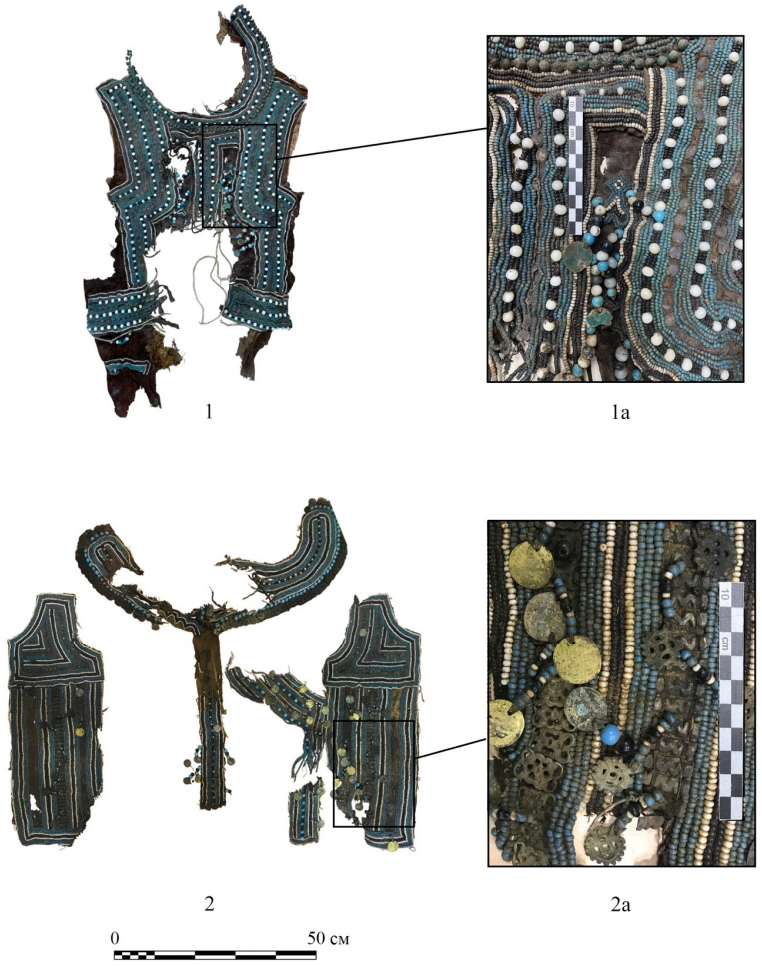


Рис. 1. Фрагменты тангалаев*:*
1 — спинка тангалая из женского погребения могильника Киис Тиэрбит (ЯГОМИиКНС, инв. № ЯГОМ КП-55071); *1а* — бисерная вышивка и металлические подвески вдоль горловины, проймы и центрального шва спинки; *2* — детали спинки, воротника и передних полочек тангалая из воздушного погребения на р. Сурах (ОИЭМ, инв. № ОИЭМ КП С 84123); *2а* — бисерная вышивка, подвески, жетоны и бляшки нагрудника *мүһүлүк*.

Fig. 1. Fragments of *tangalay*:
1 — the back of the clothes from the burial of Kiis Tierbit; *1a* — beaded embroidery and metal pendants on the back of *tangalay*; *2* — details of the back, collar and front shelves of tangalay from the air burial on the Surakh River; *2a* — beaded embroidery and metal pendants on the front.

Поверхность фрагмента тангалая украшена бисерной вышивкой. При тщательном осмотре остатков изделия оказалось, что бисер первоначально был нашит на заранее вырезанные из кожи детали, точно повторяющие лекала спинки. Готовые бисерные детали были пришиты к основе из лосиной ровдуги в такой последовательности: Т-образная вставка поверх центрального соединительного шва спинки; две S-образные детали вдоль пройм рукавов и боковых швов; горизонтальные полоски на талии; полукруглая полоса вдоль среза горловины. Далее были пришиты бисерные фигурные элементы в виде перевернутых сердечек *ынахсыт* по обеим сторонам центральной наспинной бисерной полосы (рис. 1, *1а*). Ширина фигурок 2,9 см, высота — 4,5 см. Они также были первоначально вырезаны из кожи и расшиты бисером. После соединения всех этих элементов была пришита подкладка из оленьей ровдуги. Последними были прикреплены ровдужные низки бусин вдоль бисерных полос. Ровдужные низки были пропущены сквозь основу и подклад и завязаны на узлы с изнаночной стороны. Вероятно, этот прием был использован для более плотного прилегания подклада и основы друг к другу. Низки представляют собой чередование 5 крупных бусин черного, белого и синего цвета диаметром 1 см. На концы низок надеты металлические подвески в виде счетных жетонов и литых ажурных колесковидных подвесок диаметром 1,8 см (рис. 1, *1а*).

Бисерный узор на всех фрагментах тангалая аналогичен и состоит из чередования линий голубого, белого и черного цветов, что является характерным для культуры якутов XVII–XVIII вв. Мелкий бисер белого цвета в основном использован для контрастного выделения границ бисерных полос. Размер мелких бусин около 0,3 см, между ними вшиты крупные бусины белого цвета диаметром 1 см. В некоторых местах замшевая основа одежды разрушилась, но бисерный декор сохранился. Здесь видно, что изначально бисер одного цвета был нанизан на сухожильные нити и только потом пришит к основе стежками через 2 бусины.

В декоре наряду с бисерными полосками использованы латунные и оловянные бляшки — *тордуйа* круглой и прямоугольной форм. На верхней части одежды под бляшки были проложены тонкие полоски хлопчатобумажной ткани, которая изначально имела красный цвет. В области талии бляшки нашиты на ткань синего цвета.

Фрагменты тангалая № 2. Интересные фрагменты древней безрукавки найдены в воздушном захоронении в устье речки Сурах, вверх по р. Оленек, Н.Д. Архиповым в 1984 г. [Бравина, Архипов, 2019]. Фрагменты состоят из передних полочек, воротника, части спинки. Материалы хранятся в ОИЭМ (ОИЭМ, инв. № КП С 84123) (рис. 1, *2*), но в данное время выставлены в экспозиции Национального художественного музея РС (Я). Н.Д. Архипов определяет фрагменты как «нарядный женский кафтан» и относит его к одежде северных якутов [1989, с. 154–155]. Данный вид одежды так же является тангалаем, который во время своего бытования мог быть дополнен и немного видоизменен в соответствии с культурным контекстом. Графическая реконструкция этого образца тангалая была выполнена С.И. Петровой [Петрова, Заболоцкая, 2013, с. 15].

Тангалай № 2 имеют много общего с тангалаем № 1: также сшит из оленьей ровдуги; использованы металлические бляшки и подвески, трехцветный бисер, счетные жетоны, наблюдается единство декоративных принципов и стилистики изделий. Судя по сохранившимся передним полочкам, одежда была распашной и ее полочки сходились спереди встык. Способ застегивания по сохранившимся деталям выявить невозможно. Каждая полочка состоит из сшитых между собой двух кусков кожи: кокетки *сарын хаппага* (як., досл. «покрытие плеч») и нагрудной части *тγһγлγк*. Кокетка расшита бисерными полосами, повторяющими ее крой. Между рядами бисера вшиты металлические бляшки двух форм: 8-образные размером 0,8×0,4 см; в виде бантика размером 0,7×0,4 см. Нагрудная часть шириной 26 см и высотой 42 см расшита вертикальными параллельными полосами бисера, между рядами которых вшиты металлические прямоугольные бляшки (рис. 1, *2а*). Центральный ряд состоит из штампованных бляшек размером 1,9×0,7 см; два крайних ряда — из литых ажурных бляшек размером 2×1,3 см. В каждом ряду бляшек с равным расстоянием в 3,5 см между ними пришиты низки бисера с ажурной литой колесковидной подвеской и счетными жетонами (рис. 1, *2а*). Диаметр подвески 1,8 см, общая длина низки с подвеской составляет около 4,5 см. Диаметр мелких бусин, которыми расшита вся поверхность полочек, колеблется от 0,25 до 0,30 мм.

Среди фрагментов тангалая № 2 особый интерес представляет широкий воротник (рис. 1, *2*). Воротник расшит чередующимися бисерными полосками черного, белого и синего цвета. Центральная полоска состоит из чередования черных бусин и жемчужин неправильной овальной формы диаметром 0,7–0,8 см. Края воротника украшены плотным рядом крупных бусин синего цвета диаметром 1,25 см и ажурными металлическими подвесками, аналогичными подвескам из нагрудной части. Что интересно, по форме эти подвески аналогичны подвескам на спинке тангалая № 1.

Фрагменты тангалая № 3. В результате полевых работ Саха-французской археологической экспедиции в 2016 г. в женском погребении Ат-Дабан VI на родовом могильнике Ат-Дабан Хангаласского района РС (Я) был обнаружен ранее неизвестный вид тангалая [Кирьянов, 2016, с. 74–80] (рис. 2, *1*). Остатки одежды представляют собой два крупных фрагмента и хранятся в фондах МАЭ СВФУ. Первый фрагмент состоит из левой полочки и половины заднего полотнища. Второй фрагмент представлен правой полочкой. Этот вид тангалая графически был реконструирован художником Саха-французской экспедиции К. Оштрассер-Пети [Оштрассер-Пети и др., 2020], С.И. Петровой и выпускницей исторического факультета СВФУ А.Р. Федоровой для разработки дипломной темы «Графическая реконструкция — как метод исторического исследования традиционной якутской одежды (по материалам археологических данных)» (научный руководитель А.Н. Прокопьева, 2018 г.), также была выполнена технологическая реконструкция мастерами В.В. Никифоровой и Н.А. Васильевым с соблюдением всех масштабов и параметров оригинала.

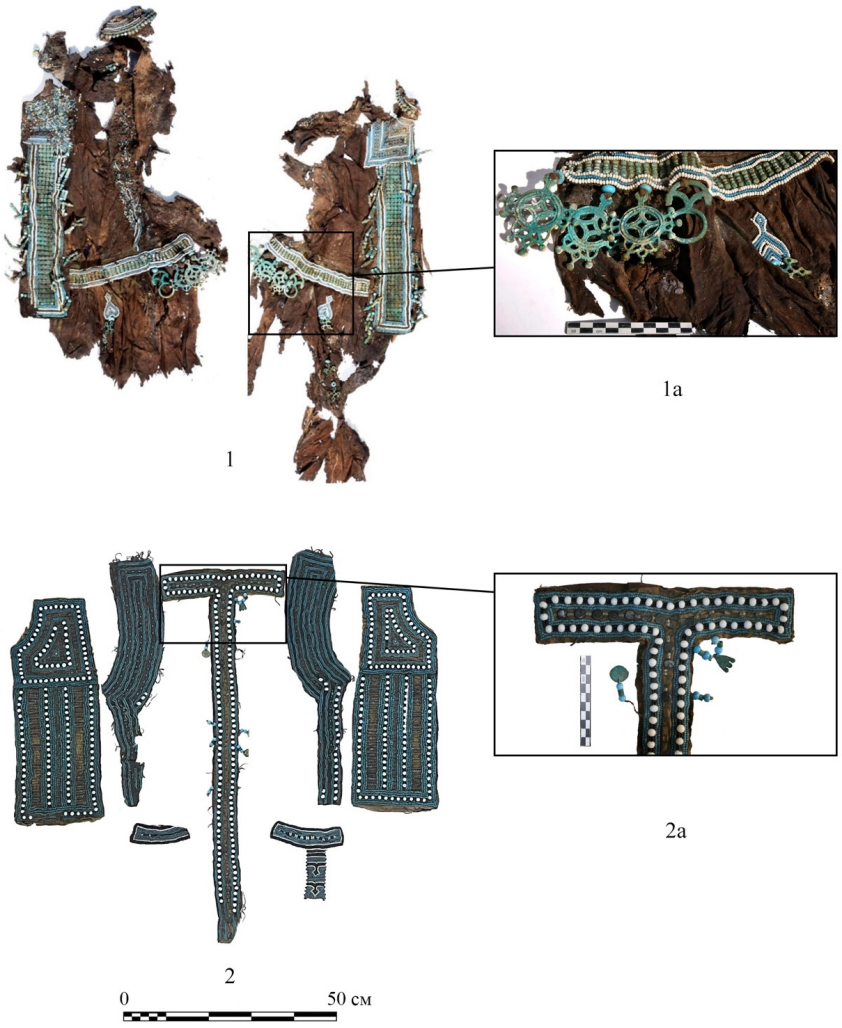


Рис. 2. Фрагменты тангалаев:
1 — фрагменты передних полочек одежды из погребения Ат-Дабан VI (МАЭ СВФУ); *1а* — металлические подвески, вышитая бисером фигурка «ынахсыт» и декор поверх соединительного шва лифа и подола; *2* — детали спинки, передних полочек и боковые элементы одежды из неизвестного погребения (ИОКМ, инв. № МК-591); *2а* — расшитая бисером и металлическими бляшками деталь спинки.

Fig. 2. Fragments of the tangalay:
1 — fragments of the front shelves of clothes from the burial of At-Daban VI; *1a* — metal pendants, beaded elements on the belt and frill; 2 — details of the back and front shelves of clothes from an unknown burial; *2a* — the detail of the back is embroidered with beads and metal plaques.

Тангалай был изготовлен из очень тонко выделанной оленьей ровдуги и окрашен в глубокий коричневый цвет. Одежда была распашной, с прямыми бортами, сходящимися спереди встык. На первом фрагменте видно, что поверх бокового соединительного шва была пришита кожаная полоса, расшитая чередующимися рядами бисера трех цветов. Интерес в данном экземпляре представляет то, что изделие являлось отрезным по талии. Так, переднее полотнище состоит из слегка расширяющегося к талии лифа с кокеткой и широкого, сосборенного подола. Таким образом, фасон тангалая имел трапециевидную форму.

Кокетка на фрагментах тангалая № 3 по крою и оформлению аналогична кокетке тангалая № 2. Окантовка среза ворота во многом схожа с таковой на фрагменте тангалая № 1: бисерная вышивка в виде чередующихся полос трех цветов и окантовка плотным рядом гирьковидных подвесок. В соединительный шов кокетки и лифа вшиты нагрудники *тγһγлγк*. На поверхность нагрудников пришиты бляшки размером 3,8×1 см в виде четырех кругов с циркульным орнаментом. По краям нагрудники расшиты чередующимися рядами бисера трех цветов. Нагрудники намного у́же, чем на фраг-

менте № 2, и имеют ширину всего 8,2 см и длину 38 см. По краям обоих нагрудников через каждые 5 см пришиты парные металлические подвески с бусинами голубого цвета.

Подол тангалая сшит из прямоугольного куска ровдуги и слегка присборен. Соединительный шов на талии прикрыт кожаной полоской длиной 38 см, расшитой бисером и металлическими бляшками в виде сдвоенной 8-образной фигуры размером 2×0,8 см (рис. 2, *1а*). Полоска на 13 см заходит на спинку изделия. В промежутке между боковым швом и до конца полоски на спинке, к нижнему срезу этой декоративной детали тангалая, пришито по 4 металлические подвески (рис. 2, *1а*). Подвески расположены симметрично на левой и правой полочке и представлены двумя видами. Первый вид расположен у бокового шва и представлен кольцом на подвесе длиной 5,2 см, шириной 3,8 см в виде сдвоенных стилизованных конских голов. Остальные три подвески на каждой стороне имеют форму круга с вписанным в него крестом, с боковых сторон и снизу расходится по три луча с шариками на концах. Высота подвесок — 7 см, ширина — 6,8 см. Подвески нанизаны на ровдужную узкую полоску; выше подвесок нанизано по одной сплющенной голубой бусине диаметром 1,2 см, высотой 0,5 см.

На полотнище подола сохранилось по одному пришитому бисерному декору в виде фигурок *ынахсыт* (рис. 2, *1а*), которые аналогичны наспинным бисерными фигуркам тангалая № 1. В данном экземпляре интерес представляют удлиненные металлические бляшки с четырьмя кружочками. Такие металлические бляшки в прошлом использовались довольно редко, нами они обнаружены в шаманском нагруднике из якутской коллекции Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова (инв. № 2809/3-526).

Тангалай № 4. Одежда представлена 7 деталями: две передние полочки, две серповидные детали вдоль пройм спинки, Т-образная вставка центрального соединительного шва спинки, две полосы боковых вставок (ИОКМ, инв. № МК-591) (рис. 2, *2*). Детали одежды поступили в 1896 г. от Н.А. Геккера и значатся как «вещи из якутской могилы». В своей статье по якутским погребениям исследователь не упоминал о находке одежды [Геккер, 1896], поэтому трудно сказать, из какого именно погребения происходят эти предметы. Несомненно, что тангалаи № 1, 2 и 4 близки по общему виду и крою деталей. Это выражается в таких конструктивных особенностях, как Т-образная вставка спинки, серповидные элементы вдоль проймы и боковых швов спинки, кокетка и отлетные нагрудные элементы *түһүлүк*, но, в отличие от других тангалаев, здесь не использован мелкий белый бисер в отделке основных частей изделия. Как и на тангалае № 1, вплотную к Т-образному бисерному декору пришиты металлические подвески в виде счетных жетонов и литых фигурок на бисерных низках (рис. 2, *2а*). Как и на фрагментах тангалая № 1 здесь присутствуют полоски кожи, расшитые бисером, предположительно являющиеся боковыми декоративными вставками *өттүк симэгэ* — «украшение бедер». На Т-образном фрагменте видно, что под бисерную вышивку была положена ткань

Обсуждение

Технологический процесс состоял из нескольких этапов: подготовка сырья и низок бисера, изготовление деталей одежды из лосиной и оленьей ровдуги, расшивание бисером деталей из лосиной ровдуги, соединение с основой из оленьей ровдуги, присоединение рукавов, соединение с подкладом. При этом каждая декоративная деталь отдельно расшивалась бисером и бляшками, и только после этого детали соединялись друг с другом. Например, кокетки и отлетные нагрудные детали *түһүлүк* тангалаев № 2 и 4 были сшиты из разных частей и потом — между собой соединительным швом, что видно с изнаночной стороны изделий. На тангалае № 1 видно, что сначала были соединены две Г-образные полоски спинки с образованием одной Т-образной детали. Затем к ней были присоединены боковые полоски, поверх них обкладка ворота, затем к боковым полоскам сразу на основу пришивали набедренные украшения.

Изучив материалы, мы пришли к выводу, что в рассмотренных видах тангалая крой был собран из цельных прямоугольных кусков и клиновидных вставок. Первый вид тангалая имел прямой фасон. К этому виду можно отнести тангалаи № 1, 2 и 4. Отголоски подобного фасона сохранились в крое таких видов плечевой одежды, как *оноолоох сон* и *кэһиэччик*, которую до сих пор шьют и носят на национальных праздниках. Второй вид имел трапециевидный силуэт, и к нему относится тангалай № 3. Материал изготовления всех тангалаев — очень хорошо выделанная оленья и лосиная замша, известная своей прочностью и эластичностью и считавшаяся лучшим и дорогим видом замши [НА РС(Я). Ф. 1413, оп. 2, ед. хр. 25]. Ее красили в черный или желтый цвет дымлением или природными красителями из трав, наростов и древесной коры. Для получения определенных цветов использовали отвары на воде или смолотые в порошок и

смешанные с животным жиром красители [Баснаева, 1993, с. 13–14]. При этом лосиная ровдуга, как более прочная, служила основой для бисерного декора. Сохранились устные сведения о том, что «хороший тангалай должен стоять, если его поставить на прямую поверхность», что, видимо, подразумевает способность лосиной кожи выдерживать вес плотно нашитого бисера и украшений [ПМА, 2020].

Особенностью одежды знати XVIII в. является применение редкого и ценного меха. Для меховой окантовки бортов и подола тангалая № 1 был использован мех бобра. Этот мех мог быть привозным камчатским или местным алданским, но безусловно являлся редким. Известно, что шкурами речного бобра взымали ясак с сибирских народов и бобр входил в число самых ценных видов животных [Дьяконов, 1990, с. 37–39]. К концу XIX в. его редкость привела к тому, что каждая пара бобров была практически частной собственностью определенной семьи с вытекающими отсюда правами на промысел и доходы от продажи шкурок [М.Д., 1883]. Предпочтение якутами мехов таких животных, как бобр и тарбаган, отмечал В.Л. Серошевский, связывая это с южным происхождением народа [1993, с. 321]. В середине XIX в. рассказывали, что «прежде» считалось неприличным, если в числе приданого богатой невесты не значились тангалай и шуба на тарбаганьем меху с бобровой опушкой [Худяков, 2016, с. 138].

Выделка шкур домашних и диких животных представляла в прошлом весьма трудоемкий и сложный процесс. Современные мастера Якутии, занимающиеся изготовлением копий исторических костюмов, отмечают, что сейчас сложно найти мех местных диких животных и редко когда охотник согласится привезти шкуру добытого им зверя. Другой проблемой является то, что мастеров, помнящих правила и принципы обработки шкур, становится все меньше. Современные мастера в реконструкции древних костюмов используют покупные меховые материалы или обработанные оленьи шкуры или ровдуги, привезенные из других регионов, например с Камчатки, где лучше сохранилась ручная выделка оленьих шкур. Полевые материалы показывают, что технология ручной обработки материала (использование кожемяльного станка — талкы, дымление, окрашивание охрой и черной сажей, воздействие холодным воздухом), которая подробно описана в работе В.Л. Серошевского [1993, с. 357–358], в настоящее время практически утрачена. Канули в прошлое и использование при ручной выделке шкуры традиционных смазочных материалов: заквашенные рыбьи внутренности, вареная печень и скоткий мозг, мясной жир, сгустки крови и т.д., которые придавали обработанной шкуре мягкость и эластичность [Гаврильева, 1998, с. 73]. Материалы экспедиции по Вилюйскому региону [ПМА, 2021] показывают, что современные мастера используют для смазки шкуры в основном соленую воду, хозяйственное мыло, густой чай, в лучшем случае прокисшее молоко и гнилое дерево (труху). Здесь мы видим проявление отхода от «традиционного» экономического уклада, в основе которого были охота и скотоводство. Все чаще, даже при сохранении скотоводства, натуральное сырье в виде шкуры и сухожилий выбрасывается.

Точных сведений о подкладочном материале рассматриваемого типа одежды мало, что вызвано сохранностью материала. Единственное упоминание о беличьей подкладке есть в описании тангалая № 1 [НА РС(Я). Ф. 1413, оп. 2, ед. хр. 46]. Если придерживаться мнения, что тангалай был обязательной частью свадебного костюма богатой невесты, то меховой подклад должен был присутствовать. Это обусловлено тем, что свадьбы старались устраивать зимой, когда в хозяйстве меньше хлопот, вызванных переездами между сезонными жилищами, подготовкой сена и пищевых припасов к зимнему сезону [Алексеев и др., 2012, с. 289]. Об этом свидетельствуют и фольклорные материалы, в которых присутствует сцены свадебного переезда невесты в дом жениха, происходящего зимой [Илларионов, Бравина, 2004, с. 314].

При шитье тангалаев использовались жильные нити, которые получали из жил конечностей копытных животных [Гаврильева, 1998, с. 72]. Производством жильных ниток занимались на дому, и технологический процесс сохранялся повсеместно в Якутии до 1950-х гг., несмотря на постепенное вытеснение жильных готовыми хлопчатобумажными нитями уже с XIX в. В XX в. жильными нитями сшивали между собой детали обуви, так как такая обувь становилась прочной и водостойкой. Современные мастера используют капроновые нити, так как специальной заготовки сухожилий при разделке туш домашних животных и оленей не производится (ПМА, Вилюйский регион, 2021).

Во всех тангалаях выделяются расшитые бисером и металлическими бляшками кокетки *сарын хаппага* и декоративный элемент поверх центрального соединительного шва спинки — *сис ууруута*. Оформление этих частей одежды повторяет и подчеркивает линию проймы и горловины, фасона одежды в целом. Подобное выделение зоны плеч и спинки, часто тканью или кожей контрастного цвета, характерно для якутской одежды XVII–XVIII вв. и сохранялось вплоть

до начала XX в. на нарядных женских шубах из сукна. Например, якутская нарядная шуба конца XIX из собрания АМЕИ (инв. № 70/9068) по расположению и характеру выделения плечевых частей и наспинной кокетки, вертикальных полос вдоль центрального шва на спинке и боковых швов контрастными вставками, расшитыми цветными нитками, сходна с одеждой XVIII в. [Иванова-Унарова, 2017, с. 30–31]. Кроме того, большинство нарядных шуб имеют прямой и трапециевидный фасон и лишь в масштабах отличаются от одежды более ранних периодов. Расположение декоративных вставок и прорезей по бокам и сзади наводит на мысль, что по фасонам верхняя плечевая одежда XIX в. является генетическим продолжением одежды XVII–XVIII вв., а не переработанными европейскими кафтанами.

Бисерные детали пришиты сухожильными нитками, благодаря чему очень хорошо сохранились. На сохранившихся низках бисера тангалая № 1 видно, что нанизанный на нить бисер дополнительно закрепляли тонкими сухожильными нитями. На этот раз нить не продевалась сквозь бусину, а с интервалом в две бусины ею обматывали ту сухожильную нить, на которую был нанизан бисер. Благодаря этому бисер не рассыпался, даже если основная нить рвалась. Отдельным вопросом являются иглы, которыми пользовались мастерицы изучаемого периода. Археологических свидетельств еще не найдено, редкие обнаруженные игольники содержали лишь ржавчину от игл.

Как было упомянуто выше, бисерные полоски на спинке и боковых швах сначала были вышиты на кожаной или матерчатой основе, а потом прикреплены к готовому изделию. Подобный прием является частым для археологического костюма XVII–XVIII вв.: об этом свидетельствуют не только фрагменты костюма, но и женские погребения, в сопроводительном инвентаре которых встречаются подобные заготовки и низки бисера [Попов и др., 2012]. Это позволяло перенести дорогостоящий бисерный декор с испорченной или изношенной одежды на новую и до недавних пор применялось эвенами и эвенками. Так, во время съезда оленеводов в Якутске, женщина-эвенка из Момского района РС (Я) рассказала, что ей шуба досталась в наследство от бабушки и за все время ношения меняли только меховое покрытие, а бисерный декор, нашитый сухожильными нитями на кожаную основу, остается неизменным [ПМА, 2017]. В якутском костюме образца XIX — начала XX в. бисерные полосы были заменены на ткань контрастного цвета, парчу или жаккард, и необходимость в перешивании декоративных деталей отпала, но не исчезла. Уже в XX в. аналогичным образом сохраняли бисерные отделки унтов *билэ*, отпарывая их со старой обуви и перешивая на новые. Это может указывать на то, что бисерные элементы одежды могут быть более ранними, чем погребения, в которых они обнаружены.

Во всех случаях обязательным является трехцветный бисер и присутствие металлических литых и штампованных подвесок и бляшек. Указанная цветовая гамма типична для бисерной отделки якутского костюма XVII–XVIII вв. В начале установления ясачной системы, в качестве стимулирования уплаты ясака местным населением, использовались подарки, так называемое государево жалование, в которых чаще всего фигурировал *одекуй* — бисер синего цвета. Из документов XVII в. можно узнать о стоимости пушнины в одекуях: например, в записях за 1634–1635 гг. значится, что 10 соболей без хвостов были куплены за 500 одекуев [Материалы…, 1970, с. 20]. Вплоть до начала XIX в. бисер другого цвета практически не встречается среди материалов якутских погребальных памятников.

В тангалаях № 1 и 3 интересно применение вставки из ткани синего цвета, скорее всего ткани под названием *даба*. Этот интерес обусловлен тем, что именно на материалах XVIII в. можно наблюдать метод комбинации натуральных материалов местного происхождения и привозных фабричных тканей. Кроме рубашек, одежды, полностью сшитой из ткани, не обнаружено в материалах якутских погребальных памятников. В контексте якутской культуры XVII — первой половины XVIII в. рубашки были признаком достаточно высокого статуса человека в социальной иерархии, так как готовые рубашки или отрезы ткани для них были частью подарка за принятие христианства. Статусность подтверждается и материалами погребений, где рубашки присутствуют только в мужских и женских захоронениях, принадлежащих местной знати, как и комбинированные, из меха и кожи с шелковой, жаккардовой и парчовой тканью, шапки и рукавицы. Плечевая одежда могла быть покрыта дабой, сукном, реже шелком, и это несомненно было связано с богатством погребенного. Даба использована в тангалае № 1 как подложка под латунные бляшки между бисерными полосами, что должно было подчеркивать нарядность одежды.

Декоративная отделка тангалаев и другой плечевой одежды XVII–XVIII вв. наводит на мысль, что изготовлением нарядной одежды для знати занимались профессиональные швеи. Весь технологический процесс мог быть раздроблен и выполняться отдельно ювелирами, ко-

жевенниками, вышивальщицами, и в конце изделие «собиралось» в единое изделие швеями. Есть сведения о том, что для наряда невесты семь мастериц три года вышивали бисерный узор [Диалектологический словарь…, 1995, с. 108], а для изготовления берестяной юрты, входившей в приданое невесты, мастерицы-берестянщицы семь лет шили берестяные полосы. За традицией гиперболизации в устном творчестве все равно виден факт существования швей, специализирующихся на определенных видах ремесла. Вероятно, швейное мастерство высоко ценилось, так как только в наиболее богатых якутских женских захоронениях были обнаружены ножницы, берестяные и бисерные заготовки [Гоголев, 1990, с. 84; Константинов, 1971, с. 47; Попов и др., 2012]. Занятие шитьем в целом могло быть высокостатусным, как, например, обладание шаманским даром. Известно, что князья и родоначальники исполняли роль шаманов и выполняли ритуальные действия от имени всего рода, а их жены были известны своим мастерством шитья. В качестве примера можно привести супругу князя Сунтарского улуса Попову Марию Уаровну. Ею была сшита шуба на меховом подкладе с горностаевым воротником для приданого своей дочери [Габышева, Неустроева, 2015, с. 150].

Выводы

На основании изучения четырех образцов одежды *тангалай* можно заключить, что общим для них являются технология пошива и принципы отделки. По крою среди представленных образцов выделяются два вида: прямого силуэта и постепенно расширяющего к низу трапециевидного. К первому виду можно отнести образцы № 1, 2 и 4: силуэт сформирован из цельных прямоугольных и клиновидных пластин замши. Образец № 3 относится ко второму виду, и трапециевидная форма силуэта получена путем пришивания к слегка расширяющемуся лифу присборенного подола. Объединение рассмотренных фрагментов одежды в вид «тангалай» обусловлено особенностями декоративного оформления: наличие расшитой бисером отлетной нагрудной вставки длиной до талии в соединительный шов кокетки и переднего полотнища; обилие стилистически единой бисерной вышивки с подчеркиванием кроя кокеток, соединительных плечевых, боковых швов и центрального шва на спинке.

Изучение алгоритма пошива тангалаев показало, что изготовление подобного типа одежды было долгим и многоэтапным процессом, в котором могло быть разделение труда: выделка, дымление и окрашивание материала, раскрой, изготовление бисерного декора, металлических элементов, заключительное соединение деталей.

Характерным является использование бисера трех цветов, как и на других элементах якутского костюма XVII–XVIII вв., но эта традиция была забыта в XIX в. Сравнение с плечевой одеждой XIX в. показывает, что сложные в технологическом плане бисерные элементы были заменены тканью контрастного цвета. Традиция выделения определенных зон продолжалась, но уже в других пропорциях и цветах, что привело к ошибочному мнению об исчезновении одежды образца XVII–XVIII вв. и появлению новых видов одежды европейского образца.

Одинаковая технология изготовления одежды наводит на мысль, что рукоделие в XVIII в. развивалось как ремесло и им постоянно мог заниматься определенный круг лиц. Высокий технологический и художественный уровень шитья свидетельствует о существовании круга профессиональных швей, что подтверждается и фольклорными материалами. Обладающие высоким мастерством швеи могли быть уважаемыми членами общества, и шитье как область деятельности в целом могло быть высоко ценимым. Это говорит о сложной организации якутского общества, наличии более почетных профессий и сфер деятельности. В целом изучение технологических этапов изготовления элементов костюма путем сравнительного анализа археологического и этнографического материала и с привлечением фольклорных сюжетов является перспективным направлением и показывает историю социума с ранее не исследованной стороны.

Финансирование. Исследования выполнены с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ Якутского научного центра СО РАН в рамках реализации мероприятий по гранту № 13.ЦКП.21.00.16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Н., Романова Е.Н., Соколова З.П. (отв. ред.). Якуты (Саха). М.: Наука, 2012. 599 с.

Архипов Н.Д. Древние культуры Якутии. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1989. 190 с.

Бакаева Э.П. О семантике кроя и декора женского платья типа цегдег у калмыков и ойратов: (Древние знаки в семиотической системе костюма) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 10. № 4 (32). С. 49–69.

Баснаева С.Н. Саха таңаһа: (Якутская одежда). Якутск: Ситим, 1993. 34 с.

Бравина Р.И., Архипов Н.Д. Погребальные памятники населения бассейна р. Оленек якутии (XVII–XIX вв.) // Эхо арктической одиссеи: Судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов: Сборник материалов всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Якутск: Электрон. изд-во НБ РС (Я), 2019. С. 85–91. https://doi.org/10.25693/Gurvich.2019BravinaRI

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Габышева А.Л., Неустроева Г.Г. Раритеты Якутии. Художественное наследие: Сунтарский улус: Альбом-каталог. М., 2015. 240 с.

Гаврильева Р.С. Одежда народа Саха конца XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1998. 144 с.

Геккер Н.Л. Три якутские могилы // Известия ВСОИРГО. 1896. Т. 26. Вып. 4–5. С. 183–197.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья XIV–XVIII вв. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 192 с.

Данилова Н.К. Ритуальная одежда народа саха: Таҥалай сон: (Историческая память и семантика) // Научный диалог. 2020. № 11. С. 362–378. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-362-378

Диалектологический словарь языка саха = Саха түөлбэ тылын тылдьыта: Доп. том: Содержит около 5000 слов / Сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. Новосибирск : Наука, 1995. 304 с.

Дьяконов А.Л. Пушной промысел в Якутии конца XVIII — середины XIX века. Якутск: Изд-во ЯНЦ, 1990. 148 с.

Иванова-Унарова З.И. Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX в.). Якутск: Бичик, 2017. Кн. 1: Сибирская коллекция в музеях США. 784 с.

Илларионов В.В., Бравина Р.И. (отв. ред). Якутские мифы: Саха өс-номохторо. Новосибирск: Наука, 2004. 449 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). Якутск: Якутиздат, 1971. 212 с.

Крюбези Э., Алексеев А.Н. (отв. ред.). Мир древних якутов: Опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции). Якутск: Издат. дом СВФУ, 2012. 226 с.

Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. 483 с.

Материалы по истории Якутии XVII века: (Документы ясачного сбора): В 3 ч. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1970. Ч. 1. 213 с.

М.Д. Из области обычного права сибирских инородцев // Восточное обозрение. Иркутск, 1883. 28 апр.

Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII–XVIII вв. // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея. Якутск, 1955. Вып. 1. С. 84–137.

Оштрассер-Пети К., Романова Л., Дюшен С., Мельничук О., Жерар П. Якутская одежда XVII и XVIII веков, археология и реконструкция // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 131–147. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-12

Петрова С.И. Свадебный наряд якутов: Традиции и реконструкция. Новосибирск : Наука, 2006. 104 с.

Петрова С.И., Заболоцкая З.М. Народный костюм якутов: Историко-этнографическое и искусствоведческое исследование. Новосибирск: Наука, 2013. 207 с.

Петрова С.И., Прокопьева А.Н., Кирьянов Н.С. Опыт реконструкции якутской женской одежды XVII–XVIII веков (по материалам погребения Ат-Дабан (Ат-Быран) VI) // Научный диалог. 2020. № 3. С. 370–384. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-370-384

Попов А.А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // СМАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 2. С. 255–323.

Попов В., Сенегас Н., Оштрассер-Пети К., Амори С., Дранкур М., Полле С., Жирков Э., Жерар П., Люд Б., Кейзер К. Семейная драма: Охтубут — Шаманское дерево 1 // Мир древних якутов: Опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / Под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева. Якутск: Издат. дом СВФУ, 2012. С. 102–105.

Прокопьева А.Н., Федорова А.Р. Описание и анализ женской одежды тангалай XVII–XIX вв. (по археологическим и этнографическим данным) // Общество: Философия, история, культура. 2017. № 12. С. 74–78. https://doi.org/10.24158/fik.2017.12.18

Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.

Содномпилова М.М. Одежда замужней женщины тюрко-монгольских народов Внутренней Азии: Образы, функции, значение (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai) // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 272–288. https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.19

Сосин И.М. Суон сурахтаах Суола урэх: (Очерки и эссе на як. языке). Якутск, 2013. Кн. 1. 600 с.

Федорова А.Р. Графическая реконструкция оленекского тангалая XVIII века // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: Проблемы, гипотезы, факты: Материалы LVIII Рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 185–187.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. 2-е изд. Якутск: Бичик, 2016. 448 с.

Чебодаева М.П. Сигидек — традиционная хакасская одежда // Художественное пространство XXI века: проблемы и перспективы: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2021. С. 156–162. https://doi.org/10.36906/NVSU-2021/07/26

Эргис Г.У. Исторические предания и рассказы якутов: В 2 ч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 322 с.

ИСТОЧНИКИ

Архив НХМ РС(Я). Личный фонд М.М. Носова.

Кирьянов Н.С. Отчет о проведении археологических полевых работ (раскопок) на территории выявленных объектов культурного наследия в местности «Ат-Дабан» в Хангаласском районе Республики Саха (Якутия) в 2016 году. Т. 1 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 54128 (Т. I).

НА РС(Я). Ф. 1413. Оп. 1. Ед. хр. 6, 25, 46.

Полевые материалы Прокопьевой А.Н., г. Якутск, 2017.

Полевые материалы Петровой С.И., Таттинской район РС(Я), 2020.

Полевые материалы Петровой С.И., Вилюйская группа районов РС(Я), 2021.

Petrova S.I. [a], Prokopeva A.N. [b, *]

[a] North-Eastern Federal University, Belinskogo st., 58, Yakutsk, 677000, Russian Federation
[b] Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IHRNIPP SB RAS)
Petrovskogo st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: petrovasi1954@mail.ru (Petrova S.I.); sendiele@gmail.com (Prokopeva A.N.)

Yakut *tangalai* clothing: cut, trimming, and technologies

Costume of the 17th–18th cc. is a little-studied subject in the history of the Yakut costume. This is due to the fact that costume of this period can be studied only on the materials of the funerary monuments of Yakutia (Eastern Siberia). There are scanty written and pictorial sources of this period, and they do not provide detailed information about the material and technique of making clothes. One of the outstanding examples of the clothing of that time is tangalai - ritual women's clothing with short sleeves embroidered with beads and metal plaques, which in the literature is called fur coat or caftan. Due to its beauty and ritual purpose, tangalai represents a most interesting and controversial element of the wardrobe. Such waistcoats were widespread among Turkic-Mongolian peoples of Eurasia and are often associated with the wedding ceremonial and status of married women. The aim of the work is to identify specifics of the make, cut, and decor of tangalai. For this purpose, four samples of clothing identified as tangalais were selected from museum collections. All samples were found in female burials of Central and Northern Yakutia and consist of fragments of the base and decorative trim in different states of preservation. A comparative analysis showed that according to the material, cut, and principle of manufacture all samples represent variations of the same type of clothing. Suede made of deer or elk skin, smoked and painted, was used as the basic material. The skin was supplemented with an edging made of expensive and rare furs, which at that time included beaver fur. Beads of predominantly blue color were used in all the samples, supplemented with white and black beads, metal stripes and pendants. Beaded embroidery emphasized certain parts of clothing: shoulders, chest, and back. Accentuation of similar zones preserved in elegant women's fur coats until the beginning of the 20th century. The manufacture of such clothing implied a complex and lengthy technological process from the processing of raw materials to the connection of all the numerous elements. The high quality of the processing of leather and fur and complex beaded decor indicate the presence of professional seamstresses and a more complex organization of the Yakut society of those times. Needle beds, scissors, and workpieces of fur and beads in very rich women's burials, as well as the folklore motifs on this subject may indicate the significance of the sewing workmanship.

Keywords: Yakutia, archaeology, shoulder clothing, ritual clothing, production technology, needlework, funerary monuments.

Funding. The research were carried out using the scientific equipment of the shared core facilities of the Federal Research Center 'Yakutsk Science Center SB RAS' grant No.13.ЦКП.21.0016.

REFERENCES

Alekseev, A.N., Romanova, E.N., Sokolova. Z.P. (Eds.) (2012). *The Yakuts (Sakha).* Moscow: Nauka. (Rus.).

Arkhipov, I.D. (1989). *Ancient cultures of Yakutia*. Yakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).

Bakaeva, E.P. (2017). The Tsegdeg Dress of Kalmyk and Oirat Women: Semantics of Its Fashion and Decorative Elements: (Ancient Signs in the Semiotic System of the Garment). *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN*, 32(4), 49–69. (Rus.).

Basnaeva, S.N. (1993).*The Yakut clothes*. Yakutsk: Sitim. (Rus.).

Bravina, R.I., Arkhipov, I.D. (2019). Funeral monuments of population of the pool of the Olenek river Yakutia (17–19 centuries). In: *Ekho arkticheskoi odissei: Sud'by etnicheskikh kul'tur v issledovaniiakh uchenykh-severovedov*. Yakutsk: Elektronnoe izdatel'stvo NB RS (Ia), 504-508. (Rus.). https://doi.org/10.25693/Gurvich.2019BravinaRI

Bravina, R.I., Popov, V.V. (2008). *The Yakut funeral and memorial rites: monuments and traditions (the 15th–19th centuries)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Chebodaeva, M.P. (2021) Sigidek — traditional Khakass clothing. In: *Khudozhestvennoe prostranstvo XXI veka: Problemy i perspektivy. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskii gosudarstvennyi universitet, 156–162. (Rus.). https://doi.org/10.36906/NVSU-2021/07/26

* Corresponding author.

Crubézy, E., Alekseev, A.N. (Eds.) (2012). *Mir drevnih yakutov: Opyt mezhdisciplinarnyh issledovanij (po materialam saha-francuzskoj arheologicheskoj ekspedicii).* Yakutsk: Izdatel'skii dom Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).

Danilova, N.K. (2020). Ritual Clothing of the Sakha People: Tangalai son: (Historical Memory and Semantics). *Nauchnyi dialog*, 11(1), 362–378. (Rus.). https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-362-378

D'iakonov, A.L. (1990). *Fur trade in Yakutia of the late 18 — mid 19 century*. Yakutsk: Izdatel'stvo IaNTs. (Rus.).

Ergis, G.U. (Ed.) (1960). *Historical legends and narratives of the Yakuts*. *Part 1.* Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (Rus.).

Fedorova A.R. (2018). Graphic reconstruction of the 17th century tangalay from Olenek. In: M.L. Berezhnova, I.V. Tolpeko (Eds.). *Drevnie i traditsionnye kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka: Problemy, gipotezy, fakty: Materialy LVIII Rossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh.* Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 185–187. (Rus.).

Gabysheva A.L., Neustroeva G.G. (2015). *Rarities of Yakutia: Artistic heritage: Suntarsky ulus: Album catalog*. Moscow. (Rus.).

Gavril'eva, R.S. (1998). *Clothing of the Sakha people of the end of the XVII — the middle of the XVIII century*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Gekker, N.L. (1896). Three Yakut graves. *Izvestiia VSOIRGO*, (26), 183–197. (Rus.).

Gogolev, A.I. (1990). *Archaeological monuments of Yakutia of the late Middle Ages of the 14–18 centuries*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. (Rus.).

Hochstrasser-Petit, Ch., Romanova, L., Duchesne, S., Melnichuk, O., Gérard, P. (2020). Yakut clothes of the 17th and 18th centuries, archaeology and restitution. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 131–147. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-12

Illarionov, V.V., Bravina, R.I. (Eds.) (2004). *Yakut myths*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Ivanova-Unarova, Z.I. (Ed.) (2017). *Material and spiritual culture of the peoples of Yakutia in world museums (17th — early 20th centuries): Siberian collections in museums of USA*. Yakutsk: Bichik. (Rus.).

Khudiakov, I. A. (2016). *Brief description of Verkhoyansky district*. Yakutsk: Bichik. (Rus.).

Konstantinov, I.V. (1971). *Material culture of the Yakuts of the 18th century: (based on materials from burials)*. Yakutsk: Yakutizdat. (Rus.)

Kulakovskii, A.E. (1979). *Studies*. Yakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus. and Yak.).

Nosov, M.M. (1955). Artistic and household products of the Yakuts of the 18 — early 20 centuries. In: *Sbornik nauchnykh statey Yakutskogo respublikanskogo krayevedcheskogo muzeya.* Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 84–137. (Rus.).

Petrova, S.I. (2006). *Wedding clothes of Yakuts: traditions and reconstruction*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Petrova, S.I., Prokop'eva, A.N., Kir'ianov, N.S. (2020). Experience of Reconstruction of Yakut Women's Clothing of the 17th–18th Centuries (based on the Materials of At-Daban (At-Byran) VI Burial). *Nauchnyi dialog*, (3), 370–384. (Rus.). https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-370-384

Petrova, S.I., Zabolotskaia, Z.M. (2013). *Yakut folk costume: A historical, ethnographic and art history study.* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Popov, A.A. (1949). Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district. *Sbornik Muzeia Antropologii i Etnografii AN SSSR*, (2), 255–323. (Rus.).

Popov, V., Senegas, N., Hochstrasser-Petit, C., Amory, S., Drancourt, M., Zhirkov, E., Gérard, P., Ludes, B., Keyser, C. (2012). Family Drama: Othubut — Shamanic Tree 1. In: A.N. Alekseev, E. Crubézy (Eds.). *Mir drevnih yakutov: Opyt mezhdisciplinarnyh issledovanij (po materialam saha-francuzskoj arheologicheskoj ekspedicii).* Yakutsk: Izdatel'skii dom Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta, 102–105. (Rus.).

Prokop'eva, A.N., Fedorova, A.R. (2017). Description and analysis of women's clothing tangalay in the 17th–19th centuries (based on archaeological and ethnographic materials). *Obshchestvo: Filosofiia, istoriia, kul'tura,* (12), 74–78. https://doi.org/10.24158/fik.2017.12.18

Seroshevskii, V.L. (1993). *Yakuts: Ethnographic research experience.* Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia. (Rus.).

Sodnompilova, M.M. (2020). Married women's clothing in the Turkic and Mongolic peoples of Inner Asia: Images, functions, meaning (cegedek, qubaiki, uuja, degelei, tangalai). *Novye issledovaniya Tuvy*, (4), 272–288. (Rus.). https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.19

Sosin, I.M. (2013). *Legends of the Suola River: Essays. Book 1*. Yakutsk: Alaas. (Yak.)

Voronkin, M.S., Alekseev, M.P., Vasil'ev, Iu.I. (Ed.) (1995). *Dialectological dictionary of the Sakha language*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Петрова С.И., https://orcid.org/0000-0002-8588-8330
Прокопьева А.Н., https://orcid.org/0000-0002-8329-159X

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 05.12.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-14

Бравина Р.И.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027
E-mail: bravinari@bk.ru

СБОР МАМОНТОВОЙ КОСТИ КАК ТРАДИЦИОННЫЙ ПРОМЫСЕЛ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОСИБИРСКОЙ АРКТИКИ (XVII — НАЧАЛО XX в.)

На основе исторических, этнографических и фольклорных источников исследована история сбора и сбыта ископаемой мамонтовой кости как традиционного промысла коренного населения восточносибирской Арктики в XVII — начале XX в. Выявлено, что в историческом контексте сбор ископаемой мамонтовой кости можно определить как локальную модель традиционного занятия коренного населения в зависимости от ресурсных возможностей арктической среды, а также социально-экономических и историко-культурных факторов.

Ключевые слова: восточносибирская Арктика, коренные народы, традиционные занятия, бивни мамонта, история, типы и способы промысла, сбыт.

Введение

Актуальность работы определяется отсутствием специального исследования по истории становления и развития добычи ископаемой мамонтовой кости (сокращенно — ИМК) в условиях широкого обсуждения на федеральном и региональном уровнях об отнесении ее к видам традиционных промыслов коренных малочисленных народов Севера [Потравный и др., 2020]. Основными центрами добычи ископаемого мамонтового бивня в Якутии издавна являются Усть-Янский, Аллаиховский, Булунский, Абыйский и Нижнеколымский районы, территории которых населяют северные якуты, эвенки, эвены, юкагиры и русские старожилы. Основная цель исследования — историко-этнографическое изучение сбора ископаемой мамонтовой кости как традиционного вида хозяйственной деятельности коренного населения якутской Арктики. В задачи входит: обзор донаучных представлений о мамонте и его бивнях; история становления и развития «костяной» казны России в XVII — начале XX в.; выяснение роли и значения сбора ИМК в традиционном хозяйственно-культурном комплексе коренного населения; описание и ретроспективный анализ типов, способов, условий и сроков промысла.

Статья написана на основе исторических, этнографических и фольклорных материалов. Отрывочные сведения по добыче и торговле ИМК содержатся в работах исследователей самого разного направления: географии, геологии, палеонтологии, экономики и др. (М.М. Геденштром, А.Ф. Миддендорф, Ф.П. Врангель, Е.В. Пфиценмайер, Н.К. Верещагин, А.Н. Смирнов, Н.Д. Кириллин, С.Е. Федоров и др.). В то же время специальных исторических работ, за исключением очерка В.М. Зензинова [1915], до сих пор нет. Это можно объяснить периферийным положением промысла ИМК в отношении доминирующих видов занятий в охотничье-рыболовном хозяйственном комплексе арктических народов. В гуманитарной науке достаточно полно разработан мифологический и художественный образ мамонта в традиционном мировоззрении и декоративно-прикладном искусстве коренных народов Сибири (С.В. Иванов, В.Х. Иванов, А.И. Новиков, А.Л. Заика и др.). Краткие записи о промысле ИМК содержатся в полевых материалах П.В. Слепцова (1920-е гг.), северной экспедиции Института языка, литературы и истории при СНК ЯАССР (1939–1940 гг.), хранящихся в архиве Якутского научного центра СО РАН (далее — АЯНЦ СО РАН).

История становления и развития «костяной казны» России

По свидетельству А.Ф. Миддендорфа, первая информация об ископаемых костях и замороженных тушах мамонтов Сибири содержится в древнекитайских сочинениях, датируемых V в. до н.э. [1860, с. 287]. Впервые наиболее подробное описание бивня мамонта привел иранский энциклопедист XI в. Абу Рейхан Бируни в своей работе «Собрание сведений для познания драгоценностей». Он пишет, что «особый минерал животного происхождения “рог хуту”» является «желанным и хранимым особенно у китайцев и у восточных тюрок» [Бируни, 1963, с. 195–196]. По словам по-

слов, «прибывших от Катаи-хана, это — лобная кость быка», который «водится в земле хирхизов (киргизов)», и она по форме и структуре напоминает клык рыбы, что привозят булгары в Хорезм из Северного моря. Шкура этого быка бывает «толщиной более чем в два пальца», а рога бывают разного цвета: лучшим считается «скорпионный», переходящий от желтого к красному, далее идут камфарный, белый, абрикосовый, синеватый и т.д. Цена «рога» зависела от цвета, узора и веса. Изделиям из бивня мамонта арабы приписывали магические свойства. Так, у одного эмира была чернильница, названная «приносящая царства», так как приносила своему хозяину счастья и богатства, а другим — беды и нищету. Эмир дарил свой талисман соседним владыкам, и вскоре их государства и казнохранилища вместе с чернильницей переходили к нему. Почитание рога *хуту* основывалось на представлении о том, что принадлежит он громадной птице, и находят его «один раз за целые века», подвергаясь опасностям при переезде через море [Там же].

Древние понятия восточных народов о мамонте содержатся также в записях первого императора из маньчжурской династии в Китае Кан-хи (1662–1723 гг.). Он писал о Фен-шю — «подземных крысах севера», которые умирают, «едва лишь коснется их дуновение воздуха или луч солнца». Мясо этих животных считается целебным, аборигены делают из их кости предметы утвари, гребни, рукоятки для ножей и т.д. [Пфиценмайер, 1928, с. 6]. Мамонтовая кость привлекала внимание и средневековых монголов. Францисканский монах Плано Карпини, побывавший в 1246 г. в Золотой Орде, приводит описание трона и печати хана Гуюка, вырезанных русским золотых дел мастером Козмой из «слоновой кости» [Карпини, Рубрук, 1957, с. 76, 78].

В западноевропейской литературе мамонта долго называли обыкновенным слоном, пока, наконец, не определили его «первородным, допотопным слоном». Одним из первых, кто причислил ИМК к добываемым из недр ресурсам полезных ископаемых, был немецкий филолог Генрих Вильгельм Лудольф, который в приложении к своей работе о грамматике русского языка (1696) отнес «мамонтовую кость, что в Сибири выкапывают из земли», к отряду минералов [Алексеев, 2006, с. 440]. Однако в московской Руси долго не различали моржовые и мамонтовые клыки, относя их к разряду «рыбьего зуба» — одного из важных предметов торговли с восточными странами.

У коренного населения Сибири издавна существовали мифорелигиозные представления о мамонте как о хтоническом подземном или водном существе, обнаружение останков которого предвещало смерть или разорение членам рода. С мамонтом связан космогонический миф, согласно которому Бог создал Землю, а мамонт, пройдясь по ней, оставил за собой русла рек, озера и горы, участвуя тем самым в процессе сотворения мира [Васильева и др., 2021; Федорова, Слепцова, 2019]. В юкагирских текстах среди шаманских духов присутствовал *холһуй айби* (дух, тень мамонта) и шаман, имеющий его покровительство, считался самым могущественным [Иохельсон, 1898, с. 105]. Якуты верили в лечебное свойство зуба мамонта, дымом от горения которого очищали помещение для скота во время эпизоотий [АЯНЦ СО РАН. Ф. 4, оп. 12, д. 29, л. 40].

Наряду с «рогами» мамонта иногда находили кость, похожую на коготь птицы. «Самой большой из имеющихся у меня длиною 20 вершков,— писал М.М. Геденшторм. — По виду (кроме непомерной величины) они весьма сходствуют с кохтями птиц. Бродячие по берегам Ледовитого моря Юкагиры стараются отыскивать сии когти. Из свежих выделывают они к лукам подкладочную кость, полагаемую под деревянную дугу лука для умножения его упругости... Юкагиры называют головы и кохти сии птичьими…» [1830, с. 125, 126]. По свидетельству полярного исследователя Э. Толля, на о. Земля Бунге есть возвышенность Ёксёкю булгунньах[1], названная в честь исполинской птицы [Толль, 1959]. Якуты-скотоводы «когти птицы Ёксёкю, по форме похожие на косу-литовку», находили на кладбище мамонтов Берелёх[2], которое до революции являлось своеобразным «клондайком» для местных искателей бивня. В иной раз вывозили до восьми возов бивня на лошадях [АЯНЦ СО РАН. Ф. 4, оп. 12, д. 45, л. 396].

Таким образом, представления народов Крайнего Севера о мамонте весьма сходны с его описаниями в средневековых трактатах. Находки крупных костных остатков, а иногда и целых мерзлых туш в прибрежных оврагах и ложбинах породили комбинированный образ, совмещавший признаки таинственных «водоземных» животных. Бивни мамонтов трактовались как «рога»

---

[1] Ёксёкю — мифическая двуглавая (вариант: восьмиглавая) царь-птица, гигантской орел с клювом, способным проломить череп человека, часто встречающийся персонаж в сказках и якутском эпосе олонхо; она также почиталась как наиболее сильный дух-помощник шаманов; як. булгунньах — бугор, холм.

[2] *Берелёхское «кладбище» мамонтов.* В 1970 г. было исследовано Б.С. Русановым, Н.К. Верещагиным, П.А. Лазаревым. Ими было собрано 7,5 тыс. различных костей животных. По результатам радиоуглеродного анализа позже был установлен возраст захоронений — 12–14 тыс. лет.

водяного/земляного быка или «зуб» рыбы-чудища, а рог шерстистого носорога — как «хоготь» гигантской птицы. Истоки этих представлений, судя по археологическим данным древнего наскального и прикладного искусства, уходят корнями в эпоху камня.

Начиная с XVII в. поиски и добыча ископаемой кости непосредственно связаны с историей освоения арктических областей Восточной Сибири. Сохранилась грамота царя Алексея Михайловича, адресованная якутскому воеводе от 16 июня 1652 г.: «... они-де ту кость сбирали на берегу, а лежит-де тут на берегу заморская кость многая, мочно-де той кости нагрузить многие суды... и те будет служилые люди учнут на море находить рыбью кость большую или малую: и вы б тое рыбью кость велели им имать и привозити к себе в Якуцкой, а из Якуцкого присылали к нам к Москве с нашею соболиного казною вместе...» [Дополнения к актам…, 1848, с. 349].

В 1655 г. вышедший из Лены на Колыму караван судов нашел остров, на берегах которого мореходы обнаружили следы «какого-то скота и зверя, а людей не видели». Речь, вероятно, идет о Медвежьих островах, которые якуты называли «Муостаах арыы» (букв. остров с рогами/бивнями). Начиная с первых посетителей-промышленников все побывавшие на этих островах всюду «в довольном расстоянии от берега, на возвышенных местах», находили «заморный зуб» — мамонтовые бивни в «великом множестве». Документы того времени подтверждают, что государство было крайне заинтересовано в их сборе. В 1666 г. якутский воевода Иван Большой Голенищев-Кутузов, обращаясь к своим пятидесятникам, писал: «А у великих государей костяной казны оставить служилых людей, ково пригоже, и велеть им с тою великих государей костяною казною итти в Якуцкой…» [Русские мореходы …, 1952, док. № 114]. Так начала создаваться «костяная казна» Русского государства, которая и положила начало промышленной добычи ИМК.

Французский иезуит Ф. Авриль в 1687 г. свидетельствовал, что из Сибири, помимо пушнины, вывозится «особенный род кости, белее и глаже слоновой, получаемой из Индии… Персияне и турки весьма охотно покупают их и так дорожат ими, что саблю или кинжал с рукоятью из бегемотовой кости предпочитают сабле и кинжалу с серебряною и даже золотою рукоятью… Кость эту… обыкновенно находят в реке Лене или на берегах Татарского (Ледовитого. — *Р. Б.*) моря. Открытие бегемотовой кости сделано было жителями острова, откуда вышли, по словам москвитян, первые колонии, населившие Америку» [Алексеев, 2006, с. 377–378]. Сведения он получал от смоленского воеводы Мусина-Пушкина, служившего в свое время интендантом в канцелярии Сибирского департамента. «За Обью находится огромная река, называемая Кавойна (Kawoina), в которую впадает другая, именуемая Лена (Lena),— повествовал Мусин-Пушкин. — В устье первой из них, впадающей в Ледовитое море, есть большой и весьма населенный остров, весьма замечательный ловлею бегемотов, животного водоземного… зубы коего весьма дорого ценятся. Островитяне часто приезжают к берегам моря за ловлею бегемотов, и так как ловля их требует много труда и времени, то обыкновенно привозят они с собой свои семейства. Часто случается, что захватывает их здесь вскрытие моря и бедняков уносит неизвестно куда на огромных кусках льду, отделяющихся один от другого. Не сомневаюсь, что многие из охотников, таким образом захваченных, доплывают на льдинах к северному мысу Америки, весьма недалекому от этой части Азии, оканчивающейся Татарским морем» [Там же].

Кавойна, Ковыма — старинные названия р. Колымы. «Остров» против устья Колымы — это Медвежьи острова, которые находятся в 100 км от устья реки. Исследователи часто упоминают увиденные руины древних жилищ на островах, которые обычно связываются с юкагирами. М.М. Геденштром пишет об омоках-юкагирах, что они «удалились толпою на острова Ледовитого моря, против устьев Яны и Индигирки. На сих островах находил и я еще следы их кочевьев, но неизвестно, перемерли ли они все, или перешли на лучшие острова близь Америки» [1830, с. 97, 98].

Первоначально добычей ископаемой кости занимались в основном русские промышленники. На острова снаряжались «ватаги» (артели) русских купцов на основе «покруты», т.е. найма малосостоятельных промышленных людей. Предприниматель снабжал покрученного необходимым продовольствием, для варки пищи давал «котлы промышленные», а для ловли рыбы, служившей главным рационом питания, «сети неводные» [Якутия в XVII веке…, 1953, с. 340–342]. Покрута издавна была развита и у якутов. Беднякам был непосилен «подъем» на дальний соболиный промысел, и богатые якуты нанимали покрученников на охоту, за что содержали их семьи и платили за них ясак. Со временем якуты, издавна промышлявшие песца и «рога» на островах, также начали объединяться в артели по добыче бивней мамонта. Они не имели ни конного, ни рогатого скота, для разъездов использовали собачьи упряжки и «довольствовались рыбою, оленями, гусями, лебедями и утками дикими» [Иванов, 1992, с. 121].

В 1770-х гг. русский промысловик Иван Ляхов получил от правительства монопольное право «промышлять мамонтовую кость» на островах, названных его именем [Белов, 1956, с. 494]. В 1773 г. он и якутский купец И. Протодьяконов открыли остров, названный ими «Олгуйдаах», что в переводе с якутского означает Котельный. Один из артельщиков нашел там старинный «из зеленой меди котел», коими снабжались «ватаги» первых промысловиков. Остров также оказался богат мамонтовой костью. Успешная деятельность артели Ляхова и значительные таможенные сборы натурой заинтересовали Якутскую воеводскую канцелярию, которая в феврале 1775 г. направила для «описи» Ляховских островов землемера Степана Хвойнова. Перед ним ставились задачи: контролировать прием в казну 1/10 части добытой мамонтовой кости и песцов, составить карты островов, где производилась их добыча, а также разведать новые места для расширения промысла [Там же, с. 404]. Топонимика внесенных им на карты островов в большинстве своем оказалась якутской: например, мыс Туруктах (Стоймя стоящие скалы), речка Орто-Юрях (Средняя речка), гора Хаптагай-Тас (Плоский камень) и т.д.

В начале 1790-х гг., после смерти И. Ляхова, право промысла на открытых им островах перешло к якутским купцам Сыроватским. «Передовщиком» (начальником) их артели служил Яков Санников, уроженец Усть-Янска. В 1800 г. он открыл остров Столбовой, через пять лет — остров Фаддеевский, а в 1806 г. — остров Новая Сибирь. Препятствием в деле изучения вновь открытых островов стал спор о монопольном владении ими. И. Протодьяконов и Н. Бельков, ранее участвовавшие в походах Ляхова, подали ходатайство о праве вести «костяной» промысел на о. Котельном. Разгоревшийся конфликт дошел до государственного канцлера Н.П. Румянцева, и по его инициативе в 1808 г. была организована экспедиция под началом коллежского регистратора М.М. Геденштрома с целью уточнения объема добычи и ресурсов мамонтовой кости [Белов, 1956, с. 494]. «На первом Ляховском острове около 80 лет ищут мамонтовую кость, и всегда главную добычу промышленникам доставляла отмель на западной стороне острова,— пишет М.М. Геденштром. — При продолжительных восточных ветрах она обнажалась с множеством накатанных из моря рогов. Сие продолжается даже и доныне, и доказывает, что на дне морском покоится великое число Мамонтов» [1830, с. 123].

М.М. Геденшторм оставил весьма интересные сведения о быте и хозяйстве коренного населения арктического побережья, об условиях промысла на островах, впервые описал северное ездовое собаководство, дал подробное описание древних артефактов, которые промышленники находили на островах. «Санников,— пишет он,— вывез с собой также некоторые вещи, найденные им на Фаддеевском острове и Новой Сибири. На первом найдены юкагирские сани и обделанная кость с выемкой, в которую вкладывался острый тонкий камень из шифера для сбития с оленьих кож шерсти, а с Новой Сибири обделанный кусок мамонтовой кости, наподобие чукотских топоров. Все сие доказывают, что были на тех островах юкагиры, с давних пор туда зашедшие» [Там же]. Подобного рода записи довольно часто встречаются в трудах и других полярных исследователей.

Итоги экспедиции М.М. Геденштрома показали, что на островах северных морей нет других природных ресурсов, за исключением мамонтовой кости, что ничуть не снизило заинтересованность России в их дальнейшем освоении. Начиная с XVIII в. бивни сибирского мамонта стали составлять конкуренцию слоновой кости на лондонском рынке. Петербургский журнал «Экономический магазин» в одной из своих публикаций писал, что «российская или московская слоновая кость» шла на мировом рынке пятым сортом при общем ассортименте в шесть сортов [Илларионов, 1940]. Интерес к сибирской ИМК поддерживался до конца XIX в., что обеспечивало устойчивые объемы ее добычи — через якутские ярмарки проходило ежегодно от 500 до 1600 пудов мамонтовой кости [Кириллин, 2009, с. 56–58, табл. 1, 2].

На рубеже XIX–XX вв., в связи с увеличением добычи слоновой кости в Африке, рыночный спрос на «московскую слоновую кость» резко упал, что привело к постепенному свертыванию ее промышленной добычи. Однако, коренное население, попутно с основными промыслами — охотой и рыболовством, продолжало заниматься сбором бивней мамонта вплоть до 1930-х гг.

Сбор бивня: организация, способы, условия и сроки промысла

В начале XX в., по материалам В.М. Зензинова, мамонтовую кость «или ищут попутно по морскому берегу и “едоме”, настораживая пасти и возвращаясь с гусевания домой, или же нарочно едут на “камень” и “гонят яры”»[3] [Зензинов, 2001, с. 68].

[3] *Едома* — форма рельефа арктических и субарктических равнин Восточной Сибири, представляющая собой возвышенность, холм; *камень* — морские острова; *яр* — крутой обрывистый берег.

Первый тип промысла в индивидуальном виде практиковался издавна «бродячими» (кочевыми) родами эвенков, эвенов, юкагиров, населявшими арктическую тундру. Именно им принадлежат случайные находки целых туш мамонтов, которые составили основу палеонтологических коллекций известных музеев. Однако ряд несчастных случаев, произошедших с открывателями этих уникальных объектов, послужил одной из причин отказа аборигенов от этого вида промысла. Так, А.Ф. Миддендорф писал, что тунгус Шумахов, нашедший мамонта Адамса (1799), «впал в тоску, даже в болезнь» по той причине, что «старики нашего рода… слыхали от отцов, как появилось такое чудовище на их полуострове и как семья тогда нашедшаго это чудовище в короткое время вся вымерла» [1860, с. 261]. Е.В. Пфиценмайер также упоминает об опасениях и страхе местного населения в связи с обнаружением в 1900 г. туши Березовского мамонта [1928]. Эти суеверия оказались поразительно живучими. В 1970-х гг. скоропостижная смерть Х.М. Стручкова, первооткрывателя Тирехтяхского мамонта (1970) и Мылахчинского бизона (1971), дала повод снова заговорить о «проклятье мамонтов», что вынудило его сына и дочь отказаться от премии в размере 700 руб., назначенной их отцу президиумом Якутского филиала СО АН СССР [Федоров, 2017, с. 26].

В начале XX в. поиском и сбором мамонтовой кости в материковой части занимались сборщики рогов *муосчут* (от як. *муос* — рог, кость) из числа якутов и русских старожилов Колымского и Верхоянского округов. Поиски велись в основном индивидуально, лишь изредка отмечались коллективные сборы. Отправлялись на промысел на *ветках* (лодках) по рекам и ручьям с наносными берегами после спада высокой весенней воды и ледохода, разрушающих берега. По рассказам одного из якутских *муосчут*, он ежегодно летом ездил на поиски «рогов» в те места, где зимой охотился на диких оленей, чтобы сподручно было их возить санным путем. Спускался вниз по реке на лодке, обследуя прибрежные территории. Особое внимание уделял ложбинам и оврагам, наличию льдов на их склонах. Небольшие кости переносил на место временной стоянки *отуу*. Если добыча была весомой, то складывал ее на месте грудой, прикрывал сверху дерном, защищая таким образом от влаги и солнечных лучей, а на месте лагеря ставил палку, наклонив ее в сторону местонахождения, отмечая расстояние в верстах черточками [АЯНЦ СО РАН. Ф. 4, оп. 12, д. 45, л. 392]. На стоянке сборщики рогов подвешивали ритуальную веревку *салама* с цветными лоскутками, обязательно угощали дух огня, подбрасывая в костер кусочки еды.

В начале XX в. устьянские якуты промышляли бивни мамонта на материке коллективно. В Петров день (12 июля) все мужчины на лошадях на один день выезжали в окрестности наслега на «охоту на рогов». Деньгами, вырученными от их продажи, всем наслегом вскладчину платили земские подати [Там же, д. 70, л. 464]. «Материковые» бивни купцы покупали неохотно, так как они считались второсортными из-за многочисленных трещин и грязновато-желтого цвета, поэтому часть добычи шла на хозяйственные нужды. В фондах краеведческих музеев Якутии хранятся вырезанные из бивня костяные детали луков, оленьи нащечные пластины, пряжки седельной подпруги, кружки от лыжных посохов, грузила для невода, иглы, уховертки, гребни и т.д. [Циркумполярная цивилизация…, 2009].

Людей, промышляющих бивень в морских артелях, якуты называли *арыысыт* — «островник» (як. *арыы* — остров). По рассказам устьянских якутов, в редкие годы, когда морской перешеек освобождался ото льда, они переправлялись на острова на баркасах. «Грозна водная “стихея”, но ее можно умилостивить подарками, — вспоминает В.М. Зензинов. — Когда мы переезжали на легких ветках морскую губу (30 верст) и валы стали хлестать через борт и заливать наши утлые ладьи, мореплаватели начали бросать в волны заготовленные ранее подношенья — пестрые лоскутья, ладан…» [2001, с. 102]. Якуты, переплыв 60-верстный перешеек между мысом Святой Нос и Большим Ляховским островом, шли в местность Кисилэх, каменные скалы которой издали напоминали фигуры людей (як. *киси* — человек), и, чтобы задобрить духов, оставляли на жертвеннике монеты, конфеты, игральные карты [Толль, 1959, с. 26].

По свидетельству В.М. Зензинова, в 1840-х гг. с Индигирки ходили за костью на Новую Сибирь, но постепенно, за дальностью расстояния, передали этот богатый бивнями остров в монопольную собственность устьянцам [Зензинов, 2001]. В начале XX в. главным районом добычи мамонтовой кости являлись Новосибирские острова, куда ездили на собаках артелью от 40 до 50 чел., иногда к ним примыкали промышленники из Якутского округа. Основной промысел велся на так называемых ближних островах — Большом и Малом Ляховских, реже на «дальних» — Котельном, Фаддеевском и Новой Сибири. «Костяные» ресурсы последних были богаче, но путь пролегал через морские перешейки, что было рискованно и опасно.

Островники придерживались издавна устоявшихся правил. «Высшим органом» было общее собрание промысловиков, а исполнительную власть вершил «тойон» (як. князь, начальник),

избиравшийся общим собранием [Иохельсон, 1898]. Станы с избами и хозяйственными строениями, а также песцовые ловушки на островах считались общим имуществом артелей, а на материке они являлись семейной или родовой собственностью.

Распределение промысловых угодий для сбора костей и охоты на песцов производилось на общем собрании, хотя на разработку особо богатых участков претендовали близлежащие селения. Так, возле Хромской губы промышляли устьянцы, хромские якуты и русские. На Хапташинском яру во время охоты на линных гусей, что начиналась в конце июля, попутно промышляли заезжие якуты и русские. «Большой яр представляет собой едому, возвышавшуюся посреди тундры, берег его разрушается из-за таяния открытых с юга льдов. Этот яр прямо естественно-исторический музей,— писал астроном Лено-Колымской экспедиции (1909 г.) С.К. Скворцов. — Целых костей мало, мелких видимо невидимо, валяются как шишки в сосновом бору» [Ленско-Колымская экспедиция…, 1930, с. 114]. Границей промысловых участков якутов и русских служил ручей, который «не имели права перейти ни те, ни другие, хотя бы и видели на другом берегу мамонтовую кость». Наиболее богатым на добычу считался Ойягосский яр, где самым благоприятным для промысла временем был август с сильными штормами, когда море «в течение недели ломает яр, а затем отстает от берега, давая возможность собрать вымытые им кости». Там промышляли жители с. Казачьего и прилежащих к нему округов, «но это область, куда не заходит русский» [Там же, с. 90].

Расстояние от с. Казачьего до ближайшего о. Большой Ляховский составляло приблизительно 600 верст по тундре и морскому льду. Особенно трудной была ледовая дорога с труднопроходимыми торосами и полыньями. Из Казачьего островники выезжали в конце апреля — первых числах мая и добирались до места в первых числах июня. Снабжали артели основными продуктами устьянские купцы. Собак, нарты, одежду, палатку, посуду промышленники должны были иметь собственные.

Добравшись до угодий, промысловики отдыхали, обновляли пасти для песцов, а затем начинали поиски рогов, разбившись на небольшие партии по 4–5 чел. «Лето здесь самое несноснейшее время года,— писал в свое время М.М. Геденштorм. — Жары бывают необыкновенные. …комаров необъятное множество: в лесу, где стоят здешние острожки, они составляют сплошную тучу... Всюду грязь и вода поверхностная,— потому что и в жарчайшее лето земля не растаевает глубже четверти аршина» [1830, с. 118]. Островники ждали Прокопьев день (8 июля), когда по народному календарю убывают комары и начинает линять гусь. Помимо гусей охотились на диких оленей, но больше одного оленя за одну охоту не убивали, ввиду небольшой их популяции. Рацион дополнялся также сбором преимущественно гусиных яиц, «но не брезгуют и чаячьими»; чайки в изобилии гнездятся на арктических островах. В этих условиях иной раз островникам приходилось голодать по несколько дней, испытывая на некоторых участках жажду из-за нехватки пресной воды. «90 верст по соленой пустыне стрелки Меркушина» — так называется одна из глав Отчета экспедиции К.А. Воллосовича [Ленско-Колымская экспедиция…, 1930, с. 235]. Тем не менее на той же Меркушиной стрелке, по свидетельству Э. Толля, за одно лето было собрано 1500 кг бивней [Толль, 1959].

На добытой кости каждый промышленник вырезал ножом свою метку — тамгу. А верхнеколымские юкагиры, у которых сохранились «древние картинные письмена», оставляли письма на бересте, рисуя кончиком ножа форму бивня и фигуры людей по количеству промышленников, нашедших его [Иохельсон, 1898, с. 105]. Считалось, что мамонтовые клыки лучше сохраняются в глине, чем в песке. «У оседлых северян,— писал А.Ф. Миддендорф,— общий обычай беречь свои запасы слоновой кости в земле зарытыми». Сохраненный таким образом бивень долго не терял первоначальный цвет, оставался мягким, и из него можно было вырезать любые изделия даже «дурным» ножом инородцев [1860, с. 274].

По сортности бивень подразделялся на «гребельную» и «торговую». Под «гребельной» подразумевался первосортный бивень без трещин, сердцевина которого, «под защитой ледяного футляра, мало или совсем не подвергалась разрушительному действию воды и воздуха», и кость была «чиста, бела и плотна». Второй сорт — «торговый», лежавший «долго в воде или на воздухе», обычно имел трещины, из-за чего «наружные концентрические слои могли отставать и крошиться», а внутри кость «не плотна… не чиста, желтоватого цвета» [Иохельсон, 1898, с. 107]. Каждый из этих сортов имел еще два подсорта, в зависимости от размеров бивней: чем больше «рог», тем он был дороже. По данным В. Иохельсона, вес самого большого «клыка» мог дотянуть до 7 пудов при среднем весе в 3 пуда. Чтобы сохранить товарный вид добычи, при перевозке бивни зашивали в сыромятные мешки, не пропускающие влагу и солнце, а небольшие обломки клали в сумы с пушниной.

В конце сезона кость свозили в одно, ближайшее к материку, место. С ближних островов промышленники возвращались в ноябре, а с дальних — в декабре. Транспортировка была одной из важнейших проблем промысла, и иногда большая часть добычи оставалась нереализованной. П.В. Слепцов в 1923 г. писал, что последний раз большую партию бивней устьянцы привезли с Новой Сибири в 1918 г. Ездили артелью на 55 собаках и при осмотре песцовых ловушек попутно собрали около 900 пудов бивней, но сумели привезти только 100 пудов и больше туда не ездили [ЯАНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 3, д. 291, л. 69].

Вывозили бивень на оленях и собаках. По данным В.М. Зензинова, ежегодная добыча, которая велась с середины июня до глубокой осени, могла составлять несколько тонн, в то время как грузовые оленьи нарты по тяжелой зимней дороге брали лишь до 8 пудов, а упряжка в 13 собак — до 15 пудов груза. Обычно при транспортировке применялись особенно большие «островные» нарты грузоподъемностью в 35–40 пудов, в которые запрягали 14–16 собак [Зензинов, 1915]. Вывозили «рога» в феврале — марте, когда артельщики заезжали на острова проверять пасти.

В начале XX в. стремительно поднялась цена на песца, купцы мамонтовую кость начали скупать «лишь скрепя сердце, так как она слишком “озойна” (т.е. громоздка, неудобна) для перевозки» [Зензинов, 2001, с. 238]. Несмотря на экономическую невыгодность добычи бивня мамонта, промысел продолжал существовать вплоть до 30-х годов XX в. Одной из причин этого феномена можно считать так называемую долговую мораль, которой придерживались сибирские купцы. Слово купца в определенной степени служило залогом и поручительством, особенно на малонаселенном севере, где все друг друга знали. При большом спросе на пушнину на рынке купцы были заинтересованы поддерживать «обходительные» отношения со своими поставщиками — охотниками, а те, по устоявшейся веками традиции, продолжали попутно заниматься сбором обесцененных «рогов».

Заключение

Арктическое побережье и острова северных морей были освоены издавна, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники эпохи камня и артефакты из мамонтового бивня со следами обработки каменными орудиями. Становление «костяной казны» Русского государства в XVII в. привело к появлению двух типов промысла. Первый тип представлял собой в основном индивидуальный попутный сбор кочевыми родами в прибрежной тундре в летний сезон. Для оленных людей — эвенков, эвенов и юкагиров острова, лишенные корма, воспринимались как «беда страшные места» [Ленско-Колымская экспедиция…, 1930, с. 128]. Это подтверждается и данными микротопонимии островов, большинство названий которых являются якутскими. Часть попутно собранной «материковой» кости из-за плохого качества использовалась чаще всего в собственных нуждах, как и в доисторические времена. Второй тип промысла — коллективный (артельный) сформировался с развитием промышленной добычи мамонтового бивня на островах, в которой участвовали оседлые якуты и русские арктические старожилы. Товарные отношения вовлекали в экономический оборот все больше коренного населения, родовое хозяйственное единство заменялось торговым взаимодействием на договорных началах, что способствовало постепенному смешению и нивелировке хозяйственно-культурных традиций в промысле ИМК.

На рубеже XIX–XX вв. при снижении спроса на бивень мамонта промысел пришел в упадок, но местами продолжал существовать вплоть до 1930-х гг. «Промышленнику нечем расплатиться, кроме кости, за забранный в долг товар, купцам нечем, кроме кости, взыскать с них долг. Так и тянется этот промысел, ни для кого, в сущности, в Якутской области не нужный» [Зензинов, 1915, с. 992].

Таким образом, в историческом контексте сбор ископаемой мамонтовой кости можно определить как локальную модель традиционного занятия коренного населения восточносибирской Арктики в зависимости от ресурсных возможностей природной среды, а также социально-экономических и историко-культурных факторов. В современных условиях включение сбора и добычи бивней мамонта в перечень видов традиционной хозяйственной деятельности позволит содействовать решению экономических и правовых проблем в данной сфере в интересах коренных народов Севера.

Благодарности. Автор выражает благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность использования научного оборудования, приобретенного по гранту № 13.ЦКП.21.0016.

Финансирование. Работа выполнена за счет средств государственного задания по теме «Стратегии адаптации и этнокультурное развитие населения Якутии в эпохи древности, средневековья и нового времени», регистрационный номер 121030100038-9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.: Введение, тексты и комментарии. 3-е изд. Новосибирск: Наука, 2006. 504 с. (СО РАН. Избранные труды / РАН, Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом), СО, Ин-т филологии).

Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. В 4 т. Т. 1: Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века / Под ред. Я.Я. Гаккеля, А.П. Окладникова, М.Б. Черненко. М.: Морской транспорт, 1956. 592 с.

Бируни Абу Рейхан. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А.М. Беленицкого. Л.: Изд. АН СССР, 1963. 526 с.

Васильева О.В., Кузьмина А.А., Федорова А.Р. Воображение Севера в контексте освоения природной среды: мамонт в мифологических представлениях якутов // Научный диалог. 2021. № 1. С. 194–210.

Геденштром М.М. Отрывки о Сибири. СПб.: В тип. медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1830. 178 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией / Под ред. М. Коркунова. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1848. Т. 3. 560 с.

Зензинов В.М. Добыча мамонтовой кости на Новосибирских островах // Природа. 1915. № 7–8. С. 979–991.

Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана / Сост. и авт. предисл. А.Г. Чикачев, И.А. Чикачев. 3-е изд. Якутск: Якутский край, 2001. 350 с.

Иванов В.Ф. Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII–начало XIX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 228 с.

Илларионов В.Т. Мамонт: К истории его изучения в СССР. Горький: Изд-во Горьк. пединститута, 1940. 96 с.

Иохельсон В.И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе // Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова. Т. 10. Ч. 3. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1898. 167 с.

Карпини Дж., Рубрук Г. История монголов // Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 272 с.

Кириллин Н.Д. Ископаемая мамонтовая кость — особый геокриогенный природный ресурс // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». 2009. Т. 2. № 8. С. 54–63.

Ленско-Колымская экспедиция 1909 года: Под начальством К.А. Воллосовича Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 395 с. (Труды Комиссии по изучению Якутской АССР; Т. 15).

Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири: В 2 ч. Ч. 1: Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. СПб.: Тип. Академии наук, 1860. 348 с.

Потравный И.М., Протопопов А.В., Гассий В.В. Добыча бивней мамонта как вид традиционного природопользования // Арктика: Экология и экономика. 2020. № 1 (37). С. 109–121. https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-1-109-121

Пфиценмайер Е.В. В Сибирь за мамонтом: Очерки из путешествия в Северо-Восточную Сибирь / Под ред. и с доп. Н. Могучего; Пер. с нем. Н. Нейман. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 179 с.

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке / Сост. М.И. Белов. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1952. 386 с.

Толль Э.В. Плавание на яхте «Заря». М.: Географгиз, 1959. 339 с.

Федорова А.Р., Слепцова А.А. Отражение образа мамонта в духовной культуре народов Якутии // Человек и культура. 2019. № 6. С. 164–170. https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.6.31072

Циркумполярная цивилизация в музеях мира: Вчера, сегодня, завтра // Музеи республик Саха (Якутия): Каталог / Гл. ред. Е.С. Шишигин. Якутск: СІР НБР Саха, 2009. 128 с.

Якутия в XVII веке: Очерки / Под ред. С.В. Бахрушина, С.А. Токарева. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. 450 с.

ИСТОЧНИКИ

АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 29. 45; Ф. 5. Оп. 3. Д. 291.

Федоров С.Е. История исследований млекопитающих четвертичного периода в Якутии: XVIII–XX вв.: Дис. … канд. биол. наук. Якутск, 2017. 245 с.

Bravina R.I.
Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems
of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IHRNIPP SB RAS)
Petrovskogo st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: bravinari@bk.ru

Mammoth bone collecting as a traditional occupation of the indigenous population of the East Siberian Arctic (17th — early 20th c.)

The paper is concerned with the history of collecting and trade of fossil mammoth bones as a traditional occupation of the indigenous population of the East Siberian Arctic in the 17th — early 20th c. For a long time the indigenous peoples of the North practiced individual collecting, incidental in the course of hunting, of fossil bones for their household needs. Meanwhile, archaic ideas about the mammoth as a sacred chthonic animal served as a regulator of eco-

logical balance of the traditional nature management, introducing constraints on the scope of the search and size of the spoils. Starting from the 17th c., the search for and quarry of fossil bone are most closely connected with the history of the colonization and exploration of the Arctic regions of Eastern Siberia by Russian pioneers. In the context of the development of commodity-money relations on the sea islands, artels were formed from among the northern Yakuts and Russian Arctic old-settlers, supplying tusk to the merchants who traded in furs and mammoth tusks. The extraction of fossil mammoth bones reached its peak in the middle of the 19th c., when the "Russian, or Moscow ivory" was current on the world market as the fifth grade, with the total assortment of six grades. At the turn of the 19th–20th cc. the mammoth ivory industry in Yakutia was experiencing a crisis; the demand for the products of mammoth ivory within the country was decreasing, merchants could not find markets, and ivory harvesting in Africa increased. However, despite these factors, this occupation preserved in places until the 1930s. In the modern conditions of the development of the Arctic, inclusion of collection and extraction of mammoth tusks in the list of traditional economic activities will help to solve economic and legal problems in this region in the interests of the indigenous population.

Keywords: East Siberian Arctic, indigenous peoples, traditional occupations, mammoth tusks, history, types, fishing methods, marketing.

REFERENCES

Alekseev, M.P. (2006). *Siberia in the news of Western European travelers and writers of the XIII–XVII centuries: Introduction, texts and comment. Ed. 3rd*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Bakhrushin, S.V., Tokarev, S.A. (Eds.) (1953). *Yakutia in the 17th century.* Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatelstvo. (Rus.).

Belov, M.I. (Comp.) (1952). Russian sailors in the Arctic and Pacific oceans: A collection of documents about the great Russian geographical discoveries in northeast Asia in the 17th cetntury. Leningrad; Moscow: Izdatelstvo Glavsevmorputi. (Rus.).

Belov, M.I. (1956). *The history of thr discovery and development of the Northern Sea Route*: *In 4 volumes. Vol. 1: Arctic navigation from ancient times to the middle of the 19th century*. Moscow: Morskoi transport. (Rus.).

Biruni, Abu Reikhan. (1963). *Collection of information for the knowledge of jewelry (Mineralogy)*. Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).

Fedorova, A.R., Sleptsova, A.A. (2019). Reflection of the image of a mammoth in the spiritual culture of the people of Yakutia. *Chelovek i kultura*, (6), 164–170. (Rus.). https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.6.31072

Gedenshtrom, M.M. (1830). *Fragments about Siberia.* St. Petersburg: V tipografii meditsinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del. (Rus.).

Illarionov, V.T. (1940). *Mammoth: To history of his study in the USSR.* Gorkii: Izdatelstvo Gorkovskogo pedinstituta. (Rus.).

Iokhelson, V.I. (1898). Essay on the fur industry and trade in furs in the Kolyma district. *Trudy Yakutskoi ekspeditsii, snaryazhennoi na sredstva I.M. Sibiryakova. T. 10. Ch. 3.* St. Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva. (Rus.).

Ivanov, V.F. (1992). *Socio-economic relations in Yakutia (late 17th — early 19th centuries].* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Carpini, Dzh., Rubruck, G. (1957). History of Mongols. In: *Dzhovanni del Plano Carpini. Istoriya mongolov; Guillaume de Rubruck. Puteshestvie v vostochnye strany*. Moscow: Gos. izdatelstvo geograficheskoy literatury. (Rus.).

Kirillin, N.D. (2009). Fossil mammoth bone — special geocryogenic natural resource. *Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal «EKO»*, (8), 54–63. (Rus.).

Korkunov, M. (Ed.) (1848). *Additions to historical acts, collected and published by the arthegraphis commission. Vol. 3.* St. Petersburg: V tipografii Eduarda Pratsa. (Rus.).

Middendorf, A.F. (1860). *Travel to the north and east of Siberia: In 2 parts. Part 1: North and East of Siberia in a natural-historical sense.* St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk. (Rus.).

Pfitsenmaier, E.V. (1928). *To Siberia for a mammoth: Essays from a trip to North-Eastern Siberia*. Moscow; Leningrad: Gos. izdatelstvo. (Rus.).

Potravnyi, I.M., Protopopov, A.V., Gassii, V.V. (2020). The extraction of mammoth tusks as a tape of traditional nature management. *Arktika: Ekologiya i ekonomika*, 37(1), 109–121. (Rus.). https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-1-109–121.

Shishigin, Ye.S. (Ed.). Circumpolar civilization in the museums of the world: Yesterday, today, tomorrow. *Muzei respublik Sakha (Yakutiya): Katalog*. Yakutsk: CIP NBR Sakha. (Rus.).

Toll, E.V. (1959). *Sqiling on the yacht "Zarya".* Moscow: Geografgiz. (Rus.).

Vasilev, O.V., Kuzmina, A.A., Fedorova, A.R. (2021). Imagination of the North in the context of the development of the natural environment: The mammoth in the mythological representations of the Yakuts. *Nauchnyi dialog*, (1), 194–210. (Rus.).

Zenzinov, V.M. (1915). Mining of mammoth bones on the New Siberian Islands. *Priroda*, (7–8), 979–991. (Rus.).

Zenzinov, V.M. (2001). *Ancient people by the cold ocean.* Yakutsk: Yakutski krai. (Rus.).

Бравина Р.И., https://orcid.org/0000-0002-4902-8288

(cc) BY
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 05.12.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-15

Тадина Н.А.

Горно-Алтайский государственный университет
ул. Ленкина, 1, Горно-Алтайск, 649000
E-mail: ntadina@yandex.ru

КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ КОДЫ БУРХАНИСТСКИХ ОБРЯДОВ СВАДЬБЫ АЛТАЙ-КИЖИ

Цель статьи в выявлении бурханистских концепций культурно-семиотических кодов свадьбы алтай-кижи. Материалом исследования стали полевые записи и архивные сведения А.В. Анохина. При анализе источниковой базы применен сравнительно-сопоставительный метод. Показано содержание культурных кодов ритуальной практики свадьбы, впервые выделен теоморфный код, обусловленный ключевой идеей бурханизма — почитание Алтая-божества. Выявленные коды универсальны, их проявление и значимость в свадьбе алтай-кижи уникальны, что обусловлено этноконфессиональными факторами адаптации родового общества алтайцев.

Ключевые слова: свадебная обрядность, алтай-кижи, бурханизм, культурно-семиотические коды, полевой материал, анализ.

Введение

В традиционной культуре принято совершать обряды в кризисные переходные периоды жизненного цикла человека, например при вступлении в брак. Алтайцы о свадьбе говорят, что в каждом районе Республики Алтай она имеет свои отличия, которые можно объяснить неоднородностью алтайского этноса, состоящего из нескольких этнотерриториальных групп, и неслучайно ведутся споры, «какие обряды важны, где совершают правильно, как было в старину». Об актуальности вопроса свидетельствует тот факт, что в 2019 г. был открыт «Свадебный портал Республики Алтай» на средства проекта «Алтайская свадьба», победителя конкурса Фонда президентских грантов [Свадебный портал…]. Известно, что обряд связан с картиной мира и, как программа, моделирует поведение человека и его действия, предписанные народной идеологией [Корякова, Кулемзин, 1994, с. 10]. В этническом сознании алтайцев выработалось суждение о том, что соблюдение бурханистских обычаев, наряду со знанием родного языка, выступает этнокультурным маркером — это некий эталон «алтайского», основанный на традиционном мировоззрении.

Алтай-кижи, как многочисленная и центральная группа алтайцев, остается ведущим хранителем бурханизма. Под бурханизмом понимается базовая система представлений и верований, сложившаяся в начале XX в. как «отреформированная» версия шаманизма [Тадина, 2011a, с. 128]. Само слово «бурханизм», образованное от названия божества Бурхана, алтайцы не используют, а называют свою веру *Ак јаҥ*[1]. В советский период, в условиях запрета на развитие культов, произошло стирание граней между бурханизмом и шаманизмом, что привело к появлению обобщенного названия народных верований — *Алтай јаҥ* [Тадина, 2013a, с. 160]. Оказавшись под запретом, на протяжении столетия бурханизм оставался во внутриэтнической жизни в ритуалах и атрибутах, посредством которых выражалось дуалистическое понимание мира. Для человека традиционной культуры окружающий мир горизонтально делится на «мир природы» и «мир людей» и по вертикальному принципу — на три мира: земной, небесный и подземный. При троичности модели мира все три «слоя» одновременно не «работают», а в ритуальной практике действует определенная пара миров [Тадина, 2011b, с. 146]. В свадебной обрядности учитывается символическое воздействие двух миров — земного и небесного. Этот способ мировосприятия представляет окружающий мир упорядоченным и иерархическим, выражаясь языком символов.

Исследовательский подход к освещению обряда как явления культуры, состоящего из множества знаковых предметов и действий, на примере календарной обрядности алтайцев был осуществлен Н.Р. Ойноткиновой [2016]. На основе фольклорно-этнографического материала

[1] Ак јаҥ обычно переводят как «белая вера», но это название многозначно: *Ак* — белый, чистый, верный, священный, истинный; *јаҥ* — порядок, вера, закон, обычай, традиция.

ею были выявлены культурно-семиотические коды современных обрядов жертвоприношения духам-хозяевам местности по следующим знаковым подсистемам: персонажным (участники обряда), предметным (предметы, используемые в обряде), акциональным (ритуальные действия), вербальным (речевые акты и поэтические тексты в обряде). Определен синкретизм происхождения шаманских и бурханистских культов одухотворения природы, в которых последовательное исполнение ритуальных действий может оказать положительное влияние на плодородие земли, ход хозяйственных работ, разведение скота, житейское благополучие.

Подобного исследования на материалах свадебной обрядности алтайцев не проводилось. Обычно отмечают «воздействие на свадьбу комплекса бурханистских культовых предметов, обрядов», не выявляя семантической основы [Тадышева, 2015, с. 136]. Описаны бурханистские символы почитания небесного мира, наделенные признаками четности, белого цвета, периода новолуния, стороны восхода, утреннего времени, и их место в ритуальной практике в честь живущих [Тадина, 2011a, с. 131, 133; 2011b, с. 148; 2013a, с. 163; 2013b, с. 99; 2014, с. 52; 2020, с. 37]. В монографическом исследовании свадебной обрядности алтайцев мною были определены бурханистские новшества в ритуальных играх свадьбы, исполнении протяжных обрядовых песен, обычае почитания огня очага, повязывании жертвенных лент с изменившимся названием *кыйра*. Дан анализ функций ритуальных действий — демонстративно-символической, развлекательно-игровой, религиозно-магической, экономической, социальной, каждой из которых соответствовала определенная группа обрядовых элементов, при этом задача выявления культурно-семиотических кодов брачного церемониала не ставилась [Тадина, 1995].

В настоящей статье освещается роль бурханистских постулатов и установок в свадебной обрядности алтай-кижи как сложном культурном тексте с различными кодовыми составляющими, в чем состоит фундаментальная задача исследования. Для понимания глубинных смыслов культурной картины мира используется понятие «код культуры». В работах Н.И. Толстого и С.М. Толстой код культуры определяется как знаковая реализация архетипов сознания. При такой трактовке коды проявляются не только в языковых текстах, но и в других текстах культуры, например в обрядах. Н.И. Толстым было предложено понимание обряда как многоуровневого культурного текста. В нем элементы принадлежат разным кодам: акциональному (последовательность определенных ритуальных действий), вербальному (словесные формулы, приговоры и т.п.), реальному, или предметному (действия с обыденными и/или сакральными предметами) [Толстой, 1995, с. 167–168]. Термин «коды культуры» применила С.М. Толстая при анализе славянских обрядов и предложила считать одним из важнейших свойств культурных кодов их вторичность. Вторично используемыми знаками могут быть созданные человеком вещи (предметный код), действия (акциональный код), благословение (вербальный код) [Толстая, 2007, с. 29–30]. Ю.М. Лотман называл коды инструментом интерпретации текстов культуры, среди которых выделял доминирующие, дополнительные, подчиненные, совместимые и несовместимые. Такая иерархия кодов позволяет актуализировать их «разные уровни значимости» [Лотман, 1999, с. 186].

Современное изучение традиционной обрядовой культуры предполагает возможность семиотического подхода. Основным источником для написания данной статьи послужил этнографический материал, собранный в Республике Алтай в 2020–2023 гг. Использованы полевые методы сбора, среди которых основными были непосредственное наблюдение и опрос информаторов. Многолетний опыт позволяет утверждать, что «поле» исследователя-этнофора продолжается всегда — в рабочей поездке и во время участия в сватовстве и свадьбе родственников. Как старшей родственнице, мне случается бывать избранной участницей ритуалов, что позволяет пополнять свой этнографический полевой багаж. Другим источником явились записи А.В. Анохина, хранящиеся в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в С.-Петербурге. При анализе источниковой базы был применен сравнительно-сопоставительный метод.

Новизна предпринятого исследования состоит в том, что на основе собранного полевого и архивного материала было показано содержание культурных кодов ритуальной практики свадьбы, впервые выделен теоморфный код бурханистских обрядов свадьбы алтай-кижи. Его доминирование (по Ю.М. Лотману) среди остальных культурно-семиотических кодов свадебных ритуалов свидетельствует о важности ключевой идеи бурханизма — почитания Алтая-божества и одухотворения сакральных объектов. В этнологии известен опыт освещения теоморфного кода на материале древнеиндийской мифологии [Альбедиль, 2013]. Цель данной статьи состоит в выявлении бурханистских концепций в кодовой структуре, образующей знаковое пространство

свадебной обрядности. Для ее достижения используются методы описания и систематизации собранного материала.

Основная часть

Узловой смысл алтайской свадьбы в ритуальном «переходе» невесты в категорию замужних женщин. Для этого следует совершить два обряда, считающихся главными: смену девичьей прически невесты на две косы с пробором как символ замужества и приобщение ее к родовому очагу жениха через «кормление» огня маслом. В ритуальных действиях участников свадьбы кодируется бурханистская установка на спокойствие (*амыр-энчӱ*) с благодатью (*быйан*), счастье и удачу (*ырыс*). При этом важно соблюдать обычай «бай», означающий почитание посредством запретных действий по отношению к конкретному природному объекту местности, огню очага, человеку [Тадина, 2011a, с. 129, 136].

Обычай «бай» выступает основой поведенческих и ритуальных действий, как в повседневной жизни, так и в обрядовой практике, к примеру, свадьбы. Одно из важных условий — соблюдение границы с потусторонним миром. Тот, у кого из родных кто-то умер, считается «ритуально грязным» и называется *чыгымду*, поэтому должен в течение года соблюдать запреты: не полагается быть на свадьбе, участвовать в совершении обрядов. Из семьи, где кто-нибудь умер, не берут сакральные атрибуты, необходимые для свадьбы,— можжевельник, молоко, молочные напитки и пр.

В бурханизме почитаем верхний небесный мир и связанные с ним «светлые силы», что объясняет установку на «позитивное». Бурханистская символика — это определенная цепь символов, по которой «прочитывается» смысл обряда. В честь живущих действуют символы земного и небесного миров, а в память ушедших — символы земного и подземного. Так, на сватовстве и свадьбе соблюдается исполнение знакового ряда, как то «новолуние-утро-восток-чет-посолонь-белый-вверх-открытый-целый-вперед». И, например, на поминках, обратная символика — «старая луна-вечер-запад-нечет-против солнца-назад».

Теоморфный код ритуальной практики свадьбы определен основной идеей бурханизма — почитание Алтая, дающего благополучие человеку и его семье. Понятием Алтай осмысливается не только горный регион, но и божество, слитое с природой.

Во время свадебных обрядов обращаются к Алтаю-божеству, а в зимний период такие обращения бесплодны, так как до прихода весны Алтай «засыпает»: его «уши и подмышки закрываются». Именно летом назначается проведение свадьбы: когда обилие травы на пастбищах, скот становится упитанным и можно приготовить мясные и молочные угощения, тогда активно творится ритуальная жизнь.

Почитанием окружающей природы проникнуто традиционное сознание в целом. В предсвадебных и свадебных поездках принято останавливаться на священных объектах для испрашивания благодати у духов данной местности. К таковым относится родовая гора, наделенная антропоморфными чертами. Ее вершина — это «голова» (*баш*), северный склон, поросший лесом,— «хребет» (*арка*), южная сторона с солнцепеками — «передняя» (*меес*), подножье горы — «подол» (*эдек*), нижний выступ — «нога» (*бут*), верхний выступ — «плечо» (*ийин*). Словом, гора представляется в виде спящего богатыря, героя из прошлого [Тадина, 2011b, с. 150].

У каждого сеока-рода есть гора, и сородичи почитают ее как своего покровителя. В середине XX в. Л.П. Потапов зафиксировал у северных алтайцев сведения об обычае избегания родовых гор замужними женщинами, которые не появлялись с непокрытой головой вблизи родовой горы мужа, тем более не поднимались на нее [Потапов, 1946, с. 153]. У южных алтайцев сохраняется представление о родовых природных объектах не как равных, а как старших родственниках из сакрального мира.

Почитание Алтая выражается не только в природной среде, но и через семантический символ дома — очаг. К примеру, прежде чем пробовать привезенные гостинцы, первые кусочки хозяева кладут в огонь очага, ведь это угощение перешло вершины Алтая по перевалам и его реки по мостам. Огонь очага осознается членом семьи, который кормит и обогревает, о чем А.В. Анохин писал: «В представлении алтайца огонь олицетворен. Он имеет голову, ноги и прочие атрибуты человека как вещественные, так и духовные. Огонь антропоморфное существо. На этом основании в юрте огонь в сторону торя (почетного места) имеет голову (*оттың бажы*), а в сторону двери — ноги (*оттың эдеги*). Зола (*кӱл*) его постель, а пламя (*јалкын*) его уши (*кулак*)… Там, где голова огня, нельзя ходить женщине и посторонним людям. Можно пройти только

около его ног. Место между сидением хозяина и самим очагом самое высокое и почетное место во всей юрте, потому что тут находится голова огня» [Архив МАЭ. Ф. 11, оп. 1, д. 113, л. 4–5].

Для невестки огонь очага почитаем как старший родственник мужа. В замужней жизни она будет следить за своим очагом, чтобы в него не клали мусор, не выносили угольки, «угощать» огонь первыми кусочками сваренного свежего мяса, привезенных гостинцев, первыми каплями свежего чая. Неслучайно после свадебного обряда заплетения ее волос она льет жир в огонь — так происходит ритуал приобщения невесты к родовому очагу жениха. Одухотворенные объекты мыслятся как посредники между верхним миром и земной жизнью, и неслучайно у огня своего очага испрашивают достаток семье.

Временной код ритуальных действий сватовства и свадьбы отвечает следующим условиям. Согласно бурханистскому правилу, период новолуния (*ай јаңыда*) и утро, рассвет (*таң*),— это время совершения обрядов в честь живущих, здравствующих, каковыми являются новобрачные.

Во-первых, при проведении ритуала учитываются лунные фазы. Период молодого месяца считается максимально «благоприятным» для добрых начинаний. На этот период откладываются важные события для «мира живых». Жизненно важные обряды сватовства и свадьбы следует творить во время «роста» месяца — от новолуния, а именно от 4 дня, до полнолуния [Тадина, 2011b, с. 148].

Во-вторых, в суточном цикле выделяется время восхода, поэтому ритуалы следует совершать ранним утром, когда нарождается день (солнце-день) и «доброе начало». С первыми лучами солнца сваты выезжают к родителям невесты, ранним утром в день свадьбы родственники жениха идут за березками и творят обряд заплетения кос невесты, после чего она становится замужней.

Пространственный код ритуальных действий сватовства и свадьбы проявляется в предсвадебных и свадебных поездках с посещением почитаемых мест. Общее их название *јаңдап турган јер* (место, где соблюдается обычай «бай») или *байлу јер* (священное место). Обычно у села или двух-трех сел алтайцев имеется священное место — источники, особенно почитаются целебные, одиноко стоящее старое дерево (лиственница, кедр) или подножие почитаемых гор. Священными местами являются также горные перевалы, родник у дороги.

С дорогой связаны планы на будущее, перемены в жизни, исполнение желаний. На перевале и других священных местах соблюдают запреты в соответствии с обычаем «бай» — не шумят, не смеются, не ругаются, не думают о неприятном, а также не сорят, не оставляют огня. Ритуалы совершаются не в каждой поездке, а в особых случаях — когда впервые едут через перевал, впервые везут новорожденного, сопровождают новобрачных во время сватовских и свадебных поездок. На священных местах старший кропит молоком (или опьяняющим молочным напитком) четыре стороны света, начиная с восточной. Соорудив из сорванных трав и цветов имитацию небольшого костра, кладут на нее кусочки хлеба и прочего съестного в качестве жертвы духам местности.

Очаг, как семантический центр, организует внутреннее пространство традиционного жилища, называемого *айыл*, по принципу «почетный — менее почетный». Сакральным считается почетное место *төр,* максимально отдаленное от входа и находящееся за очагом. Вход в айыл (юрту) расположен с восточной стороны, что является древней традицией тюркских народов. Все жизнеутверждающее связано со стороной, где поднимается солнце, поэтому значимой считается ориентация на восток [Тадина, 2020, с. 37].

Пространственный код свадебных обрядов учитывает оппозицию «правый — левый». В обыденной жизни правая (мужская) сторона оценивалась как более почетная, нежели левая (женская). Относительно человека, находящегося в айыле и обращенного к дверям, внутреннее пространство жилища делится на правую и левую стороны как бы по оси «восток — запад»: правая — это южная сторона, а левая — северная. Традиционно правую половину юрты занимали мужчины, отсюда она называется «мужской», следовательно, левая — женская сторона.

Исполняя ключевой обряд свадьбы, родственницы обеих сторон сопровождают невесту в дом жениха, ведя ее под руки: с левой стороны идет родственница невесты, а с правой — родственница жениха. Впереди, прикрывая невесту, несут свадебный занавес, прикрепленный к двум березкам. С левой стороны березку держит племенник невесты, а с правой — племянник жениха (рис. 1).

Акциональный код заключен в совершении ритуальных действий посолонь (*күн айынча*) и четное количество раз (*эжер*) согласно бурханистской символике.

Прежде чем ввести невесту в свадебное жилище-айыл, сопровождающая ее процессия обходит вместе с ней вокруг этого айыла по ходу солнца. Ритуальные действа посолонь предназначены для «мира живых» — само движение солнца с востока на запад приобрело характер «правильного» и направленного в будущее [Тадина, 2011b, с. 148]. По ходу солнца подносят свадебные угощения, отведать которые следует в коленопреклоненной позе — левую ногу подогнуть под себя, а правую согнуть в колене. В бурханизме коленопреклоненная поза стала общепринятой как в повседневной, так и в ритуальной жизни, неся позитивный смысл наряду с такими понятиями, как «степенность», «доля», «удача».

Рис. 1. Свадебный занавес невесты, Горно-Алтайск, 29.08.2020. Фото Н.А. Тадиной.
Fig. 1. Bride wedding curtain, Gorno-Altaysk, 29.08.2020. Photo by N.A. Tadina.

Любой ритуал исполняется четное количество раз — на священных природных местах повязывают две жертвенные ленты, сопровождая невесту, дважды обходят свадебный айыл, заплетают невесте две косы (рис. 2).

Рис. 2. Ритуал заплетения кос невесты, Горно-Алтайск, 29.08.2020. Фото Н.А. Тадиной.
Fig. 2. Bride braiding ritual, Gorno-Altaysk, 29.08.2020. Photo by N.A. Tadina.

Двоичная структура алтайской модели мира, ее земной и потусторонний мир, передается посредством чета-нечета. В обрядовой практике, утвержденной бурханизмом, важна символика числа через понятие о «четном» и «нечетном». Четное число считается своим, реальным, земным. Вся жизнь — это пара, несколько пар, парное количество — это символ правильности, определенности,

завершенности жизни. Правилу парности, четности принято следовать в количестве сакральных предметов, подношений, численности машин в свадебном кортеже, участников ритуала.

Предметный код охватывает сакральные атрибуты свадьбы. К ним относятся мужские принадлежности — плетка, ружье, ножны, при помощи которых дядя-таай жениха открывает свадебный занавес невесты, не касаясь его рукой [Ябыштаев, 2020, с. 309]. Символом замужества являются не только две косы, но и наряд невесты — она в головном уборе *сӱрӱ бӧрӱк*, поверх платья распашная длиннополая безрукавная одежда *чегедек*. Священные места отмечены повязанными жертвенными лентами-*јалама*, которые при «старом» бурханизме были названы *кыйра*.

После запрета бурханизма на протяжении XX в. ритуальная жизнь сосредоточилась дома, вокруг очага, чему способствовал скотоводческий образ жизни алтайцев. Молоко для кропления огня очага дает выращиваемый скот. Можжевельник, называемый *арчын*, произрастает на горных склонах, хорошо горит, дымится и благоухает, в силу чего издавна известен в ритуальной практике. Невозможно использование одного сакрального атрибута без привлечения других, например, можжевельник следует возжигать от огня очага, который обычно «кормят» маслом. Молочные продукты (масло, сыр, молочные напитки) олицетворяют достаток в жизни.

Триединство сакральных атрибутов — огня очага, молока и можжевельника соблюдается на свадьбе. Для последовательности обрядов свадьбы необходимо традиционное жилище-айыл с очагом. В алтайских селах айыл остается неотъемлемой частью быта, несмотря на повсеместно введенные избы/дома. В постсоветский период, когда началось этническое возрождение, а вместе с ним возобновилась семейная обрядность, в смешанных русско-алтайских селах у домов алтайцев появились айылы в качестве летника, став знаком проживания алтайской семьи. В некоторых можно увидеть небольшую печку, установленную в стороне от входа на женской половине. На время проведения сватовства или свадьбы в центре айыла устанавливают очаг для совершения ритуалов почитания его огня.

Цветовой код свадебного церемониала выражен в соблюдении светлых тонов, согласно бурханистской символике,— в честь живущих и здравствующих. Земной мир людей, освещаемый солнцем и луной, обычно называют «белая ясность» (*ак айас*). Все, что связано с обрядами в честь «мира живых», должно быть белого цвета. Белому цвету, как цвету жизни, отведена сакральная роль. Он олицетворяет собой счастье, удачу, достаток [Тадина, 2011b, с. 149].

От соблюдения светлой свадебной символики зависит благоденствие новой семьи, ее многодетность и домовитость. К светлым символам относятся молоко и молочные напитки, свадебный занавес, масть посвященных животных, шерстяные нити и войлок, жертвенные ленты, полотна-*илӱ* белой и голубой ткани для вывешивания в доме родителей невесты, а также светлые опояски-*кур* гостям, светлый наряд новобрачных и участников свадьбы, машины светлой расцветки во главе свадебного кортежа и пр.

Растительный код ритуалов свадьбы связан с культом березы и можжевельника как созданий небесного божества, согласно алтайской мифологии, и олицетворяющих божественную связь с природой, тайгой и горами. В обряде ввода невесты в дом жениха «участвуют» две березки, которые «несут» свадебный занавес. Березовые веточки прикреплены к крыше айыла, по обе стороны открытых ворот, как знак происходящей свадьбы.

В доме жениха, как, впрочем, в любой семье, хранится можжевельник-арчын, завернутый в белую нестиранную ткань. Во время сватовства родственники жениха совершают ритуал почитания огня очага родителей невесты и кладут в него можжевельник. С сакральным атрибутом — можжевельником следует обращаться осторожно, соблюдая обычай «бай»: не просыпать, не наступать и не перешагивать, не выносить из дома вечером, ночью и в период убывания луны. Его, как символ святости, следует держать в чистом месте, как в прямом, так и ритуальном смысле [ПМА: Бекпеева, Шукакова].

Сакрализация можжевельника-арчын неслучайна: в начале XX в. бурханисты называли себя «арчын держащими (для ритуалов)», в отличие от шаманистов «бубен использующих (для ритуалов)».

Вербальный код реализуется в обрядовых текстах с использованием иносказаний, рифмы, ритмизации. На священных местах повязывают жертвенные ленты со словами испрашивания благодати у божества Алтая, шепотом или молча. Для торжественности во время сватовства и свадьбы суть ритуальных действий излагается в стихотворной, в виде благопожеланий, и песенной форме. В обряде приобщения невесты к очагу жениха участвуют родственники обеих сторон.

Высказать благопожелание-*алкыш*, и тем самым благословить новобрачных и их очаг, может почти каждый умудренный жизненным опытом человек, для чего достаточно произнести

несколько словесных формул-сравнений. Благословение направлено на вхождение молодой в новую семью. Текст песен и благопожеланий объединяет восхваление божества Алтая, его гор и рек, лесов и зверей, и новобрачных, создающих семью. Важным условием алтайской свадьбы является звучание обрядовых песен в жанре *јаҥар*. Это название означает «протяжные песни превозношения Алтая», распространившиеся при «старом» бурханизме [Тадина, 2013b, с. 98].

У алтай-кижи песни-јаҥар исполняются по-особому — нараспев, каждая строка по два раза, при этом стоя или сидя в коленопреклоненной позе, у теленгитов, другой южной группы алтайцев, поются по-другому, не протяжно, а в быстром темпе. Песни-јаҥар звучат во время двух обрядов, когда сопровождают невесту в айыл жениха и когда заплетают ей косы. Петь могут одаренные, и таким даром обладают люди зрелого возраста. В роли певиц выступают замужние родственницы обеих сторон, умеющие петь и обладающие красноречием. Сопровождать обряды песнопением могут не все и не каждый, так как это происходит не по заученным текстам, а сочиняется на ходу [ПМА: Рыжкина, Чалчикова]. Наивно полагать, что фольклор продолжает жить благодаря публикациям, якобы участники ритуала заучивают такие тексты. В этом случае совершение обрядов свадьбы будет искусственным и постановочным, а главное, не принесет благодати молодой семье [Тадина, 2014, с. 52].

Персонажный код выражен в составе и роли участников свадьбы, исполнителей ритуалов, таких как умилостивительных (жертвоприношение, подношение, выкупы), благословительных (пожелание, обмен дарами) и охранительных (магия слова).

За верной передачей и соблюдением бурханистской символики следят старшие. В руках старшего поколения сосредоточены обрядовая культура родового коллектива и общественное мнение. Ни одно семейное торжество, сватовство и свадьба не проходят без их участия, иначе событие не будет иметь социальной значимости, а его итог не приобретет силу закона. Старшему во всем отдается первенство: приступить к сватовству, начать обряд, отведать угощение, возглавить процессию [ПМА: Темдекова, Тенгерекова]. Старшие родственники выступают как социально значимые акторы, гарантом безусловной поддержки новой семьи в затруднительной ситуации.

Рис. 3. Обряд приобщения к родовому очагу жениха, Горно-Алтайск, 29.08.2020. Фото Н.А. Тадиной.
Fig. 3. Rite of the initiation to the groom's ancestral hearth, Gorno-Altaysk, 29.08.2020. Photo by N.A. Tadina.

У обеих брачующихся сторон главным участником выступает семейный дядя-*таай* по матери: он есть и у невесты, и у жениха. Обычно во время сватовства дядя-таай невесты — дочери его сестры принимает активное участие в сватовских переговорах. А при женитьбе сына сестры дядя-таай является руководителем свадьбы племянника. В связи со свадебными мероприятиями могут быть привлечены несколько дядей-таай. Ранним утром в день свадьбы один из дядей-таай жениха с помощником идет за березками. Другой дядя-таай жениха с помощниками готовит свадебный айыл для проведения ритуала приобщения невесты к родовому очагу. Если нет айыла, то во дворе дома сооружают символический шатер из шестов и лент, в центре его устанавливают очаг. Третий дядя-таай жениха распоряжается приготовлением мясных угощений для свадебного пира и послесвадебных подношений родителям невесты.

Дядя-таай жениха (или старший брат жениха) исполняет основной обряд свадьбы — открывает свадебный занавес, знаменуя рождение невесты в статусе невестки-*келин*, благословляет ее и дает наставление соблюдать обычай «бай» — почитать старших и младших, не называть по имени старших родственников мужа и пр. Затем проводит очередной обряд — приобщение невестки-келин к родовому очагу жениха. После каждого пожелания новобрачным он льет в огонь жир — пламя, высоко поднимаясь, дает добрый знак новой семье (рис. 3).

В алтайской свадьбе обязательно участие младших родственников. В день свадьбы сторона невесты символически «продает» привезенное приданое и племянника-*јеен* невесты в роли девушки на выданье, наряженного и с закрытым лицом. Участие племянника в этом обряде сохраняется как дань обычаю кросскузенного брака. Доставка приданого на свадьбу и его ритуальный выкуп символизирует переход невесты от родителей в дом жениха. В родительский дом она возвращается после свадьбы в качестве гостьи в сопровождении новых родственников со стороны мужа. О значении смены статуса невесты на восточнославянском материале А.К. Байбурин писал: «Этот элемент свадьбы особенно важен для невесты, так как “достраивает” ее путь до полной схемы переходного ритуала: “туда и обратно”, но уже в новом статусе» [1993, с. 87].

Социальная функция свадебного церемониала заключается в количестве и составе половозрастных групп участвующих, таких как мужчины-повара, женщины-певицы, юноши-обслуга, старцы-едоки. Особое значение участия старших как знатоков ритуала, дядей-таай по матери и племянников жениха и невесты и активная позиция обеих брачующихся сторон свидетельствует об общественном признании и одобрении брака.

Заключение

Рассмотренная система кодов направлена на обеспечение счастливой семейной жизни новобрачных и объединена общим содержанием, в качестве которого выступает традиционная картина мира, так как любой ритуал представляет собой диалог социума с высшими силами. От правильного соблюдения обрядовой символики зависит не только само существование мира, но и своего рода «гарантия» успешной жизни молодых.

Анализ собранного материала позволяет прийти к следующим выводам. Идеи запретного бурханизма формировались на внутриэтническом уровне, о чем свидетельствует сосредоточение ритуальной жизни дома, вокруг очага, благодаря скотоводческому образу жизни алтайцев. В практике «кормления» огня очага, кропления молоком священных объектов и очищения путем окуривания можжевельником выражается основная бурханистская установка — почитание Алтая-божества, верхнего небесного мира, обеспечивающего земную жизнь.

При анализе свадебных обрядовых действ обнаруживается «нанизывание» одного кода на другой, что усиливает значение ритуала. Например, сватовство, свадьба и послесвадебные визиты сватов совершаются в период новолуния, ранним утром (временной код), в ритуальных действиях соблюдаются посолонь (пространственный код) и четное количество раз (акциональный код). Один и тот же обрядовый смысл может быть выражен средствами разных кодов, но чаще всего — одновременно несколькими. Например, после заплетения кос невесты в сопровождении песен-јаңар (вербальный код) дядя-таай жениха (персонажный код) открывает белый свадебный занавес (цветовой, предметный код), при помощи плетки или ружья (предметный код). Несмотря на то что ритуальные коды универсальны, их проявление и значимость в свадебной обрядности алтай-кижи уникально, что обусловлено идеями бурханизма и объясняется историческими и этноконфессиональными факторами развития и адаптации родового общества алтайцев в современных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альбедиль М.Ф. Антропоморфный код в описаниях мифологического пространства (древнеиндийская традиция) // Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 249–253.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 239 с.

Корякова Л.Н., Кулемзин В.М. Введение // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 7–17.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.

Ойноткинова Н.Р. Культурно-семиотические коды календарной обрядности алтайцев // Сиб. филол. журнал. 2016. № 4. С. 5–18.

Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // СЭ. 1946. № 2. С. 145–160.

Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1995. 216 с.

Тадина Н.А. Бурханизм и этикет у алтайцев // ЭО. 2011a. № 6. С. 127–140. URL: https://www.elibrary.ru /download/elibrary_17685565_30527627.pdf.

Тадина Н.А. Картина мира как основа коммуникативной культуры алтайцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011b. № 1. С. 146–153. URL: http://ipdn.ru/_private/a14/146-153.pdf.

Тадина Н.А. Два взгляда на бурханизм у алтай-кижи // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013a. № 4. С. 159–166. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21005694_10296304.pdf.

Тадина Н.А. Символика и этические ценности алтайцев в практиках возрожденного бурханизма // Вестник ТГУ. 2013b. № 4 (24). С. 97–100. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/his/24/image/24-097.pdf.

Тадина Н.А. Язык этикета в свадебном фольклоре алтайцев // Традиционная культура. 2014. № 1. С. 51–60. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21438649_94171426.pdf.

Тадина Н.А. Современный бурханизм через историю в ритуальной жизни алтайцев // Известия Иркут. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 31. С. 31–40. https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.31.31

Тадышева Н.О. Свадебная обрядность народов Саяно-Алтая: Общее и особенное // Вестник ТГУ. История. 2015. № 6 (38). С. 133–138.

Толстая С.М. К понятию культурных кодов // Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. Studia Ethnologica АБ 60. СПб.: Европейский университет, 2007. С. 23–31.

Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

Ябыштаев Т.С. Проблема соблюдения родовых традиций у алтайцев // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. Вып. XXVI. С. 306–310. https://doi.org/10.14258/2411-1503.2020.26.50

ИСТОЧНИКИ

Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 113, л. 4–5: Анохин А.В. Названия внутренней площади юрты.

Свадебный портал Республики Алтай. URL: http://svadba04.ru/.

ПМА — Полевые материалы автора, 2020–2022 гг.

Список информантов:

Бекпеева Ася Кынаевна, 1950 г.р., сеок теелес, с. Бичикту-Боом Онгудайского р-на Республики Алтай.

Рыжкина Эмма Николаевна, 1961 г.р., сеок кыпчак, с. Экинур Усть-Канского р-на Республики Алтай.

Темдекова Наталья Николаевна, 1956 г.р., сеок кергил, с. Ороктой Чемальского р-на Республики Алтай.

Тенгерекова Екатерина Котоновна, 1940 г.р., сеок мундус, с. Ороктой Чемальского р-на Республики Алтай.

Чалчикова Алевтина Николаевна, 1967 г.р., сеок кыпчак, с. Шыргайты Шебалинского р-на Республики Алтай.

Шукакова Галина Васильевна, 1961 г.р., сеок иркит, г. Горно-Алтайск Республики Алтай.

Tadina N.A.

Gorno-Altaisk State University, Lenkina st., 1, Gorno-Altaisk, 649000, Russian Federation

E-mail: ntadina@yandex.ru

Cultural and semiotic codes of Burkhanist wedding rites of the Altai-Kizhi

The Altai-Kizhi, as the central group of the Altaians, the titular ethnic group in the Republic of Altai, are the guardians of Burkhanism. Burkhanism refers to a belief system that emerged at the beginning of the 20th century as a “reformed” version of shamanism. In Soviet times, forbidden Burkhanism preserved in the intra-ethnic ritual culture, and in the post-Soviet period it began to revive. The purpose of the article is to identify Burkhanist concepts in the cultural and semiotic wedding codes. The material for the study was author’s own field accounts of 2020–2022, collected by the method of participant observation and interviewing informants, as well as archival records of A.V. Anokhin, an antiquarian of the early 20th century. When analyzing the source base, a comparative method of research was used. The bride’s transition into a category of married women occurs through the rite of changing the maiden hairstyle for two braids with a parting, and introducing her to the groom's ancestral hearth by ‘treating’ the fire with oil. In the ritual actions of the participants, the Burkhanist attitude towards ‘the positive’ and the observance of the custom of ‘bay’ are encoded. For the first time, on the basis of the collected material, an anthropomorphic code of the ritual practice of the wedding has been identified, associated with the key idea of Burkhanism - the veneration of Altai-deity, the upper heavenly world that provides earthly life. The temporal code of the ritual actions corresponds to the Burkhanist rule — the period of the new moon and morning is a ‘favorable’ time for proposal and marriage. The spatial code of the wedding ceremonies accounts for the contraposition of ‘east-west’, ‘right-left’, and ‘male-female’. The actional code consists in performing the ritual ‘posolon’ actions and an even number of times according to the Burkhanist symbolism. The object code involves sacred attributes — a whip, a gun, a sheath for opening bride's curtain, juniper, and dairy products for ‘feeding’ the hearth fire. The color

code of the wedding is in observance of light symbols — bride's curtain, milk, and sacrificial ribbons. The verbal code is realized in the ritual texts of good wishes and songs. The character code is contained in the composition and role of the sex and age groups: elders as experts in the ritual; maternal uncles-taay and nephews of the bride and groom, whose participation means social recognition and approval of the marriage. The analysis of the wedding ritual actions reveals the 'stringing' of one code upon another, which enhances the significance of the ritual. One and the same ritual meaning can be expressed by means of different codes and by several of them simultaneously. Despite the fact that the ritual codes are universal, their manifestation and significance in the wedding rituals of the Altai-Kizhi are unique, which is in accordance with the ideas of Burkhanism and is explained by the historical and ethno-confessional factors of the adaptation of the Altaian tribal society.

Keywords: wedding rituals, Altai-Kizhi, Burkhanism, cultural and semiotic codes, field material, analysis.

REFERENCES

Al'bedil', M.F. (2013). Anthropomorphic code in descriptions of mythological space (Ancient Indian tradition). In: *Radlovskii sbornik*. St. Petersburg: MAE RAN, 249–253. (Rus.).

Baiburin, A.K. (1993). *Ritual in traditional culture*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).

Koriakova, L.N., Kulemzin, V.M. (1994). Introduction. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri: Mir real'nyi i potustoronnii. T. 2.* Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 7–17. (Rus.).

Lotman, Iu.M. (1999). *Inside the thinking worlds: Man — text — semiosphere — history*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (Rus.).

Oinotkinova, N.R. (2016). Cultural and semiotic codes of calendar rituals of the southern altaians. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, (4), 5–18. (Rus.).

Potapov, L.P. (1946). The cult of the mountains in Altai. *Sovetskaia etnografiia*, (2), 145–160. (Rus.).

Tadina, N.A. (1995). *Altai wedding ceremony (XIX–XX)*. Gorno-Altaisk: Iuch-Siumer. (Rus.).

Tadina, N.A. (2011a). Burkhanizm and etiquette among the Altai. *Etnograficheskoe obozrenie*, (6), 127–140. (Rus.). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17685565_30527627.pdf.

Tadina, N.A. (2011b). The picture of the world as the basis of the communicative culture of the Altaians. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 146–153. (Rus.). URL: http://ipdn.ru/_private/a14/146-153.pdf.

Tadina, N.A. (2013a). Two views on burkhanizm among the altai-kizhi. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, (4), 159–166. (Rus.). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21005694_10296304.pdf.

Tadina, N.A. (2013b). Symbolism and ethical values in the practices of the revived burkhanizm. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 24(4), 97–100. (Rus.). URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/his/24/image/24-097.pdf.

Tadina, N.A. (2014). The language of etiquette in the wedding folklore of the Altaians. *Traditsionnaia kul'tura*, (1), 51–60. (Rus.). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21438649_94171426.pdf.

Tadina, N.A. (2020). Modern Burkhanism through the History in the Ritual Life of the Altai people. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia*, (31), 31–40. (Rus.). URL: https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.31.31.

Tadysheva, N.O. (2015). Wedding rites of the Sayano-Altai nations: The general and special. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 38(6), 133–138. (Rus.).

Tolstaia, S.M. (2007). On the concept of cultural codes. In: *Sbornik statei k 60-letiiu A.K. Baiburina. Studia Ethnologica AB 60*. St. Petersburg: Evropeiskii universitet, 23–31. (Rus.).

Tolstoi, N.I. (1995). *Language and popular culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*. Moscow: Indrik. (Rus.).

Yabyshtaev, T.S. (2020). The problem of keeping general traditions with the Altai people in modern conditions. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia*, (26). Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 306–310. (Rus.).

Тадина Н.А., https://orcid.org/0000-0003-1363-8735

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 05.12.2000
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-16

Малинов А.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, Санкт-Петербург, 199034
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, Санкт-Петербург, 190005
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

ПИСЬМО А.В. АНОХИНА «О ШАМАНСТВЕ У АЛТАЙСКИХ ПЛЕМЕН»

Статья, посвященная известному исследователю шаманизма тюркских народов Сибири А.В. Анохину, предваряет публикацию письма Анохина этнографу Л.Я. Штернбергу, выявленного в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. Основной предмет письма — женские персонажи-небожители в алтайском шаманизме, с которыми шаман «кам» вступает в интимную связь. Анохин раскрывает этот сюжет на примерах прежде всего из телеутского шаманизма и лишь кратко упоминает шаманские практики шорцев, кумандинцев и других народов Южной Сибири.

Ключевые слова: шаманизм, женские персонажи, Анохин, телеуты, алтайская этнография, эпистолярное наследие.

Введение

Андрей Викторович Анохин (1869–1931) — этнограф, известный исследователь шаманизма, обрядности, фольклора тюркских народов. Его по праву считают одним из пионеров краеведения и музейного дела на Алтае. Анохин получил музыкальное образование — в Синодальном училище церковного пения в Москве и в Придворной певческой капелле в Петербурге, а с 1904 г. жил в Томске, где стал членом Томского общества изучения Сибири. Однако наибольшую известность ему принесли исследования алтайского шаманизма. Книга «Материалы по шаманству у алтайцев» [1924] считается классическим трудом в своей области. В ней собраны уникальные сведения по шаманизму алтайских племен, проживавших по нижнему течению р. Катуни. В основу книги легли результаты экспедиций 1910–1912 г., которые проводились на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии Академии наук. Результаты последующих экспедиций Анохина не были опубликованы. В 1918–1920 г. он жил в с. Улала (ныне г. Горно-Алтайск) и с. Чемал; затем переехал в г. Барнаул, а в 1926 г. вернулся в с. Улала. В эти годы Анохин в основном преподавал в школах Барнаула и Улалы, в которых руководил хором, а летом проводил школьные этнографические экскурсии. По свидетельству современников и учеников, он настолько вжился в местную культуру, что, казалось, слился с коренным населением. При жизни Андрей Викторович смог обнародовать лишь незначительную часть своих исследований. К сожалению, не все полевые материалы А.В. Анохина были изданы, лишь частично введены в научный оборот сведения из его переписки с учеными-сибиреведами. Не переизданы должным образом его опубликованные работы. Более того, не ведется систематическая работа по изучению и изданию его архивного наследия. Отчасти это объясняется тем, что факты, описанные Анохиным, и его выводы часто противоречат той этнополитической мифологии, которая распространяется среди местной интеллигенции (удревнение истории, «приватизация» богатого историко-культурного наследия региона, этногенетические мифы и т.п.). Между тем издание неопубликованных текстов Анохина не только важно для объективной оценки его творчества, но и несет новую информацию, которая может быть востребована современными историками и этнографами. Изданные исследования Анохина были написаны в основном на материале южных алтайцев (алтай кижи), в то время как результаты его экспедиций к теленгитам, кумандинцам и телеутам практически не известны.

При жизни он опубликовал только две статьи о телеутском шаманизме [Анохин, 1913, 1929]. Большая же часть собранных материалов так и не была издана, в том числе «Доклад о телеутском шаманстве» (1912) из архива Музея антропологии и этнографии РАН [МАЭ РАН. Ф. 11, оп. 1, № 162]. Исследования Анохиным шаманизма у телеутов рассматривались в монографии Д.А. Функа «Миры шаманов и сказителей» [2005, с. 46–55] и других публикациях этого автора [Функ, 1993, 1995, 1997], в том числе им были подготовлены к изданию ряд архивных записей этнографа [Анохин, 1994, 1997; Мистерия…, 1997; Талай-хан, 2004].

Письмо А.В. Анохина «О шаманстве у алтайских племен»

Наша статья посвящена анализу и публикации письма Анохина этнографу Л.Я. Штернбергу, озаглавленного «О шаманстве у алтайских племен» и написанного в основном на телеутском материале (Прил.). Письмо выявлено в Санкт-Петербургском филиале архива РАН.

Письмо Анохина датировано 1 июля 1924 г. и написано в с. Черга на Алтае. Примечательно, что само село является одним из центров расселения телеутов, перебравшихся туда из Бачата еще в начале XIX в. В эти летние месяцы Анохин руководил экспедицией учеников барнаульской школы им. III Коминтерна на Алтай, о чем свидетельствует его отчет о школьных экспедициях (1926) [МАЭ РАН. Ф. 11, оп. 1, № 190, л. 1]. Вероятно, в с. Черга экспедиция остановилась для отдыха, что и позволило Анохину исполнить давнее обещание, приведя в письме интересующие Л.Я. Штернберга сведения. Автограф письма отложился в фонде Л.Я. Штернберга в Санкт-Петербургском филиале архива РАН [Ф. 282, оп. 1, ед. хр. 59, л. 1–4 об.]. Письмо написано на 4 листах большого формата; алтайские тексты размещены на странице в две колонки с русским переводом. Письмо публикуется по современным правилам правописания, с сохранением его стилистических особенностей. Примечания в тексте письма принадлежат А.В. Анохину.

Основная часть

Свою исследовательскую деятельность Анохин начал в 1908 г. во многом по инициативе Г.Н. Потанина, с которым познакомился в Томске, где Анохин преподавал пение и служил регентом хора. Г.Н. Потанин рекомендовал начинающему исследователю сосредоточиться на изучении музыкальной этнографии, т.е. собирании музыкального, песенного фольклора тюркоязычного населения Южной Сибири и монголов, в том числе на записях мелодий и текстов шаманских камланий. «Мысль о собирании азиатских мотивов в Томске подана была мне нашим маститым старцем Григорием Николаевичем Потаниным и другими лицами, сочувствующими делу изучения Сибири, — признавался Анохин. — Меня увлекла новизна и желание что-нибудь сделать в этой музыкальной области. За последние два года (1908–1909. — *А. М.*) я сделал два летних путешествия: первое со студентом Томского университета Л.А. Уткиным, начинающим ботаником, второе, продолжавшееся семь месяцев,— один. Район моих путешествий захватывает район, занимаемый инородцами двух соседних губерний: Томской и Красноярской, и инородцев, живущих на юге от этих губерний: монголов и кемчукских сойотов. Последние — монголы и сойоты, находятся в подданстве Китайской империи. В географическом отношении поле моих исследований представляет собой квадрат: с западной стороны его граничат реки Катунь и Чуя, с южной — в Монголии — реки Саксай и озеро Убсу с городом Уланхомом, с востока — река Енисей с притоком реки Кемчука и с севера — тайга Кузнецкого, Бийского и Минусинского уездов» [Анохин, 2005, с. 7]. В экспедиции Анохин брал с собой фонограф, записывая мелодии на восковые валики, коллекция которых ныне хранится в фоноархиве ИРЛИ РАН [Бурыкин и др., 2013]. «Инородческие» мелодии он использовал и в собственных музыкальных произведениях, самым известным и большим из которых является сюита «Хан Алтай» [Виницкая, 2007].

Стремясь найти материальную поддержку экспедициям Анохина, Г.Н. Потанин обратился в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, в делах которого сохранилась записка от 20 апреля 1909 г., подготовленная А.Д. Рудневым и С.Ф. Ольденбургом. В ней, в частности, отмечалось:

«Как пишет Гр. Н. Потанин — А.В. Анохин летом 1908 г., купив на свой счет фонограф за 40 рублей, совершил поездку в Алтай и Западную Монголию.

Результатом явилось собрание мелодий различных алтайских племен (как турок, так и монголов) в числе свыше 200 и значительного числа записанных на валиках фонографа (половина записей с полными текстами и переводом). А.В. Анохин прочел в Томске доклад о результатах своей поездки и послал его для напечатания в Москву, в Музык[ально]-этногр[афическую] комиссию. С копией этого мы имели возможность ознакомиться.

Считая, что такие необычайно плодотворные результаты работы и доказанная на деле готовность даже на свои средства исполнять столь важные научные изыскания должны быть поддержаны и что А.В. Анохину следует пособием облегчить продолжение его собирательской деятельности, мы просим Комитет ассигновать ему на предстоящую ему летом поездку 300 рублей и снабдить его хорошим фонографом и открытым листом. Он собирается записывать нынешним летом мелодии монголов, алтайцев и киргизов» [СПбФ АРАН. Ф. 148, оп. 1, ед. хр. 42, л. 37–38].

Однако Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии был заинтересован в изучении шаманского культа, что определило направление последующих экспедиций Анохина. В 1914 г. он обработал и отправил в Академию наук собранные в результате поездок по югу

Сибири материалы. Решение их опубликовать было принято В.В. Радловым и Л.Я. Штернбергом, но издание растянулось на целое десятилетие [Анохин, 1924]. В это время завязалась переписка Анохина с Л.Я. Штернбергом. Одно из писем, вероятно самое ранее, тогда же было опубликовано в «Известиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» [1914, с. 58–60]. Еще два письма, за май 1914 г., отложившихся в фонде Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, были изданы в составе «Лекций по алтаеведению» А.В. Анохина [Анохин, 2012, с. 137–138]. Еще одно письмо сохранилось в фонде Л.Я. Штернберга в том же архиве [СПбФ АРАН. Ф. 282, оп. 1, ед. хр. 59, л. 1–4 об.].

Письмо Анохина Л.Я. Штернбергу, озаглавленное «О шаманстве у алтайских племен», написано в основном на телеутском материале. Основной сюжет письма Анохина Штернбергу — это «прямые случаи интимной связи кама с женщиной небожительницей» в шаманизме алтайских племен. В письме Л.Я. Штернбергу Анохин использовал сведения из своей рукописи «Доклад о телеутском шаманизме» (1912). В частности, описание Ак-Чänäр-Jаш, проживающей на 7 небесной сфере (*кат*), практически дословно совпадает с текстом доклада [МАЭ РАН. Ф. 11, оп. 1, № 162, л. 8 об.–9 об.]. Описание еще одного персонажа в письме, Äнäм Jajучы, пребывающей на 4 небесной сфере (*кат*), дано кратко, поэтому оно может быть дополнено из рукописи доклада.

«4-й Кат

Местопребывание Энем-Jajучы — Матери творца.

Энеем-Jajучы творит кут на детей.

Кам при камлании, как и к Эрмен-Кану, останавливается у Энем-Jajучы и спрашивает кут на детей, хозяйку и присутствующих. Каждый подходит к Каму с шапкой, кладет ее у ног кама. Кам, наговаривая через удар в бубен, передает этот кут через шапку человеку, который благоговейно надевает шапку на голову. Кут детский как зародыш, по убеждению шаманистов, попадает в утробу матери, принимает вид красного червяка (кызыл курт), а впоследствии обращается в обычный плод человека. На этом основании Энем-Jajучы в камских молитвах называется еще творцом красного червяка, а народ, рожденный от нее, называется иногда “кызыл курт”.

Энем-Jajучы при жизни человека управляет его судьбой. От Энем-Jajучы исходит определение человеку — жить или умереть. Свое решение относительно человека он записывает в книгу, которая называется “Ӱльген бийдын сабыр баик” — рукописание начальника Ӱльгеня. Камы свое камское призвание получают от Энем-Jajучы, которое написывается в той же книге. На этом основании камы телеутские, наряду с другими рисунками, имеют на бубне рисунок книги, имеющей форму квадратика с зигзагообразными линиями внутри.

» [МАЭ РАН. Ф. 11, оп. 1, № 162, л. 8].

Такое же дополнение можно сделать и о дочерях Ульгеня, пребывающих на 14 небесной сфере (кат).

«14-й Кат

Служит местопребыванием дочерей Ӱльгеня.

По камской мистерии их девять.

Роль их — служить человеку, охранять его “jула” от “кӧрмӧсов”. “Jула” отделяется от человека во время испуга. Дочери Ӱльгеня, когда заметят тревожный стук, от которого может испугаться человек, то сжимаются (кыпчылулар) и окружают человека. Если “jула” отделяется от человека и попадает в их руки, то они уносят его к себе на небо и там хранят до прихода к ним кама. Кам совершает к ним путешествие через всю область неба, беспрепятственно берет “jула” от них. По окончании камлания вдувает больному в ухо.

Дочери Ӱльгеня питаются пищею, которую берут с раскаленных углей. Они красивы, как зерна пшеницы, они подвижны, как рассыпающийся горох.

Кыигылуга кыпчылулар
Кызыл косто jемзӱлӱлер
Пудаи чылап пурулгандар
Пурчак чылап тӧгӱльдендер
Ак-Ӱльгенин ару кыс.

При (тревожном) стуке сжимающиеся (сбегающиеся), в раскаленных углях берущие пищу, как зерна пшеницы поворачивающиеся, как горох (около человека) рассыпающиеся, Белого Ӱльгеня чистые девы!» [МАЭ РАН. Ф. 11, оп. 1, № 162, л. 11 об.–12].

Аналогичную характеристику дочерям Ульгеня Анохин приводил в статье «Душа и ее свойства по представлению телеутов», опубликованной в 1929 г.:

«Из всех доброжелательных духов (*баjана*) дочери *Ӱлгӓн'*я обнаруживают особенную готовность приходить на помощь к человеку в время испуга. При тревожном стуке на земле, с быстротой молнии они спускаются с 14-й небесной сферы к человеку и, рассыпаясь как горох, окружают его (кыiӈылуӈа kыnчылуар — при тревожном звуке сжимающиеся)» [Анохин, 1929, с. 256].

В «Докладе о телеутском шаманизме» упоминается еще один женский персонаж, обитающий уже в области «Jер-Jол», т.е. воображаемой земли,— Энекеи-Кан. Анохин не пишет о ней своему адресату, поскольку кам не вступает с ней в интимную связь.

«Мать народа, живущая около пупа земли (jер киндиги). Этот пуп по представлению телеутов имеет отверстие в виде трубы или кратера (jерь тӱнӱги) или просто земной щели (jер jарыгы). В этом месте кам при камлании ловит “jула”.

Энкеи-Кан является заведующей земной щелью.

Эль энези Энкеи-Кан
Эки кӧзин чагылган
Jер тӱнӱктин ээзи-Кан

Мать народа Энкеи-Кан,
Сверкающая обеими глазами,
Хозяин-Кан земной трубы» [МАЭ РАН. Ф. 11, оп. 1, № 162, л. 23].

В качестве дополнения можно указать на женских предков, которые почитаются у телеутов. Анохин упоминал о них в статье «Душа и ее свойства по представлению телеутов»: «Ämägändäp änäkäläp — это души женских особ — стариц и их матерей, служащие у телеута в качестве домашних пенатов. Они являются отдаленными, давно умершими, но кровными родственницами телеута-шаманиста» [Анохин,1929, с. 268].

Заключение

Таким образом, письмо А.В. Анохина Л.Я Штернбергу представляет собой фрагмент переписки между двумя учеными, частично уже опубликованной, которая началась в связи с подготовкой к изданию основной работы Анохина «Материалы по шаманству у алтайцев…» [1924]. Письмо Анохина по времени совпадает с публикацией книги и является ответом на вопрос Л.Я. Штернберга, вероятно, сформулированный во время подготовки этого издания.

Основной предмет письма — женские персонажи-небожители в алтайском шаманизме, с которыми шаман *кам* вступает в интимную связь. Анохин раскрывает этот сюжет на примерах, прежде всего, из телеутского шаманизма и лишь кратко упоминает шаманские практики шорцев, кумандинцев и других народов Южной Сибири. В письме Л.Я. Штернбергу Анохин частично использовал сведения о женских божествах из своей рукописи «Доклад о телеутском шаманизме» (1912), в котором приведено, вероятно, наиболее подробное описание обитателей семнадцати небесных сфер (кат), по которым путешествует шаман. Публикуемое письмо отчасти дополняет, отчасти дублирует эти сведения, в том числе содержит информацию о семантике изображений на шаманских бубнах. Письмо Анохина Л.Я. Штернбергу ранее не публиковалось.

Приложение

А.В. Анохин

О ШАМАНСТВЕ У АЛТАЙСКИХ ПЛЕМЕН

Многоуважаемый Лев Яковлевич!
В данном случае пишу Вам то, что обещал сделать еще в Москве.
А. Анохин

В шаманстве у алтайских племен прямые случаи интимной связи кама с женщиной небожительницей, являющейся вдохновительницей последнего, встречаются сравнительно редко.

Из моего материала я укажу несколько таких случаев, различных по своему содержанию.

Так, в шаманстве племен телеутов (называемых еще «пајат кіжі» и «тäläңät-кіжі») в мистерии к высшим категориям духов — Ӱlгäн'ям кам на VII небе (кат) встречает небесную жену по имени Ак-Чäнäр-Јаш (белая, молодая Чäнäр). Между камом и Ак-Чäнäр происходит следующая беседа.

Ак-Чäнäр говорит каму.
Аілик-та келер кабарын угуп,
Алтын табака аш куідым.
Алганым јажым, кам удулум!
Кӱндӱк käläр јолыңды біліп,
Кӱмӱш табака аш куідым.
Көргönім јажым, кам удулум!
Көк остолго бірге оттуруп,
Кӱмӱш табака аш тарталы
Ӱlгäнін јалы ӱзӱле бäді,
Ак ӱlгäп јолы кургаі бäді,
Көргönім јажым, кам удулум!
Көжögö kölöli,
Чаікын-ба чаікын тӱжölö.

Услышав о твоем приходе за месяц,
В золотое блюдо пищу наложила.
Мой муж, молодой кам!
За день до твоего прихода,
В серебряное блюдо пищу наложила.
Ненаглядный мой, молодой кам!
Сядем вместе за синий стол,
И будем есть пищу из серебряного блюда.
Дорога Ӱlгäн'я оборвалась,
Белого Ӱlгäн'я дорога высохла (исчезла).
Ненаглядный мой муж, молодой кам!
Спрячемся за тень занавески,
И будем любезничать и шутить.
Мой муж, молодой кам!

Кам отвечает.

Ӱlгäніңјолы пу ӱзӱlбäітäн,
Ак Ӱlгäніңјолы пу кургабаіттан.
Алганым јажым, Ак Чäчäр јажым!
Көргönім јажым, Көк Чäчäр јажым!
Тапты бажын толгонып чыгарда,
Сäні уткуірга јајалып чыккан,
Ак Ӱlгäніңјажым, Ак Чäчäр јажым!
Көк-Чäчäр јажым, көргönім јажым!
Кӱмӱш табака аш куідың,
Кӱндӱjäргä ailjанган,
Көк остолдоң аш тартпаіттан,
Көргönім јажым, Көк Чäчäр јажым!
Кӱндӱjärдä алганым,
Кара коңур чачту ädä…
Ак Чäчäр јажым, Ак Ӱlгäн јажым.
Кӱндӱjäргä алганым
Сенің колына су урага јарабас.

Ӱlгäн'ева дорога не обрывается,
Белого Ӱlгäн'я дорога не высохнет.
Моя молодая жена, Ак Чäчäр!
Ненаглядная моя молодая жена, Көк Чäчäр!
Как пошел винтообразно по «тапты»[1],
То торопился встретить тебя,
Белого Ӱlгäн'я моя жена, Ак Чäчäр!
Көк Чäчäр моя жена ненаглядная!
Приготовленную в серебряном блюде пищу,

[1] Тапты — зарубки на березе, которая символизирует небесный слой (кат).

С синего стола не буду есть,
Пока не возвращусь на землю,
Ненаглядная моя жена, Көк Чäчäр!
Жена моя на земле,
С черно-бурыми волосами,
С черным ореховым лицом…
Молодая Ак Чäчäр верховная (от Ӳлгäн'я) жена.
Жена моя на земле
Непригодна лить воду на твои руки.

В шаманстве у того же племени встречается небожительница на III небесной сфере:
Бура Äнäзі иж Пулан Бура сакчызы Ärмäн кан.
Мать-Бура- Ärмäн-Кан серый сахатый, заведующий бурами[2].
По смыслу мистерии эта персона творит зародыши (кут) на зверей и скота.

На IV-й небесной сфере (кат) живет Äнäм Jajучы — мать творец. Она творит зародыш (кут) на людей и, кроме того, определяет судьбу человека на земле. Äнäм Jajучы имеет у себя книгу жизни «Сабыр бічік» (рукописание) для записи судьбы и предопределения человека, в частности, и кама.

На VII небесной сфере (кат) живет персона Äнäм Мäргäн тäңäрä — Мать небесная Мерген[3], характеризуемая в призываниях камских особенно деятельной и ловкой.

На XIV небесной сфере кам встречает девять дочерей Ӳлгäн'я. Их роль в шаманстве определенно служебная; в момент испуга человека, когда по мировоззрению шаманистов, выходит из него двойник, они как стрелы слетают на землю, рассыпаются как горох около человека и берут вылетевший «кут» к себе на хранение на небо.

Из персон женского пола, теперь уже земных, в шаманстве у телеутов встречается «Маі[4]-Äнä» — покровительница младенцев до семилетнего возраста. Ей в доме, в присутствии матери и больного ребенка, кам совершает обряд моления. В призываниях кам просит Маі-Äнä противодействовать злым духам и не пугать детей.

Тарак башту Маі-Äнä, каіракан!
Орбы кулдуң коркуспа,
Ӳрбä кулдуңӳркӳспе.
Jäк базаттан jолына,
Jäс käсмäңді салын-тур,
Jäк kälзä, jäкір-тур
С гребневидной головой Маі-Äнä, досточтимая!
Не страши детей подобных побегам (деревьев),
Не пугай детей в семье.
На дороге, где ходит пожиратель,
Расстели свою медную кольчугу,
Смотри, когда он придет и т. д.

Детские болезни корь и оспу телеуты олицетворяют в виде особой персоны женского пола, которую они называют «Корь-Äнä» — мать корь. Эту болезнь у детей телеуты встречают с особой предупредительностью, и в честь Корь Äнä у них устраивается семидневный обряд — угощают ее вкусными блюдами, выставляя их каждый день на столе, покрытом белой скатертью. Моление Корь-Äнä совершает старший в доме или приглашенное лицо, а иногда и кам.

В Корь-Äнä они видят благодеятельное начало, переваривающее тело ребенка (кіжінің äді пыжыртät) и, таким образом, обновляет его.

Среди домашних пенатов у телеутов есть одна категория духов — ämäзändäр (старухи). Это кровные духи покровители дома и домашних. Им делается изображение в виде куклы, которое хранят в укромном местечке: в мешке на печке, на полатях, а иногда в амбарах.

В Мистерии к «Jaңыс Сом'у»[5], на одном из этапов (пудак), называемом «Jäh тäнӳк» — щель земли, живет одна женщина Аңкäі кан, с блестящими глазами — äкі көзӳн чагылган. Кам иногда получает из ее рук двойник (кут) больного. Тут же, во время совершения мистерий, появляются 27 шитниц для сшивания щели земли.

Вот все случаи в шаманстве у телеутов, где кам или камка соприкасается при своих молениях с персонами женского пола небесного и земного происхождения. Другого толкования об указанных персонах телеуты мне не давали. К этому нужно добавить, что при своих работах я никогда не задавал прямо вопроса камам о той силе, которая сообщается ему от духов — персон женского происхождения. Может быть, другая постановка вопроса дала бы другие результаты. Сила эта, по представлению шаманистов, как в начале ее проявления — в заболеваниях эпилептического характера, так и в дальнейшем, при со-

[2] Бура — мифологический конь, на котором ездят духи.

[3] Мäргäн — ловкий, искусный человек в борьбе и на охоте.

[4] Маі — оболочка, в которой ребенок находится в утробе матери.

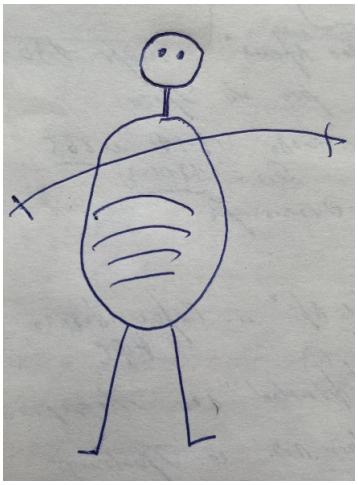
[5] Jaңыс Сом — дух, заимствованный телеутами от кумандинцев через брачные союзы.

вершении различных обрядов, приходит от «баjана» или «төс'я». В разряд «баjана» и «төс'я» входят духи с разными индивидуальностями. Число же их у каждого кама бывает разное, у сильного кама (укту кам) их бывает больше, в этом, главным образом, и заключается его превосходство перед другими камами, меньшими по силе. При помощи төс'ев кам врачует, прорицает, заклинает, творит зародыши на скота, на детей, на траву, лес, делается ясновидцем (көспөкчы), делается красноречивым (чӓчӓн) и др.

В шаманстве у племен «шор-кіжі», живущего по рр. Томи, Мрассе и Кондоме, в своих мистериях камы упоминают «Умаі-Ӓнӓ»[6], по другому признанию «Умаі-Ӓңӓ» — Умаі — мать. Она живет на небе, около дворца «Ак-Ӱlгӓн'я», имеет золотую люльку и, покачивая из стороны в сторону, творит зародыши (сус) на детей.

Указывается также в шаманстве у шорцев другая персона: Ӱlгӓнің кызы көк Чӓчӓн[7] — дочь Ӱlгӓн'я, синяя Чӓчӓн (речистая). Во время совершения обряда ӱстӱгӱ (кровавое жертвоприношение) Чӓчӓн сопутствует каму при его путешествии на небо и просит вместе с последним у Ӱlгӓн'я «Jаргы» — суд, определение, милость для людей.

На бубнах шорских камов Чӓчӓн изображается так.



Среди земных духов у шорских камов и камок чрезвычайно много встречается женских персонажей, насылающих на человека болезни.

В шаманстве у племени «Куманды-кіжі», живущего по среднему течению р. Бии, я записал легенду о хромом Чалыге. Он был, как видно из легенды, большой кам и украл у Ӱlгӓн'я дочь и т.д. (См. прилагаемую при сем печатную брошюру).

Камы и камки Горного Алтая племени Оірот-кіжі, Майма-кіжі и Туба-кіжі, как видно из мистерии, пользуются услугами девяти дочерей Ӱlгӓн'я. По р. Песчаной последних отменно чествуют, принося им в жертву барана белой масти, шкуру которого всегда подвешивают на жерди рядом со шкурой конской в честь Ӱlгӓн'я. Из чувства уважения кам называет из «кыjандар». Как существ высшей категории, их изображения, в виде куклы, камы пришивают к спинке своей камской шубы, выражая этим свою тесную интимную связь с последними.

Но несравненно большую роль играют у камов указанных племен горные девы «Абуканың кыjандар» — дочери Абакана, живущие на воображаемой площадке «тӓпсӓң». По одной версии их девять, а по другой три.

Jажыл тоңду кыjандар,
Абуканың тогус кыс.

В зеленых шубах девицы,
Девять дочерей Абакана.

Эти персоны, по рассказам камов, сообщают им свою силу, благодаря которой они приходят в повышенный экстаз и совершают удивительные действия — берут в рот раскаленные угли, и они им не вредят, падают в горящий костер без вреда, переносят большие тяжести с одного места на другое, не роняя последних и проч.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00018 (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН).

[6] Умаі-Ӓнӓ тот же персонаж, что и у телеутов, только здесь ему дана другая роль.

[7] Чӓчӓн не попала в записи моих мистерий. Предлагаемое толкование я получил от объяснения рисунков на бубне. Без сомнения, это та же персона, что у телеутов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910—1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Л.: Рос. гос. акад. тип., 1924. 248 с. (СМАЭ при РАН; Т. 4. Вып. 2).

Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлению телеутов // СМАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. 8. С. 253–269.

Анохин А.В. Кузнецкие инородцы Томской губернии // Шорский сборник. Вып. 1: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 49–64.

Анохин А.В. Бубен бачатских телеутов Кузн(ецкого) уезда Томск(ой) г(убернии) // ЭО. 1997. № 4. С. 41–47.

Анохин А.В. Об азиатской музыке тюркских и монгольских племен // А.В. Анохин. Народная музыка тюрков и монголов. Горно-Алтайск, 2005. С. 5–7.

Анохин А.В. Лекции по алтаеведению / Подгот. текста и предисл. А.В. Малинова. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2012. 165 с.

Б.-в [Анохин А.В.]. Шаманизм у телеутов // Сиб. жизнь. 1913. 16 нояб. № 253.

Бурыкин А.А., Кастров А.Ю., Светозарова Н.Д. Рукописные материалы и фонозаписи А.В. Анохина в собраниях фоноархива Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН // Анохинские чтения. Горно-Алтайск: НМРА им. А.В. Анохина РА, 2013. С. 28–32.

*Виницкая Н.В.*Особенности художественной выразительности в трилогии А.В. Анохина «Хан-Алтай». Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2007. 115 с.

Мистерия Эжик-Тенгерези / Пер. с телеут, вступ. статья и прим. Д.А. Функа // Д.А. Функ. Телеутское шаманство: Традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 103–192, 250–258.

Талай-хан / Сост., вступ. статья, пер., коммент. Д.А. Функа // Телеутский фольклор. М.: Наука, 2004. С. 110–160.

Функ Д.А. Материалы А.В. Анохина по телеутскому шаманству в архиве НИИ МАЭ // Современные проблемы исторического краеведения: (К 375-летию основания Кузнецка и 50-летию образования Кемеровской области). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. С. 51–52.

Функ Д.А. Материалы по шорскому шаманству в архиве А.В. Анохина // Шаманизм и ранние религиозные представления: К 90-летиию д-ра ист. наук, проф. Л.П. Потапова. М.:ИЭА РАН, 1995. С. 180–206.

Функ Д.А. Неизвестное описание шаманского бубна телеутов из архива А.В. Анохина // ЭО. 1997. № 4. С. 40–41.

Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: Комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005. 398 с.

ИСТОЧНИКИ

Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношения. Сер. II. № 3. Пг.: В тип. Академии наук, 1914. 162 с.

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии РАН. Ф. 11. Оп. 1. № 162, 190.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 42; Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 59.

Malinov A.V.

St. Petersburg University, Universitetskaya nab., 7-9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
Sociological Institute of the RAS — a branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
7-ya Krasnoarmeyskaya st., 25/14, St. Petersburg, 190005, Russian Federation
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

A.B. Anokhin's letter “On shamanism among the Altai tribes”

The paper is dedicated to Andrey Viktorovich Anokhin, a renowned scholar of shamanism of the Turkic peoples of Siberia. The paper precedes publication of A.V. Anokhin's letter to ethnographer Lev Yakovlevich Sternberg discovered in the St. Petersburg Branch of the Archive of RAS. The main subject of the letter is female characters-deities in Altai shamanism, with whom Kam enters into an intimate relationship. Anokhin elaborates on this subject using examples primarily from Teleut shamanism, and only briefly mentions shamanic practices of the Shorians, Kumandins, and other peoples of Southern Siberia. Anokhin's material is supplemented by information from his unpublished “Report on Teleut Shamanism” (1912) and his article “The Soul and Its Properties in the Perception of the Teleuts” (1929). In particular, information is given about female deities residing in the fourth celestial sphere (kat); Enem-Jajuchy — the Mother of the Creator; daughters of Eligeni, dwelling on the fourteenth

celestial sphere (kat); and about female ancestors worshipped by the Teleuts. The letter of Anokhin was written during a school expedition led by him in the Teleut village of Cherga in the Altai Mountains. In the letter itself, Anokhin gave details of the female characters inhabiting the third, fourth, seventh, and fourteenth celestial spheres (kat). It is noted that in the beginning of the research work initiated by G.N. Potanin, Anokhin started recording Turkic and Mongolian folklore in Southern Siberia and Mongolia, but the Russian Committee for the Study of Central and Eastern Asia of the Imperial Academy of Sciences, which funded the expedition, was interested in the study of shamanistic cult. For this reason, shamanism of the Turkic peoples of the Altai, including the Teleuts, became the main direction of Anokhin's research. The letter by Anokhin is a fragment of the correspondence between the two scientists, partly already published, that started in connection with publication of Anokhin's main work “Materials on Shamanism of the Altaians” (1924). The letter by Anokhin coincides with the publication of the book and represents the answer to a question of L.Y. Sternberg probably posed during the preparation of this publication.

Keywords: shamanism, female characters, Anokhin, Teleuts, Altai ethnography, epistolary heritage.

REFERENCES

Anokhin, A.V. (1924). *The Altai Materials on Shamanism, collected during travel in Altai in 1910–1912. On behalf of the Russian Committee for the study of Central and East Asia.* Leningrad: Rossiyskaya gosudarstvennaya akademicheskaya tipografiya. (Rus.).

Anokhin, A.V. (1929). The soul and its properties on the representation of the Teleuts. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. T. 8.* Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).

Anokhin, A.V. (1994). Kuznetsk inorodtsy of the Tomsk province. In: *Shorskiy sbornik. T. 1: Istoriko-kul'turnoye i prirodnoye naslediye Gornoy Shorii.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 49–64. (Rus.).

Anokhin, A.V. (1997). Buben of the Bachatsk Teleuts of the Kuznetsk district of the Tomsk province. *Etnograficheskoye obozreniye*, (4), 41–47. (Rus.).

Anokhin, A.V. (2005). On the Asian music of the Turkic and Mongolian tribe. In: A.V. Anokhin. *Narodnaya muzyka tyurkov i mongolov.* Gorno-Altaysk, 5–7. (Rus.).

Anokhin, A.V. (2012). *Lectures on Altai Studies / Prep. text and preface A.V. Malinov.* St. Petersburg: Izd-vo Politekh. un-ta. (Rus.).

Burykin, A.A., Kastrov, A.Yu., Svetozarova, N.D. (2013). Manuscript materials and phonorecords by A.V. Anokhin in the collections of the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences. in: *Anokhinskie chteniya*. Gorno-Altajsk: NMRA im. A.V. Anokhina RA, 28–32. (Rus.).

Funk, D.A. (1993). A.V. Anokhin's materials on Teleut shamanism in the archive of the Research Institute of the MAE. In: *Sovremenny`e problemy istoricheskogo kraevedeniya: (K 375-letiyu osnovaniya Kuzneczka i 50-letiyu obrazovaniya Kemerovskoj oblasti)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 51–52. (Rus.).

Funk, D.A. (1995). Materials on Shorian shamanism in A.V. Anokhin's archive. In: *Shamanizm i rannie religiozny`e predstavleniya: K 90-letiiyu doktora istoricheskikh nauk, professora L.P. Potapova*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 180–206. (Rus.).

Funk, D.A. (1997). Unknown description of a Teleut shaman tambourine from A.V. Anokhin's archives. *Etnograficheskoe obozrenie,* (4), 40–41. (Rus.).

Funk, D.A. (Comp.) (1997). Mystery Ezhik-Tengeresi. In: D.A. Funk. *Teleut Shamanism: Traditional ethnographic interpretations and new research opportunities.* Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 103–192, 250–258. (Rus.).

Funk, D.A. (Comp.) (2004). Talai-khan. In: D.A. Funk. *Teleut folklore*. Moscow: Nauka, 110–160. (Rus.).

Funk, D.A. (2005). *The Worlds of Shamans and Storytellers: A Comprehensive Study of Teleut and Shorian Materials*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Viniczkaya, N.V. (2007). *Peculiarities of artistic expression in A.V. Anokhin's “Khan-Altai” trilogy*. Bijsk: BPGU im. V.M. Shukshina. (Rus.).

Малинов А.В., https://orcid.org/0000-0002-1252-9193

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 02.06.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-17

Пашкова Т.В. [a, *], Родионова А.П. [b]

[a] ПетрГУ, просп. Ленина, 33, Петрозаводск, 185910
[b] КарНЦ РАН, ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, 185910
E-mail: tvpashkova05@mail.ru (Пашкова Т.В.); santrar@krc.karelia.ru (Родионова А.П.)

ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ПО НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ЗАОНЕЖЬЕ В 1931 г.)

Целью исследования являются анализ и систематизация материалов полевого дневника, содержащего информацию о народной медицине русских Заонежья в 1930-е гг. Актуальность представляет сопоставление способов и средств, применяемых в народной медицине заонежан и карелов-людиков, длительное время проживающих и контактирующих на близлежащих территориях. Главным результатом выступает выявление рациональных и иррациональных приемов народной медицины, зафиксированных около ста лет назад в Заонежье.

Ключевые слова: Заонежье, русские, полевой дневник, карелы-людики, рациональная народная медицина, иррациональная народная медицина.

Введение

Интерес к Заонежью у исследователей возник со второй половины XIX в. [Логинов, 1982, 1993, 2019; Лысанов, 1916; Чичеров, 1948] в фольклорном, языковом и этнографическом планах, однако к рассмотрению народной медицины как к культурному пласту этноса исследователи не обращались. Проблематика исследования определяется малоизученностью традиционной и нетрадиционной культуры заонежан, включая этномедицину. С целью заполнения этой лакуны привлекаются данные полевого дневника, хранящегося в Научном архиве Карельского научного центра РАН. При систематизации сведений, полученных из полевого дневника, использовались научные труды по народной медицине русских и финно-угорских народов [Винокурова, 2019; Зайцева, 2004; Иванова, Попов, 2005; Мазалова, 1993; Никольская, Сурхаско, 1994; Никонова, 2000; Пашкова, 2018; Торэн, 1996].

Объекты исследования

Заонежский полуостров является уникальной территорией с точки зрения историко-культурного наследия. Культура Заонежья стала результатом взаимодействия двух культурных традиций — русской и прибалтийско-финской, а заонежский диалект представляет собой реликт языков Великого Новгорода и финно-угорского Севера [Муллонен, 2008, 2009]. По мнению финляндского исследователя Аймо Турунена, территория островов, расположенных на Онежском озере, являлась также местом проживания карелов-людиков [Turunen, 1946, с. 5]. Как указывают исследователи, в том числе И.И. Муллонен в своей работе «Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями», говоры Заонежья сформировались в результате двух основных процессов: миграции представителей единого псковско-новгородского диалекта на север и перехода на восточнославянский тип речи местного прибалтийско-финского населения [Муллонен, 2008, с. 5]. Следы этого взаимодействия отражаются не только в языке, но и в культуре Заонежья, что можно проследить также на этнографическом материале.

Чрезвычайно «плодовитой» с точки зрения разнообразия записанного фольклорного и этнографического материала стала экспедиция в Заонежье студентов этнографического отделения Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИЛИ), в июле — августе 1931 г. (26 июля — 25 августа). Главной целью поездки был сбор фольклорного и этнографического материалов. Наряду со сбором материала, студенты фотографировали деревенские пейзажи, местных жителей и др., а также создавали иллюстрации. Участниками экспедиции интервьюировались выходцы из местных поселений. Всего в обозначенный период было записано несколько десятков дневников, 35 из которых хранятся в Научном архиве Карельского научного

* Corresponding author.

центра РАН. Основные же записи отложились в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН [НА КарНЦ. Р. VI, оп. 1].

Сведения об этномедицине карелов-людиков собраны из опубликованных в 1930–1980-е гг. образцов карельской речи. Карелы-людики традиционно проживают в ряде деревень и поселков юго-восточной части Республики Карелии в Олонецком, Пряжинском и Кондопожском районах. Таким образом, территория расселения карелов-людиков тянется примерно на 200 км с севера на юг в восточной части Онежско-Ладожского перешейка, от р. Суны до р. Свири с ее северными притоками Усланка и Важинка.

Методология

Исследование проводилось с применением сравнительно-сопоставительного метода исследования. Для сравнительно-сопоставительного анализа привлекались данные о рациональных и иррациональных способах врачевания одной из групп карельского этноса — кареловлюдиков [Алимов, 1929; Баранцев, 1978; Turunen, 1946; Virtaranta, 1994], что обосновано их тесным контактированием с русскими Заонежья.

Результаты

Нашего особого внимания заслужил дневник, темой которого является «Медицина в Сенногубском сельском совете Заонежского района». Рукопись включает 50 листов без иллюстраций (большинство листов содержат только от 3 до 10–12 строчек текста. — *Прим. авт.*). Сбором материала занималась студентка ЛИЛИ З. Курдова у жителей деревень Петры, Лонгасы, Гарницы, Мигуры, Конда, Моталово, Леликово, Косельга, Зиновьево, Сенная Губа и др. (всего 21 информант в возрасте от 16 до 83 лет). Представленные в рукописи полевого дневника данные касаются ситуации с оказанием профессиональной медицинской помощи для населения, ветеринарной помощи для скота, средств рациональной и иррациональной народной медицины.

Не все из изложенных в дневнике сведений можно отнести к разряду опроса информантов. Некоторые данные из наблюдений самого участника экспедиции носят описательный характер. К таковым следует отнести сведения об оказании профессиональной медицинской помощи, т.е. о государственном здравоохранении, в Заонежском районе: «Местный медпункт находится в 3,5 км. от Сенной Губы у самой пристани на втором этаже. Комната ожидания — светлая, с двумя окнами, которые закрыты наглухо, чтобы не было мух. На стенах большое количество плакатов и лозунгов. Сама приемная разделена перегородками на три части. Вероятно, в одной из частей расположена аптека» [НА КарНЦ. Р. VI, оп.1, д. 92, л. 2]. «На медпункте работает один врач, один фельдшер и одна акушерка. Население страдает от отсутствия зубного врача. Медпункт организован давно» [Там же, л. 3]. «Врач работает только второй год, а до этого врача совсем не было. Медпункт принимает преимущественно колхозников, бедняков, середняков. С кулаков взимается плата до 1,5 руб. за прием, до 6 руб. — за роды. В последнее время смертельных случаев от родов почти не происходило. Женщины (особенно молодые) из деревень хорошо знакомы с предохранительными средствами от беременности. Медпункт чаще всего посещают с детьми до 4-х лет, а также женщины — от 30–40 лет. За месяц в медпункт обращаются до 500 человек, а в день — до 30–40 заболевших [Там же, л. 7–8]. «Врач сообщила о распространении среди населения в настоящее время желудочного заболевания, есть отдельные случаи скарлатины, в двух деревнях — есть больные сифилисом (д. Косельга, д. Леликово). Населению помогают: баба Фомична — принимает детей (д. Леликово), Панова Степанида Павловна (д. Вой-Наволок), а также в д. Любосельга есть детский врач (возможно, речь идет о знахарках или повитухах. — *Прим. авт.*). От информанта Рябининой Марфы Петровны из д. Гарницы получена информация о соблюдении гигиены и чистоплотности местных жителей: “Песком моют полы по субботам, стены — к большим праздникам. В баню ходят один раз в неделю и белье меняют раз в неделю. Белье парят в чугунах в печи, а стирают в обыкновенных оцинкованном корыте”» [Там же, л. 9].

Известно, что народная медицина любого этноса включает, с одной стороны, рациональные приемы лечения (фитотерапия, средства животного или минерального происхождения, физиотерапия, народная хирургия и др.), с другой — религиозно-магические (знахарство, заговоры), сформированные под влиянием мифологических представлений народа о мире. Рациональные методы лечения использовались как самостоятельно, так и в комплексе с магическими [Винокурова, 2019; Инха, 2019; Зайцева, 2004; Иванова, Попов, 2005; Мазалова, 1993; Никольская, Сурхаско, 1994; Никонова, 2000; Пашкова, 2018; Торэн, 1996; Трибушина, 2018]. Из анализируемого дневника также вычленяются рациональные и иррациональные способы и средства народной медицины русских Заонежья. Рациональные методы лечения использовались как самостоятельно, так и в комплексе с магическими.

Сведения о рациональных способах лечения

Фитотерапия. Из материалов дневника следует, что жители Заонежья в лечебных целях использовали различные целебные травы, листья деревьев, ягоды в свежем, выпаренном, заваренном виде. Хорошим целительным свойством обладал деготь. От бессонницы маленьким детям клали в изголовье траву богородицу, которая росла на острове Раткалье (информант: Сидорова Анастасия (руководительница в яслях), д. Петры) [НА КарНЦ. Р. VI, оп. 1, д. 92, л. 1]. При болезни ног (подагра, ревматизм) собирали высокую траву похожую на елку. Эта трава росла под Кижами. Ее сушили, выпаривали и пили по одной ложке в день (информант: крестьянка Ермолина Феодосья Прокопьевна (76 лет), д. Гарницы) [Там же, л. 4]. У многих народов корень калгана считался самым эффективным средством при боли в животе (включая грыжу) или расстройстве желудка. Не исключением стали жители Заонежья, использующие «колганный» корень (в рукописи указано написание «колганный» корень (букв. ‘Сообщила о лечении и приготовлении «колганным» корнем от болей в животе’). — *Прим. авт.*). Информанты из д. Зиновьево сообщили, что «это длинные травы с кругловатыми корнями. Растет это растение в лесах, и, если почва мягкая, то корень доставался легко». Перед употреблением корень приготавливали следующим образом: очищали от кожицы, высушивали в печке, затем нарезали в молоко или воду и выпаривали в печи (информант: Зиновьева Настасья Степановна (74 года)) [Там же, л. 18].

В карельской народной медицине самым распространенным способом лечения расстройства кишечника считалась фитотерапия. В этом случае чаще всего использовались настойка или отвар из корня калгана. Настойку применяли на всей территории Карелии, включая районы проживания людиковских карелов. Ее готовили следующим образом: цветущий калган отыскивали на пожнях во время сенокосных работ, выкапывали растение с корнем, мыли, а затем засушивали и хранили в темном, сухом месте [Никонова, 2000, с. 107; Петров, 1863, с. 187; Norvik, 1983, с. 226]. Помимо корня калгана, для приготовления настойки использовали березовые почки. Такой настойкой обрабатывали различные раны (информант: бывший монах, теперь священник (54 года), д. Сенная Губа) [НА КарНЦ. Р. VI, оп. 1, д. 92, л. 34]. Жители д. Леликово смазывали вывих березовым дегтем в том случае, если зажившая после травмы кость долгое время болела (информант: беднячка Черепова Анна Степановна (58 лет)) [Там же, л. 16].

Заваренные ягоды рябины считались хорошим средством от головной боли, малины — от простуды, а черемухи — от расстройства кишечника (информант: Анастасия Ефремова (16 лет), д. Косельга) [Там же, л. 15]. Из деревьев, по мнению жителей Заонежья, целительной силой обладала ольха. В лечебных целях использовались свежие и молодые листья ольхового дерева, которые заонежане называли «масляки». Их прикладывали к рожистому воспалению, а сверху обворачивали красной тряпкой (информант: Жданова (46 лет), д. Конда) [Там же, л. 20]. Вместо листьев ольхи могли использовать мокрицу (информант: Жданова (46 лет), д. Конда) [Там же, л. 25].

Из комнатных растений использовался перец с белыми цветочками, заваренные стручки которого употребляли от простуды (информант: Жданова Авдотья Захаровна (65 лет), д. Конда) [Там же, л. 22]. От родимца употребляли такие лекарства: собирали васильки («синюшки») с корнями и сушили, иногда целую зиму, на чердаке или привязывали к дверям дома. При необходимости высушенные цветки клали в горшок с водой и ставили париться в печь. Доведя до кипения, вынимали и читали «Отче наш», также делали и при втором и третьем кипении. Затем горшок накрывали сверху лучинами крест-накрест (информант: Семенова Татьяна (78 лет), д. Сенная Губа) [Там же, л. 41].

От болей в животе и поноса лечились мухоморами: собирали в лесу, плотно складывали в бутылку, закупоривали и ставили в печь. Мухоморы выделяли особое масло, которое затем пили. Этим же маслом натирали ноги и руки при ревматизме (информант: Семенова Татьяна (78 лет), д. Сенная Губа) [Там же, л. 48]. Универсальным средством от большинства недугов считалась трава, похожая на лебеду и полынь. Ее заваривали и пили, а также этой заваренной травой обмывали тело ребенка (информант: колхозница Ушакова (39 лет), д. Сенная Губа) [Там же, л. 26].

В качестве оберега от болезни скарлатина у боковых косяков с внутренней стороны вешали ветки можжевельника (информант: Семенова Татьяна (78 лет), д. Сенная Губа) [Там же, л. 43]. В этом приеме врачевания прослеживается сочетание рационального (фитотерапия) способа лечения и иррационального (оберег).

Физиотерапия. К физиотерапевтическим методам лечения относятся: водолечение, массаж, натирания. Главным условием при всех этих процедурах являлось применение тепла: в виде влажного пара в банях, сухого в печах, в качестве припарок или ванн [Торэн, 1996, с. 48].

Информанты из Заонежья рассказывали, что в д. Плешки жила старуха Ванина, которая была знаменита как хирург. Она лечила с помощью массажа, вправляла вывихи и переломы (информант: бывший писарь Кошкин Захар (62 года), д. Моталово) [НА КарНЦ. Р. VI, оп. 1, д. 92, л. 13]. Для сравнения стоит отметить, что людиковские карелы лечили также вывихи посредством массажа и с применением специальных трав. Так, например, жители д. Галлезеро и Михайловское использовали для лечения вывиха траву, которую они называли hivel'/hein (букв. 'вывих+трава'). Эта трава росла в лесу, на упавшем сгнившем дереве. Трава была высокая, с маленькими листиками. Ее собирали, распаривали в теплой воде и завязывали на больное место [Virtaranta, 1963, с. 282; 1968, с. 285; 1994, с. 134]. Перед этим массировали вывих с размягченным мылом [Virtaranta, 1994, с. 134].

Эффективность массажа во время родов отметила информант Жданова (46 лет) из д. Конда. Согласно полученным от нее сведениям, во время тяжелых родов отводили в баню, где роженице помогала бабка массажем живота [НА КарНЦ. Р. VI, оп. 1, д. 92, л. 24]. После родов женщину три дня подряд водили под руку в жарко натопленную баню, и все дни роженица ходила по двору со сковородником (использовался в качестве оберега), который должен был отгонять «призор, сглаз, от которого бросает в жар и холод» (информант: батрачка Потапова Анна Егоровна (44 года), д. Сенная Губа) [Там же, л. 30]. В представленном способе лечения происходит объединение рационального (физиотерапия) и иррационального (оберегательная магия) приемов врачевания.

Важной составляющей физиотерапии является прогревание. Информант Зиновьева Наталья Тимофеевна (45 лет) из д. Зиновьево рассказывала, что когда она болела воспалением легких, то эффективным оказался только следующий способ: принесли наполненное ведро с «муравьиной кучи» и опустили содержимое муравейника в кадку с горячей водой. Затем она села в эту кадку так, что вода ей была по горло, а температура воды очень высокая, «еле терпела». Прогревание проводилось по 30 минут за один раз, всего процедуру делали 10 раз [Там же, л. 23].

От застарелого ревматизма лечились двумя способами: в бане парили ноги, а потом били крапивой; заваривали в чугунок труху от соломы и в настоявшейся воде делали ванны для ног (информант: Мореходова Татьяна (45 лет), д. Сенная Губа) [Там же, л. 27].

Обращались жители Заонежья и к водолечению. От «призора» ребенка обливали водой на месте стола, а мать стояла наготове с салфеткой. Иногда обливание проводили над подпольем, открывая дверку и держа ребенка в воздухе (информант: батрачка Потапова Анна Егоровна (44 года), д. Сенная Губа) [Там же, л. 29].

При лечении родимца проводили следующий ритуал: девочку ставили между ног матери при условии, чтобы мать была «чистая» (т.е. не имела половых сношений после менструаций). После обливали водой мать и дочь вместе. С мальчиком делали то же самое, только его ставили между ног отца (информант: Семенова Татьяна (78 лет), д. Сенная Губа) [Там же, л. 46].

Вода использовалась и как средство прогностики заболевания. При этом знающие женщины отличали мертвую и живую воду. Если больной подходил и обливался мертвой водой, то его ждала скорая смерть, а если живой водой — то он выздоравливал (информант: Мореходова Татьяна (45 лет), д. Сенная Губа) [Там же, л. 28]. У карелов Олонецкой губернии также использовалась живая или мертвая вода при определении, «умрет больной или выздоровит». Для этого зачерпывали воду сперва одной чашкой, произнося при этом (кар.) *elävy vezi* 'живая вода', затем другой — (кар.) *kuolii vezi* 'мертвая вода'. Далее происходил выбор больным чаши с водой [Пашкова, 2019].

Средства животного происхождения. Щучьи зубы / челюсть считались эффективным оберегом у многих народов. Жители Заонежья клали щучьи зубы на верхний косяк двери, чтобы в дом не приходила скарлатина (информант: Семенова Татьяна (78 лет), д. Сенная Губа) [НА КарНЦ. Р. VI, оп. 1, д. 92, л. 43]. Иногда использование средств животного происхождения определялось принципом «подобное лечится подобным». Это было связано с мифологическими представлениями народов о животных как «виновниках» заболеваний. В этих случаях люди пытались изгнать болезнь ее же «носителем». Заонежане смазывали укус змеи кровью этого же животного, которого убивали сразу после нападения (информант: Дутикова Анастасия (26 лет), д. Конда) [Там же, л. 37].

Средства минерального происхождения. В народном врачевании служили существенным дополнением к средствам растительного и животного происхождения. Ведущее место было у соли [Никольская, Сурхаско, 1994; Пашкова, 2018; Пашкова, 2019]. Согласно сведениям информантов из д. Конда, на больной зуб клали заговоренную соль (информант: Андреянова Александра Кузьминична, д. Конда) [Там же, л. 49]. При ранении и засорении глаз прикладывали под веки осколки камней от жерновов. При этом способе лечения часто слепли (информант: фельдшер Кюрнев Николай Иванович, д. Сенная Губа) [Там же, л. 35].

Продукты питания. Николаевская Матрена Матвеевна (40 лет) из д. Мигуры обращалась к бабке со своим ребенком, он кричал, а врачи не могли помочь. Бабка велела намазать ребенку суставы рук и ног «деревянным маслом» [Там же, л. 11] (деревянное масло — низший сорт оливкового масла, используемый для лампад. — *Прим. авт.*). При золотухе на глазах и нагноении у детей местные жители насыпают в глаза сахарный песок (информант: фельдшер Кюрнев Николай Иванович, д. Сенная Губа) [Там же, л. 35]. Нарывы (опухшие) обкладывали ржаным тестом и затем перевязывали (информант: Сарафанова Матрена Егоровна (67 лет), д. Косельга) [Там же, л. 47].

Продукты горения. При выходе на улицу для предохранения ребенка от сглаза мать своим пальцем делала ребенку за правым ухом мазок сажей (информант: Дутикова Анастасия (26 лет), д. Конда). [Там же, л. 33]. От грыжи лечили следующим образом: если болела девочка, то брали с лобка ее матери немного волос, затем сжигали, смешивали этот пепел с водой и давали выпить девочке. С мальчиком проделывали то же самое, только брали лобковые волосы отца (информант: Степанова Татьяна (78 лет), д. Сенная Губа) [Там же, л. 45].

Продукты жизнедеятельности человека. Значительное место в народной медицине карелов занимали человечья моча. Считалось, что от судорог помогает своя свежая моча, которой растирали ноги (информант: бабка Пелагея (83 года), д. Мигуры) [Там же, л. 17]. Местное население при золотухе на глазах и нагноении детям через соломинку впускали в глаза несколько капель мочи самого больного (информант: фельдшер Кюрнев Николай Иванович, д. Сенная Губа) [Там же, л. 35]. Для сравнения отметим, что святозерские карелы мазали появившиеся раны мочой больного или его матери, делали примочки, а при гноеточении из ушей закапывали в ухо мочу. При золотушной сыпи на теле младенца его заворачивали в пеленки, смоченные в моче матери [Алимов, 1929, с. 20].

Драгоценные металлы. При нагноении ушей девочкам вдевали в уши серебряные серьги, а мальчикам — золотые (в одно больное ухо) (информант: фельдшер Кюрнев Николай Иванович, д. Сенная Губа) [НА КарНЦ. Р. VI, оп. 1, д. 92, л. 36].

Сведения об иррациональных способах лечения

Заговоры. Когда у человека был «призор», то его лечили следующим образом: спускают в горшок с водой камни и в этот момент наговаривают особые слова. Если камни в это время шипят, то болезнь снята и остается только этой водой облить голову и тело, а если не шипят — то значит, особые слова (наговор) не помогают (информант: Жданова Наталья (17 лет), д. Конда) [Там же, л. 21]. Людиковские карелы (д. Галлезеро) окатывали младенца водой, взятой из трех прорубей, при этом трижды произносили заговор: «Veži kuningas kuldaine, pežid muad, pežid veded, pežit kangahad i kandod, pežit siledad i kird'avat kived, peze t'ämä raba vlad'enč sem puhtahaks mim puhtaz on lähtenu ižaz da emäs [Virtaranta, 1963, c. 298]» ‘Золотой король воды, ты мыл земли, мыл воды, мыл пески, покрытые вереском и пни, мыл гладкие и цветные камни, умой этого раба Божьего так чисто, каким чистым он отправлялся от отца и матери (перевод авторов)’.

При ране и сильном кровотечении жители д. Сенная Губа заговаривали кровь. По полю едет человек верхом и приговаривает: «Идет полем конь карь, Сидит на нем человек старь, Так и ты кровь стань». После этого кровь останавливается (информант: батрачка Потапова Анна Егоровна (44 года), д. Сенная Губа) [Там же, л. 32].

От грыжи и родимца наговаривали на чистую воду в маленькой посуде: «Загрызаю, заговариваю, Грысь и болесь, Родимец и родимец, Спородая до молитвы, От молитвы до креста, От креста до венца, От венца до будущего конца» [Там же, л. 38].

Наговоренной/заговоренной водой опрыскивали больного при лечении различных заболеваний (информант: Дьякова Евдокия Степановна, д. Сенная Губа). Так, например, у людиковских карелов (д. Ялгуба) для лечения детской грыжи начитывали заговор не на воду, а на молоко, в которое добавляли семенное масло: «*Новзътаи мерес синиижес оминеишь овзинеишь. (Оми)неи(ш) нолила(иш) кулд(айжет мигет) а ваи омъ канзъкундал вардиксе мага и амбуи омилаишъ евзилаиш омилаишъ нолилаиш каики ютге: паган тахтуи и вастха тулии и лавтас катчюи и тагас тулии и ляби пиган пяллиштеит*» ‘Подымаются из моря синего со своими луками. (Со своими) стрелами (золотые мужи), а имеется у семьи для защиты только живот, и застрелил (золотой муж) своими луками и своими стрелами всех вместе: недоброжелателя и навстречу идущего, и с плота смотрящего, и через улицу глазеющих’ [Баранцев, 1987, с. 287–288].

В Заонежье для заговаривания чесотки русские делали следующее: заворачивали немного соли в тряпочку или бумажку и над ней произносили: «Господи! Господи! Царь Саваоф. Избавь, Господи Раба божия Владимира от своей думы, От чужой чесоты, От поднорожней грязи Его тело

ако кость бело». Потом соль выбрасывали в воду, а наговоренной водой обмывали все тело (информант: Дьякова Евдокия Степановна, д. Сенная Губа) [НА КарНЦ. Р. VI, оп. 1, д. 92, л. 39].

Знахарство. Мы не можем с уверенностью отнести к данному виду иррациональных способов лечения изложенный в полевом дневнике материал, так как информант не называет целительницу Терентьеву «знахаркой», а называет ее «старухой/бабкой, которая лечит от родимца и вообще от детских болезней». Однако, исходя из перечня применяемых ею для лечения средств, мы позволим себе сделать вывод, что все-таки речь идет о знахарстве: при лечении родимца «старуха Терентьева зимой берет воду из озера и проруби, но так, чтобы в тот день никто воду из этой проруби не брал и поэтому бабка идет за водой ночью. Потом на эту воду она наговаривает, и в этот момент вода должна быть холодной, а затем при употреблении можно согреть. Бабки скрывают свои наговоры, т.к., если рассказать кому-либо, то пропадает сила наговора» (информант: Андреянова Александра Кузьминична, д. Конда).

Заключение

Итак, представленный в данной статье материал из архива КарНЦ РАН позволяет воссоздать картину народного врачевания русских Заонежья. Опираясь на исследования по народной медицине русских и финно-угорских народов, нам удалось систематизировать сведения, полученные из полевого дневника, выделив две группы способов лечения: рациональные и иррациональные. Согласно дневниковым данным, в первой половине XX в. (1931 г.) среди рациональных способов врачевания у заонежан можно выделить фитотерапию (средства растительного происхождения), лечение средствами животного происхождения, продуктами жизнедеятельности человека, средствами минерального происхождения, продуктами питания, драгоценными металлами, продуктами горения, физиотерапию, которую следует отнести к самым распространенным методам народной медицины наряду с фитотерапией. Окружающая природная среда (мир флоры и фауны), способы ведения хозяйства, а также бытующие промыслы заонежан нашли отражение в применяемых лечебных средствах. К иррациональным способам лечения следует отнести заговорную традицию и знахарство. Однако в некоторых случаях в одном приеме лечения прослеживается несколько (например, выпаренная трава и массаж), а также происходит сочетание рационального и иррационального (например, щучьи зубы / челюсть, ветки можжевельника использовали в качестве оберегов; сковородник — от сглаза; заговоренную соль — для лечения зубной боли). В результате исследования в народной врачебной практике людиковских карелов русских Заонежья удалось выявить сходные черты, что является следствием длительного проживания на одной территории и указывает на тесное контактирование представителей этих двух народов.

Финансирование. Исследование Родионовой А.П. проведено в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН (Тема № 121070700122-5).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алимов Т.М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 17–28.

Баранцев А.П. Людиковские заговоры начала XVII века: Тексты, чтение // Советское финно-угроведение. 1987. № 4. С. 285–295.

Винокурова И.Ю. Вепсы: Народная медицина // Народы Карелии: Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 478–490.

Иванова Г.И., Попов Н.С. Народная медицина // Марийцы: Историко-этнографический очерк. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С. 237–243.

Инха И.К. В краю калевальских песен: Тропой Леннрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии / Пер. с фин. Р.П. Коломайнен. Петрозаводск: Периодика; Кухмо: Юминкеко, 2019. 461 с.

Логинов К.К. Традиционная охота и орудия охотничьего промысла в Заонежье // Полевые исследования Института этнографии. М.: АН СССР, 1982. С. 43–53.

Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 229 с.

Логинов К.К. Обряды жизненного цикла русских Заонежья // Народы Карелии: Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 606–648.

Лысанов Д.В. Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губернии. Петрозаводск: Северная скоропечатня Р.Г. Кац, 1916. 119 с.

Мазалова (Грысык) Н.Е. Народная медицина в современной севернорусской деревне // Этнографическая наука и этнокультурные процессы: Способы взаимодействия. СПб.: МАЭ РАН, 1993. С. 99−112.

Муллонен И.И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. 242 с.

Муллонен И.И. Типы языковых состояний в истории Заонежья // Севернорусские говоры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. Вып. 10. С. 5–15.

Никольская Р.Ф., Сурхаско Ю.Ю. О карельской народной медицине: Рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. С. 103–121.

Никонова Л.И. Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения. Саранск: Рузаевка, 2000. 156 с.

Пашкова Т.В. Народная медицина // Народы Карелии: Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 240–251.

Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 183−189.

Торэн М. Русская народная медицина и психотерапия. СПб.: Литера, 1996. 496 с.

Чичеров В.И. Онежские былины. М.: Гос. лит. музей, 1948. 937 с.

Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa / Toim. P. Laaksonen, U. Piela. Helsinki: SKS, 1983. P. 225−230.

Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I: Konsonantit. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seura, 1946. 338 p. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia; № 89).

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seura, 1963. 419 p. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia; № 130).

Virtaranta P. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seura, 1968. 576 p. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; XVI, I).

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seura, 1994. 240 p. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia; № 218).

ИСТОЧНИКИ

Зайцева Е.Н. Народная медицина удмуртов: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2004. 25 с.

НА КарНЦ РАН — Научный архив Карельского научного центра РАН. Р. VI. Оп. 1.

Пашкова Т.В. Народная медицина карелов XIX — начала XXI века: Опыт комплексного исследования: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Петрозаводск, 2018. 47 с.

Трибушина С.Д. Народное врачевание как фактор этнической культуры мордвы: Культурологическое измерение: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2018. 28 с.

Pashkova T.V. [a, *], Rodionova A.P. [b]

[a] Petrozavodsk State University, Lenina st., 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

[b] Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences Pushkinskaya st., 11, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

E-mail: tvpashkova05@mail.ru (Pashkova T.V.); santrar@krc.karelia.ru (Rodionova A.P.)

Field journal as a source of information on traditional medicine (based on the materials of the expedition to the Trans-Onega region in 1931)

The interest towards the Trans-Onega region of Karelia emerged among researchers from the second half of the 19th c. at the folklore, linguistic, and ethnographic levels, although the researchers have not yet considered traditional medicine as a cultural layer of the ethnos. The problematics of the research is determined by insufficiently studied traditional and non-traditional cultures of the Trans-Onega people, including ethnomedicine. In order to fill this gap, the data from a field journal reposited in the Scientific Archive of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences are drawn upon. When systematizing the information obtained from the field journal, scientific inquiries into traditional medicine of the Russian and Finno-Ugric peoples were utilized. The proposed research is aimed at the analysis and systematization of the materials of the field journal, which contains information about the traditional medicine of the Russians of the Trans-Onega region in the 1930s collected in the villages of Petry, Longasy, Garnitsy, Migury, Konda, Motalovo, Lelikovo, Koselga, Zinovievo, Sennaya Guba, etc. The research was carried out using the contrastive-comparative method. For this analysis, data were used on the rational and irrational healing practices of one of the groups of the Karelian ethnos, the Ludian Karelians, which is justified by their close contacts with the Russians of the Trans-Onega region. Ludian Kalelians traditionally live in a number of villages and small towns of the south-eastern part of the Republic of Karelia in Olonetsky, Pryazhinky, and Kondopozhsky Districts; hence, the settlement territory of the Ludian Karelians spans approximately 200 km in the eastern part of Olonets Isthmus, from north to south, from the Suna River to the Svir River on its northern tributaries, the Uslanka and Vazhinka Rivers. Based on the research on the traditional medicine of the Russian and Finno-Ugric peoples, we managed to systematize the information obtained from the field journal, distinguishing two groups of healing practices: rational and irrational. According to the journal accounts, in the first half of the 20th c. (1931), among the rational treatment methods of the Trans-Onega people one can identify phytotherapy (plant and herb substances); treatment with substances of animal origin, human excreta, mineral substances, food, precious metals, and combustion products; and physiotherapy, which should be considered as one of the most common methods of traditional medicine, along with phytotherapy. The natural environment (flora

* Corresponding author.

and fauna), methods of farming, as well as traditional crafts of the Trans-Onega people reflect in the medicine used. To the irrational methods of treatment one should ascribe the incantation tradition and sorcery. As the result of the conducted research, it was possible to identify similar features in the traditional medicine practices of the Ludian Karelians and Russians of the Trans-Onega region, induced by their long-term residence on the same territory and indicating close contacts between representatives of the two ethnic groups.

Keywords: Trans-Onega region, Russians, field diary, Karelians-Ludiki, rational folk medicine, irrational folk medicine.

Funding. The A. Rodionova's study was carried out as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (№ 121070700122-5).

REFERENCES

Alimov, T.M. (1929). Witchcraft in Karelia. *V pomoshch' prosveshchentsu*, (1), 17–28. (Rus.).

Barancev, A.P. (1987). Ludic conspiracies of the early 17th century: Texts, reading. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, (4), 285–295. (Rus.).

Chicherov, V.I. (1948). *Onega epics*. Moscow: Gosudarstvennyj literaturnyj muzej. (Rus.).

Inkha, I.K. (2019*). In the land of Kalevala songs: The path of Lönnrot across the White Sea Karelia, an essay on the land of the White Sea Karelia*. Petrozavodsk: Periodik.; Kuhmo: Yuminkeko (Rus.).

Ivanova, G.I., Popov, N.S. (2005). Folk medicine. In: *Mariytsy: Istoriko-etnograficheskiy ocherk*. Yoshkar-Ola: MarNIIYALI, 237–243. (Rus.).

Loginov, K.K. (1982). Traditional hunting and hunting tools in Trans-Onega. In: *Polevye issledovaniya Instituta etnografii*, 43–53. (Rus.).

Loginov, K.K. (1993). *Family rituals and beliefs of the russians of Trans-Onega*. Petrozavodsk: Karelskii nauchnii tsentr RAN. (Rus.).

Loginov, K.K. (2019). Rituals of the life cycle of russians from Trans-Onega. In: *Narody Karelii: Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Petrozavodsk: Periodika, 606–648. (Rus.).

Lysanov, D.V. (1916). *Dosyllable wedding, songs, games and dances in Zaonezhie, Olonets province*. Petrozavodsk: Severnaya skoropechatnaya R.G. Kats. (Rus.)

Mazalova (Grysyk), N.Ye. (1993). Folk medicine in the modern North Russian village. *Etnograficheskaya nauka i etnokul'turnyye protsessy: Sposoby vzaimodeystviya*. St. Petersburg: MAE RAN, 99−112. (Rus.).

Mullonen, I.I. (2008). *Toponymys of Zaonezhye: Dictionary with historical and cultural commentary*. Petrozavodsk: KarNZ RAN. (Rus).

Mullonen, I.I. (2009). Types of Linguistic States in the History of Zaonezhye*. Severnorusskie govory*. *Vyp. 10*. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 5–15. (Rus.).

Nikol'skaya, R.F., Surhasko, Yu.Yu. (1994). About the Karelian folk medicine: Rational and “irrational” in traditional medicine. In: *Obryady i verovaniya narodov Karelii*. Petrozavodsk: KarNZ RAN, 103–121. (Rus.).

Nikonova, L.I. (2000). *Traditional medicine of the Turkic peoples of the Volga and Ural regions as part of their life support system*. Saransk: Ruzayevka. (Rus.).

Norvik, P. (1983). Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä. *Kansa parantaa*. Helsinki: SKS, 225−230.

Pashkova, T.V. (2019). Folk medicine. In: *Narody Karelii: Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Petrozavodsk: Periodika, 240–251. (Rus.).

Petrov, K. (1863). Diseases of the common people. *Olonetskiye gubernskiye vedomosti*, (48), 183−189. (Rus.).

Toren, M. (1996). *Russian folk medicine and psychotherapy*. St. Petersburg: Litera. (Rus.).

Turunen, A. (1946). Lyydiläismurteiden äännehistoria. I: Konsonantit. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seura. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia; (89)).

Vinokurova, I.Yu. (2019). Vepsians: Folk medicine. In: *Narody Karelii: Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Petrozavodsk: Periodika, 478–490. (Rus.).

Virtaranta, P. (1963). *Lyydiläisiä tekstejä. Osa II*. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seura. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia; (130)).

Virtaranta, P. (1968). *Karjalan kielen sanakirja.* Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seura. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; XVI, I).

Virtaranta, P. (1994). *Lyydiläisiä tekstejä. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä*. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seura. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia; (218)).

Пашкова Т.В., https://orcid.org/0000-0002-0505-4767
Родионова А.П., https://orcid.org/0000-0001-5645-9441

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 05.12.2022
Article is published: 15.03.2023

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-18

Садиков Р.Р.

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН, ул. Карла Маркса, 6, Уфа, 450077
E-mail: kissapi@mail.ru

«ПОЛЕВЫЕ ДНЕВНИКИ» ЭТНОЛОГА Р.Г. КУЗЕЕВА: АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Автором проведен археографический и источниковедческий анализ полевых экспедиционных записей выдающегося российского этнолога Р.Г. Кузеева. Хранящаяся в Научном архиве УФИЦ РАН полевая документация ученого представляет собой рукописные тексты в стандартных блокнотах Академии наук СССР. По типу основная их часть является полевыми тетрадями, небольшая — дневниками. Показано, что в датированных 1952–1982 гг. полевых записях отражены сведения по этнографии основных локальных групп башкир.

Ключевые слова: Р.Г. Кузеев, башкиры, этнография, экспедиции, полевые записи, родоплеменная структура, декоративно-прикладное искусство, тамги.

Введение

Бурное развитие этнолого-этнографических исследований в начале XXI в. породило пристальный интерес к новым источникам, позволяющим более полно исследовать этнокультурные процессы прошлого и настоящего, дополняющим наши знания ранее неизвестными фактами, подтверждающими или опровергающими устоявшиеся научные взгляды и парадигмы. Особняком среди них стоят так называемые полевые дневники исследователей прошлого, в которых отразились этнографические реалии соответствующего времени. Как известно, в полевых документах (тетради, дневники и др.) фиксируются материалы экспедиционных изысканий, и на них в дальнейшем строится этнографическое исследование [Черных, 2002, с. 20]. Они содержат в себе качественную информацию в виде заключений о наблюдениях и конспектов бесед с информаторами, а также личные впечатления исследователя об изучаемом предмете. Так как полевые документы «сознательно создаются этнографами в процессе полевой работы согласно поставленным задачам полевых исследований» [Ушаков, 2015, с. 114], они, особенно дневники, носят характер «личного текста: это поле, воспринятое и пережитое исследователем» [Максимова, 2012, с. 128]. И естественно, что ценность их определяется степенью профессионализма и мастерства самого составителя. Несмотря на определенную субъективность характера подобных документов, все же они являются ценными, в ряде случаев — уникальными источниками, содержащими как этнографические данные, так и сведения об исследовательской деятельности самого ученого и его методике.

В этом ключе большой интерес представляют полевые записи доктора исторических наук Раиля Гумеровича Кузеева (1929–2005) — выдающегося российского этнолога, чл.-кор. РАН, академика Академии наук Республики Башкортостан, профессора, заслуженного работника науки РФ, основоположника этнографической науки в Башкортостане. Он внес огромный вклад в разработку сложнейших проблем этногенеза и этнической истории башкирского народа, вопросов формирования и функционирования Волго-Уральской историко-этнографической области, типологии и классификации этнических и этнографических групп, рассмотрения этнических процессов постсоветского периода и т.д. Его фундаментальные труды, до сих пор сохраняющие актуальность, известны далеко за пределами России. Такие работы, как «Происхождение башкирского народа» [Кузеев, 1974] и «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю» [Кузеев, 1992], вошли в золотой фонд российской этнологической литературы.

Большое значение в своей научной деятельности Р.Г. Кузеев придавал полевой этнографии: именно посредством экспедиционных исследований он собрал огромный массив исторических источников, ставших основой его научных работ. Как отмечали ученые, он — «энтузиаст экспедиционных исследований» [Бикбулатов, 1996, с. 9]. Ученый в одиночку или в составе отряда объездил практически все этнографические группы башкир, побывал во множестве насе-

ленных пунктов, как в Башкирии, так и на сопредельных территориях (Татария, Оренбургская, Пермская, Челябинская, Курганская, Свердловская области). В течение 1950–1990-х гг. (с перерывами) он участвовал примерно в 22 этнографических экспедициях, посетив более чем 300 деревень и сел [Петров, 2020a, с. 37].

Учитывая огромную научную значимость экспедиционных записей ученого-этнолога, с целью введения их в научный оборот и популяризации данного уникального историко-этнографического источника, «Полевые дневники» Р.Г. Кузеева были опубликованы [Галиева, 2019; Садиков, 2021; Петров, 2022b]. Большая археографическая и текстологическая работа по подготовке их к изданию была осуществлена сотрудниками отдела этнографии Института этнологических исследований Уфимского федерального исследовательского центра, научного учреждения, который был организован ученым и который ныне носит его имя.

Цель данной статьи заключается в выявлении археографических особенностей и источниковедческой ценности (этнографические сведения, методика исследования) полевых записей Р.Г. Кузеева.

Археографическая характеристика

Результаты полевых работ Р.Г. Кузеев тщательно фиксировал в своих полевых записях, часть которых ныне хранится в личном фонде исследователя (Ф. 116) в Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра (УФИЦ) РАН. На хранении находятся полевые материалы 1952 (1 ед. хр.), 1953 и 1955 гг. (1), 1956 (1), 1957 (1), 1958 (2), 1959 (3), 1960 (1), 1965 (1), 1975 (2), 1976 (2), 1978 (1), 1979 (1), 1980 (1), 1981 (1) и 1982 (1) гг., в итоге — 19 документов [НА УФИЦ РАН. Ф. 116, оп. 1, д. 275–294]. В большинстве они представляют собой полевые тетради ученого, в которых зафиксированы его беседы с информаторами и личные наблюдения. Записи экспедиций 1952, 1953 и 1955 гг. являются полевыми дневниками, в которых отразились информация, связанная с текущей полевой работой, маршрут, условия работы, организационные моменты, личные впечатления от увиденного и т.д.

Полевые записи ученого осуществлены в специально выпускавшихся для этих целей блокнотах форматом 10×15 см с твердой обложкой темно-красного, синего, коричневого и серого цветов с надписью на лицевой стороне «Академия наук СССР. Полевой дневник». Типографским способом напечатанный титульный лист содержит графы для заполнения сведений о годе, названии экспедиции, названии и номере отряда, номере дневника, фамилии, имени и отчестве исследователя, времени начала и окончания экспедиции, а также для указания адреса в целях его возврата владельцу в случае утери. В рассматриваемых дневниках они заполнены чернильными или карандашными записями, кроме граф о номере и названии отряда. В некоторых случаях отсутствуют сведения о дате завершения ведения дневника и адрес.

Объем блокнотов составляет примерно 130 листов, в том числе более 90 листков белой бумаги в клетку для записей, около 15 отрывных листков без разлиновки, 10 отрывных листков миллиметровой бумаги для чертежей и 10 листков отрывной копировальной бумаги. Задняя сторона обложки с внутренней стороны имеет кармашек для вкладывания листов с записями и других материалов. Основной массив записей выполнен на листках с квадратной разлиновкой. Отрывными частями Р.Г. Кузеев, видимо, пользовался редко, так как они практически все сохранились нетронутыми, иногда на них встречаются записки и пометы информативного характера.

В большинстве случаев текст написан синими (реже красными и фиолетовыми) чернилами, а также карандашом. В дневниках 1975 г. и некоторых последующих использована шариковая ручка синего и красного цветов.

Полевые материалы записаны ученым на обеих сторонах записных листков мелким убористым почерком. Дневники 1975 г. отличаются крупным размашистым написанием. Сведения об информаторах (ФИО, возраст), а также данные о дате и месте записи, как правило, заключены в таблицу. Текст дневников содержит множество горизонтальных и вертикальных подчеркиваний для выделения отдельных слов или абзацев, эти подчеркивания выполнены одновременно с записью или позднее, в ходе обработки материала. Помимо этого исследователь иногда подчеркиванием отмечал завершение той или иной тематической части. Имеются также немногочисленные зачеркивания и перечеркивания, которыми автор исключал неверно записанные слова или неправильно сформулированные сведения из текста. Изредка встречаются фрагменты, написанные другими участниками экспедиций.

Кроме этого, дневники содержат большое количество рисунков (тамги, узоры, изображения предметов быта, одежды, украшений, жилых и хозяйственных построек, орудий труда и инстру-

ментов, надмогильных сооружений) и схем (планы жилищ, кладбищ и т.д.). Они большей частью вкраплены в структуру текста, некоторые содержат цифровые обозначения деталей и их названия. По тексту дневников выясняется, что некоторые графические изображения тамг были выполнены самими информаторами в процессе их опроса.

Текст дневников делится на основную и дополнительные части. Основной текст включает сведения о дате и месте записи, данные об информаторах, содержание бесед с ними, изложение наблюдений, описание этнографических объектов, а также примечания ученого, включающие его размышления, предположения и гипотезы, возникшие в ходе полевой работы, написанные на русском языке. Часть сведений, содержащих важную информацию, в целях исключения искажений, Р.Г. Кузеев старался дословно записать на языке информаторов. Подобным образом написаны целые предложения или абзацы на башкирском и татарском языках с сохранением диалектных особенностей. Содержание бесед с информаторами определялось научными интересами исследователя и тематикой экспедиций. Также встречаются записи фольклорных текстов — легенды и предания, песни, пословицы и поговорки, в которых отражается тема исследований.

Дополнительные тексты можно охарактеризовать как описи кадров негативов, наброски планов монографий, статей и отчетов, записи о финансовых расходах, записи и пометы оперативного характера (имена людей, с которыми надо встретиться, место их проживания и т.д.).

Условия составления и источниковедческие особенности

По имеющимся данным, свою первую экспедицию Р.Г. Кузеев совершил в 1951 г., являясь аспирантом Института этнографии АН СССР [Петров, 2020b, с. 74]. К сожалению, конкретных сведений о ней не сохранилось. Следующая экспедиция стала очень важной в плане профессионального становления ученого. В 1952 г. он работал в составе киргизского отряда Памиро-Ферганской этнографической экспедиции ИЭ АН СССР в селах Дархан и Чичкан Покровского района Киргизской ССР. Она явилась учебной базой, в которой он под руководством умелых учителей (С.М. Абрамзон, Г.П. Васильева, Е.И. Махова и др.) получил практический опыт полевой этнографической работы. С 25 июля по 15 августа аспирант занимался обмером усадеб и жилищ, составлением их планов, беседуя с информаторами, собирал сведения о материальной культуре, родоплеменной структуре, социальных отношениях и современном быте местных жителей [Петров, 2020b, с. 74]. Обстоятельства работы экспедиции, личные впечатления от увиденного и услышанного отразились в полевом дневнике, который отличается большой тщательностью составления и подробностью изложенной информации. Полученный опыт исследователь умело применял в своей дальнейшей работе [Кузеев, 1957, с. 15].

Тематика последующих экспедиций по территории Южного Урала, включая Предуралье и Зауралье, была уже напрямую связана с его исследовательскими целями и задачами, причем в большинстве случаев ученый не только занимался изучением отдельного конкретного вопроса, но и параллельно собирал сведения по другим темам. Будучи аспирантом и собирая материал для своей кандидатской диссертации, Р.Г. Кузеев летом 1953 г. (16 июня — 17 июля) обследовал башкирские деревни юго-востока Башкирской АССР (Макаровский, Бурзянский, Абзелиловский, Баймакский, Матраевский, Мраковский, Кармаскалинский, Гафурийский, Архангельский, Белорецкий, Учалинский районы), северо-запада (Дюртюлинский, Калтасинский районы), северо-востока (Нуримановский, Салаватский районы), а также несколько сел в центральной части республики в Чишминском районе. В том же году им была проведена экспедиционная работа среди башкир Аргаяшского и Буринского районов Челябинской области. Собранные материалы стали важным источником при написании его кандидатской диссертации «Родоплеменной состав башкир в XVIII в.» [Кузеев, 1954, с. 3], защищенной в 1954 г.

Следующую экспедицию ученый совершил уже будучи сотрудником Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (ИИЯЛ БФ АН СССР): 3–19 июля 1955 г. он посетил башкир юго-западной части БАССР (Буздякский, Давлекановский, Альшеевский, Миякинский районы), где продолжил собирать материал по родоплеменной структуре башкирского народа [Петров, 2020b, с. 75]. Данная тема была ведущей также в экспедиции 1956 г. (28 июня — 15 июля), охватившей Аскинский, Караидельский, Дуванский, Мечетлинский и Белокатайский районы БАССР [Там же]. Полученные в ходе экспедиций 1953, 1955 и 1956 гг. этнографические данные легли в основу его монографии «Очерки исторической этнографии башкир» [Кузеев, 1957, с. 15–16]. В ней автор отмечает, что «программа сбора этнографических материалов была рассчитана на выявление и фиксацию пережитков патриархально-родового уклада в общественной жизни, норм обычного права и системы землепользования в связи с

родоплеменной структурой и т.д.» [Там же, с. 15]. По данным Р.Г. Кузеева, «полевая экспедиционная работа в районах Башкирии проводилась в общей сложности в 123 башкирских деревнях. Летом 1953 г. работа велась в 77 деревнях, в 1955 г. — в 19, в 1956 г. — в 27. Информаторами, как правило, были пожилые колхозники и колхозницы. Если сгруппировать информаторов, с которыми велась работа, по возрастным признакам, то старше 70 лет было 118 человек, от 60 до 70 — 67, до 60 — 17. Среди пожилых башкир немало прекрасных знатоков истории, обычаев и быта своего народа» [Там же, с. 16].

Экспедиции 1956–1957 гг. были осуществлены Р.Г. Кузеевым совместно с ленинградскими учеными из Государственного музея этнографии народов СССР (Т.А. Крюкова (1956), С.А. Авижанская (1956, 1957)), основной целью которых было приобретение башкирских коллекций для своего музея [Юсупов, Шитова, 1999, с. 31]. С 29 июня по 20 июля 1957 г. экспедиционным обследованием были охвачены 36 башкирских населенных пунктов Кармаскалинского, Куюргазинского, Стерлитамакского, Стерлибашевского, Миякинского, Альшеевского, Давлекановского и Чишминского районов БАССР [Петров, 2020b, с. 76]. Р.Г. Кузеев продолжал исследования по прежней программе, о чем свидетельствуют полевые записи.

Дальнейшая полевая работа была связана с экспедициями этнографов ИИЯЛ. Возглавляя сектор истории, археологии и этнографии, а также являясь непосредственным начальником этнографических экспедиций, Р.Г. Кузеев стремился к систематическому охвату экспедиционными исследованиями всех районов расселения башкир. В экспедициях 1958–1959 гг. ученый, наряду с разработкой тематики по этнической истории, много внимания уделял сбору полевого материала по народному декоративно-прикладному искусству башкир. В период с 26 мая по 24 июня 1958 г. сотрудники ИИЯЛ БФ АН СССР (Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов, Т.М. Гарипов, С.Ф. Миржанова, М.В. Сурина, Г.И. Мухаметшин и С.А. Авижанская) побывали в 28 башкирских селениях юго-восточной Башкирии: Мелеузовский, Кугарчинский, Зианчуринский, Зилаирский, Хайбуллинский, Баймакский, Абзелиловский, Учалинский, Бурзянский районы [Юсупов, Шитова, 1999, с. 35]. В том же составе, но с прибавлением этнографа С.Н. Шитовой экспедиция работала и в следующем году (21 мая — 25 июня 1959 г.), посетив 35 сел и деревень Бураевского, Калтасинского, Янаульского, Татышлинского, Аскинского, Дуванского, Мечетлинского, Белокатайского районов БАССР, Красноармейского, Нязепетровского, Кунашакского, Аргаяшского, Багарякского — Челябинской, Нижнесергинского — Свердловской, Сафакулевского, Альменевского — Курганской области [Там же, с. 35]. По своей тематике и целям они являлись очередными совместными экспедициями ИИЯЛ БФ АН СССР в рамках сотрудничества с ГМЭ, начатого еще в 1956 г., и предполагали сбор и обобщение эмпирического материала по декоративно-прикладному искусству башкир. Тщательно выполненный отчет по экспедициям, три фотоальбома и альбом рисунков были сданы в архив и ныне хранятся в Научном архиве УФИЦ РАН [НА УФИЦ РАН. Ф. 3]. Интересно отметить, что начиная с 1959 г. башкирские этнографы стали использовать цветную фотопленку.

В дневниках этих лет можно обнаружить записи по декоративно-прикладному искусству башкир: одежда, вышивка, узоры, узорное ткачество, женские украшения, резьба по дереву, наличники и т.д. Другая тематика, которая нашла отражение в дневниках,— жилище и надворные постройки. Автор фиксирует множество названий жилищ, их частей, строительную технику и предлагает их классификацию, составляет планы домов и усадеб, рисует интерьеры и экстерьеры, печи, мебель. Данный объект исследований Р.Г. Кузееву был известен еще со времен Памиро-Ферганской экспедиции 1952 г., где он получил хорошую практику по полевой этнографии [Антонов, 2015, с. 35]. В экспедиционном отчете ученым написаны разделы «Резьба и роспись по дереву у башкир» и «Современное колхозное жилище башкир северных районов БАССР» (совместно с С.Н. Шитовой) [НА УФИЦ РАН. Ф. 3, оп. 2, д. 455, л. 4]; видимо, он был ответственным за сбор материалов именно по этим направлениям.

Но все же основная часть полевых записей исследователя отражает расселение, родоплеменной состав, межэтнические контакты, пережитки родоплеменных отношений в системе землевладения и землепользования, тамги, генеалогические истории — *шежере*, т.е. те вопросы, которыми ученый интересовался еще с первых экспедиций, когда собирал материалы для своей кандидатской диссертации, а именно историческая этнография башкир и проблема их происхождения. Полевые записи 1959 г. содержат также описи негативов.

В 1960 г. этнографическая группа ИИЯЛ в составе 6 чел. (Р.Г. Кузеев (рук.), Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова, Г.И. Мухаметшин (художник), М.В. Сурина (лаборант), Т.М. Гарипов (лингвист)) с 19 июля по 2 августа проводила полевые изыскания в Кушнаренковском, Дюртюлинском, Бирском,

Илишевском, Бакалинском районах БАССР, Актанышском и Муслюмовском — ТАССР (18 населенных пунктов) [Юсупов, Шитова, 1999, с. 35]. В полевом дневнике Р.Г. Кузеева темы декоративно-прикладного искусства и жилищ с постройками практически сходят на нет. Как и раньше, основной проблематикой являются вопросы родового деления, их происхождения, наличия тамг, их вариации и названия, поиск родословных — шежере и т.д. Следующая экспедиция ИИЯЛ в составе Р.Г. Кузеева состоялась в 1961 г. (Нуримановский, Иглинский, Архангельский, Гафурийский районы БАССР) [Там же, с. 36]. Но, к сожалению, записи этого года не сохранились.

Материалы экспедиций 1956–1961 гг. стали основной источниковой базой монографии [Авижанская и др., 1964] и иллюстрированного альбома [Кузеев, 1968] по декоративно-прикладному искусству башкир.

Участники экспедиции 1965 г. (Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова и др.) с 7 по 23 июля работали в Балтачевском, Аскинском районах БАССР, Красноуфимском — Свердловской, Ординском, Бардымском — Пермской области. Так же как и в предыдущих дневниках, основное внимание исследователь уделил родоплеменному составу исследуемых поселений (аймак, нәсел, яүр, түбә, зат и т.п.), родовым тамгам, их вариативности, местной истории с легендами о заселении, взаимоотношениям с другими этносами (ар, сирмеш, мукшы, татар, мишәр, казах и т.д.), землевладению и землепользованию в контексте этносоциальных отношений, вопросам этнического самосознания и т.д. В конце текста приведен набросок плана историко-этнографического очерка о пермских и свердловских башкирах.

Полевые этнографические материалы 1953–1965 гг. по этногенезу и этнической истории башкир стали основой написания докторской диссертации «Этнический состав, история заселения и происхождение башкирского народа» [Кузеев, 1971, с. 10] и монографии «Происхождение башкирского народа» [Кузеев, 1974, с. 31].

Следующая экспедиция была совершена только в 1975 г.; видимо, административная работа у тогдашнего заместителя председателя Президиума БФ АН СССР отнимала много времени и сил, и полевая работа на время была приостановлена.

В полевых записях 1975 г. тематика родоплеменного состава и родовых знаков также является основной. На этот раз Р.Г. Кузеев обратил особенное внимание на надмогильные памятники с изображенными на них тамгами как на один из важных источников по этнической истории. Помимо проведения бесед с местными жителями, участники экспедиции вместе с информаторами посещали действующие и заброшенные кладбища, зарисовывали и фотографировали надмогильные камни, столбы, тамги. Экспедиция работала с 3 по 21 августа 1975 г. в Тюльганском, Кувандыкском, Саракташском районах Оренбургской области, Зианчуринском, Хайбуллинском, Баймакском, Учалинском, Чишминском — Башкирской АССР. В конце обоих двух дневников этого года приводятся записи о финансовых расходах экспедиционной группы. Они помогают выявить ее состав. Видимо, в группе, помимо самого Р.Г. Кузеева, работали Т.М. Гарипов (помогал прочитывать арабографичные эпитафийные надписи), Н.Р. Кузеев (сын Р.Г. Кузеева — срисовывал и фотографировал), Акманов, Овчинников (возможно, местный провожатый и водитель).

В последующих экспедициях вопросы о башкирских родовых знаках также оставались главной темой, поэтому Р.Г. Кузеев в полевой работе основное внимание уделял выявлению, фиксации и интерпретации изображений тамг. В 1976 г. (23 сентября — 2 октября) он занимался выявлением тамг на кладбищах четырех старинных башкирских поселений Чишминского района. Но, как показывают записи, работа была не очень продуктивной, так как подобных изображений было обнаружено мало [Петров, 2022а, с. 12].

В 1978 г. с 18 по 30 августа Р.Г. Кузеев проводил экспедиционную работу в юго-восточных районах БАССР: Кугарчинском, Мелеузовском, Баймакском и Абзелиловском районах, где посетил кладбища 23 башкирских деревень. Видимо, на этот раз исследователь не общался с местными жителями, так как сведения об информаторах отсутствуют. Дневник содержит планы некрополей с указанием расположения надмогильных памятников с тамгами, а также их тщательные изображения [Там же, с. 13]. Подобную же работу в 1979 г. (14–21 июля, 18 населенных пунктов) Р.Г. Кузеев осуществил в деревнях башкир Бижбулякского, Миякинского и Альшеевского районов БАССР [Там же].

В 1980 г. исследователь обратился к изучению уникальной «Долины тамг» у с. Ташлы Альшеевского района, содержащей глыбы камней с множеством нанесенных на них родовых символов. Во время экспедиционного выезда 15 октября он срисовал тамги на одном из камней, расположенных у местной скалистой горы. Судя по записям, Р.Г. Кузеев поставил своей целью в последующий приезд тщательно зафиксировать все камни с изображениями; выяснить у гео-

логов время обвала камней с близлежащих скал, а также скорость выветривания песчаника; провести раскоп под камнями и на основе стратиграфии почвы установить примерную дату нанесения тамг; установить функциональное назначение камней; сопоставить обнаруженные тамги с аналогичными знаками других групп башкир и т.д. [Там же, с. 16]. Детальное исследование данного комплекса было проведено 19–24 июля 1981 г. Экспедиционная группа (Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов, Т.М. Гарипов, Н.Д. Шункаров, Н.Н. Моисеева, М.В. Сурина) провела тщательное срисовывание и фотофиксацию этих изображений посредством оконтуривания мелом. Также был осуществлен поиск тамг на кладбищах и проводились беседы с информаторами о родовых знаках местных башкир. В итоге у с. Ташлы было выявлено и зарисовано 210 тамг [Кузеев, 1997, с. 81]. По мнению Р.Г. Кузеева, «каньон у дер. Ташлы был (с эпохи средневековья, может быть с XVI в.) местом встречи (йыйынов) башкирских родоплеменных образований, а тамги на стелах — символами их единства» [Петров, 2022а, с. 17].

Вторая часть экспедиции (25 июля — 5 августа 1981 г.) охватила 12 населенных пунктов Архангельского и Кигинского районов Башкирии, Кусинского — Челябинской области. В полевых записях отразились в основном сведения, полученные от информаторов (родовые подразделения и их тамги) [Там же, с. 19].

С 30 июня по 7 июля 1982 г. Р.Г. Кузеев предпринял поездку в башкирские поселения Татарской АССР: он посетил 6 деревень Бавлинского, Ютазинского, Сармановского и Актанышского районов. В полевых записях отразились материалы бесед с информаторами: списки башкирских деревень, генеалогии и легенды, тамги, сведения о нанесении тамг на деревья в лесных угодьях и на межи земельных участков, данные об этнической идентичности местного тюркского населения и т.п. [Петров, 2022а, с. 21]. Последующие экспедиции были совершены Р.Г. Кузеевым в 1986, 1987, 1989, 1990 гг., но, к сожалению, полевых записей тех лет не сохранилось [Петров, 2019, с. 185–186].

Таким образом, полевые записи Р.Г. Кузеева 1952–1982 гг. являются первоисточником по многим отраслям башкирской этнографии, а также этнологии в целом. Они представляют собой кладезь научной информации для современных исследователей, содержат разнообразные сведения по истории поселений, расселению, родоплеменному составу, межэтническому взаимодействию, пережиткам патриархально-родового уклада, системе землепользования и землевладения, тамгам, шежере (записям родословных), топонимам и их народной этимологии, хозяйственным занятиям и промыслам, жилищам и постройкам, декоративно-прикладному искусству, одежде и украшениям, традиционным праздникам и обрядам и т.п. Они содержат также отдельные сведения о киргизах, татарах, чувашах, казахах, марийцах, удмуртах, мордве и др.

Методологические аспекты экспедиционной работы

Полевые дневники Р.Г. Кузеева раскрывают его методику работы в поле. Касаясь предмета своих полевых исследований, ученый отмечал, что «в наши дни эти сведения сохранились лишь в воспоминаниях стариков, в многочисленных преданиях и легендах. Тем более необходимо спешить со сбором и систематизацией этих материалов, так как с годами они безвозвратно будут утрачены» [Кузеев, 1957, с. 15]. Поэтому основное значение он придавал получению подобных сведений от информаторов, особенно пожилых: «…метод опроса, беседы, интервью. Особенно метод опроса, когда явление уже не бытует, а сохраняется лишь в памяти. Или по истории расселения, истории деревень, социальных организаций» (цит. по: [Антонов, 2015, с. 30]). Понимая, что на методе опроса лежит тень субъективности, к тому же некоторые — «нередко фантазеры», этнограф прибегал к разным возможностям верификации данных. Например, «полезны групповые беседы стариков — они спорят и т.д. Вы фиксируете», «Знать предмет. В беседе — на равных (Особенно не рассказывать — потом будешь свой материал собирать» (цит. по: [Антонов, 2015, с. 30]). Как известно, «чтобы свидетельство информатора стало этнографическим фактом, позволяющим делать обоснованные выводы, надо, чтобы были одинаковые массовые свидетельства, а не одиночные показания» (цит. по: [Антонов, 2015, с. 30]). И в этой связи ученый стремился к массовости опросов, когда информаторы дополняют, уточняют или же опровергают друг друга, отсеивая, таким образом, неверные сведения.

Судя по всему, приезжая в тот или иной населенный пункт, ученый обращался к директорам школ или учителям истории (часто встречаются записи с их именами и фамилиями), с которыми выявлял круг потенциальных знатоков прошлого. Информаторами в большинстве случаев были пожилые мужчины 70–90 лет, которые еще хорошо помнили дореволюционные события. Когда работа касалась сбора материалов по декоративно-прикладному искусству, исследователь про-

водил интервью с женщинами, обычно мастерицами. В круг опрашиваемых включались также жены основных информаторов, у которых он интересовался родовым составом и тамгами их родных деревень, откуда они были взяты замуж. Тем самым, естественно, география исследования расширялась. Беседы велись на башкирском или татарском языках, и Р.Г. Кузеев целые фрагменты ценной информации записывал прямо с их уст с сохранением диалектных особенностей.

Кузеев и его коллеги также часто обращались к таким методам полевой этнографии, как наблюдение, непосредственное участие (например, посещение башкирских народных праздников сабантуй и каргатуй), обмеривание, рисование, черчение и фотографирование этнографических объектов. Помимо этого, они иногда бывали в школьных музеях и уголках, где также черпали необходимые сведения. Вместе с информаторами посещали кладбища, в том числе погосты заброшенных деревень.

Весь массив полученной полевой информации Р.Г. Кузеев систематически использовал в своей научной работе. Об этом свидетельствуют многочисленные поздние подчеркивания в дневниках, а также огромное число ссылок на полевые материалы в тезисах, статьях, очерках, диссертациях, монографиях ученого, особенно относящихся к 1950–1970 гг. Рисунки, созданные в поле, также стали достойными иллюстрациями его работ.

В своей классической работе «Происхождение башкирского народа» автор отмечает, что «за годы экспедиционных работ собран обширный материал по этническому составу и истории расселения башкир, зафиксированы родоплеменные тамги, деревья, птицы (онгоны), записаны исторические предания и легенды, собраны старинные башкирские рукописи. По широкой программе проводилась полевая работа по материальной и духовной культуре башкир. Накоплен также значительный материал, позволяющий исследовать структуру башкирского рода, роль патриархально-родовых институтов в общественной жизни башкир, эволюцию системы башкирского землепользования в тесной связи с процессом распада родо-племенных организаций, соотношение башкирского рода и общины на различных этапах их истории и т.д.» [Кузеев, 1974, с. 31]. Касаясь ценности и важности этнографических источников, он писал, что «в 1950-х гг. нередко можно было встретить замечательных сказителей и сказительниц, которые в кругу молодежи любили рассказывать древние предания, услышанные ими в детстве от отцов и дедов. С годами, однако, знатоков древностей становилось все меньше, а вместе с ними навсегда утрачивались своевременно не собранные и не записанные повествования о былой истории и жизни башкир. Если бы наши основные полевые исследования не были проведены в 1950-х — начале 1960-х гг., то большинство материалов <…> не стало бы достоянием науки» [Там же, с. 32].

Заключение

Несмотря на то что Р.Г. Кузеев старался максимально полно использовать свои историко-этнографические материалы, все же многие из них еще ждут тщательного анализа с современных научных позиций. Полевые записи ученого представляют сегодня большой интерес для этнографов, этнологов, социокультурных антропологов, не просто как первоисточник работ самого Р.Г. Кузеева, но и как новый источник, зафиксировавший в себе факты и явления, сведения о которых в современных полевых условиях получить уже невозможно. Они содержат краткий пересказ многих народных легенд и преданий, в них имеются тексты пословиц, поговорок и песен, чем они являются ценными также для фольклористов. Встречающиеся в них упоминания о старых башкирских поселениях «иске йорт», местах летовок и зимовок, заброшенных кладбищах, а также древних городищах и курганах важны для археологов, особенно тех, кто занимается археологией «нового времени». Его записи — бесценный источник по локальной истории. Краеведы и генеалоги могут найти на его страницах много нужного материала, зафиксированного опытным полевиком, что во многом повышает их качество.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания № АААА-А21-121012290086-0 ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2023 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. 259 с.

Антонов И.В. Раиль Гумерович Кузеев об этнической истории Волго-Уральского региона в эпоху Средневековья. СПб.: Свое издательство, 2015. 248 с.

Бикбулатов Н.В. Р.Г. Кузеев — этнолог, историк-востоковед, общественный деятель // Кузеев Раиль Гумерович: Библиографический указатель. Уфа: Гилем, 1996. С. 3–12.

Галиева Ф.Г. (отв. ред.). Документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала. Вып. 3: Полевые дневники Р.Г. Кузеева 1952–1958 гг. Уфа: Первая типография, 2019. 275 с.

Кузеев Р.Г. Родоплеменной состав башкир в XVIII в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1954. 14 с.

Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1: Родоплеменная организация башкир в XVII–XVIII вв. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1957. 184 с.

Кузеев Р.Г. Этнический состав, история расселения и происхождение башкирского народа (историко-этнографическое исследование): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1971. 56 с.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.

Кузеев Р.Г. Тамги на камнях // Вестник АН Республики Башкортостан. 1997. № 2. С. 77–83.

Кузеев Р.Г. (отв. ред.). Народное искусство башкир: Альбом. Л.: Сов. художник, 1968. 110 с.

Максимова А.С. Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2012. № 1. С. 128–140.

Петров И.Г. Полевые дневники Раиля Гумеровича Кузеева как исторический источник // Археография Южного Урала: Материалы XIX Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Мир печати, 2019. С. 176–186.

Петров И.Г. Полевые дневники ученого-этнолога Р.Г. Кузеева и их значение для исторической науки // Проблемы востоковедения. 2020a. № 2. С. 35–41.

Петров И.Г. Экспедиционные маршруты ученого-этнолога Р.Г. Кузеева // Известия Уфимского научного центра РАН. 2020b. № 2. С. 72–82.

Петров И.Г. От редактора // Документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала. Вып. 5: Полевые дневники Р.Г. Кузеева 1976–1982 гг. Уфа: Первая типография, 2022a. С. 4–23.

Петров И.Г. (отв. ред.). Документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала. Вып. 5: Полевые дневники Р.Г. Кузеева 1976–1982 гг. Уфа: Первая типография, 2022b. 172 с.

Садиков Р.Р. (отв. ред.). Документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала. Вып. 4: Полевые дневники Р.Г. Кузеева 1959–1975 гг. Уфа: Диалог, 2021. 355 с.

Ушаков Н.В. К вопросу об архивации и публикации полевого этнографического материала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2, История. 2015. № 4. С. 113–124.

Черных А.В. Методическое пособие по сбору полевого этнографического материала. Пермь, 2002. 126 с.

Юсупов Р.М., Шитова С.Н. (отв. сост.). Этнографические и антропологические исследования в ИИЯЛ: Справочник. Уфа, 1999. 103 с.

ИСТОЧНИКИ

НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 455–458, 463; Ф. 116. Оп. 1. Д. 275–294.

Sadikov R.R.

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the RAS
Karl Marx st., 6, Ufa, 450077, Russian Federation
E-mail: kissapi@mail.ru

“Field Journals” of ethnologist R.G. Kuzeev: archaeographic and source-study characteristics

The process of rapid development of the ethnological research, taking place currently, necessitated the search for new sources. Among them, of a great value are the records from expeditions of researchers of the past, which bear witness to the ethnographic realities of the respective time. From this point of view, the field notes (notebooks and journals) of Rail Gumerovich Kuzeev (1929–2005) — an outstanding Russian ethnologist, founder of the ethnographic sciences in Bashkortostan, who greatly contributed to the development of the problems of ethnogenesis and ethnic history of the Bashkirs and other Turkic peoples,— have priceless scientific value. The field records from the expeditions of the scientist in 1953–1982 to all major ethnographic and local groups of the Bashkirs are now reposited in the Scientific Archive of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. The notes are made in special notebooks issued by the Academy of Sciences of the USSR for documenting materials of expeditions. In addition to the text (narration of observations, description of ethnographic objects and phenomena, transcripts of conversations with informants, etc.), they also contain many graphic representations (drawings, plans, diagrams). The notes and drawings are made in ink and pencil; in the latest documents, with a ballpoint pen. The aim of the work is to identify their archaeographic features and source-study value (ethnographic and historical evidence, methodology of the scholar's fieldwork). The textual analysis of R.G. Kuzeyev's field notes showed that they captured unique information on the history and ethnography of the Bashkir people, concerning ethnogenesis, migration, tribal structure, ancestral symbols, genealogies, social organization, land ownership, arts and crafts, clothing and ornaments, dwelling, economic activities and trades, traditional festivals and ceremonies, and toponyms. From the source-study perspective, they are of obvious interest to the ethnologists, ethnographers, and socio-cultural anthropologists, as well as to the

folklorists (they contain texts of many historical and toponymic legends and tales), archaeologists, especially those dealing with the 'archaeology of the modern period' (there is information about old Bashkir settlements, summer camps, abandoned cemeteries), local historians and genealogists (information about history of the settlements, generation lists), etc.

Keywords: R.G. Kuzeev, Bashkirs, ethnography, expeditions, field notes, tribal structure, decorative-applied art, tamgas.

REFERENCES

Antonov, I.V. (2015). *Rail Gumerovich Kuzeev on the ethnic history of the Volga-Ural region in the Middle Ages*. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo. (Rus.).

Avizhanskaia, S.A., Bikbulatov, N.V., Kuzeev, R.G. (1964). *Decorative and applied art of the Bashkirs.* Ufa, 1964. (Rus).

Bikbulatov, N.V. (1996). R.G. Kuzeev — ethnologist, historian-orientalist, public figure. In: *Kuzeev Rail' Gumerovich: Bibliograficheskii ukazatel'*. Ufa: Gilem. 3–12. (Rus.).

Chernykh, A.V. (2002). *A methodological guide to the collection of field ethnographic material*. Perm'. (Rus.).

Galieva, F.G. (Ed.) (2019). *Documents and Materials on the History and Ethnography of Peoples of the South Urals*. *Vol. 3: Field Diaries of R.G. Kuzeev, 1952–1958*. Ufa: Pervaia tipografiia. (Rus.).

Kuzeev, R.G. (1954). *The tribal structure of the Bashkirs in the 18th century: PhD dissertation abstract*. Moscow. (Rus.).

Kuzeev, R.G. (1957). *Essays on the Historical Ethnography of the Bashkirs. Part. 1: The tribal organization of the Bashkirs in the XVII–XVIII centuries*. Ufa: Bashk. kn. izd-vo. (Rus.).

Kuzeev, R.G. (1971). *The Ethnic Composition, History of Settlement and Origin of the Bashkir People: (Historical and Ethnographic Study): Doctoral dissertation abstract.* Moscow. (Rus).

Kuzeev, R.G. (1974). *The Origin of the Bashkir People: The Ethnic Composition, the History of Settlement*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Kuzeev, R.G. (1992). *The Peoples of the Middle Volga Region and the Southern Urals. An Ethnogenetic View of History*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Kuzeev, R.G. (1997). Tamgas on Stones. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, (2), 77–83. (Rus.).

Kuzeev, R.G. (Ed.) (1968). *National Art of the Bashkirs: Album*. Leningrad: Sovetskii khudozhnik. (Rus.).

Maksimova, A.S. (2012). Analysis of field diaries in the context of the production of ethnographic texts. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, (1), 128–140. (Rus.).

Petrov, I.G. (2019). Rail Gumerovich Kuzeev's field diaries as a historical source, In: *Arkheografiia Iuzhnogo Urala: Materialy XIX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ufa: Mir pechati, 176–186. (Rus.).

Petrov, I.G. (2020a). Expedition routes of the scholar and ethnologist R.G. Kuzeev. *Izvestiia Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN*, (2), 72–82. (Rus). https://doi.org/10.31040/2222-8349-2020-0-2-72-82

Petrov, I.G. (2020b). The field diaries of the scholar-ethnologist R.G.Kuzeev and their significance for historical science. *Problemy vostokovedeniia*, (2). 35–41. (Rus.). https://doi.org/10.24411/2223-0564-202-10205

Petrov, I.G. (2022a). From the editor. In: I.G. Petrov (Ed.) *Documents and materials on the history and ethnography of the peoples of the South Urals*. *Vol. 5: Field Diaries of R.G. Kuzeev 1976–1982*. Ufa: Pervaia tipografiia, 4–23. (Rus.).

Petrov, I.G. (Ed.) (2022b). *Documents and materials on the history and ethnography of the peoples of the South Urals*. *Vol. 5: Field Diaries of R.G. Kuzeev 1976–1982.* Ufa: Pervaia tipografiia. (Rus.).

Sadikov, R.R. (Ed.) (2021). *Documents and materials on the history and ethnography of the peoples of the South Urals*. *Vol. 4: Field Diaries of R.G. Kuzeyev, 1959–1975.* Ufa: Dialog. (Rus.).

Ushakov, N.V. (2015). On the issue of archiving and publishing field ethnographic material. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 2, Istoriia*, (4), 113–124. (Rus.).

Yusupov, R.M., Shitova, S.N. (Comp.). (1999). *Ethnographic and anthropological research at the Institute of History, Language and Literature: Handbook*. Ufa. (Rus.).

Садиков Р.Р., https://orcid.org/0000-0003-4200-2568

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 05.12.2022
Article is published: 15.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде:

1) одного файла, включающего сведения об авторе (авторах), название статьи, аннотацию, ключевые слова, список сокращений, основной текст статьи со вставленными иллюстрациями, подрисуночными подписями, таблицами, названиями таблиц, библиографическим списком в формате *.rtf или *.doc (не в *.docx, чтобы избежать склеивания слов или искажения текста), озаглавленного по фамилии автора(ов) (Романов.doc; Романов и др.doc);

а) сведения об авторе(ах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи: строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия;

в) аннотация на русском языке **объемом не более 500 знаков:** необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы;

г) таблицы: представляются без разрывов при переходе с одной страницы на другую, должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

д) иллюстрации: должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.** В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями;

2) дополнительных файлов с иллюстрациями в форматах jpg, tiff, bmp (Романов.jpg, Романов_рис.1.tiff, Романов_рис.2.jpg);

3) файла со сведениями статьи на английском языке;

4) файла со списком возможных рецензентов;

5) одновременно с рукописью высылается заполненное автором/авторами авторское соглашение (публичная оферта).

Сведения статьи на английском языке должны содержать:

— ФИО авторов, место работы, адрес учреждения;

— Article title (название статьи);

— Summary (на русском и английском языках) объемом не менее 2000–2500 знаков с пробелами. Summary не является копией русскоязычной аннотации, должно включать указания: на географическую и хронологическую привязку исследований (если не указано в названии), цель исследования, материалы и источниковую базу, методы исследования, а также основные результаты и выводы. В скобках надо дать перевод на английский язык специфических терминов и названий (например, названия археологических культур, орудий, сырья, методов, технологий и т.д.);

— Keywords;

— Figure captions (подрисуночные подписи);

— Table giving the names (названия таблиц);

— Acknowledgements (благодарность за содействие и помощь в подготовке работы, а также спонсорам);

— Funding (сведения о финансировании проектов);

— References (список литературы на латинице).

При составлении References нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: http://www.ipdn.ru/rics/va. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для References) редакция отклоняет статью.

Список возможных рецензентов (не менее трех) — квалифицированных специалистов по тематике рецензируемых материалов, имеющих в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, должен содержать следующую информацию: ФИО рецензента полностью; место работы; ученая степень; e-mail. Возможные рецензенты не должны работать в одном учреждении с авторами статей.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625008, Тюмень, Червишевский тракт, 13, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии…» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи в одном текстовом файле на русском языке (включая аннотацию, основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список на русском языке, разделы «Благодарность», «Финансирование») не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». «Summary» и «References» не входят в этот объем, однако не должны превышать 10 тыс. знаков с пробелами. Статья должна содержать не более 5–6 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. **Рукописи объемом свыше 1 авт. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей не рассматриваются.**

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

7. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер**: **a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. URL: http://www.ipdn.ru/rics/va.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др*. или *et al*.)

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-I, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Jin Zh. Natural Science Research of Erlitou Bronze and Exploration of Xia Civilization // Cultural relics [文物], 2000. № 1. P. 56–69. (China).

(В иероглифике приводится лишь название журнала (сборника). Оно дается в квадратных скобках после перевода этого названия на английский.)

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. https://doi.org/10.1016/j.crpv.2014.06.004.

8. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции и издателя:
625008, Тюмень, ул. Червишевский тракт, 13, ТюмНЦ СО РАН
Тел. (345-2) 688-756; 688-768
Адрес сайта: http://www.ipdn.ru
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЖ — Антропологический журнал
АН СССР — Академия наук СССР
БГМУ — Белорусский государственный медицинский университет
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВОУНБ — Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.А. Бабушкина
ВСОИРГО — Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ВЭ — Вопросы эпиграфики
ГАГПИ — Горно-Алтайский государственный педагогический институт
ГАГУ — Горно-Алтайский государственный университет
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК
МАЕСВ — Материалы по археологии европейского Северо-Востока
МАЭ РАН — Музей археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НА РС(Я) — Национальный архив Республики Саха (Якутия)
НХМ РС(Я) — Национальный художественный музей Республики Саха (Якутия)
ОмГАУ — Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМАЭ — Сборник МАЭ АН СССР (РАН)
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
ТувИКОПР — Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН
УИВ — Уральский исторический вестник
ЭО — Этнографическое обозрение

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

16+

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 1 (60)

2023

Главный редактор
доктор исторических наук В.А. Зах

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	С.В. Святко

Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна

Дата выхода: 15.03.2023. Уч.-изд. л. 23,5. Объем 52 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции и издателя: 625008, Тюмень, Червишевский тракт, 13, тел. (3452) 688-756
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: http://www.ipdn.ru

ISSN 977-2071-0437-05

**Нож А (РГМА, № 0-3729), общий вид,
рендер трехмерной полигональной модели
(побережье залива Симса, море Лаптевых)**

**Нож А (РГМА, № 0-3729), развертка поверхности рукояти,
рендер трехмерной полигональной модели
(побережье залива Симса, море Лаптевых)**

Тюменский научный центр СО РАН
Подписной индекс 80385
ООО «Урал-Пресс-Округ»
+7 (343) 385-87-24